

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ

(к 160-летию судебной реформы и 80-летию Костромской области)

Сборник трудов
XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме

Всероссийская научно-практическая конференция

(12–13 декабря 2024 года, г. Кострома)

Кострома
КГУ
2025

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Костромской государственный университет

Костромской областной суд

«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА: ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ»

Сборник трудов
XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений
в Костроме

Всероссийская научно-практическая конференция
(к 160-летию судебной реформы
и 80-летию Костромской области)

(г. Кострома, 12–13 декабря 2024 года)

Текстовый электронный сборник на компакт-диске

Кострома
КГУ
2025

Титул | Сведения об издании | Выпускные данные | Содержание

УДК 34(0.034)
ББК 67я431я04
Ю701

Издается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Р е ц е н з е н т ы :
С. В. Андреев, председатель Костромского областного суда;
Н. Б. Жаров, президент адвокатской палаты Костромской области

Ю701 Юридическая наука и практика: от судебной реформы к цифровому праву (к 160-летию судебной реформы и 80-летию Костромской области) : сборник трудов XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (г. Кострома, 12–13 декабря 2024 года) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин, Л. А. Хлестакова ; отв. ред. Г. Г. Бриль. – Электронные текстовые, граф. дан. (4,3 МБ). – Кострома : Костромской государственный университет, 2025. – 400 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM), цв. – Систем. требования: ПК не ниже класса Pentium IV; 512 MB RAM; свободное место на HOB 1,5 ГБ; Windows XP с пакетом обновления 3 (P3) и выше; Acrobat Reader; интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 Мб; CB или BYB привод оптических дисков; экран с разрешением не менее 1024x768 пикс.; клавиатура; мышь. – Загл. с тит. экрана. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-8285-1332-1

Настоящий сборник составлен по итогам XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме «Юридическая наука и практика: от судебной реформы к цифровому праву (к 160-летию судебной реформы и 80-летию Костромской области)», которые состоялись 12–13 декабря 2024 года в г. Костроме. В сборнике трудов рассматриваются конституционные и правовые основы российской государственности; актуальные вопросы частного права, теории и практики современного судопроизводства, юридического образования, а также цифровые вызовы в современном государстве и обществе.

Адресован научным и педагогическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

УДК 34(0.034)
ББК 67я431я04

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. При перепечатке материалов сборника ссылка на сборник трудов обязательна.

ISBN 978-5-8285-1332-1
16+

© Костромской государственный университет,
2025, оформление

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 9

Акулов И. А. Некоторые вопросы полномочий органов местного самоуправления в области организации предоставления общедоступного и бесплатного общего образования 9

Быкова М. С. Деятельность прокуратуры по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 14

Былба Е. С. Нормативные основания деятельности церковного суда в соотношении с правовыми нормами 19

Джамалова С. Р., Заиграева А. А. Избирательное право и электоральные практики: анализ выборов Президента Российской Федерации 2024 года в контексте современных вызовов и тенденций 22

Зайцев Л. Н. Товарищ председателя Костромского окружного суда Павел Иванович Вальберг (к 160-летию принятия Судебных уставов) 28

Закомолдин Р. В. О конституционной природе воинской обязанности и уголовно-правовых мерах по обеспечению ее реализации 34

Кожин В. А. Особенности кадровой политики на муниципальной службе и ее правовое регулирование 37

Косолапова Е. А. Деформация профессионального правосознания судей: понятие, причины и формы проявления 41

Кузьмина Е. Н., Степанова Е. А. Личная подпись гражданина как обязательный реквизит паспорта 45

Макарова А. А., Смурова Н. Д. Миграция и интеграция: изменения в избирательном праве в связи с миграционными потоками и интеграцией мигрантов 50

Мордзенко Е. А., Сидоров А. Н., Орловская И. В. Проблемы правовой защиты Георгиевской ленты как символа воинской славы России 54

Нахмурова Е. И., Сиверская Л. А. Историко-правовые аспекты отечественного законодательства об апелляционных судах 60

Некрасов Г. И., Сидоров А. Н. Улучшение визового режима со странами Средней Азии 64

Парыгина А. Я. Проблемы становления гражданского общества 70

Погребняк Е. А., Васильева А. В. Историческая ретроспектива участия прокурора в гражданском процессе 74

Семенова И. Ю. Нормативные узаконения по охране детства и материнства в постреволюционной России и до начала Великой Отечественной войны ... 78

Сенчихин С. П. Роль институтов гражданского общества в обеспечении антиэкстремистской безопасности 83

Сорокина К. О., Евстегнеев А. С. Особенности квалификации преступлений по части 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ аналогичных положений уголовного законодательства Республик Беларусь и Казахстан 87
Титов Е. Е. Отдельные проблемы голосования и пути их решения 91
Тихомиров А. В., Бриль Г. Г. Проблемы реализации Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественными советами при органах внутренних дел..... 95
Удалихина А. В. Правовое обеспечение публичных интересов в законодательстве России и Германии 99
Челбаев Д. В., Пугина О. А. О закономерностях развития учений о правовой идеологии в контексте различных исторических эпох 103
Щерова Н. С. Освещение судебных процессов в отечественной периодической печати второй половины XIX века..... 108

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ 111

Березин С. А. Отдельные проблемы правового регулирования досрочного расторжения трудового договора футболиста-профессионала или тренера по инициативе клуба..... 111
Бучин А. В. Правовое регулирование защиты прав потребителей в сфере страхования 115
Вишнякова К. С. Проблемы института совладения товарными знаками в Российской Федерации и зарубежных странах 118
Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М. Самозанятость как инструмент правовой и экономической независимости: анализ современных тенденций..... 123
Тихомирова И. Е. Функциональное значение государственной регистрации прав на недвижимое имущество 129
Джафарова Г. Ш. Проблемы правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации..... 134
Дубинов Е. О. Проблемные аспекты реализации права на вознаграждение финансового управляющего в процедуре несостоятельности (банкротства) физических лиц..... 137
Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н., Петрина О. А. Семейное образование как правовая форма получения образования: проблемы и перспективы..... 142
Лазарева Ю. А. Правовое регулирование сложных объектов авторского права 146
Ланкова В. А., Васильева А. В. Сравнительный анализ семейного законодательства в части возрастных особенностей вступления в брак: международный и российский опыт 150

Луковникова С. А., Мельников И. Н. Договор франчайзинга в России 155
Людоговская Т. А. Роль прокурорского надзора в сфере выплаты заработной платы 158
Мельников И. Н., Шестерикова А. А. Отдельные вопросы государственной регистрации перехода права собственности на объекты недвижимого имущества, находящегося в совместной собственности супругов 162
Мехдиева Н. З., Кузьмина Н. В. Трансплантация и донорство органов и тканей человека в России и за рубежом: сравнительный анализ 166
Плюснина О. В., Безрукавая П. П. Некоторые аспекты толкования непоименованных договоров в индивидуально-правовом регулировании 170
Семеняк М. А., Васильева А. В. Проблемы использования материнского капитала в Российской Федерации 174
Слаутина А. А. Правовое регулирование предоставления косметологических услуг: проблемы лицензирования и пути их преодоления 179
Талицина Ю. В., Мельников И. Н. Актуальные проблемы правового регулирования численности объектов животного мира, отнесенных к охотничьим ресурсам 183
Хамзин Р. Х. Отдельные проблемы исполнения уголовного наказания для несовершеннолетних в виде лишения свободы 187
Царева П. С. Актуальные проблемы реализации института компенсации морального вреда в Российской Федерации 192
Шиманская Д. А. Анализ правового статуса человеческого эмбриона на примере законодательства Германии 196
Щавелкина М. А. Актуальные вопросы правового регулирования договора имущественного страхования 201

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 206

Аббасов Р. И. К вопросу о процессуальных особенностях рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке 206
Гусева Д. А., Евстегнеев А. С. Проблема снятия дисциплинарных взысканий, наложенных в следственном изоляторе, при удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания 210
Демин С. А., Сацык К. М. Уголовно-процессуальный статус присяжного заседателя: некоторые аспекты 214
Зиновьев А. В. Индивидуализированный характер принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве 218
Зудина Д. Ф., Мельников И. Н. Преступное сообщество как квалифицирующий признак в преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных препаратов 221

Иванова Е. С. Кузьмина Е. Н. Вынесение судами частных постановлений (определений) в адрес органов прокуратуры 224
Керимханов З. М., Евстегнеев А. С. К вопросу о разграничении умышленного причинения вреда здоровью и побоев, а также от смежных составов преступлений 228
Козырева А. А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за репосты экстремистского содержания 235
Козырева А. А., Палюлина И. А. Некоторые вопросы применения законодательства о противодействии экстремизму 238
Кокоринова Е. М., Евстегнеев А. С. Проблемы правового обеспечения, предупреждения правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними 241
Кузьмина Н. В., Тютюкин Д. А. К вопросу о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам 245
Ломтева Е. С., Яснева Е. В. К вопросу об опознании путем использования систем видео-конференц-связи при расследовании преступлений 250
Макарова А. А., Смурова Н. Д., Никитин В. В. Крупные налоговые преступления в Российской Федерации и проблемы борьбы с ними 254
Мельников И. Н., Гарбер Э. А. Отдельные вопросы организации судебных заседаний в арбитражных судах Российской Федерации с использованием видео-конференц-связи 260
Назаров И. А. Вопросы и проблемы применения части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации – малозначительности деяния, запрещенного уголовным законом 263
Салин С. Ю. Реализация процедуры допроса в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ 277
Серобаба И. А. Заключение прокурора в гражданском процессе: новое содержание и изменения в законодательстве 281
Соловьева А. Д., Кузьмина Е. Н. Актуальные проблемы разрешения споров родителей о детях 285
Сотников Э. А., Мельников И. Н. Отдельные вопросы компенсации судебных расходов в приказном производстве 289
Спирин А. В. О заключении прокурора в судебном производстве по уголовным делам 293
Толкачёва В. С. О допустимости сбора экспертом объектов экспертизы в уголовном судопроизводстве 297
Толкачёва В. С., Кузьмина Н. В. Правовой опыт производства судебной экспертизы в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект 301
Ушаков С. Д. Противодействие экономическим преступлениям в сфере налогообложения 306

Шигарев С. Ю. К вопросу о назначении наказания
в виде принудительных работ 310

**СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
(К 25-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)** 315

Виндилович Е. А. Проблемы и тенденции
в юридическом образовании сегодня 315
Жидкова Е. С., Емельянов А. А. Решение юридических казусов
как один из методов совершенствования навыков аргументации у курсантов
высших учебных заведений системы МВД в процессе проведения
практических занятий по учебной дисциплине «Гражданское право» 319
Руднов И. Е., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А. Практико-ориентированный
подход образовательного стандарта «Юриспруденция» 324
Скиба И. Г., Ткачева Е. А. К вопросу трансформации высшего образования
в условиях цифровизации 328

**СЕКЦИЯ 5. ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ
В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ** 333

Бриль Г. Г., Цветков Г. Ю. Отдельные проблемы правового регулирования
цифровых платформ 333
Верхотуров Д. С. Метавселенная и ее правовое регулирование 338
Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М. Проблемы и перспективы
развития дистанционной работы юридических клиник в городе Кострома ... 343
Гиринович К. Е. Концептуальная основа объектов
цифровых правоотношений 347
Калинина Е. А., Мельников И. Н. Проблемы использования
электронных доказательств в процессе доказывания
в гражданском процессе 352
Кистерева Ю. Е. Проблемы правового регулирования использования
и охраны изображения гражданина в цифровой среде 357
Клокова К. Д. Мошеннические схемы в информационном поле
и устранение неправомерных действий посредством
информационной безопасности. Явление OSINT и иных инструментов
в форензике 360
Колитова С. М. Защита прав несовершеннолетних в цифровой среде:
проблемы и пути к безопасности 364
Кравченко В. А., Сиверская Л. А. К вопросу использования
«искусственного интеллекта» следователем-криминалистом
в ходе расследования преступлений 368

Мельников И. Н., Журавлев К. А. Актуальные тенденции внедрения и развития цифровых инструментов в структуру государственного управления Российской Федерации 377
Мухин А. А., Григорьева М. А. О необходимости правового регулирования технологии блокчейн 382
Попов А. А. Распределение юридической ответственности между искусственным интеллектом и человеком в России 387
Руднов И. Е., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А. Некоторые вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в условиях трансформации общества в России 392
Цветков Г. Ю. Правовая природа цифровых платформ 396

СЕКЦИЯ 1

КОНСТИТУЦИОННЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 34.343

Акулов Иван Андреевич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Kuku5henok@yandex.ru

Некоторые вопросы полномочий органов местного самоуправления в области организации предоставления общедоступного и бесплатного общего образования

В статье рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием у органов местного самоуправления городских и сельских поселений полномочий по решению вопросов местного значения в области организации предоставления общедоступного и бесплатного образования. Анализируются нормативно-правовые акты, содержащие нормы об образовании. Подчеркивается необходимость наделения органов местного самоуправления городских и сельских поселений полномочиями в решении вопросов местного значения в области организации предоставления образования. Автором делается вывод о необходимости внесения изменений в Закон об образовании Российской Федерации и в Закон об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: *городские и сельские поселения, закон об образовании, закон об общих принципах организации местного самоуправления, муниципальные образования, полномочия.*

Akulov Ivan Andreevich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Some issues of the powers of local government bodies in the field of organizing the provision of public and free general education

The article discusses the problems associated with the lack of authority of local governments of urban and rural settlements to address issues of local importance in the field of organizing the

© Акулов И. А., 2025

provision of public and free education. The normative legal acts containing norms on education are analyzed. The need to empower local self-government bodies of urban and rural settlements in solving issues of local importance in the field of organizing the provision of education is emphasized. The author concludes that it is necessary to amend the Law on Education of the Russian Federation and the Law on the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation.

Keywords: *urban and rural settlements, the law on education, the law on the general principles of the organization of local self-government, municipalities, powers.*

Образование является одним из главных социальных институтов в жизни человека. Оно удовлетворяет потребности общества в передаче и сохранении знаний и является необходимым условием для социализации личности в обществе, способствует ее формированию, росту. Будущее любого региона нашей страны зависит от уровня знаний его населения. Соответственно развитию образования уделяется повышенное внимание на всех уровнях власти – государственной, региональной и муниципальной. На местные власти ложится самая большая и ответственная нагрузка в этой системе, поскольку они ближе всех представителей власти к народу. Кроме того, законодателем организация предоставления общедоступного, бесплатного дошкольного, общего и дополнительного образования возложена на органы местного самоуправления. Однако в их деятельности, как показывает практика, возникает много проблем. Во многих отдаленных уголках нашей страны школы, а также центры дополнительного образования могут находиться только в районных центрах. Из-за недостаточного финансирования, неорганизованности, а иногда и неспособности решать самостоятельно проблемы самих органов муниципального образования зачастую невозможно приобретение новых образовательных технологий, привлечение к работе квалифицированных специалистов, создание условий для гармоничного развития детей и так далее. Все это приводит к тому, что деятельность муниципальных органов в сфере образования ограничена, а конституционные права детей на образование в нашей стране подвергаются уязвимости. Как уже было отмечено выше, органы местного самоуправления выполняют основной объем работы по организации предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципального образования, а также по организации отдыха детей в каникулярное время, создавая тем самым условия для реализации гражданами такого фундаментального социального права, как право на образование.

На сегодняшний день актуальной является проблема нереализации в полном объеме компетенций органов местного самоуправления из-за невозможности отдельных муниципальных образований самостоятельно решать определенные вопросы в сфере образования, в связи с отсутствием у городских и сельских поселений полномочий по решению вопросов местного значения в области организации предоставления общедоступного и бесплатного образования. Р. Ф. Туровский и О. В. Василенко предлагают решать указанные проблемы посредством наделения городских и сельских поселений полномочиями в реше-

нии вопросов местного значения в области организации предоставления образования [6].

Так, согласно ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ни к вопросам местного значения, ни к полномочиям муниципальных образований в виде городского, сельского поселения вопросы образования на территории этого образования законодатель не относит. Максимум, что законодатель возлагает на городские и сельские поселения, это организацию досуга и услуг организаций культуры, спорта, проведения физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий поселения, мероприятий по работе с детьми и молодежью; а на городские поселения, – еще и организацию библиотек.

Полагаем, рациональное зерно в предложении Р. Ф. Туровского и О. В. Василенко есть. К примеру, в систему образования Костромской области входят 253 муниципальных общеобразовательных учреждения, из которых 81 расположено в городской местности, 172 – в сельской местности, 221 муниципальное дошкольное учреждение, из которых 145 расположены в городской местности, 76 – в сельской местности, 48 организаций дополнительного образования, из которых 36 расположены в городской местности, 12 – в сельской местности [4].

Так, например, Судиславль – поселок городского типа, административный центр Судиславского района Костромской области России, который образует городское поселение с населением в 4158 человек. В состав района входит городское поселение п. Судиславль и 3 сельских поселения. Поселок находится в 50 километрах от г. Костромы – административного центра Костромской области [2].

Обеспечение образования в Судиславском районе, и в том числе в п. Судиславле, возложено на отдел образования администрации Судиславского муниципального района Костромской области. Образование организовано в 9 дошкольных учреждениях в районе, в 3 – в п. Судиславле, в 8 общеобразовательных школах в районе, в 1 такой школе в п. Судиславле и в 2 учреждениях дополнительного образования в п. Судиславле, т. е. всего в 23 образовательных учреждениях. При этом только в Судиславской общеобразовательной школе обучается более 900 человек, которых обучают 58 педагогов [3]. Однако полномочия органов местного самоуправления Судиславского сельского поселения Судиславского муниципального района Костромской области на эти учреждения не распространяются; организация предоставления образования в п. Судиславле на них не возложена [5]. Между тем, коммунальные платежи и расходы на содержание зданий образовательных учреждений Судиславского сельского поселения лежат на бюджете указанного муниципального образования. И похожая ситуация в других муниципальных образованиях регионов нашей страны.

Указанное обстоятельство также подтверждается и судебной практикой. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 года по делу

№ 18-КГ23-195-К4 указано, что в сфере деятельности, являющейся предметом рассмотрения спора, именно администрация муниципального образования Крымский район, осуществляющая полномочия собственника муниципального имущества, как главный распорядитель средств муниципального бюджета производит материально-техническое обеспечение деятельности муниципальных образовательных учреждений [1].

Соответственно, считаем, что городские и сельские поселения должны также наделяться собственными полномочиями в решении вопросов местного значения в области организации предоставления общедоступного и бесплатного общего образования, за исключением полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса, отнесенных к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также в организации предоставления дополнительного образования детям в муниципальных учреждениях и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципалитета, а также организации отдыха детей в каникулярное время. Вместе с тем предоставление таких полномочий должно быть дифференцированным и осуществляться в зависимости от экономических возможностей конкретного муниципального образования.

В соответствии со ст. 131 Конституции Российской Федерации местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. Так, частью 1 ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» установлено, что к видам муниципального образования относится также городское или сельское поселение, при этом в ст. 9 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» указанный вид муниципального образования не поименован, соответственно и полномочия органов местного самоуправления в сфере образования на него не распространяются. Считаем это определение требующим доработки. Соответственно, проблему нереализации в полном объеме компетенций органов местного самоуправления из-за невозможности отдельных муниципальных образований самостоятельно решать определенные вопросы в сфере образования в связи с отсутствием у городских и сельских поселений полномочий по решению вопросов местного значения в области организации предоставления общедоступного и бесплатного образования предлагаем решить путем внесения изменений в текст ст. 9 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ. В связи с чем считаем возможным в ст. 9 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» текст: «муниципальных районов, муниципальных округов и городских округов» заменить на текст: «муниципальных образований».

Также проблему отсутствия у органов местного самоуправления городских и сельских поселений полномочий по решению вопросов местного значения в области организации предоставления общедоступного и бесплатного образования предлагаем решить путем наделения городских и сельских поселений

полномочиями в решении вопросов местного значения в области организации предоставления образования. В связи с чем считаем возможным ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дополнить пунктом 11.1 следующего содержания: «организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях (за исключением полномочий по финансовому обеспечению реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами), организация предоставления дополнительного образования детей в муниципальных образовательных организациях (за исключением дополнительного образования детей, финансовое обеспечение которого осуществляется органами государственной власти субъекта Российской Федерации), создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях, а также осуществление в пределах своих полномочий мероприятий по обеспечению организации отдыха детей в каникулярное время, включая мероприятия по обеспечению безопасности их жизни и здоровья».

На основании изложенного считаем, что предложение по внесению изменений в ст. 9 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ позволит определить, что полномочия органов местного самоуправления в решение вопросов местного значения в сфере образования распространяются на все виды муниципальных образований, включая городское или сельское поселение, следовательно, отдельные муниципальные образования в виде городских и сельских поселений также смогут самостоятельно решать определенные вопросы в сфере образования.

Предложение о дополнении ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ п. 11.1, по нашему мнению, расширит компетенции муниципальных органов городских и сельских поселений и даст им возможность получить полномочия по организации предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях (за исключением полномочий по финансовому обеспечению реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами), создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях, а также осуществление в пределах своих полномочий мероприятий по обеспечению организации отдыха детей в каникулярное время, включая мероприятия по обеспечению безопасности их жизни и здоровья, а также обеспечит возможность самим регулировать рассматриваемую сферу, а в ходе реализации соответствующих компетенций инициировать те или иные варианты решения проблем, совместного с федеральными и региональными властями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. по делу № 18-КГ23-195-К4 // ГАС РФ «Правосудие». URL: https://bsr.sudrf.ru/ (дата обращения: 21.10.2024).

2. О районе/городе // Администрация Судиславского муниципального района. URL: https://sudislavl.kostroma.gov.ru/munitsipalitet/ (дата обращения: 29.10.2024).

3. Отчет о результатах самообследования Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения Судиславская средняя общеобразовательная школа Судиславского муниципального района Костромской области, утвержденный директором МБОУ Судиславская СОШ О. В. Копыловой 12.04.2024, согласованный педагогическим советом МБОУ Судиславская СОШ (протокол от 12.04.2024 № 7) // МБОУ Судиславская СОШ. URL: https://www.eduportal44.ru/Sudislavl (дата обращения: 29.10.2024).

4. Паспорт образовательной системы: Итоговый отчет департамента образования и науки Костромской области о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2021 год // Департамент образования и науки Костромской области. URL: https://don.kostroma.gov.ru (дата обращения: 29.10.2024).

5. Полномочия органов местного самоуправления // Администрация Судиславского муниципального района. URL: http://sydislavadm.ru/ (дата обращения: 29.10.2024).

6. Туровский Р. Ф., Василенко О. В. Актуальное состояние и перспективы развития внутригородского местного самоуправления в больших городах // Регионология. 2019. № 1. С. 100–120.

УДК 342.7

Быкова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерации
marbyk@bk.ru

Деятельность прокуратуры по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Автор исследует основные направления прокурорской деятельности по противодействию преступлениям, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: *преступления, информационно-коммуникационные технологии, прокурорская деятельность, прокурорский надзор.*

© Быкова М. С., 2025

Bykova Maria Sergeevna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prosecutor's activities of fighting crimes in the sphere of information and telecommunication technologies

The author explores the instruments of prosecutor's activities in the sphere of fighting crimes, connecting information and telecommunication technologies
Keywords: *crime, information and telecommunication technologies, prosecutor's activities, prosecutor's supervision.*

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2024 году 40 % преступлений были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – преступления в сфере ИТТ). Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких составов – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году общего числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 % [1].

Только каждое четвертое такое преступление удается раскрыть, а соответственно, и возместить причиненный вред от преступлений.

Как было отмечено на заседании Координационного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации, состоявшемся 10.10.2024 по вопросу: «О результатах работы по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации», проблемы противодействия преступлениям, связанным с использованием телекоммуникационных средств связи и IT-технологий, в настоящее время приобрели глобальный характер. Противоправная деятельность в этой области сопряжена с постоянным возникновением новых способов совершения деликтов, расширением возможностей обширного охвата потерпевших и обеспечения анонимности злоумышленников.

Как и всякая государственная деятельность, прокурорская деятельность незамедлительно реагирует на новые процессы и явления в общественной жизни, тем более, приобретающие характер противоправных, разрабатывая новые формы и методы выявления нарушений, их пресечения и предупреждения.

Научные исследования, посвященные вопросам противодействия преступлениям с использованием ИТТ, касаются главным образом механизмов совершения преступных посягательств, их выявления, характеристик составов преступлений и предмета доказывания [2].

Представляется, что назрела необходимость дать характеристику специфическим особенностям прокурорской деятельности по противодействию преступлениям в сфере ИТТ в целом, выделяя факторы, которые ее обусловливают, основные формы осуществления и пути повышения ее эффективности.

В настоящее время содержание прокурорской деятельности определяют, на наш взгляд, следующие основные обстоятельства:

1. Многообразие поднадзорных объектов и широкие пределы предмета надзорной деятельности.

Действительно, в силу проникновения преступных посягательств, как уже упоминалось, во все сферы жизни общества, сфера надзорной деятельности прокуроров и массив законодательства, исполнение которого данными объектами следует оценивать, чрезвычайно широки: от операторов сотовой связи до кредитных учреждений, от территориальных правоохранительных органов до Роскомнадзора и Росфинмониторинга.

2. Необходимость овладения прокурором и постоянного повышения уровня своих компетенций в сфере цифровых технологий.

Чтобы бороться с явлением, нужно знать, по крайней мере, механизм его функционирования и способы воздействия на него.

При осуществлении своей деятельности, которая хоть и ограничена предоставленными законом полномочиями, прокуроры постоянно используют новые формы и методы выявления нарушений. Особенности имеет и порядок применения мер прокурорского реагирования.

Например, осуществление мониторинга интернет-ресурсов на предмет выявления запрещенной к распространению информации требует от прокуроров наличия навыков работы в социальных сетях, мессенджерах, на сайтах, выполнение скриншотов страниц, содержащих соответствующую информацию, которые будут впоследствии использоваться в качестве доказательств в суде. Решению вопроса о предъявлении заявления об ограничении распространения соответствующей информации в сети «Интернет» должна предшествовать проверка данного ресурса на предмет нахождения в реестре запрещенных во избежание дублирования меры реагирования, например, разными прокурорами.

Отметим, что требование о повышении квалификации прокурорскими сотрудниками по вопросам реализации своих полномочий в условиях цифровой экономики закреплено в качестве одной из основных задач в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627 [3].

3. Повышение значения работы прокурора по правовому просвещению.

Правовая неграмотность населения, стремление к получению быстрых «легких» денег, не задумываясь о последствиях, нередко толкает людей на участие в преступной деятельности. Особую обеспокоенность вызывают темпы роста числа несовершеннолетних, вовлекаемых в подобные преступления (например, дистанционное привлечение их в качестве наркокурьеров, использование в мошеннических схемах с банковскими картами и др.).

Прокуроры совместно с другими заинтересованными правоохранительными органами, органами власти, кредитными учреждениями проводят мероприятия по повышению так называемой финансовой киберграмотности населения, информируя о схемах, способах, которые используются злоумышленниками при совершении преступлений путем выступления в трудовых коллективах,

образовательных и культурных учреждениях, в радио- и телепередачах, разъясняя основания и размер ответственности за участие в совершении подобных деяний. Такая деятельность в настоящее время становится частью рабочих буден прокурора и приносит определенные положительные результаты.

Говоря о направлениях работы прокурора по противодействию преступности в сфере ИТТ, будем исходить из легальных определений понятия «противодействие», которые подразумевают как предупреждение, так и собственно борьбу с явлением и его последствиями [4; 5].

Центральное место в предупреждении преступности в сфере ИТТ занимает прокурорский надзор за исполнением федерального законодательства, в рамках которого прокурорами реализуются полномочия по выявлению нарушений, касающихся незащищенности объектов критической инфраструктуры, пресечения распространения в сети «Интернет» негативной информации, привлечению к ответственности операторов сотовой связи и их дилеров за нарушения порядка реализации сим-карт, за пропуск криминальных звонков с использованием «подменных номеров» и др. Выявление и пресечение подобных нарушений на ранней стадии позволяет им не перерасти по своей степени общественной опасности в преступления либо предупредить совершение новых.

На переднем крае борьбы с преступностью находится прокурорский надзор за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью, в рамках которого прокуроры принципиально реагируют на факты ненадлежащей работы правоохранительных органов по установлению похищенного имущества, имущества, на которое можно наложить арест, непринятия мер по наполнению подсистемы «Дистанционное мошенничество» ПТК «ИБД-Ф» объектами учета (что позволяет установить серийность, длительность, трансграничность преступных посягательств), неустановления доменных имен, IT-ресурсов и их владельцев, банковских счетов и их владельцев и др.

При этом особое значение приобретает настойчивость прокуроров в вопросах применения правоохранительными органами мер процессуального принуждения, связанных с наложением ареста на денежные счета, находящиеся на счетах лиц, предоставивших свои электронные средства платежа для осуществления неправомерных операций (так называемых дропов, дропперов), и мер по возврату похищенных финансовых активов.

Особое место в данном механизме принадлежит координационной деятельности прокурора, осуществляемой в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» и утвержденным им Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью [6]. Прокурор по результатам проведенного анализа состояния преступности и результатов работы правоохранительных органов вправе инициировать координационное совещание руководителей правоохранительных органов (в зависимости от уровня – правоохранительных органов Российской Федерации или субъекта Российской Федерации) с рассмотрением на нем проблемных вопросов и выработкой совместно с другими участниками обязательных для исполнения всеми участниками мероприятий.

Прокурорами используются и иные формы координационной деятельности. Так, в целях повышения эффективности расследования уголовных дел о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, восстановления нарушенных прав граждан, во исполнение плана основных мероприятий по координации деятельности правоохранительных органов Ярославской области по борьбе с преступностью прокуратурой Ярославской области совместно с УМВД России по Ярославской области, а также СУ СК России по Ярославской области 18.10.2024 издано указание «Об организации взаимодействия в целях документирования, раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», которым органам предварительного расследования предписано принимать незамедлительные меры к наложению ареста на счета, на которые поступили денежные средства от потерпевших. Этим же документом прокуроры ориентированы на использование полномочий по судебной защите граждан, не способных по уважительным причинам самостоятельно обращаться в суд за защитой нарушенных прав.

Работа по защите прав потерпевших от преступных посягательств, в первую очередь, мошенничеств, осуществляется в рамках участия прокурорами в рассмотрении судами гражданских дел.

За последние два года в целом по стране значительно активизирована исковая работа прокурора по возмещению ущерба, причиненного государству в результате преступлений с использованием IT-технологий, а также по судебной защите прав и интересов граждан, пострадавших от дистанционных мошенничеств. По искам прокуроров в порядке ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации взыскивались причиненный ущерб и неосновательное обогащение «дропов», признавались недействительными договоры кредитования, заключенные под влиянием обмана. Всего направлено свыше 2 тыс. таких исков.

Говоря о тенденциях, которые, по всей видимости, будут определять прокурорскую деятельность на данном направлении в ближайшее время, следует вести речь о продолжении работы по правовому просвещению населения, использовании всех механизмов защиты прав потерпевших от преступных посягательства и расширении форм и методов противодействия прокурорами в рамках надзорных полномочий неправомерному доступу злоумышленников к информации о персональных данных граждан (в том числе на маркет-плейсах, в кредитных организациях и др.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. URL: https//мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 14.02.2025).

2. Захаренко О. И. Возможности повышения эффективности борьбы с преступлениями, совершаемыми в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Законность. 2024. № 9. С. 56–58.

3. Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года : утв. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.02.2025).

4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.09.2024).

5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.02.2025).

6. Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (вместе с «Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью»). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 14.02.2025).

УДК 348.01/.07

Былба Евгения Сергеевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
burckova.jenya@yandex.ru

Нормативные основания деятельности церковного суда в соотношении с правовыми нормами

В статье дается правовой анализ деятельности церковного суда, проводится его соотношение с светскими правовыми нормами. Выделяются и описываются характерные особенности решений церковного суда, определяется их место в правоприменительной практике, указывается на их особое значение в контексте взаимодействия с современными правовыми нормами. Особое внимание автор уделяет вопросу разделения церкви и государства, что является важным для обеспечения плюрализма. В заключении автор приходит к выводу, что для создания более устойчивой правовой среды, необходим эффективный диалог между государственными и церковными инстанциями, где ценности обеих сфер найдут свое место без ущемления прав граждан и соблюдения свободы вероисповедания.

Ключевые слова: *церковный суд, церковное право, разделение церкви и государства, светские правовые нормы, решения церковного суда.*

Bylba Evgeniya Sergeevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The normative foundations of the activity of the ecclesiastical court in relation to legal norms

The article provides a legal analysis of the activities of the ecclesiastical court, its correlation with secular legal norms is carried out. The characteristic features of ecclesiastical court decisions are highlighted and described, their place in law enforcement practice is determined, and their special importance in the context of interaction with modern legal norms is indicated. The au-

© Былба Е. С., 2025

thor pays special attention to the issue of separation of church and state, which is important for ensuring pluralism. In conclusion, the author concludes that in order to create a more stable legal environment, an effective dialogue between state and church authorities is necessary, where the values of both spheres will find their place without infringing on the rights of citizens and respect for freedom of religion.

Keywords: *ecclesiastical court, ecclesiastical law, separation of church and state, secular legal norms, decisions of the ecclesiastical court.*

Церковный суд – это специализированное учреждение в рамках церковного права, наделенное уникальными полномочиями рассматривать и разрешать религиозные и церковные споры [1]. Структура и функции таких судов могут различаться в зависимости от традиций и практики конкретной Поместной Церкви, но их основные характеристики и цели в целом постоянны.

Церковные суды играют ключевую роль в обеспечении внутренней дисциплины в религиозных общинах. Они помогают поддерживать духовные нормы и ценности, устанавливаемые церковными учениями. Эти суды рассматривают дела, связанные с нарушениями канонического права, помогают разрешать конфликты между членами общины, а также проводят разбирательства по вопросам, касающимся поведения священнослужителей.

Суд действует в рамках канонического права, которое может охватывать священные тексты и решения предыдущих церковных соборов и авторитетных канонов.

Решения церковного суда, представляющие собой отдельный сегмент правоприменительной практики, имеют особое значение в контексте взаимодействия с современными правовыми нормами. Они формируют уникальную правовую систему, основанную на религиозных, моральных и этических принципах.

Принцип разделения церкви и государства основывается на идее, что религиозные институции и светская власть должны функционировать независимо друг от друга. Это разделение гарантирует, что церковные суды могут принимать решения по вопросам, касающимся внутренней жизни религиозной общины, без внешнего давления со стороны государства.

Светские правовые системы не обязываются признавать решения церковных судов, что позволяет избежать конфликтов между религиозными и светскими законами. Это также создает пространство для свободы вероисповедания, позволяя различным религиозным общинам управлять своими внутренними делами по собственным принципам и традициям.

Разделение церкви и государства важно для обеспечения плюрализма, позволяя различным религиям сосуществовать в рамках одного общества без страха перед вмешательством или дискриминацией со стороны государства. Такое разделение также укрепляет демократические ценности, гарантируя права граждан на свободу совести и вероисповедания. Каждый имеет право выбирать свою религию или, наоборот, не исповедовать никакой веры. Это создает пространство для разнообразия мнений и убеждений, в результате чего общество становится более открытым и толерантным.

По сути, решения церковного суда могут служить инструментом разрешения внутренних споров в рамках религиозной общины, что способствует поддержанию порядка и духовных ценностей. Однако возникают сложности при наличии конфликтов с государственными нормами, особенно в аспектах, касающихся прав человека, семейных отношений и собственности.

Важно отметить, что церковные суды действуют в рамках своих полномочий, уважая правовые ограничения светской юрисдикции. Они не вмешиваются в уголовные дела или вопросы, регулируемые государственными законами, что позволяет им функционировать в согласии с общественными нормами. Таким образом, церковные суды способствуют укреплению моральных устоев и разрешению конфликтов на уровне общины, сохраняя при этом гармонию с внешней правовой системой. Это балансирование между духовными обязанностями и светскими реалиями позволяет церкви сохранять свою автономию, а также обеспечивает защиту прав и интересов всех ее членов.

С точки зрения светского права, легитимность церковных решений подтверждается следующим:

– соблюдение внутренних церковных правил и норм: церковные суды осуществляют свою деятельность в пределах своих собственных правовых и нормативных рамок. Эти решения действительны и подлежат исполнению в церкви;

– уважение принципа разделения церкви и государства: церковные решения признаются государственной властью, если они не противоречат светским законам. Принцип разделения гарантирует, что религиозные дисциплинарные меры ограничиваются лишь религиозным контекстом, имеют силу только внутри религиозной организации, не имеют государственного санкционирования [2].

Церковные суды, выполняя функции разрешения споров в рамках религиозной организации, имеют свою уникальную правовую природу и структуру. Они часто структурированы иерархически, имея различные уровни апелляционных инстанций, что схоже со светской судебной системой. Процессуальные нормы, регулирующие действия церковных судов, включают специфические требования, такие как заседания, слушания и возможность обжалования решений внутри церковного контекста.

Однако ключевое отличие заключается в том, что решения церковных судов действуют исключительно в пределах церковного права и имеют обязательную силу только для членов данной религиозной организации. Эти решения не подлежат исполнению в рамках светского законодательства. Таким образом, взаимодействие между церковными и светскими системами осуществляется в форме параллельного существования, без юридической перекрестности. Например, вопросы, касающиеся церковных браков, решаются только внутри церковного суда, в то время как светские суды занимаются вопросами, связанными с гражданскими правами и законами.

Так, проводя сопоставление деятельности церковного суда со светской правовой системой, мы видим, что хотя церковный суд имеет общие черты с государственными судами (иерархическая структура, процессуальные нормы),

они распространяют свое действие исключительно в рамках религиозной организации. Решения церковных судов имеют силу только в сфере церковного права и не пересекаются с светским законодательством.

Таким образом, церковный суд представляет собой специализированный орган, действующий в рамках церковного права и обладающий уникальными полномочиями по разрешению религиозных и церковных споров. Современные правовые системы, как правило, основываются на принципах равенства, справедливости и правовой определенности. Поэтому важно учитывать не только духовные, но и юридические аспекты при рассмотрении решений церковного суда. Эффективный диалог между государственными и церковными инстанциями способен создать более устойчивую правовую среду, где ценности обеих сфер найдут свое место без ущемления прав граждан и соблюдения свободы вероисповедания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боровой Д. Д. Каноническое (церковное) право как нормативная система социально-правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 178 с.

2. Гаранова Е. П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 241 с.

УДК 342.8

Джамалова Сабина Расуловна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
dsr.16.04.2005@gmail.com

Заиграева Анастасия Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
zaigraevaanastasia14082004@gmail.com

Избирательное право и электоральные практики: анализ выборов Президента Российской Федерации 2024 года в контексте современных вызовов и тенденций

Статья посвящена основным аспектам избирательного права и электоральных практик на выборах Президента Российской Федерации в 2024 году. Авторы анализируют выборы Президента Российской Федерации 2024 года в контексте современных вызовов и тенденций. Актуальность исследования обусловлена современными вызовами, такими как цифровизация избирательного процесса, изменения в законодательстве и социальные тенденции, влияющие на электоральное поведение граждан. Особое внимание уделяется право-

© Джамалова С. Р., Заиграева А. А., 2025

вым аспектам, связанным с соблюдением прав избирателей, которые относятся к маломобильной группе населения.

Ключевые слова: *выборы, голосование, дистанционное электронное голосование, доступность выборов, цифровизация.*

Jamalova Sabina Rasulovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Zaigraeva Anastasia Alekseevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Electoral law and electoral practices: analysing the 2024 Presidential Elections of the Russian Federation in the context of modern challenges and trends

This article is devoted to the main aspects of electoral law and electoral practices in the presidential elections of the Russian Federation in 2024. The authors analysed the presidential elections of the Russian Federation in 2024 in the context of modern challenges and trends. The relevance of the research is due to modern challenges, such as the digitalization of the electoral process, changes in legislation and social trends affecting the electoral behaviour of citizens. Special attention was paid to legal aspects related to the observance of the rights of voters who belong to a low-mobility group of the population.

Keywords: *elections, voting, remote electronic voting, election accessibility, digitalization.*

Современные выборы играют ключевую роль в демократических процессах, и выборы Президента Российской Федерации в 2024 году не являются исключением. Они представляют собой важный этап в развитии политической системы Российской Федерации.

В условиях глобальных изменений, экономических вызовов и социальных преобразований, анализ электоральных практик позволяет понять, как эти изменения влияют на политическую жизнь в Российской Федерации. Изучение факторов, влияющих на явку, а также изменение общественного мнения о выборах, политических партиях и кандидатах также является важной задачей для понимания электорального поведения избирателей.

Необходимо отметить, что технологические новшества кардинально меняют способы взаимодействия между избирателями и кандидатами.

В период с 15 по 17 марта 2024 года состоялись восьмые выборы Президента Российской Федерации. Решение о проведении трехдневного голосования приняла Центральная избирательная комиссия РФ (далее – ЦИК РФ). Необходимо отметить, что впервые подобный формат проведения выборов применяли во время пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) для обеспечения безопасности избирателей. Э. А. Памфилова отмечала, что такой формат приемлем для большинства россиян, что подтверждается статистическими данны-

ми: по данным ВЦИОМа, удобство голосования в течение трех дней признали 74 % россиян [1].

25 февраля 2024 года в России стартовало досрочное голосование на выборах Президента Российской Федерации, которое завершилось 14 марта 2024 года При этом избиратели в период с 29 января по 11 марта 2024 года могли выбирать удобный для них участок для голосования с помощью механизма «Мобильный избиратель». Для этого необходимо было заранее подать заявление в территориальную комиссию, в МФЦ или в электронном виде через портал Госуслуги. Также была предусмотрена возможность личного обращения в участковую избирательную комиссию с заявлением в период с 6 по 11 марта 2024 года. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что внедрение информационных технологий существенно упростило процедуру голосования и, тем самым, позволило большому количеству избирателей принять участие в голосовании.

Как отмечают Г. Р. Камалова и М. И. Сафин, в ходе президентских выборов 2024 года был применен механизм «Мобильный избиратель», который успешно себя зарекомендовал еще в ходе выборов глав субъектов РФ и депутатов законодательных собраний 10 сентября 2017 года в 20 регионах РФ, в том числе и в Ярославской области [2, с. 21]. Механизм заменил открепительные удостове рения и позволил увеличить число желающих участвовать в выборах граждан. Механизм «Мобильный избиратель» позволил гражданам Российской Федерации проголосовать на любом удобном им избирательном участке или дистанционно с условием, что дистанционное электронное голосование было предусмотрено в регионе избирателя, предварительно подав заявление в установленные сроки.

В 29 регионах России на выборах Президента Российской Федерации прошло дистанционное электронное голосование. Например, в Москве онлайн-голосование прошло на отдельной московской платформе, а в остальных регионах дистанционное электронное голосование применялось на федеральной платформе. ЦИК РФ принял решение о формировании территориальной избирательной комиссии дистанционного электронного голосования.

Стоит отметить, что в разное время и на разных уровнях дистанционное электронное голосование выборов уже применяли в 30 российских регионах. Однако некоторые регионы решили отказаться от подобного формата и предпочли традиционный формат выборов.

21 марта 2024 года ЦИК РФ опубликовала данные по результатам президентских выборов в России, по итогам которых Владимир Владимирович Путин переизбран на должность Президента РФ в пятый раз, набрав 87,28 % голосов, на втором месте – Николай Харитонов (КПРФ), набравший 4,31 %, на третьем – Владислав Даванков («Новые люди»), набравший 3,85 %, на четвертом – Леонид Слуцкий (ЛДПР) – 3,20 % [3]. В голосовании приняли участие более 87,5 млн граждан Российской Федерации, а окончательная явка составила 77,49 % [3]. Председатель ЦИК РФ Э. А. Памфилова отметила, что это была «рекордная явка в новейшей истории» страны [4], что подчеркивает значимость проходивших выборов. Также стоит отметить, что указание на высокую явку свидетельствует о повышенной политической вовлеченности населения, что

может быть результатом актуальных социальных и экономических вопросов, которые непосредственно волнуют избирателей.

Необходимо обозначить проведение голосования в четырех новых регионах – Донецкой и Луганской Народных Республиках, Запорожской и Херсонской областях, где было введено военное положение. В этих регионах дистанционное электронное голосование на выборах Президента Российской Федерации не применялось. Вместе с тем, традиционные методы голосования были сохранены. Однако из-за соображений безопасности действовали особые условия, например, возможность перемещения всей документации в помещение территориальной избирательной комиссии или иное безопасное помещение. Также ЦИК РФ оставил за собой право по мере продвижения к президентским выборам как приостанавливать избирательные действия в районах четырех новых регионов Российской Федерации, так и возобновлять их.

Также необходимо упомянуть про организацию видеонаблюдения на избирательных участках. Хоть это и не новшество, однако с помощью камер видеонаблюдения можно зафиксировать нарушения, например, факт вброса бюллетеней.

Одним из новых форматов цифрового общества является применение электронных урн для голосования – комплекс обработки избирательных бюллетеней (далее – КОИБ). Андрей Семенов, руководитель информационного центра Избирательной комиссии Костромской области, отмечал: «В 2018 году было использовано 66 КОИБ. В 2024 году на выборах Президента России уже использовалось 106 комплексов. Использование данных комплексов позволило намного сократить время подведения итогов и полностью исключить человеческий фактор при подсчете голосов». Из этого можно сделать вполне логичный вывод о том, что данный формат зарекомендовал себя с положительной стороны и будет использоваться в дальнейшем [5].

Также были предусмотрены и возможности голосования для избирателей со слабым зрением и слепых – были определены 5 специализированных участков в городах: Уфе, Стерлитамаке и Белебее [6]. Однако данный формат требуется и в других регионах Российской Федерации, так как людей, которые страдают слабым зрением и слепотой, достаточно много, что подтверждают статистические данные: так, например, по данным на конец 2023 года в Российской Федерации число инвалидов по зрению составляет почти 450 тысяч человек [7]. Возникает вопрос, как же решалась данная проблема в других субъектах Российской Федерации, где не было специализированных участков?

Согласно ч. 10 ст. 69 Федерального Закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» [8] избиратель, который не может самостоятельно расписаться в получении избирательного бюллетеня или заполнить избирательный бюллетень, вправе воспользоваться для этого помощью другого избирателя, не являющегося членом избирательной комиссии, зарегистрированным кандидатом, его доверенным лицом либо уполномоченным представителем по финансовым вопросам, уполномоченным представителем или доверенным лицом политической партии, выдвинувшей зарегистрированного кандидата, наблюдателем, иностранным (международным) наблюдателем. В та-

ком случае избиратель устно извещает избирательную комиссию о своем намерении воспользоваться помощью другого лица. В законе нет четкой формулировки о том, по какой причине избиратель не может самостоятельно расписаться в получении избирательного бюллетеня или заполнить избирательный бюллетень, а также нет прямого запрета на помощь другого избирателя. Таким образом, данная норма применима в подобных случаях.

Проект «ИнформУИК», направленный на адресное информирование избирателей о выборах Президента Российской Федерации, стал значимым шагом в повышении осведомленности граждан о предстоящих выборах. Эта инициатива охватила все регионы страны и продемонстрировала свою эффективность. В рамках проекта около 330 тысяч членов участковых избирательных комиссий, представляющих 88 регионов России, активно участвовали в подомовых и поквартирных обходах, которые проходили с 17 февраля по 7 марта 2024 года.

На территории Костромской области в рамках проекта «ИнформУИК» члены участковых избирательных комиссий Костромской области посетили свыше 326,5 тысяч адресов для информирования граждан о датах, времени и формах голосования, адресе избирательного участка, а также о зарегистрированных кандидатах. Как отметила избирательная комиссия Костромской области, более 70 % костромичей заявили о своем намерении прийти на участки, чтобы выбрать будущее своей страны [9].

Благодаря данному проекту также были уточнены: списки избирателей, данные о числе избирателей, которым потребовалась помощь волонтеров в дни голосования или предоставление возможности проголосовать на дому и помощь в прикреплении к избирательному участку по месту нахождения.

Помимо использования цифровых технологий на избирательных участках, также они использовались кандидатами. Так, например, кандидат от ЛДПР Леонид Слуцкий выбрал стратегию апелляции к узнаваемому экс-лидеру – В. В. Жириновскому [2, с. 23]. Данный посыл нацелен на то, чтобы кандидат воспринимался как его преемник и даже ассоциировался с Жириновским, отсюда и копирование манеры при дискуссиях. Для усиления эффекта применялся метод присутствия самого Жириновского – запущенная нейросеть «Жириновский» или КиберЖириновский в июне 2023 года применялась и в агитационных целях в предвыборный период. В целом, применение нейросети «Жириновский» или КиберЖириновский свидетельствует о стремлении к инновациям в проведении агитации. Стоит отметить, что такая стратегия смогла привлечь внимание избирателей, знакомых с историей ЛДПР и фигурой Жириновского, усиливая чувства доверия и продолжения традиций. Использование киберформатов, таких как нейросеть, для агитации в предвыборный период демонстрирует адаптацию к современным трендам, что может увеличить охват аудитории и заинтересованность молодежи.

Как отмечают Г. Р. Камалова и М. И. Сафин [2, с. 23–24], самый успешный вариант предвыборной агитации был у В. В. Путина. В агитационных роликах использовались яркие и узнаваемые образы, например, сравнение России с медведем, который никому не отдаст своей тайги. Также демонстрировались технологические достижения страны за последние 20 лет. В качестве предвыборной

программы, как отмечают эксперты, стало послание Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 года, в котором были обозначены приоритеты на ближайшие 6 лет. Также 13 марта 2024 года действующий Президент РФ дал развернутое интервью телеведущему Дмитрию Киселеву, где были обозначены основные приоритетные и ключевые направления развития России на 6 лет, которое также рассматривается экспертами как еще одно из программных заявлений. С точкой зрения Г. Р. Камаловой и М. И. Сафина можно согласиться, поскольку данный механизм совмещает элементы, которые присущи традиционным методам проведения предвыборной агитации, а также новым информационным технологиям.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, исследование вышеуказанных факторов имеют высокую значимость в контексте прошедших выборов Президента Российской Федерации в 2024 году. Одним из значимых отличий президентской избирательной кампании 2024 года в России стало применение новых технологий.

Вместе с тем, предлагается увеличить число специализированных участков для избирателей со слабым зрением и слепых, что позволит обеспечить доступность процесса голосования для маломобильной группы населения.

Стоит отметить, что сочетание традиционных политических методов с новыми цифровыми инструментами открывает новые горизонты для агитации и электоральной активности, что может существенно повлиять на исход выборов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выборы президента в 2024-м продлятся три дня. 2023. URL: https://www.rbc.ru/politics/08/12/2023/6572dead9a794751456f92d4?ysclid=m4n3gup243694145873 (дата обращения: 26.11.2024).

2. Камалова Г. Р., Сафин М. И. Президентские выборы 2024 г. в России: новые тренды и особенности избирательной кампании в эпоху цифровизации // Власть. 2024. С. 20–24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prezidentskie-vybory-2024-g-v-rossii-novye-trendy-i-osobennosti-izbiratelnoy-kampanii-v-epohu-tsifrovizatsii/viewer (дата обращения: 25.11.2024).

3. Памфилова огласила итог выборов президента России. 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/21/03/2024/65fbf11a9a7947122a3f5489?ysclid=m4n3nmtm2p973587186 (дата обращения: 27.11.2024).

4. В ЦИК подвели окончательные итоги выборов Президента. 2024. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/03/21/1027134-v-tsik-podveli?ysclid=m4n3r21hbh927044543 (дата обращения: 27.11.2024).

5. На выборах Президента в Костромской области будут использоваться 106 электронных урн для голосования. 2024. URL: https://gtrk-kostroma.ru/news/na-vyborakh-prezidenta-v-kostromskoy-oblasti-budut-ispolzovatsya-106-elektronnykh-urn-dlya-golosovan/?ysclid=m4n433dst1414052528 (дата обращения: 28.11.2024).

6. В Башкортостане сегодня смогут воспользоваться своим избирательным правом более 230 тысяч избирателей с ограниченными

возможностями здоровья. 2023. URL: https://mintrud.bashkortostan.ru/presscenter/news/567913/ (дата обращения: 28.11.2024).

7. Анна Кузнецова назвала число незрячих граждан, проживающих в России. 2024. URL: https://rg.ru/2024/11/13/anna-kuznecova-nazvala-chislo-nezriachih-grazhdan-prozhivaiushchih-v-rossii.html (дата обращения: 28.11.2024).

8. Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

9. В Костромской области завершился проект «ИнформУИК». 2024. URL: https://i44.ru/12/03/2024/v-kostromskoj-oblasti-zavershilsja-proekt-informuik/ (дата обращения: 29.11.2024).

УДК 93/94

Зайцев Леонид Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
l_zaycev@kosgos.ru

Товарищ председателя Костромского окружного суда Павел Иванович Вальберг (к 160-летию принятия Судебных уставов)

В статье на основе анализа архивных материалов из фондов Государственного архива Костромской области, материалов периодической печати и иных исторических источников подробно изучается личность одного из старейших товарищей председателя Костромского окружного суда, прослужившего в суде 22 года. Прослеживается его карьерный путь от служащего Телеграфного управления до судебного деятеля, при этом акцентируется внимание на его деятельности в Костромском окружном суде.

Ключевые слова: *судебная реформа, Костромской окружной суд, П. И. Вальберг, товарищ председателя окружного суда.*

Zaitsev Leonid Nikolayevich,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The chairman's comrade Kostroma district court Pavel Ivanovich Walberg (on the 160th anniversary of the adoption of Judicial statutes)

Based on the analysis of archival materials from the collections of the State Archive of the Kostroma Region, periodicals and other historical sources, the article examines in detail the personality of one of the oldest comrades of the chairman of the Kostroma District Court, who served in court for 22 years. His career path is traced from an employee of the Telegraph Department to a judicial figure, while attention is focused on his activities in the Kostroma District Court.

Keywords: *Judicial reform, Kostroma District Court, P. I. Walberg, Associate Chairman of the District Court.*

© Зайцев Л. Н., 2025

Одной из важнейших составляющих комплексного преобразования всего государственного устройства является реформирование судебной системы, что показала проводившаяся в ходе «Великих реформ» Александра II судебная реформа 1864 года [1, с. 118], 160-летие которой отмечается в 2024 году.

Введение судебных уставов Александра II на территории Костромской губернии состоялось 1 июля 1871 года Костромской окружной суд относился к судам II разряда и входил в округ Московской судебной палаты, которая для него была апелляционной инстанцией. Компетенция, структура и функции окружного суда определялась Сводом судебных уставов [12, с. 24–27].

Московский судебный округ первоначально состоял из десяти окружных судов: Московского, Владимирского, Калужского, Рязанского, Тверского, Ржевского (был упразднен с 1 января 1890 года), Кашинского, Тульского, Ярославского и Рыбинского (был упразднен с 1 января 1890 года). При этом в пределах Тверской губернии действовало три окружных суда (Тверской, Ржевский, Кашинский), в Ярославской – два (Ярославский и Рыбинский). В остальных губерниях было по одному окружному суду. В 1869 году в состав Московского судебного округа вошла Нижегородская губерния, в 1870 году – Смоленская, в 1871 году – Костромская и в 1874 году – Вологодская. Таким образом, формирование Московского округа было завершено в 1874 году. Округ включал в себя одиннадцать губерний с действующими в их пределах четырнадцатью окружными судами [3, с. 28–29].

Костромской окружной суд состоял из трех отделений: двух уголовных и одного гражданского. Возглавлял окружной суд председатель, который одновременно руководил и одним из уголовных отделений, а второе уголовное и гражданское отделения суда возглавляли товарищи председателя (заместители). В уголовных отделениях было пять членов суда, а в гражданском – четыре члена суда, не считая председателя и его товарищей [17, с. 84–85].

Костромской окружной суд входил в Московский судебный округ и по количеству судей – 12, включая председателя и товарищей председателя (заместителей), был вторым после Московского окружного суда, в котором работало 17 судей, включая председателя и товарищей председателя (заместителей) [4, с. 191].

Как отмечает А. А. Демичев, «история и история государства и права как ее часть – это не только определенные закономерности, тенденции, исторические факты, события, но и люди. Понятно, что без людей, их воли, стремлений, желаний и практической деятельности ни прошлое, ни настоящее не были бы такими, какими они являются» [2, с. 86].

Поэтому, по нашему мнению, важной составляющей деятельности органов судебной власти являются именно люди, занимающие должности судебных деятелей. Сегодняшнее наше исследование мы решили посвятить одному из товарищей председателей Костромского окружного суда Павлу Ивановичу Вальбергу, поскольку именно он больше всех занимал указанную должность.

Нами установлены все восемь товарищей председателя Костромского окружного суда, служившие в суде с 1 июля 1871 года и до его закрытия в декабре 1917 года. В различные периоды времени эти должности занимали:

Действительный статский советник Самойлович Василий Иванович – с 1 июля 1871 года до 9 октября 1877 года [18, с. 40];

Тайный советник Кобылин Александр Александрович – с 23 июня 1871 года до 1 сентября 1880 года [5, с. 1, 21];

Тайный советник Трандафилов Дмитрий Николаевич – с 12 августа 1871 года членом Костромского окружного суда, а с 1874 года (точная дата не установлена) товарищем председателя суда до 1887 года [14];

Надворный советник Шадурский Иосиф-Антоний Осипович – с 29 сентября 1880 года до дня смерти 31 декабря 1883 года [6, с. 2–6];

Действительный статский советник Кондаков Иван Яковлевич – с 1 февраля 1884 года до дня смерти 24 мая 1907 года [7, с. 1–9];

Действительный статский советник Вальберг Павел Иванович – с 11 февраля 1887 года до 21 сентября 1909 г [8, с. 1–9];

Действительный статский советник Попов Петр Александрович – с 12 июня 1907 года до закрытия суда в 1917 году [9, с. 1–7];

Действительный статский советник Вяжлинский Александр Константинович – вначале с 5 марта 1899 года членом Костромского окружного суда, а затем с 3 февраля 1909 года товарищем председателя суда, пребывая в указанной должности до закрытия суда в 1917 году [10, с. 1–9]. (Классные чины указаны последние в служебной карьере каждого товарища председателя Костромского окружного суда.)

Одним из товарищей председателей Костромского окружного суда был действительный статский советник Павел Иванович Вальберг. Родился он 3 августа 1840 года в г. Санкт-Петербурге. Происходил из дворянской семьи. Вероисповедания православного.

В 1863 году П. И. Вальберг окончил полный курс наук Императорского Санкт-Петербургского университета с отличием со степенью кандидата прав.

16 сентября 1863 года вступил в службу в хозяйственном отделении Телеграфного управления исполняющим должность помощника столоначальника.

Указом Правительствующего Сената Департамента герольдии от 24 января 1864 года за № 253 П.И. Вальберг утвержден в чине коллежского секретаря (X класс по Табелю о рангах) со старшинством с 16.09.1863.

2 июля 1864 года утвержден в должности столоначальника.

17 июня 1866 года в связи с преобразованием телеграфного Управления Департамента переименован в младшие помощники делопроизводителя.

1 октября 1866 года переведен из 3-го отделения, бывшего хозяйственного, во 2-е отделение, бывшее техническое.

Определением Правительствующего Сената Департамента герольдии от 20.10.1866 за № 5610 произведен в титулярные советники (IX класс по Табелю о рангах) со старшинством с 16.09.1866.

16 апреля 1867 года П. И. Вальберг Высочайшим приказом за отлично-усердную службу Всемилостивейше пожалован единовременным денежным пособием [16, с. 1028].

Проработав 4 года в Телеграфном управлении, Вальберг подает прошение о поступлении на службу по ведомству Министерства юстиции и 16 ноября

1867 года Старшим председателем Харьковской судебной палаты он был определен помощником секретаря судебной палаты по гражданскому департаменту. С этого дня у П. И. Вальберга начинается служба в судебном ведомстве.

Предписанием Старшего председателя он был назначен исполнять должность секретаря Судебной палаты по гражданскому Департаменту, которую исполнял с 16.11.1867 по 11.12.1867.

По случаю увольнения секретаря Харьковской судебной палаты по гражданскому департаменту исполнял должность секретаря с 5.10.1868 по 03.11.1868.

Вследствие открытия вакансии секретаря Харьковской судебной палаты по гражданскому департаменту приказом старшего председателя назначен исполнять должность секретаря Судебной палаты с 04.01.1869.

19 апреля 1869 года П. И. Вальберг был утвержден в должности секретаря.

Определением Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 12.05.1870 за № 93 произведен за выслугой лет в коллежские асессоры (VIII класс по Табелю о рангах).

Получив опыт работы сначала помощником секретаря, а затем и секретарем Харьковской судебной палаты П. И. Вальберг 23 июня 1871 года Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции назначен членом Тамбовского окружного суда.

Следует отметить, что во второй половине XIX века Министерство юстиции проводило политику постоянного перемещения судебных деятелей через несколько лет их работы в одном месте из одной губернии в другую.

П. И. Вальберг не был исключением в такой кадровой политике Министерства юстиции и 19 февраля 1876 года Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции он пошел на повышение и был назначен товарищем председателя Курского окружного суда.

В указанной должности Павел Иванович показал свою отличную теоретическую подготовку и практический опыт, что и было оценено по его заслугам. 1 января 1880 года Высочайшим приказом за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени.

1 января 1883 года Высочайшим приказом за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени.

13 апреля 1886 года Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции за выслугу лет произведен в действительные статские советники (IV класс по Табелю о рангах) [16, с. 1028].

Нами установлен интересный факт: П. И. Вальберг с 12 мая 1870 года около 16 лет находился в чине коллежского асессора (VIII класс по Табелю о рангах), а 13 апреля 1886 года сразу же был произведен в чин действительного статского советника, который соответствовал IV классу по Табелю о рангах. То есть его производство в высокий чин было осуществлено, минуя VII–V классы. Такие факты встречались в практике производства в чины в судебном ведомстве Российской империи.

Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции от 14.01.1887 за № 5 он был оставлен за штатом по случаю упразднения должности товарища председателя Курского окружного суда.

Следующий, наиболее длительный этап П. И. Вальберга был связан с Костромой. 11 февраля 1887 года Высочайшим приказом по ведомству Министерства юстиции за № 12 П. И. Вальберг назначен товарищем председателя Костромского окружного суда. Общим собранием отделений Костромского окружного суда он был определен руководить гражданским отделением суда [15, с. 37].

Безупречные качества П. И. Вальберга, его высокий профессионализм, хорошее воспитание и тактичность при работе в Костромском окружном суде были высоко отмечены наградами.

1 января 1891 года Высочайшим приказом за отлично-усердную и ревностную службу Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени.

26 февраля 1896 года Высочайшим приказом П. И. Вальбергу было разрешено ношение медали на ленте Св. Александра невского в память царствования император Александра III.

14 мая 1896 года Высочайшим приказом Всемилостивейше пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени.

1 января 1901 года П. И. Вальберг был Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 1-й степени [13, с. 36].

Поскольку Вальберг длительное время прослужил в судебном ведомстве, 22 августа 1908 года он был Всемилостивейше награжден знаком Отличия беспорочной службы за 40 лет [8, с. 3].

Прослужив в Костромском окружном суде немногим более 22 лет и достигнув возраста 68 лет, Павел Иванович пишет прошение на Высочайшее имя и 21 сентября 1909 года Высочайшим приказом он был уволен «от службы согласно прошения с мундиром означенной должности» [8, с. 51].

Министерство юстиции уведомило Павла Ивановича о назначении ему усиленной пенсии в размере 1 400 руб. в год [8, с. 59].

Что касается семейного положения П. И. Вальберга, то он был женат на дочери почетного потомственного гражданина Анне Дмитриевне Ханайченко, родившейся 13 ноября 1849 года в г. Харькове. В браке у него было четверо детей: дочери Наталья, 6.09.1872 г. р., Надежда, 23 января 1884 г. р., сыновья: Борис, 10.01.1874 г. р., Виктор, 15.11.1880 г. р. [17, с. 138].

Материальное положение П. И. Вальберга было такое же, как и у большинства судебных чиновников того времени. Ни он сам, ни его близкие родственники недвижимого имущества не имели, а семья жила за счет его содержания в Костромском окружном суде. Он получал жалование – 2 000 руб., столовых – 750 руб., квартирных – 750 руб., а всего 3 500 руб. в год [11].

Таким образом, при подборе кадров в судебные органы, в том числе в Костромской окружной суд, власть весьма серьезно относилась к подбору кадров, что и видно из настоящего исследования. Товарищ председателя окружного суда П. И. Вальберг на протяжении своей 22-летней службы в суде добросовестно относился к исполнению своих обязанностей, поддерживая авторитет судебной

власти. Он был опытным и грамотным профессионалом, что положительно сказывалось на эффективности правосудия в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Большакова В. М. Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 4. С. 116–134.
2. Демичев А. А. Прокуроры Нижегородского окружного суда в начале XX века (служебно-биографические очерки) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2023. № 2. С. 86–107.
3. Демичев А. А. Общество и суд в России в пореформенный период (60–70-е годы XIX века) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 2. С. 27–40.
4. Бриль Г. Г., Зайцев Л. Н. Московский судебный округ в судебной системе пореформенной России (вторая половина XIX – начало XX века) // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тр. XX Всерос. декабрьских юрид. чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 7–8 декабря 2023 г.) / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2024. С. 187–196.
5. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 484. Л. 1–9.
6. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-1. Д. 163. Л.2-6.
7. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6-2. Д. 887.
8. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6. Д. 624. Л. 1–9.
9. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6. Д. 882.
10. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6. Д. 380. Л. 7–9.
11. ГАКО. Ф. 340. Оп. 6. Д. 261. Л. 8–9.
12. Зайцев Л. Н. Костромской окружной суд: образование и деятельность (1871–1917 гг.) // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности. Возрождение святыни: Костромской кремль : сб. тр. VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 6 октября 2023 г.) / отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2023. С. 24–27.
13. Извлечение из высочайших приказов по гражданскому ведомству. По ведомству Министерства юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1901. № 1. С. 36.
14. Костромские губернские ведомости. 1871. № 34.
15. Костромской календарь на 1908 год. 14-й год издания. Кострома, 1908. 243 с.
16. Список гражданским чинам четвертого класса : исправлен по 1-е октября 1889 г. СПб. : Тип. Правительствующего Сената, 1889. 1514 с.
17. Список чинам ведомства Министерства юстиции. Ч. 2. 1875 г. СПб., 1875. 510 с.

18. Список чинам ведомства Министерства юстиции. Ч. 1. 1894 г. СПб., 1894. С. 138.

УДК 344.1

Закомолдин Руслан Валериевич,
кандидат юридических наук, доцент,
научный сотрудник НИИ
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация
rus.zackomoldin@yandex.ru

О конституционной природе воинской обязанности и уголовно-правовых мерах по обеспечению ее реализации

В статье отмечается конституционная природа воинской обязанности и необходимость надлежащего ее исполнения. Представлен анализ некоторых вопросов уголовно-правового обеспечения надлежащего исполнения воинской обязанности. Констатируется, что УК РФ содержит подсистему преступлений, посягающих на установленный порядок исполнения воинской обязанности и предусмотренных ст. 328, 332, 337–339, 352[1].

Ключевые слова: *военная безопасность, воинская обязанность, военная служба, уголовно-правовое воздействие, военнослужащие, уклонение от военной службы.*

Zakomoldin Ruslan Valerievich,
candidate of legal sciences, associate professor,
Researcher at the Research Institute
of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

On the constitutional nature of military duty and criminal-legal measures to ensure its implementation

The article notes the constitutional nature of military duty and the need for its proper execution. An analysis of some issues of criminal-legal support for the proper execution of military duty is presented. It is stated that the Criminal Code of the Russian Federation contains a subsystem of crimes that infringe on the established procedure for the execution of military duty and are provided for in Articles 328, 332, 337–339, 352.1.

Keywords: *military security, military duty, military service, criminal-legal impact, military personnel, evasion of military service.*

Конституция РФ в ст. 59 провозглашает защиту Отечества долгом и обязанностью гражданина РФ, т. е. закрепляет воинскую обязанность. Соответственно, воинская обязанность как юридическая категория имеет конституционно-правовую природу.

Именно из конституционной природы и обязывающего характера воинской обязанности следует запрет для граждан уклоняться от поступления на во-

© Закомолдин Р. В., 2025

енную службу, а для военнослужащих и приравненных к ним лиц – от пребывания на военной службе.

В современных условиях как никогда актуальна проблема обеспечения надлежащего исполнения конституционной воинской обязанности, поскольку это напрямую связано с обеспечением военной (оборонной) и национальной безопасности Российской Федерации.

Механизм такого обеспечения включает как позитивные (добровольные), так и негативные (принудительные) меры государственно-правового воздействия.

Поскольку исполнение воинской обязанности представляет собой должное поведение, уклонение от которого недопустимо, то государство вправе требовать от граждан ее исполнения, в противном случае – применять принудительное воздействие, налагать санкции и иные негативные последствия социально-правового характера.

Одним из инструментов принудительного обеспечения надлежащего исполнения воинской обязанности является уголовно-правовое воздействие [2; 6].

Поскольку установленный порядок исполнения воинской обязанности включает порядок поступления на военную службу по призыву или на альтернативную гражданскую службу в порядке замены, а также порядок пребывания на военной службе, то УК РФ предусматривает ряд соответствующих составов преступлений. Данные преступления посягают на установленный порядок исполнения воинской обязанности и связаны с уклонением от исполнения воинской обязанности. Речь идет о разновидностях деяний, различаемых как по объекту посягательства, так и по субъекту ответственности, которые представляют, своего рода, подсистему преступлений, посягающих как на военную (оборонную) безопасность, так и на порядок военного управления [4, с. 33–41]. С учетом реформирования военно-уголовного законодательства данные составы условно можно подразделить на группы:

– общеуголовные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность граждан РФ за уклонение от призыва на военную или на альтернативную гражданскую службу в порядке замены (ст. 328 УК РФ);

– специальные составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность военнослужащих за уклонение от пребывания на военной службе (ст. 337–339, 352^1 УК РФ);

– особые составы преступлений, предусматривающие уголовную ответственность военнослужащих за отказ от участия в военных или боевых действиях (ч. 2^1 ст. 332 УК РФ) [1; 3].

В новых условиях имеет место ряд проблем, возникших в связи с проведением специальной военной операции, объявлением частичной мобилизации и введением военного положения в ряде регионов РФ.

Так, актуален вопрос о привлечении к уголовной ответственности граждан, уклоняющихся от призыва на военную службу в порядке мобилизации. Полагаем, такие действия в полной мере подпадают под признаки составов, предусмотренных ст. 328 УК РФ. В этой статье законодатель закрепил ответственность за уклонение от любого вида призыва, в том числе и в порядке мобилизации, что буквально следует из текста – «уклонение от призыва на военную

службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы» (ч. 1) и «уклонение от прохождения альтернативной гражданской службы лиц, освобожденных от военной службы» (ч. 2). В связи с этим нормы данной статьи следует толковать и применять буквально. Также целесообразно предусмотреть в качестве квалифицирующего признака совершение данных деяний в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, в связи с чем дополнить статью частью 2^1 в следующей редакции: «Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящий статьи, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, – …» [5].

Далее актуален вопрос об уголовной ответственности добровольцев за преступления против военной службы, поскольку добровольцами являются граждане РФ, поступившие в добровольческие формирования, создаваемые государством для выполнения отдельных задач в области обороны, содействующие выполнению задач, возложенных на Вооруженные Силы РФ, в период мобилизации, в период действия военного положения, в военное время, при возникновении вооруженных конфликтов, при проведении контртеррористических операций, а также при использовании Вооруженных Сил РФ за пределами территории РФ. Такие граждане должны соответствовать определенным требованиям и заключить соответствующий контракт с Минобороны России. При соблюдении перечисленных условий на данных граждан распространяется статус военнослужащих, поступивших на военную службу по контракту (п. 10 ст. 22^1 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»). В период пребывания в добровольческих формированиях данные граждане также могут совершить преступления против порядка пребывания на военной службе. Однако уголовная ответственность таких лиц как специальных субъектов составов преступлений против военной службы в ст. 331 УК РФ прямо не предусмотрена. Целесообразно распространить положения главы 33 УК РФ на граждан, проходящих военную службу в добровольческих формированиях. В настоящее время Госдумой РФ рассматривается соответствующий законопроект № 482168-8 «О внесении изменений в статью 331 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за преступления против военной службы).

Таким образом, в новых изменяющихся условиях проблемы уголовно-правового обеспечения надлежащего исполнения воинской обязанности и уголовно-правовой охраны соответствующих отношений приобретают новую остроту и актуальность и требуют внимания в целях их наиболее правильного и эффективного решения для обеспечения эффективной реализации воинской обязанности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закомолдин Р. В. Обеспечение надлежащего исполнения воинской обязанности уголовно-правовыми средствами // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 173–178.

2. Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое обеспечение исполнения конституционной обязанности по защите Отечества // Конституционные основы уголовного права : материалы I Всерос. Конгресса уголовного права, посвящ. 10-летию Уголовного кодекса РФ. М. : ТК Велби : Проспект, 2006. С. 198–200.

3. Закомолдин Р. В., Данилов П. С. Воинская обязанность как объект уголовно-правовой охраны и преступных посягательств // Искусство правоведения. 2023. № 3(7). С. 49–56.

4. Зателепин О. К. Уголовно-правовое обеспечение военной безопасности Российской Федерации (вопросы теории, законодательства и практики) : монография. М. : За права военнослужащих, 2013. 192 с. (Сер. «Право в Вооруженных Силах – консультант». Вып. 135).

УДК 342.5

Кожин Василий Александрович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
kozhin-vasiliy@mail.ru

Особенности кадровой политики на муниципальной службе и ее правовое регулирование

Статья посвящена актуальным в настоящее время проблемам кадровой политики на муниципальной службе. Рассматриваются основные вопросы, возникающие при организации и осуществлении кадровой работы в системе муниципальной службы. Актуальность и практическое значение исследуемой сферы обусловлено тем, что от кадровой политики непосредственно зависит обеспечение органов местного самоуправления необходимыми кадровыми ресурсами, способными осуществлять возложенные на муниципалитеты полномочия.

Ключевые слова: *кадровая политика, муниципальная служба, органы местного самоуправления.*

Kozhin Vasiliy Alexandrovich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The specifics of personnel policy in the municipal service and its legal regulation

The article is devoted to the current problems of personnel policy in the municipal service. The main issues arising in the organization and implementation of personnel work in the municipal service system are considered. The relevance and practical significance of the area under study is due to the fact that the provision of local government bodies with the necessary human resources capable of exercising the powers assigned to municipalities directly depends on personnel policy.

Keywords: *personnel policy, municipal service, and local government bodies.*

© Кожин В. А., 2025

Особенности кадровой политики на муниципальной службе и ее правовое регулирование представляют собой сложный и многоаспектный процесс, требующий всестороннего анализа и взвешенного подхода к его реализации. Муниципальная служба играет ключевую роль в обеспечении эффективного управления и предоставления услуг населению. Формирование кадрового состава органов местного самоуправления имеет важное значение для успешного функционирования муниципальных образований.

Кадровая политика, рассматриваемая сквозь призму юриспруденции, представляет собой комплекс правовых норм, принципов и процедур, регулирующих отношения между работодателем и работниками в рамках трудового законодательства. В отличие от управленческого аспекта, где кадровая политика фокусируется на стратегическом планировании и мотивации персонала для достижения целей организации, юридический подход акцентирует внимание на соблюдении прав и обязанностей сторон трудового договора, законности процедур приема, перевода, увольнения и иных кадровых действий, а также на создании безопасных и справедливых условий труда [2, с. 288].

Кадровая политика на муниципальной службе включает в себя ряд стратегических задач, таких как подбор и расстановка квалифицированных кадров, обеспечение их профессионального роста и развития, создание мотивационной среды, способствующей эффективной работе. Достижение этих целей невозможно без четко выстроенного правового регулирования, которое должно учитывать как общие тенденции государственного управления, так и специфические особенности местного самоуправления.

Одним из ключевых элементов правового регулирования кадровой политики является разработка и применение нормативных правовых актов, регулирующих порядок отбора, назначения и увольнения сотрудников, их материальное и социальное обеспечение, а также вопросы профессионального обучения.

Содержание кадровой политики включает в себя:

1. Планирование потребности в кадрах – определение необходимого количества юристов различной специализации, прогнозирование изменений в структуре и квалификационных требованиях.

2. Подбор и расстановка кадров – отбор наиболее квалифицированных и компетентных кандидатов на юридические должности, их распределение в соответствии с опытом, знаниями и способностями.

3. Оценка персонала – регулярная оценка профессиональных качеств юристов, выявление сильных и слабых сторон, определение потенциала для развития.

4. Развитие персонала – организация обучения, повышения квалификации, переподготовки юристов, создание условий для их профессионального роста.

5. Мотивация персонала – разработка системы материального и нематериального стимулирования, направленной на повышение заинтересованности юристов в качественном выполнении своих обязанностей.

6. Управление карьерой – создание возможностей для карьерного роста юристов, продвижение наиболее перспективных сотрудников на руководящие должности.

7. Формирование кадрового резерва – подготовка специалистов для замещения вакантных руководящих должностей.

8. Социальная защита персонала – обеспечение юристов социальными гарантиями, создание благоприятных условий труда, забота о здоровье и благополучии сотрудников [6, с. 477].

Таким образом, кадровая политика представляет собой многогранную и взаимосвязанную систему, охватывающую все этапы работы с юридическими кадрами – от планирования и подбора до развития, мотивации и социальной защиты. Эффективная кадровая политика является залогом успеха любой организации, стремящейся к достижению высоких результатов и устойчивому развитию.

В конечном счете, кадровая политика – это не просто набор инструментов и процедур, а философия управления, ориентированная на создание благоприятной рабочей среды, раскрытие потенциала каждого сотрудника и построение долгосрочных взаимовыгодных отношений между организацией и ее юридической командой.

Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» прямо не использует термин «кадровая политика». Однако он содержит положения, которые отражают основные элементы кадровой политики:

Статья 9. «Основные квалификационные требования для замещения должностей муниципальной службы».

Статья 18. «Аттестация муниципальных служащих».

Статья 28.1. «Подготовка кадров для муниципальной службы на договорной основе».

Статья 32. «Приоритетные направления формирования кадрового состава муниципальной службы»;

Статья 33. «Кадровый резерв на муниципальной службе» [1].

Таким образом, несмотря на отсутствие прямого упоминания «кадровой политики», Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» содержит нормы, направленные на формирование, развитие и эффективное использование кадрового потенциала муниципальной службы.

Кадровая политика и кадровая служба – это взаимосвязанные, но не тождественные понятия.

Кадровая политика – это стратегическое направление деятельности, определяющее цели, принципы и основные направления работы с кадрами.

Кадровая служба – это структурное подразделение органа местного самоуправления, которое реализует кадровую политику на практике.

Кадровая служба является инструментом реализации кадровой политики. Она осуществляет конкретные мероприятия по подбору, оценке, обучению, мотивации и продвижению персонала. Кадровая служба обеспечивает соблюдение законодательства о муниципальной службе, ведет кадровое делопроизводство, консультирует руководителей и сотрудников по вопросам управления персоналом [3].

Кадровая политика на муниципальной службе направлена на формирование высокопрофессионального и компетентного кадрового состава, способного

решать сложные задачи. Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» создает правовую основу для реализации кадровой политики на муниципальном уровне, а кадровая служба является основным инструментом ее реализации [5, с. 113].

На основании содержания кадровой работы на муниципальной службе, обозначенного Федеральным законом «О муниципальной службе в Российской Федерации» укрупненными направлениями кадровой работы на муниципальной службе можно выделить следующие:

– формирование кадрового состава (поиск, подбор, конкурсный отбор, формирование кадрового резерва);

– обучение и оценка служащих (повышение квалификации, переподготовка, организация проведения аттестации и др.);

– организация проверки достоверности персональных сведений и сведений о доходах.

В настоящее время кадровая политика на муниципальной службе сталкивается с рядом проблем, таких как:

– недостаточный уровень оплаты труда муниципальных служащих, особенно в небольших муниципальных образованиях.

– недостаточная привлекательность муниципальной службы для молодых специалистов.

– недостаточная развитость системы профессионального развития муниципальных служащих.

– недостаточная эффективность механизмов оценки деятельности муниципальных служащих.

– высокий уровень коррупции в некоторых муниципальных образованиях.

Для решения этих проблем необходимо:

– совершенствовать систему оплаты труда муниципальных служащих, обеспечивая ее конкурентоспособность по сравнению с другими сферами деятельности.

– повышать престиж муниципальной службы, создавая положительный имидж муниципальных служащих.

– развивать систему профессионального развития муниципальных служащих, используя современные образовательные технологии.

– совершенствовать механизмы оценки деятельности муниципальных служащих, используя объективные и прозрачные критерии.

– усиливать борьбу с коррупцией, привлекая к ответственности лиц, виновных в коррупционных правонарушениях [4, с. 232].

Таким образом, реализация указанных мер позволит повысить эффективность работы органов местного самоуправления, укрепить доверие населения к муниципальной власти и обеспечить устойчивое развитие муниципальных образований. В перспективе кадровая политика на муниципальной службе должна быть направлена на формирование профессионального, компетентного и ответственного кадрового состава, способного эффективно решать задачи социально-

экономического развития муниципальных образований и обеспечивать достойное качество жизни населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

2. Бухонова М. А., Агибалов Ю. В. Современные подходы реализации кадровой политики на муниципальной службе // Неделя науки ВИЭСУ – 2022 : сб. докл. и выступлений на науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 13–16 декабря 2022 года) / сост. Ю. В. Агибалов. Воронеж : Научная книга, 2023. С. 287–290.

3. Каченова А. С., Мартиросян А. А. Кадровая политика на муниципальной службе. Правовые проблемы // Наука молодых. 2022 : сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса (г. Петрозаводск, 12 октября 2022 года). Петрозаводск : Новая наука (ИП Ивановская И. И.), 2022. С. 298–302.

4. Миронов К. О. анализ принципов кадровой политики на муниципальной службе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы современной науки, достижения и инновации : сб. науч. ст. по материалам XII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 27 июня 2023 года). Ч. 2. Уфа : Вестник науки, 2023. С. 231–234.

5. Подвальный Е. С. Актуальные задачи реализации кадровой политики на муниципальной службе в администрации Лискинского муниципального района Воронежской области // Регион: системы, экономика, управление. 2022. № 4(59). С. 112–116.

6. Хуклаев Ш. Ш., Бабина Е. Н. Теоретические аспекты кадровой политики на государственной и муниципальной службе // Актуальные проблемы правоприменения и управления на современном этапе развития общества : сб. науч. ст. по материалам V Нац. заоч. науч.-практ. конф. (г. Ставрополь, 21 декабря 2022 года). Ставрополь : Параграф, 2023. С. 476–478.

УДК 349.2

Косолапова Екатерина Алексеевна,
магистрант, Ивановский государственный университет,
г. Иваново, Российская Федерация
kosolapova.kj@yandex.ru

Деформация профессионального правосознания судей: понятие, причины и формы проявления

В данной статье проводится анализ понятия деформации правосознания, рассматриваются основные причины деформации профессионального правосознания судей, а также основные формы проявления такой деформации. Изучение искажения профессиональных качеств у судебных работников имеет большое значение, в связи с тем, что упомянутый во-

© Косолапова Е. А., 2025

прос оказывает воздействие на эффективность судопроизводства в Российской Федерации. Формирование устойчивости судей к отрицательным аспектам, которые проявляются во время работы, возможно благодаря анализу и оценке множества обстоятельств, способствующих развитию профессиональных искажений, деформаций.

Ключевые слова: *правосознание, профессиональное правосознание, деформация профессионального правосознания судей, причины деформации, формы проявления, судья.*

Kosolapova Ekaterina Alekseevna,
undergraduate student, Ivanovo State University,
Ivanovo, Russian Federation

Deformation of professional legal consciousness of judges: reasons and forms of manifestation

This article analyzes the concept of deformation of legal consciousness, considers the main reasons for the deformation of professional legal consciousness of judges, as well as the main forms of manifestation of such deformation. The study of the distortion of professional qualities of judicial workers is of great importance, due to the fact that the mentioned issue affects the effectiveness of legal proceedings in the Russian Federation. The formation of judges' resistance to negative aspects that manifest themselves during work is possible due to the analysis and assessment of many circumstances that contribute to the development of professional distortions, deformations.

Keywords: *legal consciousness, professional legal consciousness, deformation of professional legal consciousness of judges, causes of deformation, forms of manifestation, judge.*

Ученые справедливо отмечают, что «правосознание – не только результат отражения объекта, но и средство воздействия на объект, на всю правовую систему государства» [2, с. 93]. То есть высокий уровень правосознания у личности подразумевает негативное отношение к нарушениям законности и правопорядка, а также к посягательствам на права и свободы граждан.

Под профессиональным правосознанием следует рассматривать правовое сознание юристов: парламентариев, судей, прокуроров, следователей, адвокатов и др.

Под деформацией профессионального правосознания понимают изменение, искажение характеристик личности юриста и его профессиональных возможностей в негативную сторону [7, с. 92].

Таким образом, под деформацией профессионального правосознания судей следует понимать искажение их личностных и профессиональных характеристик, обусловленное их профессиональной деятельностью.

Данный феномен обладает высокой степенью опасности, так как деформированное правосознание судей снижает уровень справедливости в процессе судопроизводства. Кроме того, нарушаются основополагающие принципы судопроизводства, в частности законность, независимость судей и подчинение их только закону, равенство участников судебного процесса перед законом и судом и т. д.

Само судейское сообщество активно борется с данным негативным явлением. Например, в 2023 году ВККС продолжила курс на самоочищение судебной системы. Так, в связи с выявленными нарушениями коллегия досроч-

но прекратила полномочия главы Подмосковного арбитража и председателя Шестого кассационного суда города Самары. ВККС лишила права на почетную отставку бывшего председателя Ростовского областного суда, который стал фигурантом уголовного дела о коррупции. Из-за многочисленных претензий коллегия отказалась продлевать полномочия главы Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда [1].

В научной литературе выделяется ряд причин, способствующих зарождению и дальнейшему развитию профессиональной деформации у судей.

Существует несколько факторов, влияющих на деформацию. Во-первых, работа судьи требует изучения большого количества текстовой информации и проверки достоверности представленных доказательств. Во-вторых, судья несет высокую ответственность за свои решения, которые могут повлиять на судьбу нескольких граждан. Особенно большой уровень стресса возникает при рассмотрении групповых исков, где участвуют множество истцов и ответчиков, а также в уголовных делах с множеством потерпевших. Все это негативно влияет на психоэмоциональное состояние судей, а такую работу нельзя назвать легкой [3, с. 403].

Однообразие рабочего процесса, его монотонность также способствуют возникновению негативных черт, таких как пессимизм, негативизм, снижение продуктивности, потеря интереса, отказ от освоения новых инструментов и возникновение коммуникативных барьеров.

Ученые выделяет три группы факторов, способствующих развитию деформации профессионального правосознания судей. Первая группа – специфические факторы, к которым автор относит детальную правовую регламентацию профессиональной деятельности, большие психологические нагрузки, властные полномочия судей. Вторую группу факторов автор именует личностными, к которым относит непрофессионализм, отсутствие мотивации, отрицательные установки, неадекватная самооценка. И в качестве третьей группы выделяются социально-психологические факторы, способствующие такой деформации: девиантное поведение коллег, влияние семьи, низкая профессиональная структура [6, с. 938].

Изучение научной литературы позволяет выделить несколько форм проявления профессиональной деформации судей.

Первая – боязнь принятия неверного решения. В основе лежит не установление истины, а страх совершения ошибки. При этом судьи больше боятся собственных неприятностей в связи с допущенной ошибкой, нежели постановления, вынесения несправедливого приговора, решения. Если подсудимый не признает свою вину, существует высокая вероятность того, что даже в случае вынесения обвинительного приговора, он будет менее строгим [4, с. 120]. В то же время, если подсудимый признает свою вину, судья, как правило, вынесет обвинительный приговор. Однако остается неопределенным, будет ли судья учитывать признание и содействие следствию в качестве смягчающих обстоятельств, а если и учтет, то, как это отразится на назначении наказания.

Вторая форма – «правовая самоуверенность». Это связано с формированием у некоторых судей уверенности в безошибочности своих решений. Убеж-

дение о виновности или невиновности подсудимого у них зачастую складывается уже на этапе назначения судебного заседания. Если судья заранее решит, что подсудимый виновен, опровергнуть это мнение становится практически невозможно.

Третья форма деформации – «правовой цинизм» – заключается в демонстративном, циничном поведении, пренебрежении к праву [5, с. 21].

Четвертая форма деформации судей – «перерождение». Оно проявляется в коррупции, фактах злоупотребления судейскими полномочиями, предательстве интересов службы.

Примером такой деформации может послужить обвинительный приговор, постановленный в отношении бывшей судьи Жуковского городского суда Московской области, которая была изобличена в двух эпизодах мошенничества и взятки. Согласно установленным обстоятельствам дела судья, рассматривая дело о ДТП с тяжким вредом здоровью, предложила обвиняемой за 150 тыс. руб. вынести максимально мягкий приговор. Кроме того, ранее судья получила предложение от отца одной из участниц бракоразводного процесса о передаче 400 тыс. руб. должностным лицам Московского областного суда для удовлетворения исковых требований дочери в апелляционной инстанции. Однако, по версии следственного комитета, судья присвоила эти денежные средства [8].

Таким образом, всесторонний анализ проблемы деформации личности судьи крайне важен для своевременного выявления начальных признаков и прогнозирования негативных изменений в поведении судей. Первостепенной задачей общества, государства и судейского сообщества является обеспечение того, чтобы судьи в нашей стране обладали высокими моральными и профессиональными качествами, проявляли независимость, честность и порядочность. Предупреждение подобных процессов необходимо, поскольку деятельность судей напрямую влияет на состояние судебной системы и уровень правопорядка в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барсуков В. Фемида усиливает борьбу с коррупцией. URL: https://www.ng.ru/politics/2023-11-19/2_8880_corruption.html (дата обращения: 18.11.2024).

2. Борисова Е. К. Понятие правосознания // Проблемы науки. 2019. № 12(48). С. 93–94.

3. Довгополая М. Ю. Профессиональная деформация судей // Скиф. 2023. № 11(87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-deformatsiya-sudey (дата обращения: 17.11.2024).

4. Захарцев С. И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под ред. В. П. Сальникова. М. : Норма, 2014. 208 с.

5. Захарцев С. И., Сальников В. П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 11–29.

6. Ладыкина Т. А. Профессионально-нравственная деформация личности судьи // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных

условиях : сб. ст. по результатам II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 2. Симферополь : Ариал, 2023. С. 936–941.

7. Плаксин Е. Д., Ефимова Н. С., Плаксина Н. В. Профессиональная деформация юристов как угроза безопасности личности в профессии // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7(156). С. 92–95.

8. Приговор Ступинского городского суда Московской области от 01 апреля 2024 г. по делу № 1-3/2024 (1-136/2023). URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/75899584 (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 343.982

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник судьи, Костромской областной суд
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

Степанова Екатерина Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
19-ubo-050@example.example

Личная подпись гражданина как обязательный реквизит паспорта

В статье исследуются основные правила и требования к оформлению подписи в паспорте. Рассматривается, какие подписи допустимы, а какие не соответствуют нормам и могут создать проблемы при проверке подлинности документа. В статье также объясняются причины, почему подпись в паспорте играет важную роль для обеспечения безопасности и идентификации личности владельца. В дополнение, статья касается подписей в заграничных паспортах и различных правил и требований, существующих в разных странах. Авторы призывают граждан соблюдать эти правила, чтобы избежать проблем и обеспечить легальность и достоверность своих документов.

Ключевые слова: *подпись, паспорт, оформление, правила, требования, допустимость, недопустимость, авторство, фальсификация, идентификация, безопасность, заграничный паспорт, страны, примеры, судебная практика, проверка подлинности, личность, владелец, закон, этика, мораль, нормы, правила, ограничения, нотариальное заверение.*

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant judge, Kostroma regional court
Kostroma, Russian Federation

Stepanova Ekaterina Alekseevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

© Кузьмина Е. Н., Степанова Е. А., 2025

Personal signature of a citizen as a required element of a passport

This article explores the main rules and requirements for the inclusion of a signature in a passport. It discusses which signatures are acceptable and which do not meet the standards and may create problems during document authenticity checks. The article also explains the reasons why a signature in a passport plays a vital role in ensuring security and the identification of the owner's identity. Additionally, the article touches on signatures in international passports and the various rules and requirements in different countries. The authors urge citizens to follow these rules in order to avoid problems and ensure the legality and reliability of their documents.

Keywords: *signature, passport, registration, rules, requirements, permissibility, inadmissibility, authorship, falsification, identification, security, passport, countries, examples, judicial practice, authentication, identity, owner, law, ethics, morality, norms, rules, restrictions, notarization.*

Проблемой, связанной с подписью в паспортах, является нарушение правил и требований, а также неправильное или несоответствующее оформление подписи. Это может создавать трудности при проверке подлинности паспортов, а также препятствовать идентификации личности владельца документа. Несоблюдение правил оформления подписи в паспорте может привести к неприятностям и неудобствам для граждан, так как наличие корректной и верной подписи является важным аспектом при осуществлении различных юридических и административных процедур. Поэтому важно обратить внимание на эту проблему и соблюдать установленные нормы.

Подпись в паспорте является одной из важнейших составляющих документов личной идентификации. Она призвана подтверждать достоверность личных данных и устанавливать принадлежность паспорта конкретному владельцу. Однако, не все подписи одинаково приемлемы, и существуют определенные правила и требования к ее оформлению [5].

Итак, какую подпись можно включить в паспорт?

Во-первых, она должна быть четкой и разборчивой, что позволит ее проставлять на различных документах с высокой степенью уверенности в правильности подписавшего.

Во-вторых, подпись должна быть выполнена вручную, чтобы исключить возможность фальсификации или подмены данных. Также она не должна противоречить никаким правовым и нравственным нормам общества.

Существуют и определенные ограничения по оформлению подписи в паспорте. В первую очередь, она не должна содержать ненормативную лексику, оскорбления, ругательства или любые другие элементы, несовместимые с нормами и этики и морали. Кроме того, не рекомендуется использование изображений, символов и слов, имеющих отрицательную коннотацию или связанных с насилием, наркотиками или пропагандой не нужных ценностей. Также не рекомендуется использование подписей, которые могут быть спутаны с простой росписью или черновиком, так как это может создать сложности в случае проверки подлинности документа [8].

Почему такая важность уделяется подписи в паспорте? Это связано с необходимостью борьбы с фальсификацией документов и обеспечением безопасности граждан. Подпись служит одним из факторов, позволяющих контролиро-

вать и сверять личность владельца паспорта, а также устанавливать его авторство на документе. В случае возникновения спорных ситуаций или необходимости идентификации личности, подпись в паспорте играет важную роль и помогает раскрыть поддельные документы.

Подпись в паспорте является важным элементом документа, подтверждающим личность и авторство. Правильно оформленная подпись должна быть четкой, разборчивой и не противоречить никаким правовым или нравственным нормам. Уделение внимания подписи связано с обеспечением безопасности и борьбой с фальсификацией документов [2]. Делая правильную и осознанную подпись, каждый гражданин оказывает вклад в укрепление системы идентификации и обеспечение личной безопасности [6].

Рисуя причудливые или несоответствующие этическим нормам изображения, можно нарушить требования к оформлению подписи в паспорте. Например, использование карикатуры, портрета знаменитости или любого другого изображения, которое могло бы нарушить авторские права или вызвать затруднения при проверке подлинности, не рекомендуется. Также не стоит делать рисунки, которые содержат политические, религиозные или расовые символы, так как это может вызывать конфликты или нарушить принципы толерантности.

Который год судебная практика говорит о важности соблюдения правил подписи в паспорте. В одном из случаев, суд рассмотрел дело о допустимости подписи, которая включала рисунок в виде непристойного символа. В результате, суд признал такое оформление подписи неприемлемым, так как оно нарушало моральные нормы и оскорбляло общественность.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении судами дел под подписью понимается «собственноручно написанное имя лица (фамилия, имя и отчество) и (или) параграф (росчерк, сокращенная подпись), обычно проставляемый на документах с указанием имени лица, его поставившего [3].

При этом под росчерком понимается дополнительная черточка или завиток у последней буквы в подписи, под сокращенной подписью.

Также стоит упомянуть о случаях, когда суды признали недействительным и подписи в паспорте, которые были выполнены не вручную, а напечатаны или выполнены другими методами цифрового оформления. Это связано с тем, что подпись, выполненная вручную, служит проверяемым критерием подлинности и помогает идентифицировать владельца паспорта.

В заключение, существует несколько причин, по которым нельзя делать рисунки в подписи паспорта. Они включают нарушение прав авторов изображений, нарушение моральных норм и этических принципов, а также возможность создания трудностей при проверке подлинности документа. Судебная практика подтверждает подход к рассмотрению подобных случаев и важность уважения правил оформления подписи в паспорте.

Подпись в заграничном паспорте имеет туже важность и цель, что и в обычном паспорте – подтверждение личности установление авторства на документе.

Однако в разных странах могут быть некоторые различия и правила относительно оформления подписи в заграничном паспорте.

Например, в некоторых странах, подпись в заграничном паспорте может требоваться на всех страницах документа, а не только на странице с идентификационными данными. Это сделано для обеспечения дополнительной защиты от фальсификации сводится к обязательной проставлению своей подписи в каждом разделе или на каждой странице паспорта.

Кроме того, некоторые страны устанавливают определенные требования к оформлению подписи в заграничном паспорте. Например, в США подпись должна быть выполнена чернилами на странице с биографическими данными, и она должна точно соответствовать подписи в национальном паспорте. Это требование помогает установить идентичность владельца паспорта на границе и обеспечить безопасность путешественников [7].

Также важно отметить, что подпись в заграничном паспорте может требовать дополнительных формальностей, если она делается вне страны или консульском учреждении. В некоторых случаях может потребоваться нотариальное заверение подписи или присутствие дипломатического представителя при ее оформлении. Это связано с обеспечением дополнительной защиты и уверенности в правильности оформления документа.

Подписи в паспортах других стран могут иметь свои особенности и требования. Каждая страна устанавливает свои правила и регламентирует процесс оформления подписи в паспорте. Путешественники обязаны соблюдать эти требования, чтобы обеспечить безопасность и легальность своих документов.

Итак, можно утверждать, что подпись в паспорте выступает в роли ключевого инструмента для идентификации личности подтверждения авторства. Она играет важнейшую роль в обеспечении безопасности подлинности документов, а также в предотвращении фальсификации. Разумное и осознанное оформление подписи, соблюдение правил и требований, а также сопоставимость подписи с актуальными личными данными, создают фундаментальные условия для успешного процесса идентификации владельца паспорта.

Настойчивое соблюдение этических норм и моральных принципов, исключение использования ненормативной лексики или оскорбительных символов в подписи, принятие во внимание культурных и правовых ограничений – все это приобщает к высшим стандартам, поднимает уровень осведомленности в области правильного оформления подписи в паспорте. Дополнительные аспекты, такие как обязательность подписи на каждой странице заграничного паспорта и возможность использования электронных подписей, представляют собой новые горизонты и позволяют обеспечить еще большую надежность и эффективность данного процесса [1; 4].

Уместно подчеркнуть и весьма значимую роль судебной практики, которая подчеркивает несомненные последствия нарушения правил и требований при оформлении подписи в паспорте. Преодоление препятствий, возникающих при проверке подлинности, и установление доверия к документам облегчаются благодаря ответственному, соответствующему и аккуратному оформлению подписи.

Объяснение важности правильной подписи в паспорте кажется насущным в контексте современных требований к безопасности и усложнению схем под-

делки документов. Знание и соблюдение правил, требований и ограничений, регулирующих процесс личной подписи в паспорте, существенно для обеспечения последовательности, правомерности и достоверности документов, необходимых для легальных и административных процедур. Формирование правильной подписи становится неотъемлемым элементом процесса идентификации и укрепления систем безопасности. В связи с этим, предлагается внести изменения в пункт 16.1 Постановления Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 года № 828 [5]: установить конкретные требования к личной подписи граждан, а именно подпись должна содержать собственноручно написанное имя лица (фамилия, имя и отчество) и (или) параграф (росчерк, сокращенная подпись), отражающая ФИО гражданина. Это позволит сократить случаи, приведения паспорта в непригодное состояние на этапе выдачи паспорта Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винберг Л. А., Шванкова М. В. Почерковедческая экспертиза : учебник для вузов / под ред. проф. Р. С. Белкина ; ВСШ МВД СССР. Волгоград, 1977.
2. Инструкция МВД РФ от 15.10.1997 «О порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина РФ». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2024).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования от 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 15.12.2024).
4. Пахомов А. В., Сысоева Л. А. Судебно-экспертное исследование современной подписи. М. : ЭКЦ МВД России, 2007.
5. Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2024).
6. Приказ МВД России от 31.03.2021 № 186 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по оформлению и выдаче паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2024).
7. Свидетельствование верности подписи на документах. URL: https://washington.mid.ru/ru/consular-services/citizens-russia/notary-office/podlinnost-podpisi/ (дата обращения: 19.11.2024).
8. Указ Президента РФ от 19.10.2005 № 1222 (ред. от 27.07.2007) «Об основных документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащих электронные носители информации». URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 05.12.2024).

УДК 342.8

Макарова Алена Александровна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
makarova.alena04@mail.ru

Смурова Наталья Денисовна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalasmurova9@gmail.com

Миграция и интеграция: изменения в избирательном праве в связи с миграционными потоками и интеграцией мигрантов

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования миграционных отношений в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах. Исследование действующего законодательства, а также научной литературы позволяет выявить тенденции миграционных потоков и проблемы миграции. Отмечается необходимость учета миграционных процессов в избирательном законодательстве.

Ключевые слова: *миграция, миграционные отношения, гражданство, миграционная политика, иностранный гражданин, избирательное право, сообщество мигрантов.*

Makarova Alena Alexandrovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Smurova Natalia Denisovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Migration and integration: Changes in electoral law in connection with migration flows and integration of migrants

The article discusses the issues of legal regulation of migration relations in the Russian Federation and some foreign countries. A study of current legislation, as well as scientific literature, reveals trends in migration flows and migration problems. The need to take into account migration processes in the electoral legislation is noted.

Keywords: *migration, migration relations, citizenship, migration policy, foreign citizen, suffrage, migrant community.*

Гражданство, как особая правовая связь человека с государством, напрямую связано с реализацией таких принципов конституционного строя, как народовластие, принцип признания прав и свобод человека высшей ценностью, принцип федерализма. Для государства институт гражданства является одним из важнейших признаков его суверенитета. Для человека гражданство – важнейший элемент его правового статуса, необходимая предпосылка наличия у лица всего закрепленного законодательством объема прав и свобод, а также

© Макарова А. А., Смурова Н. Д., 2025

выполнения им своих обязанностей перед государством его гражданской принадлежности.

Всего с начала действия Федерального закона от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [6], который ранее действовал, а в настоящее время утратил юридическую силу, в российское гражданство было принято более 7,3 млн человек.

В настоящее время действует Федеральный закон от 28.04.2023 № 183-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [5]. Если обратиться к последним данным, то только за январь – март 2024 года число лиц, в отношении которых было принято решение о приобретении гражданства РФ по различным основаниям (прием, восстановление, признание) составило 141 663 человека. За аналогичный период в 2021 года, по статистике МВД России, данное число составило 160 989 человека [3].

В то же время другие данные миграционной статистики существенно выросли. Так, почти в два раза больше за указанный период было оформлено разрешений на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства (за январь – март 2023 года – 26 011; за тот же период 2024 года – 44 127); значительно увеличилось число оформленных видов на жительство (52 665 в январе – марте 2023 года и 69 502 за тот же период 2024 года); увеличилось число оформленных разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства (с 14 056 в январе — марте 2023 года до 21 103 за тот же период 2024 года).

Данные Росстата, МВД России свидетельствуют о мощных миграционных потоках, нуждающихся в целенаправленном правовом регулировании. На современном этапе регулирование миграционных отношений характеризуется наличием широкого круга правовых актов различной юридической силы. В их числе Конституция РФ, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента России, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, постановления Конституционного Суда РФ. Так, Конституционным Судом РФ выражено более 20 правовых позиций, относящихся к статусу иностранных граждан и лиц без гражданства. Важную роль в правовом регулировании отношений гражданства играет Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы [4].

Миграционные потоки представляют собой один из самых значительных вызовов для современных государств. Они приводят к изменениям демографического состава населения, социально-экономической структуры и, что особенно важно в контексте данного исследования, к необходимости изменения избирательного законодательства. Интеграция мигрантов в принимающее общество тесно связана с их участием в политической жизни, включая право голоса. Однако вопрос о предоставлении избирательных прав мигрантам – это сложный и многогранный вопрос, вызывающий широкие общественные дебаты.

Одним из ключевых аспектов является определение критериев предоставления избирательных прав. В разных странах действуют различные подходы. Некоторые страны предоставляют право голоса всем законным резидентам,

независимо от гражданства, в то время как другие страны ограничивают это право только гражданами. Существуют также промежуточные варианты, например, предоставление избирательного права на уровне муниципальных выборов, но не на федеральном и региональном уровнях проведения выборов. Эти отличия обусловлены различными политическими системами, культурными традициями и представлениями о гражданстве. В Северном совете граждане всех государств, входящих в организацию (Исландия, Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция), проживающие в любой из стран союза, имеют право принимать участие в выборах на местном уровне. В Соединенном Королевстве все граждане стран, входящих в Содружество наций, пользуются теми же электоральными правами, что и сами граждане Соединенного Королевства, на всех уровнях: национальном, региональном и местном. Граждане любой из стран, входящих в Содружество португалоязычных стран (СПЯС), постоянно проживающие в Кабо-Верде, имеют право принимать участие в муниципальных выборах в этом государстве. Встречается также условие заявления о присвоении избирательного права иностранцу, находящемуся на территории определенного государства. Такое специфическое условие имеется в законодательстве Бразилии, где установлено, что граждане Португалии, постоянно проживающие в Бразилии, имеют право на приобретение полного объема политических прав в этой стране путем подачи специального прошения в министерство юстиции. Существуют иные специфичные условия приобретения избирательного права иностранцем. В качестве интересной особенности следует отметить регулирование, установленное в Уругвае, которым предусмотрено, что избирателями вправе выступать иностранцы, владеющие каким-либо капиталом или собственностью в Республике или профессионально занимающиеся наукой, искусством или производством. Следует отметить, что рассмотренные выше группы условий приобретения иностранными гражданами избирательных прав на территории государств пребывания практически не используются в чистом виде, а применяются в различных сочетаниях. Более того, иностранец в абсолютном большинстве случаев может приобрести тот или иной электоральный статус лишь при его соответствии фундаментальным критериям (возраст, дееспособность, место проживания), установленным для граждан соответствующей страны.

Другим важным аспектом является вопрос о временных ограничениях на предоставление избирательных прав. Многие страны устанавливают определенный минимальный срок проживания в стране для получения активного избирательного права. Это обосновывается необходимостью обеспечить достаточную интеграцию мигрантов в общество и их понимание политической системы страны. Однако длительные сроки ожидания могут приводить к маргинализации мигрантов и лишать их возможности влиять на политические процессы, в которых они заинтересованы.

Влияние миграции на избирательное право также проявляется в изменении демографического баланса и представительства различных групп населения в органах государственной власти. Приток мигрантов может привести к необходимости пересмотра избирательных округов и системы пропорционального представительства, чтобы обеспечить адекватное представление всех групп

населения. Это может потребовать разработки новых методов учета интересов мигрантских сообществ и обеспечения их участия в политической жизни [1].

Наконец, интеграция мигрантов в политическую систему неразрывно связана с усилиями по обучению мигрантов, разъяснения им их прав и обязанностей, а также по продвижению гражданского участия в жизни государства и общества. Эффективная интеграция требует не только юридических изменений, но и целенаправленной политики в области образования, культуры и общественного диалога.

Анализ проявляющихся в законодательстве тенденций миграционной политики позволяет сделать вывод о необходимости разработки в ближайшей перспективе новой концепции миграционной политики, которая должна быть четко отражена в соответствующем законодательстве, включать конкретные механизмы, направленные на регулирование миграционных потоков и действенные механизмы борьбы с нелегальной миграцией [2].

В заключение стоит отметить, что изменения в избирательном праве в связи с миграционными потоками и интеграцией мигрантов являются сложным и динамичным процессом. Он требует внимательного и взвешенного подхода, учитывающего как интересы принимающего общества, так и права мигрантов на участие в политической жизни. Нахождение баланса между этими интересами является ключевой задачей для обеспечения справедливого и демократического общества. В связи с либерализацией законодательства в сфере миграции применительно к русскоязычным гражданам и лицам, близким нам по культуре и традициям, важным направлением становится проблема адаптации мигрантов в России. При этом необходимо соблюдать приоритет интересов граждан Российской Федерации и законодательно закреплять меры, направленные на развитие русского языка и сохранение российской культуры. Концепция должна предусматривать пути использования миграции для развития нашего государства, а также возможное заимствование у других стран положительного опыта в вопросах, касающихся законодательства в сфере миграции.

Основные аспекты изменений в избирательном праве: расширение прав мигрантов; в некоторых регионах мигранты могут участвовать в выборах на местном уровне, если они имеют соответствующий статус; введение упрощенных процедур для мигрантов с целью более простой их регистрации для участия в выборах; проведение разъяснительных кампаний среди мигрантов о их избирательных правах и возможностях.

Как естественный процесс, миграция имеет положительные стороны, поскольку позволяет сбалансировать социально-экономическую, политическую, духовную сферы мирового сообщества в результате возникающего социокультурного обмена. Но проблема миграции, как явления не только социально-экономического, но и политического, должна решаться при пристальном внимании, как всего мирового сообщества, так и каждого государства. Для этого необходимо тщательно исследовать тенденции в международной миграции, оперативно прогнозировать их динамику в целях недопущения бесконтрольности этих процессов, направлять их в нужное русло, чтобы баланс последствий международной миграции склонялся в положительную сторону мирового про-

гресса. Ныне на основе Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы наша страна проводит последовательную миграционную политику, формируя при этом правовую базу регулирования миграционных отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Российское гражданство: опыт и проблемы // Законодательство. 1997. № 5. С. 38–43.

2. Никитина Е. Е. Законодательство о гражданстве и совершенствование миграционной политики Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 30–42.

3. Официальный сайт МВД РФ. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/29644597 (дата обращения: 20.12.2024).

4. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.

5. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

6. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

УДК 34.09

Мордзенко Егор Андреевич,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
mordzenkoeg@vk.com

Сидоров Александр Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
an.sydorov@yandex.ru

Орловская Ирина Викторовна,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
irinorlovskaya@yandex.ru

Проблемы правовой защиты Георгиевской ленты как символа воинской славы России

Статья посвящена актуальной проблеме правовой защиты Георгиевской ленты как символа воинской славы России. Авторы анализируют современное правовое регулирование ее использования в Российской Федерации. В работе выявляются основные проблемы, свя-

© Мордзенко Е. А., Сидоров А. Н., Орловская И. В., 2025

занные с правовой защитой Георгиевской ленты, в том числе неопределенность понятия «осквернение». Авторы анализируют действующее законодательство, регламентирующее применение данного символа, и предлагают пути его совершенствования. Особое внимание уделяется анализу судебной практики по делам, связанным с нарушением правил использования Георгиевской ленты. Авторы приходят к выводу о необходимости законодательного закрепления оценочного понятия «осквернение» для обеспечения правовой защиты Георгиевской ленты как важного элемента национального и исторического самосознания России.

Ключевые слова: *Георгиевская лента, публичное осквернение, символ воинской славы, героизм, правовой статус.*

Mordzenko Egor Andreevich,
Student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Sidorov Alexander Nikolaevich,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Orlovskaya Irina Viktorovna,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal protection of the St. George Ribbon as a symbol of military glory of Russia

The article is devoted to the urgent problem of the legal protection of the St. George ribbon as a symbol of military glory of Russia. The authors analyze the current legal regulation of its use in the Russian Federation. The paper identifies the main problems related to the legal protection of the St. George Ribbon, including the uncertainty of the concept of "desecration". The authors analyze the current legislation governing the use of this symbol and suggest ways to improve it. Special attention is paid to the analysis of judicial practice in cases involving violations of the rules for the use of St. George's ribbon. The authors conclude that it is necessary to legislate the evaluative concept of "desecration" in order to ensure the legal protection of the St. George Ribbon as an important element of Russia's national and historical identity.

Keywords: *St. George's ribbon, public desecration, symbol of military glory, heroism, legal status.*

«В ознаменование героизма, мужества и стойкости народов нашего Отечества, подвигов защитников Отечества в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или служебных обязанностей по защите Отечества настоящим Федеральным законом устанавливается статус Георгиевской ленты. Георгиевская лента является одним из символов воинской славы России» – так закреплено в Федеральном законе от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 579-ФЗ) [4]. Ежегодно в преддверии Дня Победы миллионы людей по всей стране и всему миру выходят на

улицы городов с черно-оранжевой лентой в память о тех героях, которым пришлось заплатить большую цену ради общей Великой Победы. Вместе с тем на фоне дискредитационной политики по запрету Георгиевской ленты, которую можно наблюдать в ряде стран бывшего одного большого государства – СССР, отмечается ряд фактов неподобающего использования гражданами символа воинской славы России, как намеренного осквернения с целью искажения истории, а также негативного воздействия на общество ради нарушения гражданского мира и согласия, а также путем активных действий, нарушая общественный покой граждан, так и неосознанного, например, прикрепляя Георгиевскую ленту на антенны машин, дверные ручки, передние и задние щетки стеклоочистителя машин, которая впоследствии, пачкается, рвется и приходит в негодность, тем самым создавая негативное впечатление у граждан о Дне Победы, и задевая чувства ветеранов.

Георгиевская лента имеет важное положение в жизни российского общества, регламентация ее правового статуса как символа воинской славы России дает право судам квалифицировать общественно опасное деяние, как ч. 3 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «…явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы… а равно осквернение символов воинской славы России» [8]. Это позволяет суду привлекать лица к уголовной либо административной ответственности, а любая деятельность с использованием символики Георгиевской ленты в целях, отличных от установленных законом, будет пресекаться. Также в соответствии с частью 4 ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) публичное осквернение символов воинской славы России влечет наложение административного штрафа на юридических лиц в размере от 3 млн до 5 млн руб. с конфискацией предмета административного правонарушения или без таковой [7]. Однако, несмотря на то что Федеральный закон 579-ФЗ вступил в силу более двух лет назад, применение нормы права в области осквернения символа воинской славы России не так много, при этом судебные акты, выносимые в ходе судебного разбирательства разнообразны, и носят больше общий характер толкования нормы права, и той опасности, которое совершило виновное лицо, что является прямым нарушением принципа единообразия судебных решений. Во многом, сложности возникают в понимании предмета указанного состава преступления, способа совершения посягательства на преступление, а также отсутствием формально закрепленного в законодательстве термина «осквернение».

Так, например, 5 декабря 2023 года Первомайский районный суд города Краснодара признал виновным по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма с использованием средств массовой информации), жителя города Краснодара и приговорил его к 1 году и 6 месяцам колонии общего режима за осквернение Георгиевской ленты. Из приговора суда следует, что подсудимый в мае 2023 года разместил на своей странице в «Вконтакте» фотографию, на которой запечатлен мужской половой орган с завязанной на нем Георгиевской ленте. В су-

дебном заседании подсудимый признал вину, однако, по мнению гражданина, представление прокурора, как представителя обвинения, неправильное, что повлияло на справедливость наказаниях [5].

Другой пример, Санкт-Петербургский городской суд огласил приговор по уголовному делу в отношении гражданина, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма». <...> Суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев условно с испытательным сроком один год». Установлено, что с 4 по 9 мая 2021 года гражданин разместил на страницах трех городских сообществ в социальной сети «ВКонтакте» изображение, оскверняющее Георгиевскую ленту и сопровождающееся оскорбительным текстом. Гражданин признал свою вину [6].

Таким образом, мы видим, что состав преступления идентичным, однако по тем или иным обстоятельствам, срок наказания совершенно разный.

Если обратиться к правонарушениям, предусмотренным ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ, связанным с использованием Георгиевской ленты – символа воинской славы России, то можно заметить, что в открытом доступе отсутствует судебная практика по привлечению к административной ответственности по данному вопросу. Это может свидетельствовать, в том числе о наличии проблем в квалификации состава такого правонарушения.

Во многом это связано с наличием оценочного понятия «осквернение», не закрепленного законодательством. Законодатель при составлении нормативно-правовых актов использует правила и нормы государственного языка Российской Федерации, т. е. русского языка, поэтому при толковании того или иного понятия необходимо опираться на актуальное лексическое значение терминов. Слово «осквернение» означает опозорить, подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-нибудь, обесчестить, поругать. В словаре русского языка С. И. Ожегова приводится следующее толкование: «Осквернить – подвергнуть поруганию, унижению, запятнать чем-нибудь». Скверна – нарушение порядка и целостности каких-либо святынь, их поругание, кощунственное унизительное надругательство [1]. Осквернением считается физическое разрушение или варварское поругание памятников на могилах усопших, погибших, памятников общественно признанных и почитаемых героев и святых, церквей и икон [3, с. 816]. Суть осквернения заключается в том, чтобы сделать нечистым то, что являлось ценным и значительным для людей, народа, нации. Это может быть совершено путем циничного поругания определенных предметов с целью демонстрации неуважения к окружающим людям, моральным и материальным ценностям. При совершении данного вида посягательства нарушается эстетический вид сооружений, что часто вызывает возмущение и недовольство окружающих. В. В. Власенко считает, что под осквернением применительно к теме настоящей статьи следует понимать совершение безнравственных, циничных и оскорбительных действий по отношению к соответствующим объектам правовой охраны. Поскольку виновный не просто что-то оскверняет, а стремится

к тому, чтобы результаты его действий стали видны окружающим, т. е. рассчитывает на общественную реакцию [2, с. 23]. Таким образом, осквернение означает заметное и доступное для восприятия снижение эстетических свойств объектов материального мира, нарушающее в силу этого нормы общественной нравственности. Деяние в виде осквернения объектов считается оконченным с момента нанесения изображения, повреждения объекта.

Судебные решения, как известно, должны опираться на конкретные факты, которые устанавливаются в ходе судебного разбирательства с помощью совокупности доказательств. Эти доказательства собираются и исследуются в установленном законом процессуальном порядке. Ключевым этапом принятия решений, из которых складывается судебный приговор, является окончательная оценка доказательств с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Однако при принятии решения суд руководствуется внутренними убеждениями и нормами закона. Если закон не проводит четкого разграничения между видами ответственности, это может привести к нарушению принципа единообразия судебной практики в Российской Федерации. Таким образом, мы можем наблюдать отсутствие четкого понимания у правоприменителя, какую опасность несет осквернение Георгиевской ленты.

Проведенный выше анализ позволяет сделать вывод, что существующие правовые нормы, регулирующие защиту Георгиевской ленты как символа воинской славы России, сталкиваются с рядом проблем, связанных с неопределенностью и недостаточной четкостью терминологии. Введение в законодательство четкого определения термина «осквернение» является необходимым шагом для обеспечения единообразия в судебной практике и повышения эффективности и объективности правоприменения.

Учитывая вышеизложенное, представляется обоснованным внести изменение в Федеральный закон от 29 декабря 2022 года № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и изложить ст. 3 в следующей редакции: «Публичное осквернение Георгиевской ленты – умышленное уничтожение, повреждение, сожжение или нанесение циничных надписей на ленту с целью воздействия на общество, и иные действия направленные на умаление и дискредитацию подвига народов Отечества, подвигов защитников Отечества в ходе военных действий, при выполнении других боевых задач или служебных обязанностей по защите Отечества».

Дополнить пунктом 3.1 со следующим содержанием «Публичное осквернение Георгиевской ленты, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), влечет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Считаем, принятие таких изменений в Федеральный закон № 579-ФЗ позволит не только защитить общественные отношения, охраняемые законом, но

и укрепить правовую основу для противодействия правонарушениям, направленным на подрыв уважения к символам воинской славы России. Таким образом, разработка и внедрение соответствующих законодательных инициатив станет важным шагом к более эффективной защите культурных и исторических ценностей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабурин В. В., Черемнова Н. А. Осквернение, уничтожение или повреждение в некоторых статьях Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oskvernenie-unichtozhenie-ili-povrezhdenie-v-nekotoryh-statyah-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 14.10.2024).
2. Власенко В. В. Осквернение скульптурных, архитектурных сооружений, посвященных борьбе с фашизмом либо жертвам фашизма: вопросы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2018. № S3. С. 21–25.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01001203110?ysclid=m45mmlrpi22908281 (дата обращения: 14.10.2024).
4. О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон № 579-ФЗ : по сост. на 29.12.2022 : принят Государственной Думой 20 декабря 2022 года : одобр. Советом Федерации 23 декабря 2022 года. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.09.2024).
5. Приговор Первомайского районного суда города Краснодара от 05.12.2023 № 1-496/2023. URL: http:// www.sudact.ru (дата обращения: 14.10.2024).
6. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 24.08.2023 № 2-29/2023. URL: http:// www.sudact.ru (дата обращения 14.10.2024).
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: с изм. и доп. на 8 сентября 2024 года : принят Государственной Думой 20 декабря 2001 года : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 года. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.09.2024).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации: с изм. и доп. на 2 октября 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.09.2024).

УДК 347.97/99

Нахмурова Елена Ивановна,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
elena.nakhmurova@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Lsiverskaya@yandex.ru

Историко-правовые аспекты отечественного законодательства об апелляционных судах

Статья посвящена становлению и развитию апелляционных судов в России со времен Русской Правды до настоящего времени; проанализированы исторические аспекты судебной реформы; сформулированы выводы о роли и полномочиях апелляционных инстанций; исследована взаимосвязь институционных изменений с возрастанием охвата действия принципа независимости судей.

Ключевые слова: *судебная система, суды общей юрисдикции, апелляционные суды, апелляция, судебная реформа, история судебного права.*

Nakhmurova Elena Ivanovna,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolyevna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Historical and legal aspects of domestic legislation on appellate courts

The article is devoted to the formation and development of the courts of appeal in Russia from the time of the Russian Truth to the present; the historical aspects of judicial reform are analyzed; conclusions are formulated about the role and powers of appellate instances; the relationship of institutional changes with the increasing coverage of the principle of judicial independence is investigated.

Keywords: *judicial system, courts of general jurisdiction, courts of appeal, appeal, judicial reform, history of judicial law.*

Апелляционные суды занимают определенное место в судебной системе Российской Федерации**.** Они являются органами судебной власти, входящими

© Нахмурова Е. И., Сиверская Л. А., 2025

в единую судебную систему судов общей юрисдикции. Важным событием стало подписание 29.07.2018 Федерального конституционного закона «О судебной системе в Российской Федерации» [7] и отдельные федеральноконституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». Апелляционный суд общей юрисдикции является федеральным судом общей юрисдикции, действующим в пределах территории соответствующего судебного апелляционного округа. В Российской Федерации действуют пять апелляционных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных апелляционных округов. Институт апелляции известен еще со времен Русской Правды и прошел длительный путь становления и развития. Можно выделить несколько основных этапов. Первый, исчисляется с начала появления первых правовых актов в XI веке и до издания первых Судебников в конце XV. Этот период характеризуется отсутствием возможности обжалования решение судьи. Со второго этапа, который датируется концом XV – второй половиной XIX века, появляется возможность обжалования – пересмотра решения суда. В этот период издаются Судебники 1497 и 1550 годов. Суд вышестоящей инстанции в этом периоде на основании жалобы истребовал дело в нижестоящей инстанции, рассматривал и выносил решение, при этом не допускалось представление новых доказательств. Таким образом, издание Судебников послужило началом становления института обжалования, который по форме, но не по содержанию, напоминает апелляцию.

Начиная с периода правления Петра I и до Судебной реформы 1864 года (далее – Судебная реформа), апелляционный порядок пересмотра дел являлся единственным способом правовой защиты граждан в ходе судопроизводства.

Третий этап связан с Судебной реформой 1864 года, которая внесла колоссальный вклад в развитие судебной системы Российской империи. Этот этап характеризуется созданием судов первой и второй инстанций. В первой инстанции дела рассматривались по существу, по второй (апелляционной) проверялись не вступившие в законную силу судебные акты. Итогом судебной реформы стало изменение всего судебного строя Российской империи. В результате преобразований сложилась четкая судебная система, состоящая из судов первой инстанции, апелляционных судов и кассационного суда.

В 1917 году институт апелляции, как и все дореволюционное судопроизводство, прекратил свое существование. Проверка не вступившего в законную силу решения осуществлялась не в апелляционном, а в кассационном порядке. И последний этап развития выделяют с 1991 по настоящее время.

Введение апелляционного порядка пересмотра судебных решений в постсоветское время происходило поэтапно. Первый получил свое начало 24.10.1991 в связи с принятием Верховным Судом РСФСР постановления «О концепции судебной реформы в РСФСР». «Считать проведение судебной реформы необходимым условием функционирования РСФСР как демократического правового государства и одним из приоритетных направлений законопроектной деятельности» [5, с. 3].

Следует отметить, что введение апелляционного порядка рассмотрения судебных решений не только для мировых судей, но и для судов других звеньев судебной системы является реализацией положений Концепции судебной реформы 1991 года, которая предусматривала широкое применение апелляционного производства [4, с. 5].

Впервые апелляционный порядок обжалования был введен в 1995 году в арбитражном процессе, в 2000 году в Гражданско-процессуальном кодекс введена глава «Апелляционное производство по пересмотру решений и определений мировых судей». Апелляция была восстановлена в гражданском процессе только в отношении мирового судопроизводства. «М.К. Треушков объяснил введение новой главы необходимостью обеспечить доступность правосудия, правильное и своевременное разрешение подсудных мировому судье гражданских дел. Он писал: «Разработчики ГПК исходили из того, что мировой судья и районный суд расположены в одном районе. Для того чтобы обжаловать решение мирового судьи, ехать в областной центр не потребуется» [2, с. 5]. Формирование института апелляционного пересмотра судебных актов судов общей юрисдикции, не вступивших в законную силу судебных актов, в формально-юридическом плане произошло в 2010 году, а в практическом чуть позже – в 2012–2013 годах.

В июле 2018 года в действующее российское законодательство были внесены изменения в части выделения апелляционных судов общей юрисдикции. Ключевым назначением этой реформы стала разгрузка Верховного суда Российской Федерации и верховных судов субъектов федерации, однако иметься и другие причины, способствовавшие изменениям российской судебной системы и появлению апелляционных судов. Ряд из них уходит своими корнями в историческое прошлое отечественного судебного законодательства и государственной системы [6, с.1].

Ю. А. Коршунов считает, что апелляционные суды – важные проверочные звенья судебной системы, имеющее большое значение для защиты прав и свобод граждан. Это обособленные независимые судебные органы, занимающие промежуточное положение между арбитражными судами субъектов Российской Федерации и арбитражными кассационными судами в системе арбитражных судов, судами областного звена и кассационными судами общей юрисдикции в системе судов общей юрисдикции, являющиеся только судами второй инстанции, реализующими правозащитную функцию судебной власти посредством апелляционного производства, исследующие в том числе фактические обстоятельства дел и новые доказательства. Вышестоящие проверочные инстанции таковой компетенции не имеют [3, с. 45].

Федеральная система судов общей юрисдикции стала включать: кассационные суды общей юрисдикции; апелляционные суды общей юрисдикции; республиканские, краевые, областные, окружные суды общей юрисдикции (суды областного звена); районные суды. Мировые судьи являются судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации. Причина реформы судов общей юрисдикции – несовершенство порядка апелляционного обжалования и возможность нарушения прав граждан при его производстве. П. В. Крашенинников

указывал: «Благодаря данной реформе рассмотрение апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные акты не будет осуществляться в том же суде, который рассматривал дело в первой инстанции». Нельзя также не согласиться с В. В. Мамоновым, который считает, что «на современном этапе развития в России правового государства и гражданского общества необходимо реализовать принцип «один суд – одна инстанция», который обеспечивает максимальный уровень независимости судей» [1, с. 4].

В ходе реформы создана новая, более автономная модель системы судов общей юрисдикции, которая принципиально отличается от ранее действующей.

Создание апелляционных судов общей юрисдикции имеет огромное значение; произведено обоснованно и вызвано потребностью в инстанционном обособлении апелляционной инстанции, необходимостью укрепления независимости судей в силу организации работы на основе децентрализованных судебных округов, целесообразностью формирования единообразной судебной практики апелляционных судов. Кроме того, понятия судебной деятельности и правосудия тесно связаны, а правосудие может быть таковым только при полном единстве с международно-правовой и конституционной позицией о необходимости восстановления нарушенных прав и справедливости разрешения дел. Апелляционные суды создают дополнительную гарантию справедливого правосудия и эффективной судебной деятельности.

Таким образом, в настоящее время в судебной системе России имеются инстанционно и организационно обособленные апелляционные суды – вышестоящие по отношению к арбитражным судам субъектов Российской Федерации либо судам общей юрисдикции областного звена независимые органы судебной власти, действующие в пределах соответствующего судебного округа, повторно рассматривающие дела по жалобам и представлениям, проверяющие на предмет законности, обоснованности и справедливости не вступившие в законную силу приговоры и решения нижестоящих судов, вынесенные ими в качестве суда первой инстанции, а также обладающие полномочиями рассмотрения дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам, т. е. осуществляющие судебный контроль. Деятельность этих судов направлена на защиту прав и свобод граждан, организаций, охраняемых законом интересов общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Безносова Е. С. Создание апелляционных судов общей юрисдикции: положительные и отрицательные аспекты. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-apellyatsionnyh-sudov-obschey-yurisdiktsii-polozhitelnye-i-otritsatelnye-aspekty/viewer (дата обращения 21.11.2024).

2. Борисова Е. А. Апелляционное производство: история, теория, практика. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения 21.11.2024).

3. Коршунов Ю. А. Апелляционные суды в судебной системе Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.11. М., 2022. 44 с.

4. Петров А. В., Кудрявцева А. В. История развития института апелляции URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-instituta-apellyatsii/viewer (дата обращения: 01.12.2024).

5. Постановления «О концепции судебной реформы в РСФСР» от 24.10.1991. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102012853&ysclid=m2yw2v5ufd427500690 (дата обращения: 01.12.2024).

6. Рязанова М. Н. Историко-правовые аспекты реформы апелляционных судов общей юрисдикции в Российской Федерации. URL: https://www.vestnykeps.ru/0120/15.pdf (дата обращения: 01.12.2024).

7. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 01.12.2024).

УДК 325.1

Некрасов Георгий Иванович,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
hallgastreal@yandex.ru

Сидоров Александр Николаевич,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
Кострома, Российская Федерация
an.sydorov@yandex.ru

Улучшение визового режима со странами Средней Азии

В статье анализируются положения законодательства и состояние визового режима Российской Федерации. Автором исследуется актуальность вопроса улучшения визового режима и его проблемы. Рассмотрение правоприменительной практики интервьюирования лиц, пострадавших от преступлений мигрантов позволяет произвести сравнительный анализ, по проблеме, которая была заявленная в данной статье. В данной статье делается вывод о необходимости повышения эффективности визового режима и приводится попытка устранения пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: *мигрант, нелегальный мигрант, виза, визовый режим.*

Nekrasov Georgy Ivanovich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Sidorov Alexander Nikolaevich,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Improving the visa regime with Central Asian countries

The article analyzes the provisions of the legislation and the state of the visa regime of the Russian Federation. The author examines the relevance of the issue of improving the visa regime

© Некрасов Г. И., Сидоров А. Н., 2025

and its problems. Consideration of law enforcement practice, interviewing persons affected by migrant crimes allows for a comparative analysis on the problem that was stated in this article. This article concludes that it is necessary to improve the effectiveness of the visa regime and provides an attempt to eliminate gaps in legislation.
Keywords: *migrant, illegal migrant, visa, visa regime*

Этапы визовой политики в России и странах Средней Азии можно выделить следующим образом:

1. Советский период (1922–1991)

– Визовая политика была единообразной, без жесткого контроля, поскольку страны Средней Азии входили в состав СССР [1, с. 45].

2. Постсоветский период (с 1991)

– Формирование независимых государств привело к установлению новых визовых режимов, стремлению к контролю миграции [5, с. 57].

3. 2000-е годы

– Ужесточение визовых требований в ряде республик (например, Таджикистан), но также попытки упрощения для трудовых мигрантов [2].

4. Оптимизация визовых процедур (2010-е годы)

– Внедрение электронных виз и упрощение визовых режимов с Россией для некоторых стран (Казахстан, Кыргызстан) [4, с. 20].

5. Современные вызовы (2020-е годы)

– Изменение визовой политики в контексте миграционных кризисов, пандемии COVID-19, увеличение числа беженцев [3].

Геополитические обстоятельства играют важную роль в формировании миграционной политики России, особенно в отношении стран Центральной Азии, таких как Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. Одним из главных факторов является экономическая необходимость. В России наблюдается нехватка рабочей силы в различных секторах, и мигранты из Центральной Азии являются значимым источником трудовых ресурсов.

Также важно учитывать исторические взаимосвязи, ведь многие мигранты имеют культурные и языковые корни, связанные с Россией. Это способствует более легкой адаптации и интеграции, что делает миграцию привлекательной как для самих мигрантов, так и для российского государства. В этой связи стоит отметить создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который значительно упростил миграционные процессы для граждан стран-участниц.

Актуальные кризисные ситуации, такие как политическая нестабильность в Афганистане и экономические трудности в Средней Азии, способствуют росту миграционных потоков. Увеличение числа беженцев и трудовых мигрантов вынуждает Россию пересмотреть свою миграционную стратегию для обеспечения внутренней безопасности и снижения социальных напряженностей.

Экономические приоритеты России в рамках региональных инициатив, включая интеграцию в Шанхайскую организацию сотрудничества и другие меры безопасности, подчеркивают важность поддержания благоприятных миграционных связей. Эти обстоятельства оказывают влияние на статус России как привлекательного направления для миграции, создавая возможности для взаимодействия с соседними государствами.

Миграционные потоки в России включают множество трудовых мигрантов из стран СНГ, преимущественно из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Эти мигранты нередко стремятся найти работу в России, оказывая значительное демографическое воздействие.

Статистические данные о нарушениях визового режима показывают случаи, когда сроки пребывания превышаются, а также факты нелегального труда. Проблемы с регистрацией и документацией продолжают оставаться значительными, что способствует росту числа правонарушений среди мигрантов.

Безопасности в России угрожают риски, связанные с миграцией, проявляющиеся в увеличении уголовной активности и социальной нестабильности. Нелегальный поток мигрантов может способствовать распространению экстремистских идей, что требует активного вмешательства правоохранительных органов. Применение действенных мер контроля, таких как улучшение механизмов регистрации и интеграции мигрантов, может способствовать снижению этих угроз и укреплению общественной безопасности.

Оценка негативных последствий миграции в России может включать оценку следующих видов последсвий.

1. Экономические:

– Конкуренция за рабочие места: Увеличение мигрантов может приводить к снижению зарплат в определенных отраслях, что вызывает недовольство местного населения.

Например, в строительной отрасли, где работает большой процент мигрантов, по данным Росстата, средняя зарплата в 2022 году составила около 50 тыс. руб., что ниже, чем в регионах с меньшей трудовой миграцией.

Кроме того, исследование ВШЭ показало, что в некоторых секторах, таких как торговля и услуги, конкуренция с мигрантами может приводить к снижению зарплат на 10–15 %. Это вызывает недовольство местного населения: опросы показывают, что более 60 % граждан считают, что мигранты занимают рабочие места у россиян [7].

– Нагрузка на социальные услуги: Мигранты могут создавать дополнительные расходы для систем здравоохранения и образования

Согласно данным, предоставленным Министерством здравоохранения, в 2021 году доля мигрантов среди всех пациентов в медицинских учреждениях составляла примерно 5 %, что увеличивало затраты на медицинское обслуживание. Это объясняется тем, что мигранты, как правило, приезжают вместе с семьями, состоящими из 7–10 человек, что создает дополнительную нагрузку на систему здравоохранения.

В сфере образования, по информации Росстата, в регионах с высокой миграционной нагрузкой наблюдается увеличение численности учащихся в классах на 10–15 %, что создает сложности в обеспечении качественного обучения. Например, в Вологодской области зафиксирован существенный рост числа детей мигрантов в учебных заведениях, что требует привлечения дополнительных ресурсов и финансирования для образовательного процесса и их социальной адаптации.

Со слов журналистки «Комсомольской правды» Дины Карпицкой: «в школе № 3 в Котельниках официальное соотношение между русскими школьниками и приезжими – 50 % на 50 %. Но многие дети уже имеют гражданство России, формально их к мигрантам причислять уже нельзя. Но, когда я смотрела на учеников своими глазами, у меня было ощущение, что соотношение 70 % на 30 %, а может, и больше. То есть детей мигрантов там очень много» [9].

– Повышение цен на аренду жилья: Мигранты, приезжающие для работы, увеличивают спрос на аренду жилья, особенно в таких городах, как Москва и Санкт-Петербург. Это может приводить к росту цен. Например, по данным сервиса «ЦИАН» в 2021 году, в Москве аренда жилья поднималась из-за высокой миграции.

По данным Росстата, в 2022–2023 годах количество мигрантов в России возросло на 15–20 %, что создало дополнительный спрос на жилье.

Экспертные мнения: Некоторые исследования, такие как отчеты Института экономической политики, отмечают, что мигранты оказывают давление на рынок аренды, что ведет к повышению цен. Экономисты указывают на взаимосвязь между увеличением миграции и ростом цен на аренду. К концу июля арендные ставки повысились на 5–10 % поскольку в этот период в стране традиционно начинается ажиотаж из-за миграции [6].

2. Криминологические:

– Создание этнических ОПГ. На сегодняшний день многие диаспоры в России превратились в мафиозные структуры, построенные по этническому принципу, т. е. в этнические ОПГ. Любая ОПГ, любая мафиозная структура сильна тем, что никогда своего не бросает: только у нее, мол, есть монополия на то, чтобы своего наказывать. Она может его ликвидировать, если он, например, пошел на сотрудничество с конкурирующей структурой, либо она будет его защищать. Именно это мы сегодня и наблюдаем.

Чем более проблемный актив у диаспоры, который способен постоянно заявлять о себе участием в резонансных преступлениях, тем больше это увеличивает влияние данной диаспоры. Потому что она может шантажировать, напирая на то, что, знаете, мол, с нами лучше не ругаться.

Деятельность подобных диаспор привела к повышению преступности согласно отчетам за 2020 год, в некоторых регионах наблюдается увеличение числа правонарушений на 5–10 % в связи с ростом миграции. В основном это преступления, связанные с действиями сексуального характера.

Приезжие совершают в Москве 75 % изнасилований, 90 % преступников – выходцы из стран Азии, заявил в четверг на круглом столе «Профилактика и противодействие насилию в отношении женщин» замначальника управления уголовного розыска ГУМВД Москвы Михаил Трубников [7].

3. Культурные:

– Культура и интеграция: Проблемы с интеграцией мигрантов в общество приводят к культурным конфликтам.

Согласно данным Росстата, около 30–40 % трудовых мигрантов из стран СНГ не имеют достаточного уровня знания русского языка для полноценной коммуникации.

Исследования: В некоторых опросах до 60 % мигрантов из Средней Азии заявляют о трудностях в понимании русского языка, что затрудняет их интеграцию в общество и создает социальную напряженность.

Также многие мигранты сдает экзамен на знание русского языка с помощью взяток:

Случай в Санкт-Петербурге: В 2024 году сообщалось о группе граждан, которые организовали подделку сертификатов о знании русского языка. После расследования несколько человек были арестованы.

Москва: В 2023 году правоохранительные органы раскрыли сеть, которая предоставляла фальшивые документы для мигрантов, включая сертификаты о знании языка, что привело к уголовным делам против организаторов.

Также происходит столкновение культур, когда мигранты начинают требовать от местного населения жить по обычаям их страны.

В Челябинске мигрант осуществил умышленный маневр, подрезав чемпионку смешанных боевых искусств (ММА), после чего начал оскорблять ее из-за ее русского происхождения и одежды, не удовлетворяющей его представлениям [8].

Решению проблемы может помочь изменение в законодательстве:

1. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»:

– Усложнить процесс регистрации мигрантов, требуя дополнительных документов и более строгих проверок.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»:

– Ввести дополнительные категории виз, аналогично практике стран ЕС, требующих подтверждение дохода и наличия жилья.

3. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ):

– Ужесточить меры ответственности за нарушения миграционного законодательства, например, увеличив штрафы и сроки задержания.

4. Федеральный закон от 3 октября 2018 года № 436-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»:

– Расширить практику применения технологий мониторинга и контроля мигрантов, как это делается в Шенгенской зоне.

5. Ужесточить наказание за организацию нелегальной миграции.

К установленному наказанию в виде лишения свободы сроком на 7 лет, добавить лишение имущества.

6. Разрешить заезд только определенному числу мигрантов в год.

7. Создать региональные органы для контроля за мигрантами.

8. Запретить перевозить трудовым мигрантам свои семьи вслед за собой.

В свете современных вызовов, связанных с миграционными процессами из стран Средней Азии в Россию, настоятельно необходимо рассмотреть воз-

можность усложнения получения виз для мигрантов. Это связано с рядом факторов, включая повышенные риски для национальной безопасности, необходимость более тщательной проверки мигрантов на предмет их соответствия требованиям законодательства РФ, а также стремление к улучшению управления миграционными потоками.

Усложнение визового режима позволит более эффективно контролировать прием мигрантов, минимизируя потенциальные угрозы и оптимизируя ресурсы государственных органов. Кроме того, такое решение может способствовать легализации миграции и улучшению социально-экономической ситуации как в России, так и в странах отправления мигрантов, создавая дополнительные стимулы для законной трудовой деятельности.

Таким образом, реформирование визовой политики станет важным шагом на пути к обеспечению безопасности и стабильности в стране, а также к созданию более предсказуемой и упорядоченной миграционной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров И. С. История миграционной политики СССР. М. : Экон-Информ, 2022. 192 с.
2. Кулумбаев Т. М. Визовая политика стран СНГ: Полетаев рассказал, что может препятствовать процессу введения визы содружества для СНГ. Sputnik Армения. URL: https://am.sputniknews.ru/20191011/Poletaev-rasskazal-chto-mozhet-prepyatstvovat-protsessu-vvedeniya-vizy-sodruzhestva-dlya-SNG-20734321.html (дата обращения: 14.12.2024).
3. Исламов Б. Социально-экономические аспекты миграционных процессов в независимых государствах Центральной Азии. 2021. URL: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/acta/16/islamov/islamov.html (дата обращения: 14.12.2024).
4. Сапармуратов Т. С. Миграционная политика Центральной Азии в контексте глобальных вызовов // Международные отношения. 2021. № 1. С. 45–54.
5. Сидоренко А. Н. Геополитическое положение Средней Азии в контексте евразийской интеграции // Политическая наука. 2022. № 3. С. 56–72.
6. Исследования Центра экономических и социальных исследований. URL: https://cesis-expert.ru/20160825/1475238398.html (дата обращения: 14.12.2024).
7. РИА Новости. В Москве 75 % изнасилований совершают приезжие из стран Азии. 2020, 25 августа. URL: https://ria.ru/20160825/1475238398.html (дата обращения: 14.12.2024).
8. В Челябинске задержали мигранта, оскорбившего чемпионку ММА Ирину Алексееву. Спортсменка опасается за свою безопасность. URL: https://www.fontanka.ru/2024/04/23/73496279/ (дата обращения: 14.12.2024).
9. Царьград. Эта мина рванет: мигранты создают в России свои школы без русских. URL: https://tsargrad.tv/articles/jeta-mina-rvanjot-migranty-sozdajut-v-rossii-svoi-shkoly-bez-russkih_482645 (дата обращения: 14.12.2024).

УДК 34.096

Парыгина Александра Ярославовна,
студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
aleksandra.parygina@vvsu.ru

Проблемы становления гражданского общества

В статье рассматриваются проблемы становления гражданского общества. Для демократического общества и правового государства характерно то, что одной их основ конституционного строя выступает обеспечение функционирования гражданского общества и его развития. Это характеризирует и конституционное устройство нашей страны, но между тем, если обратиться к Основному закону, то можно обнаружить, что он не предусматривает не только ни одного раздела, посвященного рассматриваемому институт, но и вовсе термин «гражданское общество» не упоминается ни в каких иных разделах. Более того, такая проблема характерна и для конституций иных стран, которые также провозглашают себя демократическим правовым государством. Между тем вопросы развития рассматриваемого института являются актуальными как для российского общества, так и для иностранных граждан, поскольку люди становятся все более заинтересованными в реализации своих прав как источника власти в управлении государством, обществом, осуществления контроля за институтами государства.

Ключевые слова: *гражданское общество, государство, власть, интересы, субъект, объект, право.*

Parygina Alexandra Yaroslavovna,
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Problems of the formation of civil society

It is characteristic of a democratic society and a State governed by the rule of law that one of the foundations of the constitutional system is to ensure the functioning of civil society and its development. This characterizes the constitutional structure of our country, but meanwhile, if we turn to the Basic Law, we can find that it does not provide for not only a single section devoted to the institution in question, but the term "civil society" is not mentioned in any other sections at all. Moreover, such a gap is typical for the constitutions of other countries, which also proclaim themselves a democratic State governed by the rule of law. Meanwhile, the issues of the development of the institution in question are relevant both for Russian society and for foreign citizens, since people are becoming more and more interested in exercising their rights as a source of power in the management of the state, society, and control over state institutions.

Keywords: *civil society, state, government, interests, subject, object, law.*

Впервые о таком демократическом институте как гражданское общество всерьез заговорили в период буржуазных революций, поскольку в рассматриваемый временной период началось формирование правового государства, которое, как известно, находится в тесной взаимосвязи с гражданским обществом.

© Парыгина А. Я., 2025

Построение последнего возможно исключительно в рамках первого, несмотря на то, что гражданское общество не является государственным элементом, хотя и оказывает существенное влияние на государство. Напротив, гражданское общество представляет по своей правовой природе своего рода платформу, где люди вступают в негосударственные отношения, в частности, к таким отношениям относят, в частности, экономические, социально-политические, культурные интересы и нужды.

Кроме того, что рассматриваемый институт оказывает влияние на государственные институты, он одновременно благотворно воздействует на рост правосознания граждан, формирование правовой культуры в обществе, поскольку в гражданском обществе аккумулируются не государственные интересы, а частные интересы его членов: экономические, политические, духовные, семейные и пр.

Следует особо подчеркнуть, что гражданское общество по своей правовой сути выступает своего рода идеальной формой жизнедеятельности социума в указанных негосударственных сферах, посредством которой его члены реализуют свои права, защищают свои интересы, и государственным структурам следует учитывать данный институт при формировании своей политики, поскольку права и свободы человека являются высшей ценностью в демократических странах [3, с. 180].

В этой связи к субъектам гражданского общества относят негосударственных субъектов, в частности: 1) личность; 2) семья; 3) частные предприятия и хозяйственные организации; 4) экономические ассоциации и объединения; 5) профсоюзы; 6) местное сообщество; 7) социальные группы и слои населения, средний класс; 8) религиозные организации; 9) общественные объединения; 10) политические партии; 11) политические и общественные движения; 12) независимые СМИ. Они вступают во взаимодействие друг с другом, преследуя исключительно частные цели и защищая частные интересы, формируя тем самым структуру гражданского общества.

В основе развития гражданского общества, его движущей силой являются производственные, экономические отношения, и следует подчеркнуть, что в соответствии с Конституцией РФ (ст. 8) [6] государством признается и равным образом защищается частная и публичная форма собственности (ст. 8 Конституции РФ). Данное законоположение имеет важное значение для субъектов права, поскольку именно наличие собственности определяет уровень свободы личности и в целом жизнеспособности самого общества [2, с. 352].

Иные общественные отношения, в которые вступают люди в гражданском обществе, также являются его неотъемлемой частью и представляют собой сложную систему, включающую как вертикальные, так и горизонтальные связи, поскольку объединяют и частные интересы граждан и их объединений, а также публичные интересы социальных общностей страны.

Следует также особо подчеркнуть место политических партий в гражданском обществе, поскольку посредством них выражается политическая воля народа. Данные объединения правомочны в установленных законом рамках также влиять на формирование внутренней и внешней государственной политики,

а равно участвовать в демократической борьбе за власть, что закреплено на уровне конституций стран.

По способу регламентации отношений и связей, возникающих в гражданском обществе, оно и государство существенно отличаются друг от друга. Отношения, складывающиеся в государстве, регулируются исключительно нормами права, в то время как в гражданском обществе в качестве регулятора могут выступать как право, так и иные социальные нормы (например, моральные).

Но поскольку данные институты, несмотря на то что гражданское общество не является элементом государства, находятся в тесной взаимосвязи друг с другом, то регламентация деятельности людей в гражданском обществе наряду с иными регуляторами обязательно осуществляется нормами права. Из сказанного вытекает, что полной независимости и автономности гражданского общества государство допустить не может, оно посредством норм права осуществляет определенную координацию за функционированием негосударственных социальных структур. Следовательно, следует признать, что рассматриваемый негосударственный институт все-таки находится в зависимости от государства и даже в определенной степени управляется последним.

По этому поводу на доктринальном уровне отмечается, что в нашей стране гражданское общество не является самостоятельным, автономным и независимым от государства. Напротив, последнее активно координирует и руководит деятельностью гражданского общества, но не посредством какого-либо независимого органа, а, например, политической партией, которая в силу целей своей деятельности активно участвует в политической жизни страны и участвует в демократической борьбе за государственную власть, последствиями чего может стать то, что рано или поздно государственные органы «поставят на место» структуру общества, которая пытается осуществлять руководство ими [1, с. 441].

Сказанное свидетельствует о том, что свою самостоятельность гражданское общество может проявлять в тех сферах жизни социума, которые не являются предметом регулирования правом. Но для развития и функционирования гражданского общества остро необходимо регламентированное вмешательство государства во взаимоотношения людей, только в том случае, если субъекты гражданского общества не могут самостоятельно урегулировать те или иные процессы, т. е. государство должно действовать в отношении рассматриваемого института исключительно на принципе субсидиарности, в противном случае для гражданского общества будут возникать серьезные препоны в своем развитии [4, с. 113].

Следует сказать, что на доктринальном уровне отечественные ученые достаточно скептически относятся к формированию гражданского общества в условиях российской действительности.

Так, в частности, С. П. Нарыкова отмечает следующее: «...выращивание (стимулирование, оформление, направление) государством гражданского общества на самом деле способствует формированию только юридической конструкции фиктивного (мифологизированного) гражданского общества» [7, с. 94].

Возможно, следует согласиться с позицией автора, поскольку практика свидетельствует о том, что многие навязанные государством конструкции диалога государства с гражданским обществом в действительности представляют собой лишь иллюзии относительно существования гражданского общества в нашей стране в том правовом смысле, которой определена его природой возникновения.

Между тем в стране выделяются достаточные бюджетные средства, а равно затрачиваются серьезные организационные ресурсы для развития институтов гражданского общества. По этому поводу на доктринальном уровне также имеет место определенная позиция, что данная активная деятельность государства в рассматриваемой сфере направлена в действительности не на формирование общественных объединений в гражданском обществе, а создание удобных власти институтов, которые будут находиться под крылом государства [5, с. 21].

Безусловно, такого рода отношение государства к демократическим институтам, к которым относится и гражданское общество, намерение контролировать их, управлять ими не создает условия для развития гражданского общества и его успешного функционирования. Огосударствление гражданского общества влечет утрату им самостоятельности и независимости, превращая его в элемент государства, что противоречит правовой природе гражданского общества.

Таким образом, гражданское общество представляет собой общность людей, вступающих между собой в определенные взаимоотношения производственного, социального, духовно-культурного и политического характера с целью реализации своих прав и интересов. Данный институт возник давно, но в течение своего исторического развития систематически подвергается вмешательству со стороны государства, хотя не является его структурным элементом. Для России также характерно отсутствие автономности гражданского общества, государство допускает руководство его сферами, координацию и контроль в определенной степени, насколько позволяют рамки закона. Поэтому в настоящее время может говорить о наличии фиктивного гражданского общества в стране. Государственные органы создают бурную деятельность относительно содействия в развитии гражданского общества, выделят материальные и организационные ресурсы, но в действительности формируют удобные для государства институты, зависимые от последнего. Для обеспечения развития независимого, самостоятельного института гражданского общества государству следует отказаться в своей политике от упомянутого административного создания институтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс. Т. 1. 2007. URL: https://znanium.ru/catalog/document?id=365414 (дата обращения: 15.12.2024).

2. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : монография. 2022. URL: https://www.litres.ru/book/suren-

avakyan/predstavitelstvo-v-konstitucionnom-prave-voprosy-teorii-i-pr-67649103 (дата обращения: 15.09.2024).

3. Багирян Г. А. Гражданское общество в конституциях зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 3. С. 180–194.

4. Гречаная А. А. Институты гражданского общества в обеспечении пробации в России // Современное право. 2024. № 2. С. 113–117.

5. Гончаров И. А., Маркарян С. А. Современное состояние и проблемные аспекты формирования гражданского общества в Российской Федерации // Современное право. 2024. № 6. С. 21–25.

6. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования от 01.07.2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 15.12.2024).

7. Нарыкова С. П. Правовое государство и гражданское общество: мифы и проблемы (к вопросу о гражданском обществе) // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 6. С. 94–96.

УДК 347.9

Погребняк Екатерина Александровна,
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российской Федерации
pogrebniak-eam@mail.ru

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российской Федерации
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Историческая ретроспектива участия прокурора в гражданском процессе

В статье исследуется эволюция роли прокуратуры в гражданском процессе России с момента ее создания в 1722 году до современности. Основные этапы развития включают судебную реформу 1864 года, когда прокуроры получили полномочия в гражданском судопроизводстве, и советский период, когда их роль значительно расширилась. В статье анализируются изменения в законодательстве и функциях прокуроров, подчеркивая важность исторической ретроспективы для эффективного развития данного института.

Ключевые слова: *прокуратура, гражданский процесс, история, участие прокурора, судебная реформа, законодательство, судебная система, функции прокурора.*

© Погребняк Е. А., Васильева А. В., 2025

Pogrebnyak Ekaterina Alexandrovna,
student, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation
Vladivostok, Russian Federation

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer,
Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Historical retrospective of the prosecutor's participation in the civil process

The article examines the evolution of the role of the prosecutor's office in the civil process of Russia from the moment of its creation in 1722 to the present. The main stages of development include the judicial reform of 1864, when prosecutors gained powers in civil proceedings, and the Soviet period, when their role expanded significantly. The article analyzes changes in legislation and the functions of prosecutors, emphasizing the importance of historical retrospect for the effective development of this institution.

Keywords: *prosecutor's office, civil procedure, history, prosecutor's participation, judicial reform, legislation, judicial system, prosecutor's functions.*

Роль прокуратуры в гражданском процессе с момента ее создания претерпела множество изменений, они включают в себя, как общие изменения правовой системы России, так и специфические в прокурорской системе, юридической практике. В данном исследовании отображены главные этапы развития института участия прокурора в гражданском процессе.

Прокуратура была создана 12 января 1722 года Указом Петра Великого. Однако начало развития института участия прокурора в гражданском процессе приходится на 1864 год, связанное с судебной реформой, а именно утверждением Судебных уставов при Александре II. В этот период полномочия прокуроров в изучаемом институте тесно были связаны с Уставом гражданского судопроизводства (далее – Устав) [1, с. 731].

Устав наделял прокуроров полномочиями дачи заключения в устной форме, которое вносилось в протокол судебного заседания. Согласно ст. 343, 345, 346 Устава прокурор мог осуществлять надзор только в делах, имеющих определенный статус – находящихся в особом государственном попечении, в делах казны, где прокурор вносил представление в кассационную инстанцию.

Основные функции прокурора в гражданском судопроизводстве, выражались в следующем: дача заключения по кассационной жалобе и протесту, осуществление надзора за правилами подсудности и гражданского процесса, возбуждение «безгласных дел» – дела, связанные с государственным бюджетом и малозащищенными категориями граждан. Исключением являлось то, что прокурор не был наделен полномочиями по участию в заседаниях по гражданским

делам у мирового судьи, но при этом давал заключения в апелляционной инстанции (заседания мирового съезда) по этим делам.

На данном этапе к судам первой инстанции относились окружные суды, при них прокуроры давали заключения по делам обязательной категории совместно с товарищами. Заключение носило более формальный признак, что уменьшало значимость участия прокурора в процессе.

К апелляционной инстанции относились судебные палаты, где также участвовали прокуроры и могли выполнять функции по предоставлению и исследованию доказательств, которые были представлены в суде первой инстанции.

Гражданский кассационный департамент и общее собрание Сената относились к кассационной инстанции, в которых принимали участия обер-прокуроры. Полномочия прокуроров заключалось в надзоре за судебными делами и согласно ст. 127 Устава обер-прокуроры и их товарищи осуществляли дачу заключения по каждой кассационной жалобе, поступившей в Сенат.

В дореволюционный период с 1900 по 1917 год, который также относят к имперскому этапу. Одной из приоритетных функций прокуроров в данный период является надзор за исполнением законов и подсудности, и обращение с заявлением лиц, не имеющих самостоятельной возможности обратиться в суд.

По словам Н. М. Коршунова, когда же дело касалось государственного интереса, то прокурор имел право выступать в качестве истца или ответчика, защищая закон [4, с. 186]. При этом на основании ответов, представленных судами Российской империи, комиссия пришла к выводам о том, что участие прокурора в гражданских делах является формальным, т.к. прокуроры не имеют возможности подробно ознакомиться с обстоятельствами каждого дела, имеют значение прокурорские заключения лишь в случаях выявления преступления в гражданском деле. Данный вывод следует из отчетов ревизии судов, проведенной при подготовке пересмотра Судебных уставов комиссией Н. В. Муравьева [2, с. 13].

Таким образом, рассматриваемый институт берет свое начало с Судебной реформы 1864 года. Создание его обусловлено социальными условиями развития государства, его самодержавной системой правления.

По мнению исследователей М. Г. Шадже и И. И. Головко, которые изучали участие прокурора в гражданском процессе во второй половине XIX века, данный институт заложил основу для дальнейшей деятельности, но оказался малодейственным [3, с. 101]. Прокурорский надзор не всегда предотвращал нарушения при рассмотрении гражданских дел. Исправить эти неточности должен был следующий этап развития института.

Декретом Совета народных комиссаров «О суде» от 24 ноября 1917 года прокуратура бала упразднена, но уже в мае 1922 года деятельность прокуратуры обрела новые начала в составе Наркомата юстиции. На данном этапе прокуратура в гражданском процессе обрела новые функции, связанные с борьбой со злоупотреблением в хозяйственной сфере недобросовестных участников экономических отношений. Отдельно участие прокурора в данном институте не регламентировалось, однако во временной инструкции губернским прокурорам было определено участие прокурора в отдельных случаях и по усмотрению прокуратуры.

Функции прокуроров значительно увеличились по сравнению с имперским периодом, что подтверждается свободой прокурорского усмотрения.

В 1923 году был принят первый в истории России Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, определивший процессуальный статус прокурора в гражданском судопроизводстве, который представлял собой комплексную фигуру в процессе, включающего в себя права истца, эксперта и органа общего надзора. Прокурор был наделен правом подачи иска в интересах государства и трудящихся лиц, и обращения в судебную инстанцию ввиду пересмотра судебного решения.

При изучении периода становления прокуратуры СССР одними из главных изменений в законодательстве, которые расширили права прокуроров в гражданском процессе, стали закон СССР «Об утверждении Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик» и ГПК РСФСР 1964 года Данные нормативно-правовые акты закрепили новые права за прокурорами: подача исков в защиту законных интересов общества и государства, вступления в гражданский процесс на любой из стадий с целью дачи заключения, внесения протестов на решение, приостановление судебных решений [5, с. 390].

Таким образом, в советский период прокурор приобретает наибольшее количество прав при участии в гражданском процессе. Суд находился под полным контролем прокуратуры, которая проявлялась в проверке выполнения требований процессуального и материального права и в обжаловании любого постановления суда.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что опыт истории играет важнейшую роль в развитии института участия прокурора в гражданском процессе. Каждые изменения в гражданском процессуальном законодательстве, включая участие прокурора, должны подкрепляться исторической ретроспективой и правопреемственностью, что обеспечит эффективность законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зитляева В. В. История развития российского законодательства об участии прокурора в гражданском судопроизводстве // Форум молодых ученых. 2018. № 11-1(27). С. 730–734.

2. Золотова О. И. Формирование состязательного гражданского судопроизводства в России во второй половине XIX века : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 5.1.1. М., 2023. 27 с.

3. Золотова О. И. Эволюция института участия прокурора в гражданском процессе в России // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения : сб. науч. тр. по материалам Пятой Всерос. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 21 сентября 2022 года) / под ред. А. А. Демичева, К. А. Демичева. Нижний Новгород : Нижегород. ин-т управления, 2022. С. 99–108.

4. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль. История, развитие, понятие, соотношение. М. : Юрид. центр, 2020. 328 с.

5. Эриашвили М. И. Участие прокурора в гражданском процессе. М. : Гостехиздат, 2020. 750 с.

УДК 347.6

Семенова Инна Юрьевна,
старший преподаватель,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
г. Чебоксары, Российская Федерация
iysemenova@mail.ru

Нормативные узаконения по охране детства и материнства в постреволюционной России и до начала Великой Отечественной войны

В статье проведен краткий анализ базовых нормативных актов по охране младенчества и материнства в советской России. Исследование узаконений показало наличие у советской власти весомых правовых инструментов для решения проблем детства и материнства. Автор сделал вывод, что власть Советов при скудных трудовых и финансовых ресурсах смогла в сложнейший исторический период нашей страны провести достаточно эффективную государственную семейную политику. Опыт прошлого необходим для понимания современной ситуации в брачно-семейной сфере.

Ключевые слова: *Декреты советской власти, государственная семейная политика, охрана детства, забота о материнстве, узаконения о родах, абортная политика Советов, поддержка трудящихся масс, социальное обеспечение советской семьи.*

Semenova Inna Yurievna,
senior lecturer,
I. N. Ulyanov Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation

Normative laws on the protection of childhood and motherhood in post-revolutionary Russia and before the start of the Great Patriotic War

The article conducted a brief analysis of basic regulations for the protection of infancy and motherhood in Soviet Russia. The study of legalizations showed that the Soviet government had significant legal instruments for solving the problems of childhood and motherhood. The author concluded that the power of the Soviets, with scarce labor and financial resources, was able to carry out a fairly effective state family policy in the most difficult historical period of our country. The experience of the past is necessary to understand the current situation in the marriage and family sphere.

Keywords: *Decrees of Soviet power, state family policy, child protection, motherhood care, legalization of childbirth, abortion policy of the Soviets, support for the working masses, social security of the Soviet family.*

© Семенова И. Ю., 2025

Постреволюционный период Советской России является объектом пристального внимания исследователей. Разруха народного хозяйства, распространение трахомы, тифа и иных социальных болезней, рост безработицы, разгул детской и подростковой беспризорности и безнадзорности, нищета и иные социальные потрясения после Октября 1917 года, голода и мора в Поволжье в 1921–1922 годах охватили территорию нашей страны. В особо сложный период правительство проводит серьезную законодательную работу по охране особо уязвимой категории населения – детях и женщинах. Одним из важных законодательных актов стал принятый 31 октября 2018 года Декрет СНК РСФСР «Положение о социальном обеспечении трудящихся» [1]. Узаконения документа распространялись на жителей всей страны, особенно защищали права работниц и крестьянок. Так, была установлена денежная выплата трудящимся, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, носящей временный характер (временная утрата трудоспособности при болезни, плодовынашивании и родах, увечья на рабочем месте, погорельцы). Также появились охранные узаконения в виде денежных выплат при достижении старости, инвалидности, имеющие постоянный характер, т. е. до окончания жизни. Примечательно, что были предусмотрены предупредительные меры для сохранения здоровья трудящихся (медосмотры, осмотр беременных и иное). Введен декретный отпуск на 112 дней, выплаты пособий при беременности, при удачных родах; сохранение выплат на период кормления грудью, сокращенный рабочий для кормящих, сохранение рабочего места. Новшеством стали и сроки выплат женских пособий (тем беременным, кто занимался физическим трудом – 8 недель, а прочим – 6 недель; роженицам 8 и 6 недель соответственно со дня родов; кормящим, работавшим физически, 7 месяцев, а иным 7 1/2 месяцев с момента прекращения выплат в статусе роженицы) [1]. Такое законодательное обеспечение при практически пустой казне после революционных событий доказывало серьезное отношение власти Советов к советским женщинам и детям («дети Ильича»).

Документ предполагал и выплату пенсионного обеспечения при следующих условиях. Выплата в месяц это 25-кратное дневное нормальное пособие в той местности, где проживал пенсионер (сложные условия жизни, как-то Крайний Север, учитывались) [1]. Для утративших трудоспособность частично в размере от 15 до 29 % в размере 1/5 полной пенсии, от 30 до 44 % в размере 1/2 полной пенсии, от 45 до 60 % в размере 3/3 полной пенсии, а свыше 60 % уже выплачивалась полная пенсия [1]. Переосвидетельствование пенсионеров проводилось раз в год, для продления инвалидности не чаще двух раз в году. Бюро врачебной экспертизы оценивало степень утраты трудоспособности, выносся заключение, явившееся для Подотдела социального обеспечения и охраны труда основанием для назначения пенсионного денежного содержания.

Под действие документа подпадали случаи оказания «всех видов врачебной, лекарственной и т. п. помощи, в также родовспоможения нуждающимся в них лицам» [1]. Отдел социального обеспечения и охраны труда Народного Комиссариата труда являлся центральным руководящим органом проводимой Советской властью государственной социальной политики. Законодатель уделил особое внимание выплате пособий по факту безработицы, который должен быть

задокументирован в местном Подотделе распределения рабочей силы – Отделе труда, и распространялся на «безработных, не имеющих средств к существованию и лишившихся заработка по случаю закрытия предприятия или за сокращением штата». Отдельно закреплялась помощь натурой в виде «натурального довольствия», выдаваемая «при временной утрате трудоспособности, материнстве и безработице» [1]. Правительство рекомендовало местным Подотделам «взамен выдачи денежных пенсий, помещать пенсионеров в инвалидные дома» [1] на полное государственное попечение, что явилось серьезной формой государственной заботы о здоровье и жизнеобеспечении утративших постоянную трудоспособность жителей страны. В помощь семье были введены и гарантии по социальному обеспечению трудящихся выдачей пособия на погребение «хоронившим лицам в размере 30-кратного минимального пособия», в случае отсутствия родственников «по погребению умерших и сжиганию трупов» взяло на себя профильное учреждение социального обеспечения [1]. Декрет 1918 года детально определял источники образования финансовой системы социального обеспечения, порядок уплаты ежемесячных страховых взносов, ответственность лиц, подлежащих обеспечению (с оговоркой «о допущении беременных лиц и рожениц к работам предприятия с установлением штрафов от 1000 до 3000 руб. или лишению свободы от 1 до 3 месяцев, при повторных случаях – штрафу от 3000 до 10 000 руб. или лишению свободы от 6 месяцев до 1 года») [1]. Эти правила, просуществовавшие вплоть до 1923 года, явно свидетельствовали о повышенной охране материнства и детства в годы советской власти.

Социально-экономическая обстановка в стране после событий Октября 1917 года, вызвавшая голод и нищету, разгул детской и подростковой беспризорности и безнадзорности, рост детской заболеваемости и смертности, «с целью облегчения материального положения трудящихся, в первую очередь, фабрично-заводских рабочих неземледельческих местностей», и улучшения детского питания вынудила советскую власть принять Декрет СНК РСФСР «О бесплатном детском питании» от 17 мая 1919 года Нормативные положения предусматривали «выдачу местными продовольственными органами предметов питания детям до 14 лет как из продовольственных лавок, так и из общественных столовых по карточкам» [2]. Такие охранительные меры по защите детства доказывали повышенную заботу власти Советов о будущем поколении страны.

Решение проблем защиты детства из-за возросшей подростковой преступности, вызванной тяжелейшими социальными потрясениями прошедшей революции, было закреплено и в узаконениях Декрета СНК от 14 января 1918 года «О комиссиях для несовершеннолетних». Закон установил, что «все дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет, замеченных в общественно опасных деяниях, подлежат ведению комиссий о несовершеннолетних» [3]. По новым правилам правонарушения и преступления малолетних не рассматривались судами, что позволяло не назначать строгие меры наказаний. Указанные государственные учреждения оказывали помощь трудным подросткам в рамках социальной реабилитации (помещение в детские дома, сеть учреждений опеки и патроната, трудовые колонии, приемники-распределители, трудовые коммуны).

Декретом СНК РСФСР от 23 сентября 1921 года была создана детская социальная инспекция как государственный орган «борьбы с детской беспризорностью, нищенством, проституцией, спекуляцией, правонарушениями», а также «с эксплуатацией детей и дурным с ними обращением в ремесленных, кустарных, фабричных и иных предприятиях и учреждениях, в семье» [4]. Детские социальные инспекторы являлись образцовыми жителями в возрасте не моложе 21 года, не находящиеся под судом или следствием, не ограниченные в правах по суду, с достаточным общим развитием и образованием, по возможности прошедшие курсы по подготовке вспомогательного педагогического персонала с особой программой, выработанной Народным комиссариатом просвещения при участии Народного комиссариата здравоохранения (курсы братьев и сестер социальной помощи), или имеющие соответственный педагогический стаж) [4]. Братья и сестры социальной помощи посещали рабоче-крестьянские семьи, где имелась угроза злоупотребления родительской или опекунской властью; могли задерживать, доставлять и препровождать несовершеннолетних в детские распределительные пункты, а также производить их допрос в данных пунктах при помощи общей милиции. Социальные инспектора дежурили круглосуточно в публичных местах, контролировали защиту детства, посещая воспитательные и школьные учреждения.

Новые подходы к деторождению и проявлению заботы об охране здоровья женщин прослеживались и принятых узаконениях в виде Постановления Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 16 ноября 1920 года «Об охране здоровья женщин» [5], позволивших работницам и крестьянкам бесплатно в специальных лечебных учреждениях делать легальные медицинские аборты. В дореволюционный период церковь запрещала прерывать беременность, что порождало, в том числе, значительное количество подпольных абортов, в результате которых у женщин возникали заражения; летальные исходы также не были редкостью. Правительство четко понимало возросшую потребность урегулирования данной проблемы законодательным путем, так как налицо была растущая смертность матерей, угроза воспроизводству населения. Аборты стали разрешены «бесплатно в обстановке советских больниц, где обеспечивалась под контролем врачей их максимальная безвредность» [5]. Производство данной операции стало разрешено только врачу, а «виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишались права практики и предавались Народному Суду»; также «врач, произведший операцию плодоизгнания в порядке частной практики с корыстной целью, передавался суду» [5]. Новые правила свидетельствовали о заботе о матерях и их потомстве в рамках проводимой охранительной семейной политики.

После завершения гражданской войны советское государство было озабочено проблемами рождаемости и смертности. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» [6], вводившее на законодательном

уровне запрет на производство абортов в медицинских организациях, должно было частично решить данный вопрос. В введении к документу разъяснялось, что «уничтожение капиталистической эксплуатации в СССР, рост материального благосостояния и гигантский рост политического и культурного уровня трудящихся позволяют поставить вопрос о пересмотре постановления НКЗ и НКЮ от 18 ноября 1920 года» [6]. Узаконения определили позицию власти Советов по охране и защите материнства и детства, заботе о здоровье женщины-гражданки, указывается на вредность абортов как социального зла; устанавливается уголовное наказание для медицинского работника за незаконный аборт, а также общественное порицание (при повторном деянии – штраф 300 руб.) для решившейся на операцию женщине. Данная ситуация просуществовала вплоть до 1955 года, когда женщине вновь было предоставлено право решать, быть ли ей матерью [7].

Таким образом, итогом нормативной работы советской власти в постреволюционный период и до начала Великой Отечественной войны стала серьезная законодательная база по защите детства и младенчества, проводимая в сложнейших социально-экономических условиях при кадровом голоде и скудных финансовых средствах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Декрет СНК РСФСР «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 89. Ст. 906.

2. Декрет СНК РСФСР «О бесплатном детском питании» от 17 мая 1919 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 20. Ст. 238.

3. Декрет СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 16. Ст. 227.

4. Декрет СНК РСФСР «О детской социальной инспекции» от 23 сентября 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 66. Ст. 506.

5. Постановление Народного комиссариата здравоохранения и Народного комиссариата юстиции РСФСР «Об охране здоровья женщин» от 16 ноября 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 90. Ст. 471.

6. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. // Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

7. Указ Президиума Верховного Совета ССР от 23 ноября 1955 года «Об отмене запрещения абортов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

УДК 343.97

Сенчихин Степан Павлович,
соискатель, Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация
ssenchikhin@gmail.com

Роль институтов гражданского общества в обеспечении антиэкстремистской безопасности

Статья исследует роль институтов гражданского общества в обеспечении антиэкстремистской безопасности в России. Особое внимание уделяется необходимости сотрудничества государственных органов и общественных организаций для эффективной профилактики экстремизма. Автор рассматривает как положительные аспекты взаимодействия, так и возможные риски, такие как недостаточная регламентация, политическая ангажированность и дефицит компетенций. В статье предлагаются рекомендации для создания эффективного механизма взаимодействия, включающего систему критериев, мониторинг и контроль, а также разграничение функций для повышения эффективности в борьбе с экстремизмом.

Ключевые слова: *антиэкстремистская безопасность, профилактика экстремизма, субъекты противодействия экстремизму, институты гражданского общества, экстремизм.*

Senchikhin Stepan Pavlovich,
applicant, University of the prosecutor's office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

The role of civil society institutions in ensuring anti-extremist security

The article explores the role of civil society institutions in ensuring anti-extremist security in Russia. Special attention is given to the necessity of cooperation between government agencies and public organizations for effective extremism prevention. The author examines both the positive aspects of such interaction and potential risks, such as insufficient regulation, political bias, and lack of expertise. The article offers recommendations for creating an effective mechanism of cooperation, including a system of criteria, monitoring and control, as well as delineating functions to enhance the effectiveness of combating extremism.

Keywords: *anti-extremist security, extremism prevention, subjects of counter-extremism, civil society institutions, extremism.*

Противодействие экстремизму в Российской Федерации является одной из приоритетных задач государственной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности, сохранение общественного порядка и защиту прав и свобод граждан. Это детерминируется как имеющимися традиционными «болевыми точками» (конфликтами на основе политической, национальная, религиозной, социальной ненависти или вражды), так и относительно новыми тенденциями по сращиванию организованной преступности с политическим и националистическим экстремизмом [3, с. 63], политически ангажированными фальсификациям исторических фактов, оправдывающим преступления нацистской Германии [4, с. 195].

© Сенчихин С. П., 2025

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [11] и Стратегией противодействия экстремизму в РФ 2024 году [10], определены субъекты, ответственные за реализацию мер по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности. С 2020 года к субъектам противодействия экстремизму относились федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления. Данными органами решались вопросы как уголовно преследования экстремистов [6; 7], так и через возможности образовательной системы реализовывались различные профилактические программы [8; 9].

Однако в последней редакции Стратегии определение было расширено и в настоящее время под субъектами противодействия экстремизму, согласно подп. 7 п. 4 поименованного документа, понимаются «федеральные органы государственной власти (при участии органов прокуратуры РФ и органов, осуществляющих полномочия в сфере уголовного судопроизводства), органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления (с привлечением институтов гражданского общества, в том числе социально ориентированных и иных некоммерческих организаций, и граждан)».

Следует отметить, что участие данных институтов в данной сфере практиковалось и ранее, что обусловлено их значимой ролью и объективными обстоятельствами, требующими взаимодействия государства и общества в вопросах профилактики экстремизма.

В научной литературе подчеркивается несколько ключевых аспектов, подтверждающих необходимость такого сотрудничества:

1. *Мировоззренческая составляющая экстремизма.* Одной из основополагающих характеристик экстремистской идеологии является ее мировоззренческий характер, формирование которого во многом происходит в семье и в тех сферах общественной жизни, куда государственное вмешательство либо ограничено, либо нежелательно [1, с. 5129]. В этой связи именно институты гражданского общества могут играть решающую роль в создании общественной среды, невосприимчивой к антисоциальным и деструктивным идеям.

2. *Устранение детерминант политического насилия среди молодежи.* Другим приоритетным направлением, особенно среди несовершеннолетних, является нейтрализация факторов, способствующих распространению радикальных идеологий [5, с. 110]. В этом контексте особое значение имеют мировоззренческие детерминанты, формирующие восприятие политического насилия как допустимого средства достижения целей.

3. *Совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества.* Для эффективной профилактики экстремизма необходимо развитие механизмов сотрудничества между государственными структурами и институтами гражданского общества. Это позволит успешно находить общие решения в имеющихся и предупреждать возможные конфликты, которые могут впоследствии привести к межнациональным, межконфессиональным, политическим и прочим противоречиям, а также для защиты прав и свобод граждан, интересов общества, укрепления толерантности и выстраивания конструктивного социального полилога [2, с. 35].

Вместе с тем стоит учитывать, что привлечение институтов гражданского общества к противодействию экстремизму сопряжено с дополнительными сложностями и потенциальными угрозами, требующими особого внимания со стороны государства.

1. *Недостаточная регламентация деятельности и механизмов контроля.* Институты гражданского общества не встроены в систему государственного управления, что затрудняет установление единых стандартов их работы, форм отчетности и оценки эффективности. Общественные организации обладают большей автономией, что может приводить к избирательному участию в программах или отказу от реализации отдельных направлений. Отсутствие четких механизмов контроля повышает вероятность ситуаций, когда формально заявленная деятельность не достигает заявленных целей или оказывается неэффективной.

2. *Политическая ангажированность и скрытые интересы.* Часть общественных организаций может использовать свою деятельность не столько для борьбы с экстремизмом, сколько для достижения политических целей. Формально выступая за укрепление правопорядка, они способны манипулировать темой противодействия экстремизму в интересах отдельных политических групп. Это может выражаться в дискредитации конкурентов, создании управляемых информационных кампаний и даже в подмене понятий при оценке проявлений радикализма.

3. *Дефицит компетенций и риск неэффективности.* Работа по противодействию экстремизму требует высокой профессиональной подготовки в области права, криминологии, психологии, социальной инженерии и информационной безопасности. Однако не все общественные организации обладают необходимыми знаниями и кадровыми ресурсами для эффективной деятельности в данной сфере. Кроме того, при распределении грантов и субсидий акцент зачастую делается на формальное соответствие критериям, а не на реальную экспертность претендентов. В результате профилактические программы могут не только не достигать желаемого эффекта, но и приводить к обратным последствиям, провоцируя социальную напряженность или способствуя распространению радикальных идей.

4. *Возможность правового конфликта при взаимодействии с государственными структурами.* Институты гражданского общества могут оказывать содействие правоохранительным органам, например, участвуя в экспертизах материалов, анализе социальных факторов экстремизма или разработке образовательных программ. Однако взаимодействие в данных сферах может сдвинуть оттенок работы привлекаемых организаций и отдельных лиц в сторону обвинительного уклона.

5. *Информационные и идеологические риски.* Гражданское общество играет важную роль в формировании общественного мнения и мировоззренческих установок, однако это также может стать уязвимостью. В условиях активной информационной войны внешние и внутренние деструктивные силы могут использовать институты гражданского общества для распространения идей, противоречащих принципам правопорядка. Это особенно актуально в просветительской сфере, где сложность контроля за содержанием образовательных программ и публичных инициатив повышает вероятность включения в них

элементов деструктивной идеологии. Подмена понятий, манипулятивные интерпретации исторических и социальных явлений могут в долгосрочной перспективе способствовать радикализации отдельных групп населения.

Таким образом, привлечение институтов гражданского общества к противодействию экстремизму является важным шагом в развитии комплексного подхода к обеспечению антиэкстремистской безопасности в Российской Федерации. Однако данный процесс сопряжен с рядом вызовов, ответы на которые видится возможным формировать путем создания эффективного механизма взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества, предполагающего:

– наличие актуальной, прозрачной и не формализованной системы критериев для участия и оценки эффективности деятельности организаций и отдельных лиц в различных грантовых и иных государственных программах по профилактике экстремизма;

– выстраивание системы мониторинга и контроля, направленной на предотвращение нарушений закона, политической ангажированности и иных злоупотреблений;

– разграничение сфер деятельности органов публичной власти и институтов гражданского общества, не допускающее подмены функций, но обеспечивающее эффективное взаимодействие и сотрудничество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова В. Е. Роль институтов гражданского общества в противодействии экстремизму в России // Междунар. науч.-техн. конф. молодых ученых (г. Белгород, 25–27 мая 2020 г.). Белгород : Белгород. гос. технол. ун-т им. В. Г. Шухова, 2020. С. 5127–5130.

2. Буткевич С. А. Роль и место гражданского общества в системе предупреждения экстремизма // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 21 мая 2020 г.) / отв. ред. Н. С. Сорокун. Ростов-на-Дону : Ростов. юрид. ин-т МВД РФ, 2020. С. 30–36.

3. Дуюнов В. К., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности. М. : РИОР, 2020. 244 с.

4. Меркурьев В. В. Противодействие фальсификации исторических фактов о деятельности СССР в годы Второй мировой войны: состояние и тенденции // Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации и меры противодействия проявлениям экстремизма и фальсификации исторического прошлого. Крымские юридические чтения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 2–10 июня 2022 г.). В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Н. Н. Колюки ; сост. С. В. Герасимовский, А. П. Сергеева. Саратов, 2022. С. 194–199.

5. Нардина О. В. Приоритетные задачи государства и гражданского общества по профилактике экстремизма и терроризма в среде несовершеннолетних // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ялта, 8–10 октября 2020 г.) / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Гуманитарно-педагогическая академия. Симферополь, 2020. С. 106–111.

6. Сенчихин С. П. Подследственность общеуголовных преступлений по экстремистским мотивам в России и Белоруссии: анализ компетенции органов уголовного преследования // Российский следователь. 2019. № 4. С. 71–73.

7. Сенчихин С. П., Шелестюков В. Н. Анализ соотношения системы подследственности преступлений экстремистской направленности по законодательствам Российской Федерации и Республики Беларусь // Российский следователь. 2018. № 12. С. 68–71.

8. Сенчихин С. П. Профилактика экстремизма и терроризма в молодежной среде: научные концепции и опыт их реализации в Сибирском государственном индустриальном университете // Юридическое образование и наука. 2022. № 8. С. 37–44.

9. Сенчихин С. П. Учебный курс профилактики экстремизма и терроризма: опыт СибГИУ // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения : тр. Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Новокузнецк, 17–18 мая 2022 г.). Вып. 26. Ч. 4. Новокузнецк : Сиб. гос. индустр. ун-т, 2022. С. 305–309.

10. Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.12.2024).

11. Федеральный закон от 2.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.12.2024).

УДК 343.61

Сорокина Ксения Олеговна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
shmuradkok@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Особенности квалификации преступлений по части 4 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ аналогичных положений уголовного законодательства Республик Беларусь и Казахстан

В настоящей статье приводят подробный анализ преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, ч. 3 ст. 147 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ч. 3 ст. 106 Уголовного кодекса Республики Казахстан. На основе сравни-

© Сорокина К. О., Евстегнеев А. С., 2025

тельного анализа представлены некоторые выводы и рекомендации по дополнению ст. 111 УК РФ дополнительным квалифицирующим признаком: «в отношении заведомо для виновного беременной женщины».

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, уголовное законодательство, законодатель, умышленное причинение, тяжкий вред здоровью, неосторожность, смерть.*

Sorokina Ksenia Olegovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Aleksey Sergeevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Features of the qualification of crimes under Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation: a comparative legal analysis of similar provisions of the criminal legislation of the Republics of Belarus and Kazakhstan

This article provides a detailed analysis of the crimes provided for in Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 3 of Article 147 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, Part 3 of Article 106 of the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. Based on the comparative analysis, some conclusions and recommendations are presented on supplementing Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation with an additional qualifying feature: «in relation to a woman who is obviously pregnant for the guilty party».

Keywords: *Criminal Code, criminal legislation, legislator, intentional infliction, serious bodily harm, negligence, death.*

Как известно, во время существования Советского государства, уголовное законодательство содержало норму, устанавливающую уголовную ответственность за: «умышленное телесное повреждение, опасное для жизни или повлекшее за собой потерю зрения, слуха или какого-либо органа либо утрату органов его функций, душевную болезнь или иное расстройство здоровью, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее чем на одну треть, или повлекшее прерывание беременности, либо выразившееся в неизгладимом обезображивании лица, если они повлекли за собой смерть потерпевшего (ч. 2 ст. 108 УК РСФСР [4] и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик). Действующее уголовное законодательство Российской Федерации и некоторых стран участниц СНГ в своих уголовных кодексах содержит схожую с этой норму.

Так, часть 1 ст. 111 УК РФ [1] устанавливает ответственность за: «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, или повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха либо какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство, заболевание наркоманией либо токсикоманией, или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, или вызвавшего значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть или заведомо для ви-

новного полную утрату профессиональной трудоспособности», а частью 4 данной статьи устанавливается уголовная ответственность за: «деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего»

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК РБ) [3] содержится ст. 147 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения», которая в части 1 предусматривает ответственность за: «умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, т. е. повреждения, опасного для жизни, либо повлекшего за собой потерю зрения, речи, слуха, какого-либо органа или утрату органом его функций, прерывание беременности, психическое расстройство (заболевание), иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой общей трудоспособности не менее чем на одну треть, либо вызвавшее расстройство здоровья, связанное с травмой костей скелета, на срок свыше четырех месяцев, либо выразившееся в неизгладимом обезображении лица или шеи», а частью 3 данной статьи устанавливается уголовная ответственность за: «деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи… либо повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего».

Уголовное законодательство Республики Казахстан также предусматривает уголовную ответственность за подобные деяния. Так, Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее – УК РК) в своей Особенной части содержит ст. 106 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» [2], часть 1 которой устанавливает ответственность за: «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», а частью 3 данной статьи устанавливается уголовная ответственность за: «деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего …».

Как мы видим, в УК РБ исследуемый нами состав преступления содержится в ч. 3 ст. 147: «3. Деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные повторно, либо лицом, ранее совершившим иное преступление, сопряженное с умышленным причинением тяжкого телесного повреждения, либо ранее совершившим убийство (за исключением преступлений, предусмотренных статьями 140–143 настоящего Кодекса), а равно в отношении двух или более лиц, либо повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего, – наказываются лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет». Сравнивая данный состав с подобным составом преступления в российском уголовном законодательстве, мы видим, что в УК РБ предусмотрен нижний предел наказания в виде 5 лет лишения свободы, в то время как российский законодатель ограничился верхним пределом. Полагаем, что данный факт свидетельствует о том, что за совершение такого преступления, в Республике Беларусь предусмотрено более суровое, наказание. К такому выводу мы приходим исходя из того, что согласно содержанию санкции ч. 4 ст. 111 УК РФ суд, при назначении наказания виновному в его совершении, может назначить наказание в виде лишения свободы мене пяти лет.

Однако, как нам представляется, законодатели России и Белоруссии при определении нижнего предела наказания в виде лишения свободы за совершение данного преступления, несколько отошли от предписаний, содержащихся в ч. 5

ст. 15 УК РФ и ч. 5 ст. 12 УК РБ, устанавливающих категории преступлений. Что, по нашему мнению, является определенным коррупциогенным фактором.

Анализируя положения ст. 106 УК РК мы видим, что данный состав определен положениями ч. 3: «3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего либо совершенные преступной группой, – наказываются лишением свободы на срок от восьми до двенадцати лет с конфискацией имущества или без таковой», мы приходим к выводу, что законодатель Республики Казахстан, установив низший предел наказания – 8 лет лишения свободы, также не учел предписания ч 5 ст. 11 УК РФ (Категории преступлений).

Анализируя санкции, установленные законодателями за причинение тяжкого вреда здоровья, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, мы видим, что самое суровое наказание в виде лишения свободы (до 20 лет лишения свободы), предусмотрено ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако если рассматривать это положение с учетом наличия низшего предела, то самое жестокое минимальное наказание – 8 лет лишения свободы – предусмотрено Уголовным кодексом Республики Казахстан, однако здесь законодатель установил самый малый срок, определяя верхний предел наказания в виде лишения свободы (до 12 лет). Согласно санкции ч. 3 ст. 147 УК РБ, лицу, признанному виновным в совершении обсуждаемого преступления, может быть назначено наказание от 5 до 15 лет лишения свободы. Также мы видим, что уголовными кодексами России и Казахстана предусмотрены дополнительные виды наказаний, в то время как в УК РБ такового нет.

Следует также отметить, что в анализируемой норме УК РБ, в отличие от аналогичных норм уголовных кодексов России и Казахстана, содержится квалифицирующий признак «1.1) в отношении заведомо для виновного беременной женщины». Мы видим, что в УК РФ есть признак «заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии», при этом п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации дает исчерпывающий перечень лиц, в котором отсутствует «беременная женщина» [5].

При анализе соответствующих статей в уголовных кодексах России, Беларуси и Казахстана мы видим, что только Уголовный кодекс РФ содержит такой квалифицирующий признак как «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Таким образом, анализируя причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего в уголовных законах России, Беларуси и Казахстана мы приходим к следующим выводам:

1. Структура правовой нормы фактически схожи во всех трех кодексах, так, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего содержится в ч. 4 ст. 111 УК РФ и в частях 3 статей 147 УК РБ и ст. 106 УК РК и являются отсылочными нормами.

2. В анализируемых нормах, содержащихся в уголовных кодексах Республики Беларусь и Республики Казахстан, есть квалифицирующий признак «в отношении заведомо для виновного беременной женщины», в то время как ст. 111

УК РФ его не содержит. Полагаем, что российскому законодателю было бы уместно дополнить эту статью Уголовного кодекса Российской Федерации данным квалифицирующим признаком, поскольку преступник будет посягать не только на жизнь и здоровье матери, но и на жизнь и здоровье ребенка, находящегося в утробе матери.

3. В отличие от уголовных законов Республик Беларусь и Казахстан, Уголовный кодекс РФ содержит такой квалифицирующий признак как «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“)». Полагаем, что данный подход российского законодателя является самым передовым среди анализируемых государств. Данный квалифицирующий признак неотъемлемая часть современного общества.

4. Самая строгое наказание (до 20 лет лишения свободы) за причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего предусмотрено Уголовным кодексом Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.12.2024).

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 09.09.2024). URL: http://law.gov.kz/client/#!/doc/81097/rus/19.12.2020 (дата обращения: 11.12.2024).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изм. и доп. по сост. на 12.07.2024). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 11.12.2024).

4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.12.2024).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 11.12.2024).

УДК 342.8

Титов Евгений Евгеньевич,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
evgtevg@yandex.ru

Отдельные проблемы голосования и пути их решения

Автором статьи предлагается рассмотреть гипотетические ситуации, способные помешать проведению голосования, а также выработать решения и правовые механизмы для защиты института выборов и повышения к нему доверия со стороны граждан Российской Федерации.

© Титов Е. Е., 2025

Ключевые слова: *избирательное право, выборы в Российской Федерации, правовые аспекты избирательного права, институт выборов, избирательный процесс.*

Titov Evgeny Evgenievich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Individual voting problems and ways to solve them

The author of the article proposes to consider hypothetical situations that could interfere with the conduct of voting, as well as to develop solutions and legal mechanisms to protect the institution of elections and increase confidence in it from the citizens of the Russian Federation.

Keywords: *electoral law, elections in the Russian Federation, legal aspects of electoral law, the institution of elections, the electoral process.*

В соответствии с п. 3 ст. 3 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: «Участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на гражданина Российской Федерации с целью принудить его к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать его свободному волеизъявлению» [1]. Названная норма настоящего закона конкретизирует ч. 2 ст. 32 Конституции РФ: «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме» [2]. Ссылка на данное положение в законодательстве Российской Федерации содержалась в ответе Избирательной комиссии Московской области об избирательных бюллетенях, не найденных при подсчете результатов голосования на выборах губернатора Московской области 9 сентября 2018 года от 26.09.2018. Основанием для ответа стало обращение от 24.09.2018 № 1565-А, в котором задавался вопрос о последствиях выноса бюллетеней с избирательного участка. Стоит отметить тот факт, что проблема определения дальнейших последствий при выносе бюллетеня с избирательного участка имела место быть и в других субъектах Российской Федерации и территориальные комиссии придерживались разных подходов при возникновении подобных ситуаций. Так, РЦОИТ при ЦИК России, отвечая на вопросы, поступившие в период проведения выборов 8–11 сентября 2011 года, отметил, что ответственность в подобной ситуации федеральным законодательством не предусматривается, но вместе с тем отметил, что возможное привлечение к уголовной ответственности по ст. 141 УК РФ и ст. 325 УК РФ требует специального рассмотрения в зависимости от ситуации [3, 4]. Также в ответе на вопрос содержалась рекомендация членам комиссии разъяснить предназначение бюллетеня и предложить возможность голосовать. РЦОИТ при ЦИК России пояснил, что иные действия по пресечению выноса бюллетеня являются незаконными. Вместе с этим имели место быть инциденты, когда граждан, выносящих бюллетени с избирательного участка, принуждали голосовать члены избирательной комиссии посредством принуждения

и удержания избирателя на участке при содействии дежурящих сотрудников полиции. Такой подход к решению проблемы подрывает авторитет правоохранительных органов и избирательной комиссии в глазах граждан, поскольку не имеет правовой основы для его реализации. На сегодняшний момент в законодательстве Российской Федерации нет норм, регулирующих данную ситуацию, а есть лишь рекомендации, которые не имеют нормативной силы. Не урегулирование подобной ситуации нормами права чревато возникновением конфликтных ситуаций между участниками избирательного процесса, однако не угрожает проведению самих выборов и реализации иными лицами своих избирательных прав ввиду отмены обязательного порога явки в России в 2006 году и невозможности получения избирателем второго бюллетеня законным путем.

Вместе с этим следует обратить внимание и на то, что в избирательном законодательстве существует проблема, которая представляет наибольшую опасность из-за лишения гипотетической возможности иных участников права тайного голосования на выборах. Так, в соответствии с ч. 8 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избиратель или участник референдума заполняет бюллетень в специально оборудованной кабине или ином специально оборудованном месте, за исключением случаев, когда избиратель или участник референдума не может самостоятельно расписаться в бюллетене или заполнить его [1]. Из содержания нормы следует, что голосование в специально оборудованной кабине или ином специально оборудованном месте является правом, а не обязанностью участника, а потому при собственном волеизъявлении участник вправе проголосовать вне кабины или специального помещения. Однако при наличии воли избирателя или участника референдума проголосовать в соответствии с принципом тайного голосования может возникнуть ситуация, при которой все кабины или помещения могут быть заняты бездействующими лицами, т. е. находящимися в специально оборудованном месте для голосования, но не осуществляющими никаких действий с бюллетенем по его целевому использованию. Учитывая нынешнюю внешнеполитическую обстановку в Российской Федерации, определенная группа людей гипотетически способна воспрепятствовать осуществлению права тайного голосования другими избирателями или участниками референдума путем фактического блокирования помещений и кабин, предназначенных для голосования. Проблема заключается в том, что в законах и подзаконных нормативных правовых актах не регламентирован разумный срок нахождения в кабинах и специальных помещениях для голосования, а доказать вину участника голосования по ст. 141 УК РФ можно лишь в том случае, если он сам объяснит мотив своего поступка [4].

Таким образом, отсутствие нормативно-правового регулирования подобных ситуаций способно привести:

1) к подрыву авторитета избирательных органов и сотрудников правопорядка, оказывающих содействие в период проведения выборов;

2) к созданию возможных групп лиц, желающих легальным образом воспрепятствовать осуществлению членами избирательной комиссии должностных обязанностей и прав избирателей, участников референдума;

3) к возникновению судебных споров и разбирательств, которые, в сущности, не помогут разрешить вышеперечисленные проблемы.

Для решения указанной проблемы автором статьи предлагается:

1) законодательно признавать бюллетени, выносимые с избирательного участка недействительными (при помощи механизма юридической фикции). Подобное решение объясняется тем, что граждане, зачастую реализуя свои права, берут на себя определенные обязанности. В случае с правом избирать и быть избранным необходимо пройти определенные процедуры, установленные законодательством РФ, т. е. фактически взять на себя обязательства за их прохождение для реализации своего права.

2) законодательно установить «разумный срок голосования» в специально оборудованной кабине или помещении, который не должен превышать 15 минут. По истечению указанного времени при отсутствии уважительных причин (плохое самочувствие избирателя, отсутствие помощи со стороны члена избирательной комиссии в ситуациях, предусмотренных ч. 10 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», отсутствие необходимого оборудования и средств в специальной кабине или помещении для целевого использования бюллетеня и осуществления избирательных прав граждан), препятствовавших целевому использованию бюллетеня для голосования признавать бюллетень недействительным, а гражданина, препятствующего осуществлению принципа тайного голосования иным гражданам принудительно удалять из кабинки или специального помещения с дальнейшим составлением административного протокола по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ [5].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 30.11.2024).

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.11.2024).

3. Вопросы, поступившие в РЦОИТ при ЦИК России от избирательных комиссий муниципальных образований, руководители которых принимали участие в семинаре «Муниципальные выборы, местные референдумы и иные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления в Российской Федерации» 8–11 сентября 2009 г. URL: http://old.cikrf.ru/about/activity/training/courses_mun/voprosy.html (дата обращения: 30.11.2024).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 30.11.2024).

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 30.11.2024).

УДК 342.571

Тихомиров Артем Валерьевич,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
artemtihomirov99@mail.ru

Бриль Геннадий Геннадьевич
доктор юридических наук, профессор
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@kosgos.ru

Проблемы реализации Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» общественными советами при органах внутренних дел

Статья поднимает проблему отсутствия в федеральных и региональных подзаконных актах норм, регулирующих порядок осуществления общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел посредством форм, предусмотренных Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Для ее разрешения предлагается предоставить общественным палатам и общественным советам при органах внутренних дел право осуществлять общественный контроль за их деятельностью в формах, предусмотренных федеральным законодательством об общественном контроле, а также в других не противоречащих ему формах. Реализация приведенного предложения будет способствовать расширению возможностей общественных советов по эффективному общественному контролю за деятельностью органов внутренних дел посредством различных форм, предусмотренных Федеральным законом № 212-ФЗ.

Ключевые слова: *общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел, общественные советы, органы внутренних дел, территориальные органы внутренних дел, формы общественного контроля.*

Tikhomirov Artem Valeryevich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Bril Gennady Gennadievich,
doctor of law, professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of implementation of Federal Law No. 212-FZ dated 07/21/2014 “On the Basics of Public Control in the Russian Federation” by Public Councils under internal Affairs bodies

The article raises the problem of the absence in federal and regional by-laws of norms regulating the procedure for public control over the activities of internal affairs bodies through the forms provided for by Federal Law No. 212-FZ dated 07/21/2014 “On the Basics of Public Control

© Тихомиров А. В., Бриль Г. Г., 2025

in the Russian Federation". To resolve it, it is proposed to grant public chambers and public councils under the internal affairs bodies the right to exercise public control over their activities in the forms provided for by federal legislation on public control, as well as in other forms that do not contradict it. The implementation of the above proposal will contribute to the expansion of the capabilities of public councils for effective public control over the activities of internal affairs bodies through various forms provided for by Federal Law No. 212-FZ.

Keywords: *public control over the activities of internal affairs bodies, public councils, internal affairs bodies, territorial internal affairs bodies, forms of public control.*

В настоящее время существует ряд проблем правового регулирования, препятствующих эффективному взаимодействию субъектов общественного контроля с органами внутренних дел и общественному контролю за их деятельностью и принимаемыми актами.

Одной из них является отсутствие в федеральных законах и подзаконных актах, а также регламентах об общественных советах при органах внутренних дел в регионах норм, касающихся порядка осуществления общественного контроля за их деятельностью посредством форм, предусмотренных Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 212-ФЗ), что ограничивает набор способов и инструментов его осуществления и снижает его возможности. Это объясняется установленной в законе положением ч. 2 ст. 2, по которой органы внутренних дел, как и другие правоохранительные органы, выведены из-под действия Федерального закона № 212-ФЗ [2].

В качестве научного обоснования актуальности данной проблемы можно привести позицию А. М. Кононова, который в одной из научных работ рассматривает вопрос правового регулирования общественной экспертизы как одной из форм общественного контроля, в рамках которой осуществляет свою деятельность общественный совет при органе внутренних дел. Так, по его мнению, в качестве цели общественной экспертизы следует рассматривать обеспечение учета и защиты интересов граждан, оценки качества предлагаемых правовых новелл, их соответствия законодательству, целесообразности и эффективности регулирующего воздействия, определения возможных негативных последствий в случае принятия ошибочного нормативного правового акта [9, с. 18–21].

Из анализа содержания положений и регламентов общественных советов при территориальных органах МВД России (в частности, в Костромской, Ярославской, Ивановской и Владимирской областях) следует, что:

– в них регламентируется порядок организации и проведения заседаний общественного совета, его президиума, комиссий и рабочих групп, а также опроса членов общественного совета, которые установлены в качестве форм его деятельности;

– непосредственного осуществления общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел касаются положения о проведении общественной экспертизы, а также общественных слушаний и иных мероприятий (конференций, совещаний, «круглых столов», семинаров) (согласно регламентам об общественных советах при УМВД России по Костромской

(ст. 36–37), Ярославской (ст. 35–36), Ивановской (ст. 35–36), Владимирской областям (ст. 28–29));

– какие-либо нормы либо главы (разделы), регулирующие порядок проведения общественного контроля в отношении деятельности и правовых актов органов внутренних дел в рамках иных предусмотренных Федеральным законом № 212-ФЗ форм, отсутствуют [5; 6; 7; 8].

Наличие проблемы, на наш взгляд, подтверждают данные обзоров деятельности общественных советов при органах внутренних дел, отражающие общее снижение числа проводимых мероприятий общественного контроля с их участием в течение прошедших 6 лет, что говорит об актуальности и необходимости внедрения иных форм общественного контроля в данной сфере в целях повышения степени вовлеченности общественности в деятельность органов внутренних дел, а также эффективности выявления и устранения имеющихся нарушений норм законодательства, прав и свобод граждан [10].

В этой связи для решения вышеназванной проблемы представляется целесообразным дополнить ст. 50 Федерального закона от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» частью 5, Положение об Общественном совете при МВД России пунктом 5^1, а также Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 «Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах» пунктом 6^1 следующего содержания: «Общественные советы и общественные палаты, предусмотренные статьей 50 Федерального закона от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», вправе осуществлять общественный контроль за деятельностью и принимаемыми актами органов внутренних дел в формах, предусмотренных Федеральным законом от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и иными федеральными законами, а также в других не противоречащих им формах» [1; 2; 3; 4]. При дальнейшем совершенствовании правового регулирования целесообразно также дополнить Положение об Общественном совете при МВД России и Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 положениями, регламентирующими порядок осуществления общественными советами общественного контроля за деятельностью и принимаемыми актами органов внутренних дел в рамках форм, предусмотренных Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Данное решение проблемы будет способствовать расширению возможностей общественных советов по осуществлению более эффективного общественного контроля за деятельностью и правовыми актами органов внутренних дел посредством различных форм, предусмотренных Федеральным законом № 212-ФЗ, в целях обеспечения соблюдения данными органами действующего законодательства, прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений, учета общественных интересов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О полиции : Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024) : принят Государственной

Думой 28 января 2011 года : одобр. Советом Федерации 2 февраля 2011 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.11.2024);

2. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) : принят Государственной Думой 4 июля 2014 года : одобр. Советом Федерации 9 июля 2014 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.11.2024).

3. Об общественных советах при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах : Указ Президента Российской Федерации от 23.05.2011 № 668 (ред. от 25.08.2021). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.04.2024).

4. Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28.07.2011 № 1027 (ред. от 17.09.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.04.2024).

5. Об общественном совете при УМВД России по Владимирской области : Приказ УМВД России по Владимирской области от 29.08.2011 № 433 // Управление МВД России по Владимирской области. URL: https://33.мвд.рф/gumvd/sovet/regulations/Polozhenie_ob_obshhestvennom_sovete_pri (дата обращения: 10.11.2024).

6. Об Общественном совете при УМВД России по Ивановской области: Приказ УМВД России по Ивановской области от 29.08.2011 № 783 // Управление МВД России по Ивановской области. URL: https://37.мвд.рф/document/15090994 (дата обращения: 10.11.2024).

7. Об Общественном совете при УМВД России по Костромской области : Приказ УМВД России по Костромской области от 29.08.2011 № 706 // Управление МВД России по Костромской области. URL: https://44.мвд.рф/document/9813678 (дата обращения: 10.11.2024).

8. Об Общественном совете при УМВД России по Ярославской области: Приказ УМВД России по Ярославской области от 26.08.2011 № 321 // Управление МВД России по Ярославской области. URL: https://76.мвд.рф/gumvd/sovet/osnd/приказы-умвд/приказ-умвд-321-2011 (дата обращения: 10.11.2024).

9. Кононов А. М. О некоторых актуальных проблемах совершенствования общественного контроля в Российской Федерации. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=50246561 (дата обращения: 11.11.2024).

10. Обзоры деятельности общественных советов при территориальных органах МВД России за 2016-2023 годы // Сайт Министерства внутренних дел России. – Мониторинг взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества. URL: https://мвд.рф/мониторинг-взаимодействия-с-институтами (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 34.05

Удалихина Алина Викторовна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
alinaudalichina@gmail.com

Правовое обеспечение публичных интересов в законодательстве России и Германии

Публичный интерес в России и Германии – это часть системы действующего права, нормы которого направлены на защиту прав и законных интересов неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Кодифицированность действующего законодательства как отличительная особенность романо-германской правовой семьи также присуща и российской правовой системе. Особо при этом подчеркиваются последовательность и преемственность процесса кодификации российского права на всех этапах его развития: от дореволюционного периода к советскому, а от советского – к постсоветскому.

Ключевые слова: *публичный интерес, правовые категории, защита прав, публичная собственность, романо-германская правовая семья.*

Udalikhina Alina Viktorovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Public interest in Russia and Germany is part of the system of current law, the norms of which are aimed at protecting the rights and legitimate interests of an indefinite circle of persons, ensuring the safety of life and health of citizens, as well as the defense and security of the state, and environmental protection. The codification of the current legislation as a distinctive feature of the Romano-German legal family is also inherent in the Russian legal system. At the same time, the sequence and continuity of the process of codification of Russian law at all stages of its development are emphasized: from the pre–revolutionary period to the Soviet one, and from the Soviet one to the post-Soviet one.

Keywords: *public interest, legal categories, protection of rights, public property, Romano-German legal family.*

В Российской Федерации правовое обеспечение публичных интересов осуществляется через систему нормативно-правовых актов, регулирующих различные сферы общественной жизни. Основным документом, определяющим принципы и правила правового регулирования общественных отношений, является Конституция РФ [3]. Она устанавливает основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина, форму государственного устройства, систему органов государственной власти и местного самоуправления.

Особое внимание уделяется защите прав потребителей, охране окружающей среды, обеспечению безопасности дорожного движения, борьбе с коррупп-

© Удалихина А. В., 2025

цией и терроризмом. Для этого разрабатываются специальные законы и программы, создаются соответствующие органы контроля и надзора.

Согласно ст. 2 АПК РФ одной из задач арбитражного судопроизводства является укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Решение этой задачи возможно в том числе путем пресечения незаконных действий сторон спора благодаря привлечению к участию в деле госоргана, действующего в защиту публичных интересов. Также важно помнить, что с помощью защиты публичного интереса защищаются и права отдельных субъектов.

В законодательстве Российской Федерации обеспечение публичных интересов осуществляется через следующие механизмы:

1) защита прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Это достигается путем принятия федеральных законов, направленных на обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды [7];

2) регулирование порядка приема на работу, продвижения по службе, выплаты вознаграждения и выхода в отставку гражданских служащих. Это осуществляется с помощью соответствующих федеральных законов и законов субъектов РФ [4];

3) поощрение добросовестности, ответственности и честности среди публичных должностных лиц. Соответствующие положения включены в Уголовный кодекс, Гражданский кодекс, трудовое законодательство и решения судебных инстанций;

4) повышение прозрачности и поощрение участия общественности в процессах принятия решений [5]. Например, публикация данных, относящихся к категории открытых данных, на специальном портале;

5) борьба с коррупцией. Для этого в РФ созданы специальные органы, такие как прокуратура и суды.

Следует отметить, что это лишь некоторые механизмы обеспечения публичных интересов в российском законодательстве.

В романо-германской правовой семье сложилось два противоположных направления формирования законодательства: первое отличается стремлением сделать законы как можно доступнее, второе предполагает максимальное использование профессионального юридического языка, что может усложнить его понимание. Тогда как в российской правовой системе со времен СССР значение закона усматривалось в том, что он является «наиболее естественным способом создания права, которое при этом отождествляется с волей правящих», не всегда отвечающее реальным потребностям общества, реальному уровню развития общества.

Для российской правовой системы, в отличие от правовых систем стран романо-германской правовой семьи, характерны такие особенности, как избыточность законодательства (только в 2020 году Государственная Дума РФ приняла 553 закона), противоречивость, неустойчивость (постоянное внесение изменений) [1, с. 32–40].

Административное право Германии предусматривает формирование партнерских равноправных отношений государства и населения. Негосударственная управленческая деятельность основывается не только на государственно-властных полномочиях, но и на организационных действиях, не обременяющих население, а ведущих к позитивному результату. В Германии существует электронное правительство, обеспечивающее оказание публичных услуг посредством использования информационных технологий.

Принцип общественного интереса всеобъемлющим образом связывает все три ветви власти. Законодательная власть устанавливает в общем и абстрактном виде то, что служит общественным интересам, административные и судебные органы должны применять закон в общественных интересах и при этом также соблюдать принцип общественного интереса при рассмотрении конкретного дела.

Принцип общественного интереса применяется ко всему административному праву (Основной закон ФРГ ст. 94 п. 541, п. 548), не только к управлению вмешательством, но и к управлению эффективностью [6]. Управление вмешательством (нем. Eingriffsverwaltung) – это термин, используемый в немецком административном праве для обозначения деятельности государственных органов, направленной на вмешательство в права частных лиц с целью обеспечения общественных интересов. Это может включать различные меры регулирования, контроля и принуждения, такие как выдача разрешений, наложение штрафов, запреты на определенные виды деятельности и другие административные акты. Управление эффективностью в законодательстве Германии подразумевает подходы и методы, направленные на оптимизацию работы государственных учреждений и служб. Это включает в себя оценку и анализ результатов деятельности, использование ресурсов, а также внедрение лучших практик для повышения качества и доступности услуг [8, с. 113–118].

Административные органы связаны принципом общественного интереса как в суверенных, так и в не суверенных сферах деятельности. Даже используя средства не суверенного управления, власти могут преследовать только те цели, которым они должны служить в соответствии с конституцией и законом. Это означает, что государство, даже если оно действует в рамках частного права, должно реализовывать общественные интересы.

Ограничение свободы допустимо только в том случае, если этого требуют общественные интересы, преобладающие над частными интересами. Какие общественные интересы могут оправдать ограничение права на свободу в конкретном случае, должно быть рассмотрено отдельно для каждого права на свободу.

Германия не формирует особую публичную собственность из имущества, которое используется для оказания публичных услуг. Однако существует статус публичных вещей, которыми признаются объекты собственности, принадлежащие разным лицам и имеющие обременение в целях использования для общего блага.

Административный орган может действовать гибко в зависимости от особенностей дела и самостоятельно решать, когда и в каком объеме возбуждать

дело, когда и каких участников к нему привлекать, как и в каком объеме собирать информацию и доказательства, как производить слушание участников и т. д. [2].

В соответствии со ст. 5 п. 2 Основного закона ФРГ все действия правительства должны отвечать общественным интересам. Однако этот принцип не представляет собой конституционного права частных лиц; поэтому его нарушение не может быть обжаловано независимо в соответствии с законом о государственном праве.

В некоторых других конституционных и законодательных положениях общественный интерес рассматривается как предпосылка и критерий государственной деятельности.

Публично-правовое регулирование не заменяет в Германии гражданско-правовое, а дополняет его, видоизменяя право собственности на публичные вещи и формируя административно-правовые режимы использования рассматриваемого имущества, в рамках которых административно-правовые инструменты (административные акты, административные договоры) соседствуют с частно-правовыми.

Для отдельных областей управления по предоставлению публичных услуг в немецкой науке административного права была разработана теория «двух ступеней», базирующаяся на разграничении уровней публичного и частного права в смешанных (комплексных) правоотношениях. На первой ступени на основании норм административного права путем издания административных актов разрешается вопрос о том, подлежит ли публичная услуга представлению. На второй ступени разрешается вопрос о том, с использованием каких инструментов административного или гражданского права предоставляется услуга, решение о предоставлении которой было принято на первом уровне. Следует отметить, что наибольшие практические проблемы в данном случае обусловлены взаимным влиянием первой и второй ступени. Представляется, что теория двух ступеней, являющаяся неотъемлемой частью немецкой науки и практикой административного права, может иметь практическое значение при анализе правоотношений, складывающихся в сфере российского государственного управления, поскольку действующее законодательство также предусматривает двухступенчатое регулирование отношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гааг Л. В. К вопросу об отнесении российской правовой системы к романо-германской правовой семье. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otnesenii-rossiyskoy-pravovoy-sistemy-k-romano-germanskoy-pravovoy-semie (дата обращения: 07.12.2024).

2. Закон об административных процедурах: Административно-процессуальное право Германии = Verwaltungsrechtsshutz in Deutschland : (с изменениями, внесенными законом от 25.07.2013) : пер. с нем. / [В. Бергманн, введ., сост.]. 2-е изд., перераб. М., 2013. С. 196–198.

3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 07.12.2024).

4. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 20.12.2019) : принят Государственной Думой 7 июля 2004 года : одобр. Советом Федерации 15 июля 2004 года. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.12.2024).

5. Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 № 117-р. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.12.2024).

6. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года / Федеративная Республика Германия. Конституция и законодательные акты : пер. с нем. URL: https://www.1000d kumente.de/?c=dokument_de&dokument=0014_gru&object=translation&l=ru (дата обращения: 07.12.2024).

7. Российская Федерация. Законы. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 25 мая 2024 года : принят Государственной Думой 14 июня 2002 года. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.12.2024).

8. Хефелин У., Мюллер Г. Основные принципы административного права: общественный интерес = Grundprinzipien des Verwaltungsrechts: Öffentliches Interesse. URL: https://quizlet.com/de/karteikarten/3c-grundprinzipien-des-verwaltungsrechts-offentliches-interesse-593029447 (дата обращения: 07.12.2024).

УДК 340.12

Челбаев Дмитрий Владимирович,
аспирант, Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация
chelbaev.d@yandex.ru

Пугина Ольга Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Тамбовский государственный технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация
pugina.olga@mail.ru

О закономерностях развития учений о правовой идеологии в контексте различных исторических эпох

В статье анализируется история развития учений о правовой идеологии, включая представления о праве и его функциях на разных этапах исторического развития. Исследование охватывает ключевые подходы к правопониманию, начиная с античной политико-

© Челбаев Д. В., Пугина О. А., 2025

правовой мысли (Платон, Аристотель) и до XX века, включая идеи теоцентризма Средневековья, концепции общественного договора эпохи Просвещения, теорию классовой борьбы Карла Маркса и универсальные принципы прав человека в контексте многополярного мироустройства. Подчеркивается влияние социально-культурных условий на формирование правовой идеологии в каждый из исторических периодов и анализируются ее связи с философией, социологией и политологией. Статья выделяет ключевые аспекты трансформации правовой идеологии в ответ на меняющиеся общественные и культурные реалии в потенциальном мироздании.

Ключевые слова: *правовая идеология, история правовых учений, правопонимание, теоцентризм, естественное право, реалии потенциального мироздания, многополярное мироустройство.*

Chelbaev Dmitry Vladimirovich,
postgraduate student, Tambov State Technical University,
Tambov, Russian Federation

Pugina Olga Andreevna,
candidate of law, associate professor, Tambov State Technical University,
Tambov, Russian Federation

On the patterns of development of the teachings of legal ideology in the context of various historical epochs

The article analyzes the history of the development of the doctrines of legal ideology, including ideas about law and its functions at different stages of historical development. The research covers key approaches to legal understanding, starting from ancient political and legal thought (Plato, Aristotle) and up to the 20th century, including the ideas of Medieval theocentrism, concepts of the social contract of the Enlightenment, Karl Marx's theory of class struggle and universal principles of human rights in the context of a multipolar world order. The influence of socio-cultural conditions on the formation of legal ideology in each of the historical periods is emphasized and its connections with philosophy, sociology and political science are analyzed. The article highlights the key aspects of the transformation of legal ideology in response to changing social and cultural realities in the potential universe.

Keywords: *legal ideology, history of legal doctrines, legal understanding, theocentrism, natural law, realities of the potential universe, multipolar world order.*

Правовая идеология как многослойное и динамичное явление включает в себя различные подходы к ее пониманию, что, с одной стороны, порождает множество трактовок, порой противоречащих друг другу, но с другой стороны, открывает возможности для объективного осмысления данной категории. К сожалению, после отхода от советской правовой идеологии, никакая другая не смогла выработаться и прижиться в современном обществе и не легла в основу российской государственности. Однако в последние годы, на фоне значительных изменений в политической, экономической, культурной и юридической сферах, правовая идеология приобрела особую актуальность. Назрела необходимость юридического оформления нового значения этой категории, в соответствии с нарастающими тенденциями отхода от монопольного доминирования одного государства над другими и перехода к правовым отношениям равно-

правного партнерства. Соответственно трансформируется правосознание и правовая психология современного российского общества. Изучение закономерностей развития истории учений о правовой идеологии позволяет понять, как представления о праве и его функциях развивались в ответ на меняющиеся социальные и культурные реалии, демонстрируя особенности правопонимания, обусловленные конкретными социокультурными условиями. На наш взгляд, исследование этого процесса также помогает выявить тесную взаимосвязь правовой идеологии с другими дисциплинами, такими как философия, социология, религиоведение и политология, которые также реагируют на движение мирового порядка к многополярному мирозданию.

Одной из центральных задач изучения правовой идеологии является исследование закономерностей ее развития в контексте различных исторических эпох. В этом отношении важно отметить, что правовая идеология всегда зависела от господствующего мировоззрения и философских учений своего времени. Например, в античные времена политико-правовая мысль была пронизана идеями о естественном праве, которое, как полагали Платон и Аристотель, является выражением высшей справедливости. Платон, развивая учение Сократа, утверждал, что истинное бытие заключается в идеях, постигаемых разумом, среди которых центральное место занимают идеи государства, закона и справедливости как высшей добродетели. Его теория идей предполагает иерархию, возглавляемую идеей блага, к познанию которой человек стремится, чтобы обрести справедливость и добродетель [10, с. 207–268]. По мнению Платона, именно реализация идей блага и справедливости способна привести к идеальному государству, основанному на равенстве и процветании, где знания о законе становятся важнейшим средством совершенствования человека.

Эти идеи Платона были развиты Аристотелем, который видел благо государства в основе нравственности и справедливости, обеспечивающих общее благо. Вводя понятия «политическая справедливость» и «политическое право», он подчеркивал, что право служит мерилом справедливости и является основой политического общения. Аристотель различал естественное право и право, установленное людьми, указывая на необходимость их согласованности [3, с. 380]. Его взгляд на право, как на политическое явление противопоставляется деспотизму и подразумевает создание правового государства, в котором человек, живущий по закону и праву, обретает свою истинную природу как часть социального порядка [2, с. 160; 3, с. 592]. В древнеримской юриспруденции эти идеи не только развиваются, но и получают практическое закрепление. В первой книге диалога «О законах» Цицерон описывает закон как высший разум, заложенный в природе, который направляет нас к правильным действиям и удерживает от поступков, противоречащих природе [4]. Римская правовая система, опираясь на идеи греческих философов, создает правопорядок, основанный на универсальных принципах, понятных всем обществам. Этот принцип правового универсализма станет основой для формирования правовых систем в Европе и послужит фундаментом для будущих концепций права.

Следующий важный этап в развитии правовой идеологии связан с периодом Средневековья, когда представления о праве приобретают теоцентриче-

ский характер. В это время правовая идеология полностью подчинена божественному закону, что, в свою очередь, обусловливает ее зависимость от религиозных норм и канонов. Одним из ключевых мыслителей этого времени стал Фома Аквинский, который разработал учение о божественном происхождении закона и его высшей цели. В его понимании закон – это не просто правовая норма, а выражение божественного порядка, который направляет действия человека. В «Сумме теологии» Фома Аквинский четко различает понятия закона и права, подчеркивая их различия. Он определяет закон как «правило и меру действия, на основе которых человек обязан либо действовать, либо воздерживаться от действия» [1, с. 4]. Отметив ряд признаков закона, Аквинат выводит итоговое определение: закон «есть не что иное, как направленное на общее благо и обнародованное установление разума того, кто обязан заботиться обо всем сообществе» [1, с. 10]. В это же время в исламских странах шариат также становится основой правового регулирования, подчеркивая необходимость жизни по моральным и религиозным принципам. Таким образом, Средневековье закладывает фундамент для морали в праве, делая правовую идеологию инструментом, направленным на высшее благо.

С эпохой Возрождения и Нового времени, когда люди начинают переосмысливать свое место в мире и в обществе, правовая идеология меняет курс. На первый план выходят идеи естественных прав человека и общественного договора. Мыслители, такие как Томас Гоббс, Джон Локк и Жан-Жак Руссо, пытаются осмыслить, как можно достичь порядка в обществе, сохраняя свободу личности. Гоббс в «Левиафане» обосновывает необходимость сильного государства, считая, что без единой власти люди окажутся в состоянии хаоса и постоянной войны всех против всех [6, с. 84–89]. В его понимании человек добровольно отказывается от части своих прав в пользу суверена ради безопасности и порядка. Джон Локк, напротив, считает, что государство должно защищать неотчуждаемые права на жизнь, свободу и собственность, и народ вправе свергнуть власть, если она нарушает эти права [7, с. 332–339]. Жан-Жак Руссо в «Общественном договоре» развивает идею народного суверенитета, подчеркивая, что законы должны выражать общую волю, а истинная свобода возможна, когда человек подчиняется законам, установленным коллективной волей. Как отмечает Фролова, идеи эпохи Просвещения оказали существенное влияние на формирование правового государства, основанного на равенстве и защите гражданских прав [12, с. 255]. Просвещение закрепляет позиции естественного права и народного суверенитета, став основой для конституционных реформ и демократических революций.

XIX век приносит новые идеи. В частности, Карл Маркс и Фридрих Энгельс выдвигают теорию классовой борьбы, рассматривая право, как инструмент угнетения рабочего класса. Маркс утверждает, что «политическая власть есть организованное насилие одного класса для подавления другого» [8, с. 47]. Эти идеи, нашедшие свое отражение в социалистических правовых системах, подчеркивают роль права как механизма социальной справедливости и защиты интересов рабочего класса. Исследования показывают, что марксистская правовая идеология оказала значительное влияние на социалистические системы, од-

нако ее реализация в условиях рыночной экономики вызвала немало сложностей [9]. XX век ознаменован новой вехой для правовой идеологии. Принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 году утверждает идею равенства и защиты прав личности на глобальном уровне: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» [5]. Позитивизм, доминировавший в этот период, установил четкие правовые рамки, однако современные вызовы требуют большей гибкости.

В настоящее время, по словам В. В. Путина, наступает момент истины. Ушло прежнее устройство мира и идет непримиримое столкновение принципов, на которых будут строиться «отношения стран и народов на следующем историческом этапе». От исхода борьбы зависит устройство мироздания, «которое позволит развиваться всем, решать возникающие противоречия на основе взаимного уважения культур и цивилизаций, без принуждения и применения силы. Наконец, сможет ли человеческое общество остаться обществом с его этическими гуманистическими началами, а человек – остаться человеком» [11].

Подводя итог исследованию, можно сделать вывод, что история развития учений о правовой идеологии отражает сложный процесс взаимодействия социальных, политических и философских идей, которые формировали и продолжают формировать правовые системы. Правовая идеология, будучи важной частью правосознания, всегда зависела от исторических условий и менялась под их влиянием. Изучение этого процесса позволяет глубже понять, как и почему право занимает центральное место в регулировании общественных отношений и как оно отражает интересы различных социальных групп.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть II-I. Вопросы 90–114. Киев : Ника-Центр, 2010. 432 с.

2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 53–293.

3. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 375–644.

4. Брагова А. М. Цицерон о законах идеального государства // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4, № 1. С. 32–41.

5. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. URL: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 10.11.2024).

6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs Leviafan.pdf (дата обращения: 09.11.2024).

7. История политических и правовых учений : учеб. для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд. М. : Норма, 2004. 944 с.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М. : Политиздат, 1972. 263 с.

9. Михайлов А. М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21, № 3. С. 355–379.

10. Платон. Государство. М. : Академический проект, 2015. 398 с.

11. Путин В. В. Речь на пленарной сессии XXI ежегодного заседания международного дискуссионного клуба «Валдай» 8 ноября 2024 г. URL: https://life.ru/p/1701124 (дата обращения: 10.11.2024).

12. Фролова Е. А. История политических и правовых учений : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2024. 528 с.

УДК 34+002.2:94(47)

Щерова Наталья Сергеевна,
преподаватель,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
natalya.scherova@yandex.ru

Освещение судебных процессов в отечественной периодической печати второй половины XIX века

В работе рассматривается, как тема судопроизводства была представлена в периодических изданиях дореволюционной России. Посредством изучения материалов газет и журналов второй половины XIX века определяются освещаемые вопросы, а также особенности отражения обозначенной тематики в зависимости от типа издания. Это объясняется спецификой печатных органов, особыми целями и задачами, читательской аудиторией, на которую были направлены. Появление на страницах периодики подобной темы свидетельствует об интересе к ней со стороны общества и ее важности для редакционных коллективов.

Ключевые слова: *судопроизводство, судебные решения, периодические издания, юридические журналы, вторая половина XIX в.*

Scherova Natalya Sergeevna,
lecturer, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhniy Novgorod, Russian Federation

Coverage of trials in the domestic periodical press of the second half of the 19th century

The paper examines how the topic of legal proceedings was presented in periodicals of prerevolutionary Russia. By studying the materials of newspapers and magazines of the second half of the 19th century, the issues covered are determined, as well as the features of reflecting the designated topics depending on the type of publication. This is explained by the specificity of printed organs, special goals and objectives, the readership to which they were directed. The appearance of

© Щерова Н. С., 2025

such a topic on the pages of periodicals indicates the interest in it on the part of society and its importance for editorial staff.

Keywords: *legal proceedings, court decisions, periodicals, law journals, second half of the 19th century.*

Во второй половине XIX века в Российской империи выходило большое количество периодических изданий разнообразной тематической направленности. В числе вопросов, получивших отражение на страницах периодики, была и судебная практика. Следует отметить, что в соответствии с современной типологией СМИ все газеты и журналы разделяются на две большие группы: универсальные и специализированные, в частности, юридические. В рамках настоящей работы это имеет важное значение, поскольку специфика представления судебных решений на страницах изданий отличается в зависимости от их типа.

Универсальные периодические издания посвящены различным вопросам, не акцентируют внимание на какой-либо отдельной сфере. К числу таковых в дореволюционной России можно отнести губернские ведомости, которые освещали темы, в большей степени относящиеся к определенной территории государства. Подобные издания включали две части: официальную и неофициальную. В первой публиковались нормативные правовые акты (например, указы Правительствующего Сената, распоряжения губернского начальства), объявления о розыске лиц, информация о назначении на должности государственной службы и др.

Неофициальная часть содержала заметки и статьи по разнообразным темам, в том числе и связанным с судопроизводством. Так, в «Нижегородских губернских ведомостях» регулярно печатались судебные указатели дел, назначенных к слушанию в судебных заседаниях Нижегородского окружного суда (подобный список был опубликован, к примеру, в № 5 за 1883 год [5]), информация о происшествиях в Нижнем Новгороде (так, в № 2 за 1869 год была размещена ведомость о происшествиях в Нижнем Новгороде с 1 по 16 декабря 1868 года [1]). Кроме того, в отдельных случаях редакция не ограничивалась кратким упоминанием о некоторых событиях, а подробно их описывала. Например, в одном из номеров была напечатана заметка о пожаре, в результате которого погибли пять человек, четверо из которых были дети. Общественный резонанс вызвало не только это, но и то обстоятельство, что пожарные, принимавшие участие в тушении огня, нашли денежные средства и слитки серебра и скрыли этот факт. Редакция отмечала, что дело о пожаре будет рассмотрено в Нижегородском окружном суде [2].

Постепенно структура газеты усложнилась, изменилась программа издания, затрагивая в рамках неофициальной части иные вопросы. В качестве самостоятельного раздела появилась «Судебная хроника», в котором размещались судебные постановления по наиболее интересным с точки зрения редакции делам. В качестве примера можно привести материал из № 29 за 1897 год, в котором рассказывалось о деле о признании несостоятельными должниками выставочных предпринимателей, содержателей гостиницы «Франция» В. И. Смельницкого и М. Ф. Поповой [4].

Юридическим вопросам были посвящены периодические издания специализированного характера. Содержание отраслевых газет и журналов правовой направленности было разнообразным: тексты нормативных правовых актов, исторические исследования государственно-правовых явлений, анализ действующего законодательства, изучение функционирования органов государственной власти, рассмотрение различных правовых институтов, зарубежный опыт правового регулирования, юридическая библиография и т. д. Отдельное место в программе специализированной периодики занимала судебная практика. Следует отметить, что специфика юридических изданий обуславливала серьезный научный подход к тому или иному вопросу, который нашел отражение на страницах подобной периодики. Поэтому материалы отличались глубиной изучения, часто представляли собой фундаментальные работы. К числу таковых можно отнести публикацию из «Журнала Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете», напечатанную в 1898 году, о противоречиях в решениях Правительствующего Сената, которые затрудняли возможность их использования на местах. Здесь затрагивался важный вопрос, заключающийся не только в наличии таких противоречий, но и в отсутствии попыток их устранения и предупреждения. Это подрывало авторитетность решений и не соответствовало цели единства взглядов на законы и единообразного их исполнения всеми судебными органами Российской империи [3, с. 36].

Таким образом, мы можем говорить о том, что периодические издания второй половины XIX столетия были важной частью жизни общества, затрагивая различные сферы, в том числе и правовую. Одним из вопросов, нашедшим отражение на страницах периодики, стало судопроизводство. И в универсальных, и в специализированных изданиях подобная тематика присутствует, однако различаются подходы к ее рассмотрению: в первом случае это описание наиболее резонансных происшествий или судебных процессов. В отраслевых изданиях судебная практика представлена посредством серьезных научных исследований, однако и в юридических газетах и журналах, особенно в период становления этого типа периодики, печатались интересные с точки зрения редакции судебные решения для привлечения читательской аудитории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ведомость о происшествиях в Нижнем Новгороде с 1 по 16 декабря 1868 г. // Нижегородские губернские ведомости. 1869. № 2. С. 11–12.

2. Заметка // Нижегородские губернские ведомости. 1869. № 6. С. 41–43.

3. Противоречия в решениях Правительствующего Сената и средства к поддержанию единства и однообразия в его практике // Журнал Юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1898. Кн. 1. С. 36–52.

4. Судебная хроника // Нижегородские губернские ведомости. 1897. № 29. С. 8–9.

5. Судебный указатель // Нижегородские губернские ведомости. 1883. № 5. С. 39–41.

СЕКЦИЯ 2

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

УДК 349.227

Березин Савелий Алексеевич,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
saveliy.berezin.04@mail.ru

Отдельные проблемы правового регулирования досрочного расторжения трудового договора футболиста-профессионала или тренера по инициативе клуба

В данной статье рассматривается одна из острых проблем современного спортивного права. В спорте, как и в другой любой отрасли права, возникают спорные ситуации, которые однозначно решить не представляется возможным в силу противоречивых положений отдельных нормативных актов. Предложено решение проблемы досрочного расторжения трудового договора футболиста-профессионала или тренера по инициативе клуба, определение конкретных причин для расторжения контракта, а также соблюдение баланса интересов работника и работодателя.

Ключевые слова: *спортивное право, футбол, трудовые правоотношения, ФИФА, УЕФА, РФС, футболист-профессионал, тренер, компенсация, расторжение трудового договора.*

Berezin Saveliy Alekseevich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Certain issues of legal regulation of early termination of an employment contract of a professional football player or coach at the initiative of the club

This article examines one of the most pressing issues in modern football law. In sports, as in any other branch of law, there are issues that cannot be resolved unambiguously in favor of one of the parties due to the contradictory provisions of individual regulations. The article proposes a solution to the problem of early termination of an employment contract of a professional football player or coach at the initiative of the club, determining specific reasons for termination of the contract, as well as maintaining a balance of interests between the employee and the employer.

Keywords: *sports law, football, labor relations, FIFA, UEFA, RFU, professional football player, coach, compensation, termination of employment contract.*

© Березин С. А., 2025

Одна из динамично развивающихся в российском праве отраслей – это отрасль спортивного права. В условиях международной изоляции российского спорта проблема защиты прав спортсменов стала широко обсуждаться не только на национальном, но и на мировом уровнях. Особо стоит обратить внимание на регулирование трудовой деятельности футболистов-профессионалов и тренеров в российском футболе.

Единственно официально признанной ФИФА (Международная федерация футбольных ассоциаций) и УЕФА (Союз европейских футбольных ассоциаций) организацией, обеспечивающей контроль за развитием футбола в России, является Российский футбольный союз (РФС), под эгидой которого проходят не только футбольные соревнования в России, но и участие национальной команды страны в мировых первенствах.

Взаимоотношения клубов и игроков на международном уровне в части порядка перехода футболиста из клуба в клуб, расторжения контракта и всех видов компенсаций, положенных за изменение статуса футболиста, регулируются Регламентом ФИФА по статусу и переходам футболистов (регламент ФИФА), принятым ФИФА в 2004 году [5].

Особенности регулирования труда спортсменов, тренеров в Российской Федерации устанавливаются трудовым законодательством РФ и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, а также локальными нормативными актами [1, 2].

Основным источником «футбольного права» в Российской Федерации, регулирующим трудовые отношения между футболистом-профессионалом, тренером и футбольным клубом как работодателем, в том числе отношения в области заключения, изменения и прекращения трудового договора, обеспечения его надлежащего исполнения сторонами, является «Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов» (Регламент РФС) [4].

В соответствии со сложившейся практикой в командных видах спорта, а также в видах спорта, в которых существует система трансферов спортсменов, в подавляющем большинстве случаев со спортсменами и тренерами заключаются срочные трудовые договоры.

Одной из самых остро стоящих в современном футболе проблем является проблема досрочного расторжения трудового договора с футболистом.

Например, согласно ст. 13 Регламента ФИФА [5] трудовой договор между профессиональным клубом и футболистом может быть расторгнут только по истечении срока его действия или по взаимному соглашению сторон, что отражает фундаментальный принцип стабильности контрактов и договорного права. Строгий контроль ФИФА за соблюдением этого принципа привел к тому, что досрочно расторгнуть трудовой договор футболиста с клубом без серьезных нарушений футболиста невозможно.

Конечно, по окончании сезона (так как иное не допускается) любая из сторон может обратиться в ассоциацию ФИФА с требованием о расторжении трудового договора, однако не факт, что ассоциация удовлетворит это требование, так как Регламент ФИФА в этом вопросе отличается обтекаемостью фор-

мулировок, таких как «наличие спортивных обоснований для расторжения контракта определяется в каждом случае отдельно».

Регламентом РФС предусмотрено, что трудовой договор с футболистом-профессионалом/тренером может быть расторгнут по инициативе клуба по основаниям, предусмотренным трудовым законодательством Российской Федерации [4].

В Трудовом кодексе РФ общие основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя указаны в ст. 81 ТК РФ [6], кроме этого имеется отдельная гл. 54.1, в которой отражены особенности регулирования труда спортсменов и тренеров. Анализ данных оснований показывает, что Трудовой кодекс РФ запрещает расторжение трудового договора по инициативе работодателя (в одностороннем порядке) без имеющихся на то оснований, указанных в законодательстве.

Таким образом, увольнять футболиста в одностороннем порядке просто по желанию работодателя (т. е. без уважительной причины) запрещено.

Однако в Регламенте РФС установлено, что в случае досрочного расторжения трудового договора по инициативе клуба без уважительных причин футболист-профессионал/тренер имеет право на получение компенсации (выплаты) за такое расторжение в размере, установленном трудовым договором [4], т. е. получается, что увольнение все-таки возможно и без уважительных причин, при этом необходимо лишь выплатить компенсацию.

В этом и состоит первая проблема досрочного расторжения трудового договора футболиста-профессионала или тренера по инициативе клуба. Регламент при этом позволяет немного «обойти» нормы Трудового кодекса РФ путем того, что за защитой своих прав спортсмены и тренеры могут обратиться в Палату по разрешению споров РФС за компенсацией и не обращаться за их защитой в государственные органы [4].

Другая проблема заключается в том, что критериев для определения «уважительная» или «неуважительная» причина для расторжения договора Регламентом РФС не установлено, в нем сказано лишь о том, что отсутствие или наличие уважительных причин будет рассматриваться в частном порядке.

Регламент ФИФА содержит больше информации в данном направлении, однако и в нем установлены только две конкретные уважительные причины: «неправомерное поведение стороны» и «невыплата в срок как минимум двух месячных зарплат» [5, ст. 14], а также одна ситуация – «беременность» для игроков женского пола; при отсутствии указанных обстоятельств расторжение контракта одной из сторон будет считаться совершенным без «уважительной причины».

Из этого вытекает третья проблема – зачастую данные законотворческие пробелы спортсмены/тренеры используют в своих интересах и злоупотребляют ими в процессе трудовых отношений. Отсутствие четкого критерия отнесения причин к «уважительным» или «неуважительным», дает возможность, с одной стороны, недобросовестным футболистам снизить требования к себе, не боясь потерять работу на спортивный сезон, так как, например, согласно ст. 16 Регламента ФИФА контракт не может быть расторгнут в одностороннем порядке

в течение спортивного сезона. С другой стороны, клуб зачастую включает в трудовые договоры со спортсменами/тренерами пункты с различными законодательно неустановленными причинами, позволяющими ему в любой момент уволить «неудобного» спортсмена, сославшись на данные пункты договора, как на обоснованную, уважительную причину.

Анализ практики Палаты ФИФА по рассмотрению подобных ситуаций в рамках трудовых споров на предмет обоснованности причин одностороннего расторжения трудового договора клубом, показал, что плохое выступление футболиста, недостаточное количество сыгранных им матчей и количество забитых им голов, проявление недостаточного рвения, полученные травмы, даже отсутствие на тренировках (прогул), в большинстве своем не являются обоснованной, т. е. уважительной причиной, позволяющей клубу досрочно прекратить трудовой договор футболиста в одностороннем порядке [3].

Отсутствие четких критериев отнесения причин к «уважительным» или «неуважительным» приводит к тому, что большинство односторонне расторгнутых договоров, казалось бы, по уважительным причинам успешно оспорено спортсменами и/или тренерами в соответствующих инстанциях, а пункты или статьи договора, на основании которых клубом были приняты решения о расторжении, были признаны незаконными и их нельзя рассматривать в качестве обоснованных причин для расторжения трудового контракта по инициативе клуба.

Подводя итог, стоит признать, что в настоящее время законодательно данные проблемы еще не решены. И хотя в целом соблюдение принципа контрактной стабильности и дает позитивный результат, оно также дает возможность сторонам договора злоупотреблять сложившимся юридическим пробелом каждой в своих целях.

Решением проблемы послужит внесение изменений в Трудовой кодекс РФ в части, касающейся оснований для расторжения трудового договора футболиста-профессионала или тренера в одностороннем порядке, а именно – установление минимального размера компенсации за досрочное расторжение трудового договора в одностороннем порядке в виде процента от заработной платы за оставшийся срок действия трудового договора. Для устранения разногласий между сторонами следует четко установить критерии для определения «уважительной причины» для расторжения контракта, исходя из правоприменительной практики РФС и ФИФА.

Также, на наш взгляд, положительную роль в решении данного вопроса может сыграть, с одной стороны, вменение в обязанности работодателя в лице клуба обеспечить проведение юридической экспертизы условий досрочного расторжения договора, которые указываются в контракте, а, с другой стороны, в обязанности Палаты по разрешению споров – проведение в обязательном порядке юридической экспертизы условий досрочного расторжения договора, включаемых клубами в трудовые договоры со спортсменами, на предмет обоснованности причин одностороннего расторжения трудового договора клубом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агузаров А. М. Современные аспекты правового регулирования труда спортсменов и тренеров : дис. ... канд. юрид. наук. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005533813(дата обращения 26.11.2024).

2. Иванова Т. Н., Басова М. Е. Проблемы разрешения спортивных споров // Вестник арбитражной практики. 2016. № 1. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

3. Прокопец М. А., Рогачев Д. И., Вегер Ф. де. Разрешение футбольных споров. Анализ практики Палаты по разрешению споров ФИФА, РФС и спортивного арбитражного суда (г. Лозанна). URL: https://studall.org/all2-82199.html?ysclid=m3zxbsjru6990692397 (дата обращения: 25.11.2024).

4. Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов : утв. Постановлением Бюро Исполкома РФС№ 299.8 от 29 декабря 2023 года. URL: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=58 (дата обращения: 25.11.2024).

5. Регламент ФИФА по статусу и переходам футболистов : принят решением Исполнительного комитета ФИФА от 14 декабря 2012 года. URL: rfs.ru›subject/1/documents/download (дата обращения: 25.11.2024).

6. Трудовой кодекс Российской Федерации : с изм.и и доп. на 22 ноября 2024 года : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 года // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

УДК 368.1

Бучин Александр Валерьевич,
аспирант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
sasha-buchin@mail.ru

Правовое регулирование защиты прав потребителей в сфере страхования

В статье указывается, что правовое регулирование защиты прав потребителей в области страхования включает в себя нормативные правовые акты, регулирующие отношения между страховщиками и страхователями, а также механизмы обеспечения прав потребителей в процессе заключения, исполнения и прекращения договоров страхования. При этом подчеркивается, что это явление охватывает аспекты, связанные с правами потребителей на информацию, прозрачность условий страхования, доступность услуг и защиту от недобросовестных практик со стороны страховых компаний. Обращается внимание на деятельность государственных органов, направленную на контроль за соблюдением прав потребителей в области страхования и делается вывод, что в условиях современного общества, где страхование стало неотъемлемой частью финансового планирования и защиты интересов

© Бучин А. В., 2025

граждан, важность защиты прав потребителей страховых услуг приобретает особое значение.

Ключевые слова: *права потребителя, защита прав, страхование, законодательство, правовое регулирование.*

Buchin Alexander Valerievich,
postgraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of consumer protection in the field of insurance

The article indicates that legal regulation of consumer protection in the field of insurance includes normative legal acts governing relations between insurers and policyholders, as well as mechanisms for ensuring consumer rights in the process of concluding, executing and terminating insurance contracts. It is emphasized that this phenomenon covers aspects related to consumer rights to information, transparency of insurance conditions, availability of services and protection from unfair practices by insurance companies. Attention is drawn to the activities of government agencies aimed at monitoring compliance with consumer rights in the field of insurance and it is concluded that in the conditions of modern society, where insurance has become an integral part of financial planning and protection of citizens interests, the importance of protecting the rights of consumers of insurance services is of particular importance.

Keywords: *consumer rights, protection of rights, insurance, legislation, legal regulation.*

Действующее законодательство по защите прав потребителей в области страхования охватывает ключевые законодательные инициативы и правовые нормы, которые регулируют отношения между страховщиками и потребителями страховых услуг. Основным законом Российской Федерации, имеющим высшую юридическую силу, в данной сфере является Конституция Российской Федерации, ст. 7 которой определяет Российскую Федерацию как социальное государство, а соответственно, политика государства должна уделять особое внимание охране здоровья граждан, реализации гарантий социальной защиты [1].

Несомненно, важно заботиться о сохранении здоровья и безопасности граждан страны. Данная задача решается путем правового регулирования на государственном уровне.

Важнейшими нормативными правовыми актами в этой сфере являются федеральные законы, такие как Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» и Закон Российской Федерации от 27 ноября 1992 года № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [4]. Эти законы устанавливают основные принципы защиты прав потребителей, включая право на получение полной и достоверной информации о страховых продуктах, право на защиту от недобросовестных практик со стороны страховщиков, а также право на возмещение ущерба в случае нарушения условий договора.

Кроме того, важное значение имеют подзаконные правовые акты, регламентирующие деятельность страховых компаний, такие как правила страхования, утвержденные Центральным банком РФ, а также различные нормативные

документы, касающиеся лицензирования страховых организаций и контроля за их деятельностью. Эти акты создают правовую базу для функционирования страхового рынка и обеспечивают защиту прав потребителей.

Важным аспектом является также анализ судебной практики, которая складывается в сфере защиты прав потребителей в страховании. Судебная практика и судебная защита оказывает значительное влияние на дальнейшую интерпретацию законов и нормативных актов.

Также следует отметить важность международных стандартов и рекомендаций, касающихся защиты прав потребителей, которые служат ориентиром для совершенствования национального законодательства. В этом контексте анализируются подходы различных стран к правовому регулированию страхования и защиты прав потребителей, что позволяет выявить лучшие практики и адаптировать их к российским реалиям [3].

Отличительной чертой законодательства о защите прав потребителей выступает взаимная связь всех положений, в нем содержащихся, с нормами федерального законодательства, определяющими права потребителей [2]. К этому необходимо добавить, что в рассмотрении данного вопроса имеет значение не только уголовное право, но и гражданское, административное и предпринимательское право.

Отличительной чертой действующего законодательства, касающегося защиты прав потребителей, является его отнесение к определенной законодательной сфере. Связано это с тем, что многие нормативные правовые акты принадлежат к разным областям социальных и рыночных отношений. Можно сделать вывод, что такое законодательство имеет комплексную природу.

Обзор законов и других нормативных правовых актов в области защиты прав потребителей в страховании представляет собой комплексный анализ правовой среды, в которой функционирует страховой рынок, и подчеркивает важность соблюдения прав потребителей для обеспечения справедливости и прозрачности в страховых отношениях.

В дополнение к изложенному следует отметить, что важным элементом системы защиты прав потребителей в страховании является деятельность общественных организаций и ассоциаций, которые играют значительную роль в мониторинге и анализе рынка страховых услуг. Эти организации активно участвуют в формировании общественного мнения, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики страхования. Они могут выступать в качестве посредников между потребителями и страховщиками, помогая разрешать споры и защищая интересы граждан. Не менее важным аспектом является правовое просвещение, направленное на повышение финансовой грамотности населения. Понимание условий страхования, прав и обязанностей сторон, а также механизмов защиты своих прав позволяет потребителям более осознанно подходить к выбору страховых продуктов и минимизировать риски, связанные с недобросовестными практиками.

Также стоит упомянуть о современных тенденциях в области цифровизации страхования, которые открывают новые возможности для защиты прав потребителей. Онлайн-платформы и мобильные приложения делают процесс при-

обретения страховых полисов более удобным и прозрачным, однако они также требуют особого внимания к вопросам безопасности данных и защиты личной информации клиентов.

В заключение, необходимо отметить, что эффективная защита прав потребителей в области страхования требует комплексного подхода, включающего как законодательные инициативы, так и активное участие общественности, а также адаптацию к современным вызовам и технологиям. Только в таком случае можно обеспечить надежную и безопасную среду для всех участников страхового рынка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).

2. Акопджанова М. О. Уголовно-правовая защита прав потребителей // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 22–24.

3. Казакова Е. Б. Структура и особенности законодательства о защите прав потребителей на современном этапе развития рыночных отношений // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9, № 4. С. 27–36.

4. Попова М. Проблемы защиты прав потребителей в сфере страхования. Тюмень, 2019. 8 с.

УДК 347.772

Вишнякова Карина Сергеевна,
студент, Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация
vishnyakova.k05@mail.ru

Проблемы института совладения товарными знаками в Российской Федерации и зарубежных странах

Статья посвящена исследованию института совладения товарными знаками. В рамках данной работы автор рассмотрел регулирование указанного вопроса в рамках действующего российского законодательства в сфере предоставления правовой охраны товарных знаков, проанализировал опыт зарубежных стран. Приведены мнения цивилистов по поводу обозначенной проблемы, исследована правоприменительная практика. Выявлена проблема неурегулированности в российском гражданском законодательстве вопроса применения институтов совместного владения к товарным знакам. Предложены дополнения к действующему Гражданскому кодексу Российской Федерации в части разрешения совместного владения товарными знаками.

Ключевые слова: *товарный знак, совладение, исключительное право, коллективный товарный знак, средства индивидуализации.*

© Вишнякова К. С., 2025

Vishnyakova Karina Sergeevna,
student, Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation

Problems of the institution of co-ownership of trademarks in the Russian Federation and foreign countries

The article is devoted to the study of the institute of co-ownership of trademarks. Within the framework of this work the author has considered the regulation of this issue within the framework of the current Russian legislation in the field of granting legal protection of trademarks, analyzed the experience of foreign countries. Opinions of civilists on the indicated problem are given, law enforcement practice is investigated. The problem of lack of regulation in the Russian civil legislation of the issue of application of joint ownership institutions to trademarks has been revealed. Additions to the current Civil Code of the Russian Federation in terms of authorization of joint ownership of trademarks are proposed.

Keywords: *trademark, co-ownership, exclusive right, collective trademark, means of individualization.*

Товарные знаки, как средства индивидуализации товаров, играют на сегодняшний день весьма значительную роль в бизнесе, поскольку они не только предоставляют защиту интеллектуальной собственности, но и обеспечивают уникальность компании-владельца конкретного средства индивидуализации. Именно грамотно разработанный и продвигаемый товарный знак является ценным активом для многих субъектов экономических отношений.

Общеизвестно, что институт права собственности давно предоставляет в собственность двух или нескольких лиц имущество, принадлежащее им на праве общей собственности, которое, в свою очередь, может быть долевым или же совместным. Однако возникает вопрос: возможно ли такие положения применить к интеллектуальной собственности, а именно к товарным знакам?

Действительно, п. 2 ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает, что исключительное право на средство индивидуализации (кроме исключительного права на фирменное наименование) может принадлежать одному лицу или нескольким лицам совместно. Однако это общее правило, поэтому нам необходимо установить, что по вопросу совладения товарными знаками говорят непосредственно нормы, закрепленные в главе 76 ГК РФ, а также к какому мнению по исследуемому вопросу приходят суды и цивилисты.

Статья 1510 ГК РФ содержит такое понятие как «коллективный знак», под которым понимается товарный знак, предназначенный для обозначения товаров, производимых или реализуемых входящими в данное объединение лицами и обладающих едиными характеристиками их качества или иными общими характеристиками.

Так, мы можем заключить, что российский законодатель, с одной стороны, прямо и не называет такое понятие как «совладение товарным знаком», но,

с другой стороны, и не запрещает такую возможность. Однако Административный регламент Роспатента, определяющий процедуру государственной регистрации товарного знака, все же не предусматривает подачу заявки на товарный знак несколькими лицами одновременно.

Что касается правоприменительной практики в РФ, в частности судебной, то мы можем отметить, что Верховный Суд РФ в своем определении от 03.07.2018 № 305-КГ18-2488 настаивает на следующем: «Российским законодательством не предусмотрена процедура регистрации товарного знака на имя нескольких лиц, за исключением регистрации коллективного товарного знака». Арбитражный суд в свою очередь в решении от 21.12.2022 № А19-17458/2020 не признает товарный знак совместно нажитым имуществом супругов, обосновывая свою позицию тем, что исключительное право на использование товарного знака имеет только лицо, на имя которого зарегистрирован товарный знак, т. е. правообладатель.

В своей работе В. И. Файрушин приходит к следующему выводу: «По сути, на практике в настоящее время используется лишь вышеописанная нами форма совладения товарным знаком – институт коллективного товарного знака». Как подчеркивает автор, такая практика сложилась в основном благодаря позиции высших судебных инстанций [4, с. 199].

А. Ю. Хазиева справедливо отмечает, что коллективный знак накладывает существенные ограничения на правообладателей [5, с. 21]. Так, например, п. 2 ст. 1510 ГК РФ запрещает отчуждение исключительного права на коллективный товарный знак.

В свою очередь многие исследователи не согласны с отсутствием в действующем российском законодательстве института совладения товарными знаками. Так, Е. А. Зайкин предлагает в своем научном исследовании дополнить гражданско-правовое законодательство положениями о совместном владении товарными знаками, которые не только будут основаны на договорных отношениях, но и предоставят возможность дальнейшего выделения долей в исключительном праве на товарный знак. «Дополнение должно быть осуществлено методом имплементации норм международного частного права, т. е. путем переноса в законодательство России существующих позиций по исследуемому вопросу на уровне договоров стран», – подчеркивает автор [2, с. 90].

В 2023 году к мнению цивилистов присоединились также сенатор РФ Андрей Клишас и депутат Государственной Думы Павел Крашенинников, которые внесли в Государственную Думу РФ законопроект, который разрешит совместное владение товарными знаками вопреки сложившейся судебной практике. Авторы законопроекта настаивают на том, что совместное владение товарным знаком будет допускаться только в том случае, если оно не допускает возможности введения в заблуждение потребителей относительно товара или его производителя. Кроме того, законопроект предусматривает выделение долей в исключительном праве на товарный знак. Однако следует отметить, что на сегодняшний

день данный законопроект находится лишь на стадии рассмотрения в Государственной Думе.

На наш взгляд, введение таких новшеств в гражданское законодательство РФ должно положительно отразиться на экономическом рынке, существенно расширив возможности субъектов бизнеса в гражданском обороте.

Если мы обратимся к гражданско-правовому законодательству соседних стран, то обнаружим, что в Республике Беларусь имеются аналогичные с РФ положения, которые проявляются лишь в возможности регистрации коллективного товарного знака объединением лиц, что предусмотрено Законом Республики Беларусь от 05.02.1993 № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания».

Интересным представляется регулирование исследуемого вопроса в Узбекистане, где в отличие от РФ существуют некоторые другие элементы института совладения товарными знаками. Так, Закон Республики Узбекистан «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» от 30.08.2001 № 267-II допускает, что в случае разделения юридического лица, являющегося владельцем товарного знака, оба юридических лица могут быть признаны совладельцами товарного знака по их соглашению.

Не только Узбекистан, но и многие другие зарубежные государства давно нормативно урегулировали вопрос совместного владения товарными знаками. Как отмечает З. Тетцоева: «Федеральное законодательство США прямо указывает на возможность параллельной регистрации одного и того же наименования в качестве товарного знака на несколько лиц. Однако возможность совместного владения товарным знаком в США связана с определенными оговорками и условиями, которые закреплены на законодательном уровне в Законе Лэнхема «О товарных знаках» [3, с. 8].

Во Франции законодательно также предусматривается возможность совладения товарным знаком, что закреплено в ст. L712-1 Французского кодекса интеллектуальной собственности. В частности, заключение соглашения, правопреемство или ликвидация юридического лица могут послужить основаниями возникновения совместной собственности на товарный знак. В данном случае регулирование совладения товарным знаком определяется достижением согласия всех сторон для совершения каких-либо юридически значимых действий, например, для предоставления лицензии на использование товарного знака, а также в случае предъявления иска совладельцем к лицу, нарушившему права на использование общего товарного знака.

С. А. Горленко в своей работе подчеркивает следующее: «Режим совместного владения товарным знаком достаточно подробно регулируется Законом Великобритании о товарных знаках 1994 года» [1, с. 14–15]. Так, британское законодательство признает равными доли совладельцев товарного знака, если ими не достигнуто соответствующее соглашение об определении доли каждого. Как и в США, в Великобритании один из совладельцев не вправе выдать лицензию на товарный знак, а также уступить или передать свою долю в исключительном праве на товарный знак без согласия остальных совладельцев.

Таким образом, подводя итог ко всему вышеизложенному, мы можем заключить, что в мировой практике давно известен институт совместного владения товарными знаками, однако в РФ такая возможность предусмотрена лишь наличием коллективного знака, который хоть и принадлежит группе лиц, однако все же накладывает существенные ограничения на его правообладателей. На наш взгляд, несмотря на сложившуюся российскую судебную практику, действующие законодательство требует совершенствования в части введения института совладения товарными знаками. В связи с чем, мы, соглашаясь с существующим в РФ законопроектом о разрешении совместного владения товарными знаками, считаем необходимым и давно назревшим внесение изменений в четвертую часть ГК РФ.

В частности, предлагаем дополнить ст. 1484 ГК РФ следующими положениями:

1) исключительное право на товарный знак может принадлежать двум или нескольким лицам совместно при условии, если это не служит введению потребителей в заблуждение относительно товара или его изготовителя;

2) в случае предоставления исключительного права на товарный знак двум или нескольким лицам, доли каждого в исключительном праве на товарный знак признаются равными, если соглашением между правообладателями не установлено иное.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горленко С. А. Совладение правом на товарный знак и российское законодательство // Патенты и лицензии. 2008. № 3. С. 11–17.

2. Зайкин Е. А. Институт совладения товарным знаком в гражданском законодательстве Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 87–91.

3. Тетцоева З. Возможно ли совладение исключительным правом на товарный знак? // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2018. № 9. С. 5–12.

4. Файрушин В. И., Салиева Р. Н. Совместное владение товарным знаком: актуальные вопросы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4-3(91). С. 198–202.

5. Хазиева А. Ю. Совместное владение товарным знаком: противоречие в правовых позициях Верховного Суда и Суда по интеллектуальным правам // Вестник арбитражной практики. 2018. № 6. С. 20–28.

УДК 346.26

Воронина Ирина Олеговна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
voroninai2004@gmail.com

Гулиева Алина Фуадовна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
guliyeva.lina@inbox.ru

Лебедева Софья Максимовна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
sonalebedeva04@mal.ru

Самозанятость как инструмент правовой и экономической независимости: анализ современных тенденций

В данной статье рассматривается самозанятость как ключевой инструмент достижения экономической независимости в условиях современных экономических реалий. Анализируются тенденции роста самозанятости в разных странах, а также факторы, способствующие этому явлению. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации и технологических изменений на развитие самозанятых в различных профессиях. Исследуются преимущества и недостатки самозанятости, а также ее влияние на рынок труда и экономическую стабильность. В заключение предлагаются некоторые рекомендации для улучшения условий для самозанятых, что может способствовать более устойчивому развитию экономики и повышению уровня жизни населения.

Ключевые слова: *самозанятость, упрощенная система налогообложения, налог на профессиональный доход, налоговые режимы для самозанятых, бизнес-идеи, экономическая независимость, правовая и экономическая независимость, современные тенденции, рынок труда, цифровизация, самозанятые профессии, экономическая стабильность, условия труда.*

Voronina Irina Olegovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Guliyeva Alina Fuadovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Lebedeva Sofya Maksimovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

© Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М., 2025

Self-employment as a tool of legal and economic independence: analysis of current trends

This article examines self-employment as a key tool for achieving economic independence in the context of modern economic realities. The article analyzes the growth trends of self-employment in different countries, as well as the factors contributing to this phenomenon. Special attention is paid to the impact of digitalization and technological changes on the development of self-employed professions. The advantages and disadvantages of self-employment, as well as its impact on the labor market and economic stability, are investigated. In conclusion, recommendations are made to improve conditions for the self-employed, which can contribute to more sustainable economic development and improve the standard of living of the population.

Keywords: *self-employment, simplified tax system, tax on professional income, tax regimes for the self-employed, business ideas, economic independence, legal and economic independence, modern trends, labor market, digitalization, self-employed professions, economic stability, working conditions.*

Самозанятость является одной из форм трудовой деятельности, при которой человек выполняет свою профессиональную работу без привлечения наемных сотрудников. В последние годы самозанятость приобрела значительное значение в экономике многих стран, включая Россию. Этот феномен обусловлен не только экономическими, но и правовыми и даже социальными факторами [3; 4], такими как желание быть независимым, гибкость рабочего времени и возможность реализовать собственные проекты. Мы попытаемся проанализировать современные тенденции самозанятости в контексте налогового законодательства и ее роль как средства достижения правовой и экономической независимости.

В условиях быстро меняющейся, трансформирующейся экономики и глобализации самозанятость приобретает все большую значимость, выступая не только как способ заработка и выживания, но и как важный инструмент для достижения экономической самостоятельности и правовой независимости. В последние годы в Российской Федерации наблюдается заметный рост числа самозанятых людей, что обусловлено изменениями норм в законодательстве, развитием цифровых технологий и изменением спектра потребительских предпочтений, что повышает не только уровень жизни, но ее само качество.

Самозанятость предоставляет людям возможность не только использовать свои профессиональные навыки и таланты, но и устанавливать гибкие условия работы, что особенно актуально в условиях нестабильности на рынке труда. Однако это явление требует тщательного анализа с точки зрения налогового регулирования, поскольку самозанятые сталкиваются с особыми трудностями, связанными с механизмом уплаты налогов и соблюдением Российского законодательства.

Нами была поставлена цель проанализировать ряд актуальных тенденций самозанятости как средства достижения правовой и экономической независимости. Хотелось бы выяснить, как налоговое законодательство влияет на развитие этого сегмента, а также выявить некоторые факторы, способствующие или

препятствующие росту числа самозанятых в стране. Одновременно хотелось бы найти как положительные стороны рынка самозанятости, так и потенциальные риски, связанные с недостаточной правовой защитой и налоговыми обязательствами, т. е. не только вычленить их, но и, насколько это возможно, в определенной мере их систематизировать и классифицировать. Мы постараемся сосредоточиться на определении роли самозанятости в современном обществе и ее воздействие на самостоятельность экономическую независимость граждан. Это сможет стать еще одним шагом к разработке эффективной налоговой политики и помощи в оказании поддержки самозанятым в условиях современного рынка России.

Самозанятость включает в себя разнообразные виды деятельности, такие как фриланс, индивидуальное предпринимательство и другие формы независимой работы. Согласно российскому законодательству самозанятые лица имеют возможность зарегистрироваться в качестве налогоплательщиков по специальному налоговому режиму – налогу на профессиональный доход (НПД). Этот режим был введен в 2019 году и предоставляет самозанятым возможность уплачивать налог по упрощенной схеме [1], что делает его привлекательным и удобным для многих граждан.

Введение НПД стало важным шагом к упрощению налоговой системы для самозанятых. Налоговая ставка составляет 4 % на доходы от физических лиц и 6 % на доходы от юридических лиц [4]. Эти ставки значительно ниже, чем у индивидуальных предпринимателей, что способствует привлечению новых участников в сферу самозанятости.

В последние годы самозанятость приобретает все большую популярность как форма ведения бизнеса, особенно на фоне экономической нестабильности и стремления к финансовой независимости. Ключевым фактором, способствующим росту самозанятости, являются налоговые режимы, которые предлагают гибкость и доступность для индивидуальных предпринимателей. Здесь хотелось бы проанализировать основные налоговые режимы, доступные для самозанятых, их плюсы и минусы, а также влияние на экономическую независимость граждан.

Так, общий режим налогообложения включает уплату налога на прибыль и НДС. Он подходит для самозанятых, которые намерены развивать более крупный бизнес и имеют значительные доходы. Одним из преимуществ общего режима является возможность вычета расходов, связанных с ведением бизнеса, что может значительно уменьшить налоговую нагрузку. Тем не менее, его использование требует ведения сложного бухгалтерского учета, что может представлять трудности для начинающих бизнесменов.

Упрощенная система налогообложения (УСН) является самым популярным налоговым режимом для самозанятых. Она предлагает два варианта: УСН «доходы» (6 % от доходов) и УСН «доходы минус расходы» (15 % от разницы между доходами и расходами). УСН значительно облегчает процесс налогообложения, снижает налоговую нагрузку и позволяет избежать сложного бухгалтерского учета [4]. Это делает ее привлекательной для малых предпринимателей и самозанятых, стремящихся к финансовой независимости.

С 2019 года в России введен новый налоговый режим — налог на профессиональный доход (НПД), предназначенный для самозанятых граждан. НПД позволяет уплачивать налог по ставке 4 % на доходы от физических лиц и 6 % на доходы от юридических лиц. Этот режим не требует регистрации в качестве индивидуального предпринимателя и значительно упрощает процесс налогообложения. НПД также дает возможность легально вести деятельность без необходимости ведения бухгалтерского учета, что делает его особенно подходящим для фрилансеров и малых предпринимателей [1].

Сравнительный анализ различных налоговых режимов демонстрирует, что выбор оптимального варианта зависит от особенностей бизнеса, объема доходов и готовности предпринимателя заниматься бухгалтерией. Упрощенная система налогообложения и налог на профессиональный доход являются наиболее подходящими для самозанятых, стремящихся к финансовой независимости, поскольку они обеспечивают простоту и доступность.

По информации Федеральной налоговой службы России, число зарегистрированных самозанятых граждан ежегодно увеличивается. Это обусловлено изменениями в экономической ситуации, включая рост удаленных рабочих мест и развитие цифровых платформ. Особенно выражен этот рост среди молодежи, которая стремится найти альтернативные источники дохода и ценит гибкость, которую предлагает самозанятость.

В последние годы наблюдается значительный рост числа самозанятых граждан, что связано с рядом экономических, социальных и технологических факторов. Самозанятость становится все более привлекательной альтернативой традиционным формам занятости, предоставляя индивидуумам возможность гибко управлять своим временем и ресурсами. Этот тренд имеет важные последствия для экономики в целом, а также для налоговой системы.

Одной из основных причин роста числа самозанятых является прогресс в области цифровых технологий и платформенной экономики. Появление онлайн-платформ, таких как сайты для фрилансеров, маркетплейсы и социальные сети, значительно облегчило поиск клиентов и предоставление услуг. Это открыло новые горизонты для тех, кто хочет работать на себя, и способствовало возникновению новых профессий и видов деятельности, которые ранее не были так распространены [2].

Кроме того, экономическая нестабильность и изменения на рынке труда способствуют увеличению числа самозанятых. В условиях кризиса многие люди теряют работу или сталкиваются с уменьшением зарплаты, что побуждает их искать альтернативные источники дохода. Самозанятость не только помогает сохранить финансовую независимость, но и дает возможность постоянно развивать собственные бизнес-идеи, что, в свою очередь, способствует экономическому росту и созданию новых рабочих мест.

Социальные факторы также существенно влияют на рост числа самозанятых. Изменения в общественном восприятии самозанятости и увеличение интереса к предпринимательству среди молодежи способствуют возникновению нового подхода к трудовой деятельности. Все большее количество людей стремят-

ся к самореализации и независимости, что делает самозанятость привлекательной альтернативой традиционным формам труда, расширяя занятость в стране.

В конечном итоге, поддержка со стороны государства играет важную роль в развитии сектора самозанятых. Внедрение и расширение, разнообразие специальных налоговых режимов, упрощение процесса регистрации и предоставление субсидий для начинающих бизнесменов создают благоприятные условия для самозанятости [2]. Эти инициативы не только активизируют экономическую деятельность, но и способствуют созданию более справедливой налоговой системы, в которой каждый гражданин может внести свой вклад в экономику страны.

Таким образом, рост числа самозанятых представляет собой сложный процесс, который зависит как от внутренних, так и от внешних факторов. Этот тренд создает новые возможности для экономической независимости граждан и требует более глубокого изучения и анализа в рамках налогового законодательства и государственной политики.

Современные технологии занимают важное место в развитии самозанятости. Платформы для фриланса, такие как Upwork и Freelancer, а также социальные сети помогают самозанятым находить клиентов и рекламировать свои услуги. Это открывает новые горизонты для заработка и способствует экономической независимости. Эти ресурсы позволяют специалистам из различных областей (дизайнерам, программистам, маркетологам и т. д.) предлагать свои услуги на международном рынке. Это не только расширяет их клиентскую базу, но и дает возможность устанавливать конкурентоспособные цены, что, в свою очередь, способствует их экономической независимости.

Кроме того, прогресс в области технологий упрощает бухгалтерский и налоговый учет для самозанятых. На рынке представлены разнообразные программные решения и мобильные приложения, которые автоматизируют процесс учета доходов и расходов, а также содействуют в подготовке налоговых деклараций. Это уменьшает административные затраты и дает возможность самозанятым сосредоточиться на развитии своего бизнеса.

Технологии также способствуют улучшению взаимодействия между самозанятыми и их клиентами. Используя мессенджеры, видеозвонки и социальные сети, самозанятые могут оперативно и эффективно общаться с клиентами, что в свою очередь повышает качество обслуживания и уровень удовлетворенности.

Тем не менее, наряду с многочисленными преимуществами, развитие технологий также создает определенные трудности. Конкуренция на онлайн-платформах может быть весьма острой, и самозанятым требуется постоянно совершенствовать свои навыки и подстраиваться под изменения на рынке. Кроме того, вопросы безопасности данных и защиты личной информации становятся все более важными в условиях цифровизации.

Таким образом, технологический прогресс является важным фактором, влияющим на современный рынок самозанятости, открывая новые возможности и инструменты для достижения финансовой независимости. Крайне важно, чтобы самозанятые эффективно использовали эти технологии, чтобы не только

выживать, но и успешно развиваться в условиях стремительно меняющейся экономической среды.

В заключение отметим, что самозанятость является ключевым инструментом для достижения экономической независимости и в последние годы становится все более актуальной в условиях быстро меняющейся экономической ситуации. Исследование современных тенденций демонстрирует, что самозанятые граждане не только играют значительную роль в экономике, но и влияют на разработку новых методов налогообложения и системы социальной защиты.

Рост числа самозанятых обусловлен несколькими факторами, среди которых можно выделить развитие технологий, изменение потребительских предпочтений и потребность в гибкости трудовых отношений. Технологические новшества, такие как интернет-платформы и мобильные приложения, значительно облегчили выход на рынок для индивидуальных предпринимателей, что, в свою очередь, способствовало увеличению самозанятости.

Налоговые режимы для самозанятых имеют важное привлекательное значение для создания благоприятных условий для ведения бизнеса. Гибкие и упрощенные налоговые системы помогают самозанятым снизить налоговые нагрузки и сосредоточиться на развитии своих услуг и товаров. В то же время следует учитывать риски, связанные с недостаточной защитой прав самозанятых, что подчеркивает необходимость дальнейшего улучшения законодательства.

Таким образом, внедрение и расширение налоговой модели самозанятости, выступая в качестве средства достижения экономической независимости, нуждается в стимулах со стороны государства. А к этому следует подходить комплексно. Это включает как саму государственную поддержку, так и активное участие самих самозанятых в создании своей профессиональной среды. Необходимо продолжать исследовать и анализировать тенденции в данной области, чтобы обеспечить устойчивое развитие самозанятости и ее интеграцию в экономическую систему страны на благо общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бочарова Н. Н. Правовое регулирование налога на профессиональный доход: проблемы и перспективы. URL: https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 14.09.2024).

2. Доходы самозанятых. URL: https://www.nalog.gov.ru›news›activities_fts (дата обращения: 14.09.2024).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.12.2024).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. М. : Проспект, 2022. 1232 с.

УДК 347.22.02

Тихомирова Ирина Евгеньевна,
начальник отдела мониторинга судебной практики и правоприменения,
публично-правовая компания «Роскадастр»,
аспирант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
ira-gusova@mail.ru

Функциональное значение государственной регистрации прав на недвижимое имущество

Статья посвящена анализу функционального значения института государственной регистрации права как юридического действия и механизма в правовой системе государства, связанного с технологиями внесения информации в единую государственную систему данных. Автор обращает внимание на проблему роли регистрации в системе права. Проводится сравнение механизма регистрации с функциями права.

Ключевые слова: *институт государственной регистрации, роль регистрации, функции права, система регистрации права, процесс функционирования регистрационной системы.*

Tikhomirova Irina Evgenievna,
head of the Department for monitoring judicial practice
and law enforcement, public law company Roskadastr,
postgraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The functional significance of the state registration of rights to immovable property

The article is devoted to the analysis of the functional significance of the institution of state registration of law as a legal action and mechanism in the legal system of the state related to technologies for entering information into a single state data system. The author draws attention to the problem of the role of registration in the legal system. The registration mechanism is considered in relation to the functions of law.

Keywords: *the institute of state registration, the role of registration, the functions of law, the system of registration of law, the process of functioning of the registration system.*

Государственная регистрация в системе права принадлежит к числу наиболее важных юридических действий и наиболее сложных механизмов, связанных с технологиями внесения значимой информации в единую государственную систему данных.

Гражданско-правовые аспекты института государственной регистрации традиционно находят отражение в законодательстве того или иного государства, организационно-практические вопросы – в научной, учебной литературе, практических статьях и наработках участников процесса. Вопросы затрагиваются во

© Тихомирова И. Е., 2025

множестве учебных изданий, ряде монографий, докладов и научных статей (Р. С. Бевзенко, Т. Н. Радько, К. А. Новиков, В. Н. Синельникова, Е. М. Тужилова-Орданская и др.) или диссертаций (Е. А. Пустовалова, Д. Л. Яблонский и ряд более ранних), однако ряд вопросов теории и практики все же остаются дискуссионными. Статья посвящена роли института государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и проблемам в системе регистрации права. Особо хочется отметить сделанный вывод о том, что в функциях государственного учета прав на недвижимое имущество раскрывается само место среди других государственных систем, подсистем, направленных на социально-преобразующую, экономическую сферу. Таким образом, сами функции направлены на позитивные, прогрессивные воздействия в сфере взаимодействия между участниками отношений, как со стороны общества, так и с другой стороны государства в целом. Позитивные воздействия направлены на юридическую фиксацию в виде акта, подтверждающего права владения, пользования, распоряжения тем или иным недвижимым имуществом.

Следует отметить, что институт государственной регистрации не может существовать в отрыве от государства или вне права, поскольку связан с государственной ролью и социальным назначением в жизни общества и государства, выполняя функции в сфере охраны и защиты прав на недвижимое имущество.

По мере совершенствования и развития законодательства появилось понятие «государственная регистрация прав на недвижимое имущество» в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». Согласно действующей редакции закона «юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества» [1] – это процедура осуществления государственной регистрации прав на недвижимое имущество.

Рассматривая определение государственной регистрации прав, следует отметить роль регистрации, которая отвечает на вопрос – о наличии прав собственности, что в свою очередь зависит от отношений по владению, пользованию и распоряжению своим имуществом, собственно, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации. Представление о регистрации как о юридическом акте без государства не представляется возможным, в силу сущности образования самого государства как формы организации общества с природой действия регистрации в правовой системе.

Все направления деятельности государства определены на основе законодательных актов, которые определяют характер и содержание этой деятельности в виде функций права [19, с. 210]. В связи с высокой значимостью регистрации недвижимости и для раскрытия сущности данная категория нуждается в правовой регламентации в части определения функций регистрационной системы права. Ценность функций, в том числе и ее роль в системе права, регулирующая права и свободы граждан в обществе, заключается в ее существовании, в возможности реализации регулирования прав получить практическую пользу.

Происхождение терминологии применения «функций» распространено в различных дисциплинах, науках и сферах жизни и употребляется в разнообразных смысловых значениях. Исток происхождения слова «функция» (functio) берет свое начало с латинского языка и означает «исполнение, осуществление» [2, с. 762]. В словаре русского языка слово «функция» означает «явления, величина, работа, обязанность, круг деятельности, назначение» [3, с. 763]. Философское развитие термину «функция» как «деятельность, исполнение» [4, с. 485], а далее «существование, мыслимое нами в действии» [5], высказал философ И. Гете. В теории государства и права под функцией права понимают «основные направления правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений» [6, с. 62]. Продолжить данное определение следует тем, что «общественные отношения, предопределяются социальным назначением права в жизни общества» [7, с. 407]. Согласно юридической энциклопедии «функция» – это «основные направления воздействия права на общественные отношения» [8, с. 650], рассматривая функции права – это «основные направления правового воздействия, выражающие роль права в упорядочении общественных отношений» [9, с. 79]. В социологии употребляется термин «функция» как «роль, выполняемая определенным субъектом социальной системы в ее организации как целого, в осуществлении целей и интересов социальных групп и классов» [10, с. 603].

Понятие «функции права» на законодательном уровне не закреплено, нет единого взгляда на проблему функций права. В доктрине устоявшегося определения также нет, что, по мнению ученых, дает основания произвольного толкования значения и появления новых терминов. Проблема исследования определения, отсутствия родового понятия и содержания функции права остается актуальной.

В юридической науке термин «функция» употребляется для характеристики социальной роли государства и права. Рассмотрим определения нескольких известных российских юристов и правоведов. Так, В. К. Бабаев определил, что функция права – это проявление его «имманентных» специфических свойств. В функции аккумулируются такие свойства права, которые вытекают из его качественной самостоятельности как социального феномена [17, с. 251]. В понимании Т. Н. Радько функция права – это такое направление его воздействия на общественные отношения, потребность в осуществлении которого порождает необходимость существования права как социального явления. В этом смысле можно сказать, что функция характеризует направление безусловного, необходимого воздействия права, т. е. такого, без которого общество на данном этапе своего развития обойтись не может [15, с. 137]. Т. Н. Радько в совместной работе с В. А. Толстиком описывают, что функции права можно определить, как «обусловленные социальным назначением направления правового воздействия на общественные отношения» [16, с. 28].

Функция – это проявление специфических свойств права [16, с. 327–328]. Российский правовед Л. И. Петражицкий обозначил функции права «в сфере того точного и определенного нормирования и координации социального поведения, которое создается правом, можно, дальше, различать разные специаль-

ные направления этого нормирования и координации, разные специальные, свойственные праву, в отличие от нравственности социальные функции. Для общего ознакомления с характером и социальным значением права важно в особенности иметь в виду два направления этого нормирования, две специальных, весьма существенных для социальной жизни функции права, которые можно назвать 1) распределительной и 2) организационной функциями права» [14, с. 158, 162]. В. Н. Карташов, определяя понятие функций права, считает их, как относительно обособленные предметные направления позитивного воздействия права на сознание и поведение людей (реальную действительность), в которых проявляется его природа, специфическая роль и назначение в жизни общества [18, с. 98]. С. С. Алексеев в работе о функциях права выделил две основные функции: регулятивную и охранительную [11, с. 73]. В ранней работе он отмечал социально-политические и специально-юридические функции [12, с. 192].

Единая система регистрации права обладает схожими признаками и элементами упорядоченности функций права, их системностью как необходимым условием функционирования. Государственная регистрационная система обладает элементом функции активной, динамичной природы в жизнедеятельности государства и общества в целом. Динамичная природа регистрационной системы проявляется в социально-преобразующей роли как со стороны общества (включая собственников недвижимого имущества и обладателей иных подлежащих государственной регистрации прав на него, других лиц, в том числе граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства), так и государства (нескольких государств) (российские и иностранные юридические лица, международные организации, Союзное государство, иностранные государства, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, кадастровые инженеры, нотариусы, судебные приставы-исполнители). Регистрационная деятельность взаимосвязана с участниками отношений в части обеспечения заявленных потребностей и интересов, охраны экономического, политического статуса и общественного порядка, как современной динамично развивающейся системы.

Процесс функционирования регистрационной системы работает только с учетом взаимосвязи действующих ее субъектов и участников отношений. Регистрационная система не может работать без заявительного порядка, не исходящего от участников отношений.

Функция направлена на относительно обособленное направление однородного воздействия. В регистрационной деятельности воздействие направлено на общественные отношения в социально-экономической сфере.

Функция – это целенаправленное воздействие. Регистрационная система непосредственно связана с целями и задачами, стоящими перед участниками отношений, как со стороны государства в целом, так и со стороны общества. Задачи предопределяют наличие и существование возможных функций, их содержание, средства и способы воздействия на реальную действительность.

Несколько функций (правовосстановительная, правоподтверждающая, правоудостоверяющая, сравнение документов/информации и т. п.) могут быть нацелены на выполнение какой-то конкретной задачи (исправление реестровых ошибок), а с помощью одной функции (например, контрольной) могут одновременно решаться несколько задач (обеспечение ведения достоверного учета объектов недвижимости и соблюдение, охраны прав и свобод участников отношений). Правоудостоверительная функция берет свое начало от регистрационно-удостоверительной функции. Суть регистрационно-удостоверительной функции заключается в юридическом закреплении необходимых общественных отношений, удостоверении прав и имеющихся юридическое значение фактов общественной жизни, в официальном регистрировании и свидетельствовании подлинности и верности документов и т. д. [13, с. 44].

Регламентация учета ведения объектов недвижимости обладает функциями, конкретизирующими свойства системы стабильности, цельности, суверенности, управляемости и компоненты ее структуры (права, судебной практики).

Регистрационная система обладает функциями, как частью правовой системы, которые в значительной степени детерминированы материальными, духовными и иными условиями жизни общества, находящегося на конкретно-историческом этапе своего развития.

Функции регистрационной системы объективно обусловлены конкретными историческими факторами развития общества и государства в целом, его экономической, социальной структурой. В настоящее время проявляется нестабильность в развитии и функционировании регистрационных систем в России, что требует дальнейшего анализа и выработки предложений по уточнению регулирования, процесса взаимодействия сторон и иных аспектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

2. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова : ред. коллег.: А. А. Гусейнов, В. А. Лекторский, В. В. Миронов [и др.] ; сост. П. П. Апрышко, А. П. Поляков [и др.]. 8-е изд., дораб. и доп. М. : Республика ; Современник, 2009. 846 с.

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Около 57 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1983. 816 с.

4. Философский словарь : основан Г. Шмидтом : пер.с нем. 22-е изд., перераб. / под ред. Г. Шишкоффа ; общ. ред. В. А. Малинина. М. : Республика, 2003. 575 с.

5. Философский энциклопедический словарь. М. : ИНФА-М, 1999. 576 с.

6. Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2010. 704 с.

7. Толковый словарь юридических терминов / сост. А. Н. Головистикова, Л. Ю. Грудцына. М. : Эксмо, 2007. 448 с.

8. Большая юридическая энциклопедия. М. : Эксмо, 2007. 688 с.

9. Государственная аграрная политика современной России : юридический словарь-справочник / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2017. 238 с.

10. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. М. : Норма-инфра М, 1998. 672 с.

11. Алексеев С. С. Государство и право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2012. 152 с.

12. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 360 с.

13. Карташов В. Н. Юридическая деятельность в социалистическом обществе : учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1987. 84 с.

14. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 608 с. (Сер. «Мир культуры, истории и философии»).

15. Радько Т. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. М. : Проспект, 2016. 603.

16. Радько Т. Н., Толстик В. А. Функции права : монография. Нижний Новогород, 1995. 106 с.

17. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2003. 592 с.

18. Теория государства и права : учебник для бакалавров / В. Н. Карташов, О. В. Плюснина, Е. В. Кискин. Кострома : Изд-во Костром. гос. технол. ун-та. 2013. 230 с.

19. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. 6-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2012. 323 с.

УДК 347.158

Джафарова Гюллю Шакир кызы,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
guylluydz@gmail.com

Проблемы правового регулирования вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации

Статья посвящена актуальным проблемам института вспомогательных репродуктивных технологий в Российской Федерации. К таким проблемам автор относит: неопределенный срок хранения эмбрионов в клинике, а также проблему отказа генетических родителей от ребенка, рожденного суррогатной матерью. Автор статьи предлагает закрепление предельного срока хранения эмбрионов, введение алиментных обязательств по отношению к генетическим родителям, отказывающимся забрать родившегося ребенка, а также материальную компенсацию суррогатной матери, в случае, если та решит оставить ребенка себе.

© Джафарова Г. Ш., 2025

Ключевые слова: *вспомогательные репродуктивные технологии, эмбрион, суррогатное материнство, алименты.*

Djafarova Gullu Shakir kyzy,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of assisted reproductive technologies in the Russian Federation

The article is devoted to the actual problems of the Institute of Assisted reproductive technologies in the Russian Federation. The author refers to such problems: the indefinite shelf life of embryos in the clinic, as well as the problem of the rejection of genetic parents from a child born by a surrogate mother. The author of the article suggests fixing the maximum shelf life of embryos, the introduction of alimony obligations towards genetic parents who refuse to take the born child, as well as financial compensation to the surrogate mother if she decides to keep the child for herself.
Keywords: *assisted reproductive technologies, embryo, surrogacy, alimony*

Почти каждая семейная пара, которая не может по физиологическим причинам стать родителями, рано или поздно прибегает к помощи вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ). В 2022 году по статистке Российской Ассоциации Репродукции Человека было проведено 1 715 944 циклов ВРТ [1], данный показатель растет с каждым годом, что доказывает актуальность исследуемой темы и востребованность такого вида медицинской услуги. Медицина, в свою очередь, быстро прогрессирует в направлении репродукции человека в отличие от отечественной правовой системы. В Российской Федерации отсутствует единый законодательный акт, регулирующий ВРТ, слабо урегулирован институт экстракорпорального оплодотворения и суррогатного материнства, в связи с чем возникают трудности в правоприменительной практике. В качестве примера можно привести различные подходы в судебной практике по делам об определении судьбы криоконсервированного биоматериала (эмбрионов) при расторжении брака [2; 3].

В настоящее время российское законодательство не устанавливает предельных сроков хранения эмбрионов, а также стандартов, определяющих продолжительность их хранения. Срок хранения определяют стороны договора хранения эмбрионов при его заключении. Медицинская наука не ограничивает предельный срок хранения эмбрионов, ведь технологии дают возможность сохранения их на протяжении нескольких десятков лет. Однако возникают вопросы этического характера и в целом целесообразности такого длительного хранения, так как будущие родители неизбежно стареют и не смогут воспитывать ребенка до достижения им совершеннолетия. Кроме того, неограниченный срок хранения эмбрионов создает неопределенность правового регулирования принятия наследства.

По нашему мнению, предельный срок хранения эмбрионов человека должен быть нормативно установлен в целях восполнения условия о сроке хране-

ния при его отсутствии в договоре, а также для определения ориентира для потенциальных родителей при планировании даты рождения детей.

Учитывая принцип равенства мужчин и женщин, предлагаем обозначить предельный срок хранения эмбрионов в зависимости от возраста заказчиков как достижение младшим из них (мужчиной или женщиной) возраста 55 лет. Данное правило может быть установлено путем внесения дополнений в пункт 43 Порядка использования вспомогательных репродуктивных технологий, утвержденного Приказом Минздрава России от 31.07.2020 № 803н [4].

Следующая проблема правового регулирования ВРТ касается института суррогатного материнства. Проблема заключается в том, что генетические родители имеют право не забирать своего ребенка у суррогатной матери после его рождения.

Так как предметом договора выступает не ребенок, а услуга, генетические родители могут отказаться от результата услуги, выполнив обязательства по ее оплате. В этом случае остается нерешенной судьба ребенка и суррогатной матери, так как до момента написания отказа от ребенка, по закону она является матерью, следовательно, несет все обязательства, в том числе и алиментные по отношению к нему.

В данном случае решить проблему можно двумя способами, в зависимости от того, с кем по итогу останется ребенок.

Первый вариант предполагает, что суррогатная мать оставляет ребенка себе. В этом случае предлагается нормативно закрепить обязанность выплаты компенсации за отказ заказчиками забрать ребенка. В указанном случае право материнства остается за суррогатной матерью. Компенсация же нужна ей для того, чтобы иметь возможность обеспечить малыша всем необходимым на первое время, так как в период беременности ребенка она себе оставлять не планировала, а следовательно подходящих условий для его содержания у нее нет. При этом все остальные выплаты по договору ей должны быть произведены, так как свои обязательства по отношению ко второй стороне договора суррогатная мать выполнила в полном объеме.

Второе вариант: ребенок остается без попечения и генетических родителей и суррогатной матери. В этом случае в целях обеспечения интересов ребенка предлагается изложить п. 1 ст. 84 Семейного кодекса Российской Федерации [5] в следующей редакции: «На детей, оставшихся без попечения родителей, а также на детей, рожденных при использовании суррогатного материнства, оставшихся без попечения генетических родителей и матери, родившей его (суррогатной матери), алименты взыскиваются в соответствии со статьями 81–83 настоящего кодекса и выплачиваются опекуну (попечителю) детей или их приемным родителям».

Институт вспомогательных репродуктивных технологий представляет собой активно развивающуюся область, которая приобретает все большее значение в современном обществе. В условиях текущих реалий законодатель обязан обеспечить четкую правовую регламентацию и систематизацию норм, касающихся регулирования вопросов человеческой репродукции. Это необходимо, прежде всего, для обеспечения доступности и ясности данных правовых поло-

жений для граждан, а также для снижения нагрузки на судебную систему и предотвращения возникновения прецедентных дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Регистр вспомогательных репродуктивных технологий Российской Ассоциации Репродукции человека. Отчет за 2022 год. С. 28–32. URL: http://www.rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2022.pdf. (дата обращения: 22.11.2024).

2. Одинцов Е. Впервые в России после развода делили не имущество, а эмбрион // Сайт издания Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/07/16/23468053.shtml (дата обращения: 22.11.2024).

3. Решение Дзержинского районного суда города Санкт-Петербурга № 2-980/2020 2-980/2020~М-740/2020 М-740/2020 от 8 апреля 2020 г. по делу № 2-980/2020. URL: https://sudact.ru (дата обращения: 22.11.2024)

4. Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.11.2024).

5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 22.11.2024).

УДК 343.535

Дубинов Егор Олегович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
port1519@yandex.ru

Проблемные аспекты реализации права на вознаграждение финансового управляющего в процедуре несостоятельности (банкротства) физических лиц

В научной статье исследованы проблемные вопросы реализации права на вознаграждение финансового управляющего в процедуре несостоятельности (банкротства) физических лиц. Автором рассмотрены основные аспекты и особенности оплаты труда финансового управляющего, которые влияют на реализацию этого права. В работе подчеркивается, что фиксированная сумма фактически не соответствует реальным экономическим условиям современного мира. В результате автор делает вывод о важности рассматриваемой тематики, предлагается правовой путь решения.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство, физические лица, законодательство о банкротстве, арбитражный управляющий, финансовый управляющий, вознаграждение, оплата труда.*

© Дубинов Е. О., 2025

Dubinov Egor Olegovich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Problematic aspects of the realization of the right to remuneration of a financial manager in the insolvency (bankruptcy) procedure of individuals

Scientific article examines the problematic aspects of the realization of the right to remuneration of a financial manager in the insolvency (bankruptcy) procedure of individuals. The author considers the main aspects and features of remuneration of a financial manager, which affect the implementation of this right. The paper emphasizes that the fixed amount does not actually correspond to the real economic conditions of the modern world. As a result, the author concludes about the importance of the subject under consideration, and suggests a legal solution.

Keywords: *insolvency, bankruptcy, individuals, bankruptcy legislation, arbitration manager, financial manager, remuneration, remuneration.*

Процедура несостоятельности (банкротства) физических лиц была интегрирована в российское законодательство сравнительно недавно и направлена на защиту прав кредиторов и должников. Одним из ключевых участников этой процедуры является финансовый управляющий, который играет центральную роль в организации и проведении оценки и продажи имущества должника, а также обеспечивает прозрачность процесса.

В практической деятельности существуют проблемные аспекты, одним из которых является низкая оплата деятельности финансового управляющего, установленная действующим законодательством о банкротстве. В связи с этим возникает ряд негативных последствий, к которым можно отнести снижение качества работы финансового управляющего вследствие недостаточности мотивации, потеря им интереса к делу, недостаток квалифицированных специалистов и снижение престижа профессии и т. д. Кроме этого, экономический интерес способен нивелировать моральную составляющую, что значительно повышает вероятность злоупотребления правом.

В соответствии с п. 3 ст. 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [1], вознаграждение финансового управляющего составляет 25 000 руб. единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве.

Кроме этого, арбитражный управляющий имеет право не только на вознаграждение в деле о банкротстве, но и на возмещение в полном объеме расходов, фактически понесенных им при исполнении возложенных на него обязанностей в деле о банкротстве. Вознаграждение, выплачиваемое арбитражному управляющему в деле о банкротстве, состоит из фиксированной суммы и суммы процентов (п. 3 ст. 20.6 Закона о банкротстве) и выплачивается арбитражному управляющему за счет средств должника, если иное не предусмотрено действующим законодательством.

Что касается суммы процентов, выплачиваемых арбитражному управляющему в процедуре банкротства, важно отметить, что она варьируется в зависимости от стадии процедуры, и, как указывает Президиум Верховного Суда Российской Федерации, зависит от объема и качества выполненной им работы (п. 22 Обзора) [2]. Сумма процентов по вознаграждению финансового управляющего в случае исполнения гражданином утвержденного арбитражным судом плана реструктуризации его долгов составляет семь процентов размера удовлетворенных требований кредиторов (п. 17 ст. 20.6 Закона о банкротстве) [1]. При этом, в исключительных случаях сумма процентов по вознаграждению арбитражного управляющего может быть снижена арбитражным судом по ходатайству лица, участвующего в деле, при ее явной несоразмерности вкладу арбитражного управляющего в достижение результатов процедуры банкротства (п. 18 ст. 20.6 Закона о банкротстве). Также управляющий, оказавший лишь часть услуг из тех, что предусмотрены Законом о банкротстве, по причинам объективного (например, отсутствие необходимости в проведении тех или иных мероприятий) или субъективного характера (например, выполнение ряда мероприятий кредитором), не вправе рассчитывать на получение полной (максимальной) выплаты (п. 23 Обзора) [2]. Недобросовестное исполнение своих обязанностей финансовым управляющим может явиться основанием для отказа в выплате ему процентов по вознаграждению. Например, действия финансового управляющего были направлены прежде всего на формирование условий для получения собственного вознаграждения и противоречили интересам должника, намеревавшегося сохранить свое имущество для продолжения жизнедеятельности по завершении процедур банкротства, в связи с чем, в выплате процентного вознаграждения финансовому управляющему было отказано (п. 24 Обзора).

Интересным представляется тот факт, что право финансового управляющего на вознаграждение часто оказывается заложенным на фоне неисполнения обязательств перед кредиторами. Случаи, когда имущество должника не позволяет покрыть расходы управляющего, становятся довольно распространенными.

Кроме этого, следует подчеркнуть, что размер фиксированного вознаграждения финансового управляющего был установлен в 2016 году и за восемь лет ни разу не менялся, несмотря на постоянную инфляцию. Согласно статистическим данным Росстата [6], в 2021 году уровень инфляции за год составил 8,39 %, в 2022 – 11,92 %, в 2023 уровень инфляции составил 7,42 %, а с января по сентябрь 2024 года – 5,77 %. Рассчитывая процент инфляции за 8 лет с момента установления фиксированного вознаграждения финансового управляющего до настоящего времени, мы выявили, что такой процент составил 62,48 %. Это позволяет сделать вывод о том, что установленный размер вознаграждения не соответствует экономической ситуации в стране в настоящее время.

Норма, отражающая фиксированную ставку вознаграждения финансового управляющего, вызывает споры в научной доктрине, поскольку не отражает реальную сложность дела и затраты управляющего.

Ю. В. Семенова указывает, что «арбитражным управляющим большинство граждан-банкротов не интересны, поскольку у них отсутствует какое-либо ликвидное имущество (вторая квартира, дом, дорогостоящий автомобиль), причем объем работы арбитражного управляющего в процедурах банкротства граждан зачастую может быть сопоставим с работой, проделываемой арбитражным управляющим с организациями-банкротами», т. е. автор подчеркивает экономическую невыгодность участия в деле финансового управляющего [4].

М. М. Сурина отмечает, что «с учетом представленных сведений о размере инфляционных потерь за последние 15 лет, вопрос о необходимости пересмотра размера фиксированной части вознаграждения арбитражного управляющего, при чем на законодательном уровне, остается открытым» [5]. Автор считает, что «оптимальным решением данного вопроса представляется предусмотрение ежегодной индексации фиксированной суммы вознаграждения арбитражного управляющего в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги». Мы согласны с М. М. Суриной в части повышения фиксированной суммы, однако, по нашему мнению, вопросы индексации представляются не такими простыми, ведь важно указывать в данном случаи ответы на следующие возникающие вопросы: кто будет проводить подсчет суммы вознаграждения после индексации, каким образом это будут высчитывать и будет ли получившаяся сумма отвечать реальной экономической ситуации в стране?

М. А. Новикова полагает, что нынешний размер вознаграждения в сравнении с периодом десятилетней давности «имеет меньшую покупательную способность и, в связи с нарастанием темпа инфляции, продолжает обесцениваться, а уровень обязанностей арбитражных управляющих увеличился» [3]. Автор обращает внимание, что необходимо осуществлять «разработку мер направленных на защиту прав арбитражных управляющих, в том числе и на получение достойного вознаграждения за работу».

На наш взгляд, вопрос материального, а в частности, денежного стимула является одним из важнейших в современном мире. Уровень инфляции действительно значительно вырос, представляется очевидным, что покупательская способность изменилась, вследствие чего представляется целесообразным и увеличение фиксированной суммы вознаграждения финансового управляющего. Учитывая процент инфляции за восемь прошедших лет с момента установления фиксированного вознаграждения финансового управляющего до настоящего времени, мы математическим путем выявили, что сумма, на которую должен быть увеличен размер вознаграждения финансового управляющего, составляет 15 000 руб.

Также, необходимо подчеркнуть, что такое вознаграждение должно быть актуализировано ежегодно, в связи с чем, целесообразна ежегодная индексация полученной фиксированной суммы, которая, по нашему мнению, должна ставиться в зависимость от индекса потребительских цен. В связи с этим мы считаем, что надлежит изложить п. 3 ст. 20.6 Закона о банкротстве в части фиксированного вознаграждения финансового управляющего следующим образом:

«финансового управляющего – сорок тысяч рублей единовременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве; ежегодно фиксированная сумма вознаграждения финансового управляющего подлежит индексации в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги». Данное законодательное изменение позволит соблюсти справедливость в отношении выплаты фиксированной суммы вознаграждения арбитражных управляющих, будет соответствовать уровню инфляции и покупательской способности в настоящее время, позволит обеспечить независимость арбитражных управляющих, как того требует законодательство о банкротстве, а также остановить прекаризацию профессии.

Таким образом, реализация права финансового управляющего на вознаграждение в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) физических лиц является важным аспектом, требующим внимания и научного анализа. Проблемы, возникающие в данной сфере, влияют как на качество выполнения обязанностей управляющего, так и на права должников и кредиторов. Предложенное нами решение проблемы позволит усовершенствовать действующее законодательство в рассматриваемой области и достичь необходимого положительного эффекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. 08.09.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 19.12.2024).

2. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11 октября 2023 г. URL: http://vsrf.ru/documents/all/33022/ (дата обращения: 19.12.2024).

3. Новикова М. А. Право арбитражного управляющего в деле о несостоятельности (банкротстве) на вознаграждение. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-arbitrazhnogo-upravlyayuschego-v-dele-o-nesostoyatelnosti-bankrotstve-na-voznagrazhdenie (дата обращения: 19.12.2024).

4. Семенова Ю. В. Арбитражным управляющим – ключевая фигура в деле о банкротстве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazhnym-upravlyayuschim-klyuchevaya-figura-v-dele-o-bankrotstve (дата обращения: 19.12.2024).

5. Сурина М. М. Проблемы вознаграждения арбитражного управляющего. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-voznagrazhdeniya-arbitrazhnogo-upravlyayuschego (дата обращения: 19.12.2024).

6. Цены и инфляция за период 2020–2024 гг. URL: http://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 19.12.2024).

УДК 37.014.1

Иванова Елена Сергеевна,
магистрант, Государственный университет управления,
г. Москва, Российская Федерация
eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник судьи Костромского областного суда,
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

Петрина Ольга Анатольевна,
кандидат экономических наук, доцент,
Государственный университет управления,
г. Москва, Российская Федерация
petrina2007@mail.ru

Семейное образование как правовая форма получения образования: проблемы и перспективы

Статья посвящена проблемам и перспективам реализации семейной формы образования Российской Федерации. Рассматривается законодательная база реализации семейной формы образования, приводится анализ современной судебной практики по реализации права на получение образования в семейной форме (на примерах решений судов общей юрисдикции, Верховного Суда Российской Федерации).

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, право на образование, семейное образование.*

Ivanova Elena Sergeevna,
undergraduate student, State University of Management,
Moscow, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant judge of the Kostroma regional court,
Kostroma, Russian Federation

Petrina Olga Anatolyevna,
candidate of economic sciences, associate professor,
State University of Management,
Moscow, Russian Federation

Family education as a legal form of education: problems and prospects

The article is devoted to the problems and prospects of implementing the family form of education in the Russian Federation. The article considers the legislative framework for the implementation of the family form of education, provides an analysis of modern judicial practice on

© Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н., Петрина О. А., 2025

the implementation of the right to receive education in the family form (using the examples of decisions of courts of general jurisdiction, the Supreme Court of the Russian Federation).

Keywords: *The Constitution of the Russian Federation, the right to education, family education.*

Статья 43 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого человека на образование [2, ст. 43]. В соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – ФЗ-273 «Об образовании») образование в Российской Федерации может быть получено в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, а также вне таких организаций в форме семейного образования и самообразования [4, ст. 17].

Статистические данные показывают, что количество детей, обучающихся в форме семейного образования, постоянно увеличивается. Так, если в 2019/20 учебном году таких детей было 12 139, то в 2023/24 году их количество возросло более чем в пять раз и составило 63 653 человека. Однако в целом по стране доля обучающихся в форме семейного образования составила 0,37 % от общей численности обучающихся [6, с. 74].

Н. Г. Милованова и Т. А. Яркова выделили следующие категории детей, переходящих на семейную форму образования:

– дети родителей, трудовая занятость которых связана с частой сменой места жительства;

– дети из семей с религиозным укладом жизни;

– дети, занимающиеся спортом или посещающие различные дополнительные занятия в музыкальной или художественной школах;

– дети с довольно развитым мышлением, темп которого, вместе с тем, несколько замедлен по сравнению с большинством сверстников, поэтому они с трудом успевают усваивать положенную общую программу;

– дети, которым трудно физически или психологически посещать уроки в классе: с синдромом дефицита внимания и гиперактивности; с ограниченными возможностями здоровья; с трудностями в коммуникации и др.

– дети, родители которых не удовлетворены качеством и организацией школьного образования [3, с. 103–104].

Отдельного законодательного акта, регулирующего семейную форму получения образования в нашей стране, не существует. Общие положения об организации семейного образования содержатся в ФЗ-273 «Об образовании» и выпущенном в 2013 году Министерством образования и науки Российской Федерации письме «Об организации получения образования в семейной форме».

В соответствии со ст. 63 ФЗ-273 «Об образовании» при выборе родителями (законными представителями) детей получения общего образования в форме семейного образования родители (законные представители) должны проинформировать об этом выборе орган местного самоуправления муниципального района или городского округа, на территориях которых они проживают. Указанное информирование обязательно, поскольку, выбирая получение образования в семейной форме, родители (законные представители) отказываются от получения

образования в образовательных организациях и принимают на себя обязательства, возникшие при семейной форме получения образования [5]. Так, Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2017 № 58-АД17-2 гражданка М. была признана виновной в совершении административного правонарушения за ненадлежащее исполнение обязанностей по обучению своей несовершеннолетней дочери. Доводы ответчицы о нахождении ее несовершеннолетней дочери на семейном обучении признаны несостоятельными, так как для перевода несовершеннолетней М. на семейную форму обучения ее законному представителю М. надлежало написать заявление по установленному образцу и заключить соглашение с Управлением образования. Соответствующие документы в адрес М. были направлены, однако, ею не оформлены. В ходе рассмотрения дела Верховный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав и судебные инстанции обоснованно исходили из того, что М., первоначально избрав для несовершеннолетней дочери М. получение образования в образовательном учреждении, впоследствии от данной формы образования отказалась, при этом получение образования в иной форме – семейное образование не выбрала [7].

В соответствии с ч. 3 ст. 34 ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации» обучающиеся в форме семейного образования имеют право пройти промежуточную и государственную итоговую аттестацию в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по соответствующей имеющей государственную аккредитацию образовательной программе. При этом законодательством Российской Федерации не установлено обязательных требований к обязательному минимуму периодичности прохождения промежуточной аттестации. В соответствии с положениями ч. 5 ст. 66 ФЗ-273 «Об образовании» обязательным является прохождение промежуточной аттестации по каждому уровню образования последовательно (начальное общее, основное общее, среднее общее образование). Так, Министерство образования Красноярского края рекомендует проходить промежуточную аттестацию ежегодно для своевременного выявления недостатков в качестве освоения ребенком программы общего образования и обсечения возможности своевременной коррекции родителями подходов к получению общего образования в форме семейного образования [9].

В Республике Татарстан вопрос о периодичности прохождения промежуточной аттестации решался в судебном порядке. В 2021 году Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав Нижнекамского муниципального района рекомендовала гражданке М. для исключения сложностей при прохождении итоговой аттестации ежегодно проходить промежуточную аттестацию ее несовершеннолетней дочери, обучающейся по семейной форме. Считая, что нормативными актами не предусмотрена обязанность обучающегося проходить промежуточную аттестацию каждый год, а указано только о праве обучающегося на прохождение указанной аттестации М. обратилась в суд с иском об отмене и признании незаконным данного решения. Нижнекамский городской суд и Верховный суд республики Татарстан оставили данный иск без удовлетворения, придя к выводу, что в соответствии с положениями ст. 58 ФЗ-273 «Об образовании», промежуточная аттестация для лиц, получающих основное общее образования по семейной

форме, обязательна [1]. В 2022 году Нижнекамский городской суд удовлетворил уже иск Нижнекамской городской прокуратуры, содержащий требование обязать гражданку М. обеспечить прохождение ее несовершеннолетним ребенком промежуточной аттестации за 2, 3 классы по всем предметам [8].

В целях реализации права каждого человека на образование федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления осуществляется полностью или частично финансовое обеспечение содержания лиц, нуждающихся в социальной поддержке в соответствии с законодательством Российской Федерации, в период получения ими образования. Но необходимо отметить, что данное положение действует только в Пермском крае, Чувашской Республике, Свердловской, Ульяновской, Тамбовской и Тульской областях. Так, в Пермском крае объем компенсации затрат родителям (законным представителям) на получение обучающимися образования в форме семейного образования составляет 80 % от расчетного показателя расходов на обеспечение государственных гарантий прав граждан на получение общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных организациях на 1 обучающегося в год [8].

Таким образом, семейная форма получения образования заинтересовывает все большее количество семей. Это связано, в первую очередь с издержками государственной системы образования и неудовлетворенностью со стороны родителей (законных представителей) качеством образования, предоставляемого в общеобразовательных организациях. При этом в настоящее время существует достаточное количество правовых пробелов (периодичности прохождения промежуточной аттестации, возможности компенсации затрат родителями (законными представителями) на получение обучающимися образования в форме семейного образования и т. д.), ликвидация которых позволила бы урегулировать споры, которые возникают в процессе реализации семейной формы образования, и повысить эффективность данной формы получения образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Верховного суда республики Татарстан от 21.07.2024 по делу № 33-9689/2022. URL: https://vs--tat.sudrf.ru/ (дата обращения: 30.11.2024).

2. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.11.2024).

3. Мингазов И. Ф., Яркова Т. А., Милованова Н. Г. Модели и опыт организации семейного образования // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 4. С. 102–109.

4. Об образовании в Российской Федерации : ред. от 23.11.2024 : принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2012 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.11.2024).

5. Об организации получения образования в семейной форме : письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 15.11.2013

№ НТ-1139/08. URL: https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-15112013-n-nt-113908/ (дата обращения: 30.11.2024).

6. Семейное образование в Российской Федерации: анализ данных официальной статистики / Петряева Е. Ю., Суменкова Ю. И., Федоровская М. Н., Козинченко И. В. // Вестник МГПУ: Серия: Педагогика и психология. 2024. № 2. Т. 18. С. 67–82.

7. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2017 № 58-АД17-2. URL: https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-27022017-n-58-ad17-2/ (дата обращения: 30.11.2024).

8. Решение Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 05.12.2024 по делу № 2а-4317/2024. URL: https://nizhnekamsky--tat.sudrf.ru (дата обращения: 30.11.2024).

9. Семейная форма образования. URL: https://krao.ru/deyatelnost/obschee-obrazovanie/shkolnoe-obrazovanie/semejnaya-forma-obrazovaniya/ (дата обращения: 30.11.2024).

УДК 347.78

Лазарева Юлия Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lazarevajulia10@gmail.com

Правовое регулирование сложных объектов авторского права

В статье рассматриваются понятие, сущность и основные виды сложного объекта авторского права – мультимедийного продукта. Автор анализирует законодательство Российской Федерации и сложившуюся правоприменительную практику на современном этапе развития государства. Также исследуются проблемы, которые возникают в процессе реализации этого объекта. Автор приходит к выводу, что в научной литературе и судебной практике не существует единого мнения по поводу правовой природы мультимедийного продукта, данные правовые отношения также не в полной мере регулируются законодательством в нашей стране, поэтому автор предлагает возможный путь решения данной проблемы.

Ключевые слова: *мультимедиа, мультимедийный продукт, сложный объект авторского права, гражданское право, авторское право, интеллектуальная собственность.*

Lazareva Yulia Alekseevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation,

Legal regulation of complex copyright objects

The article discusses the concept, essence and main types of a complex object of copyright – a multimedia product. The author analyzes the legislation of the Russian Federation and the established law enforcement practice at the present stage of state development. The problems that arise in the process of implementing this object are also investigated. The author comes to the conclusion

© Лазарева Ю. А., 2025

that in the scientific literature and judicial practice there is no consensus on the legal nature of the multimedia product, these legal relations are also not fully regulated by legislation in our country, therefore the author suggests a possible way to solve this problem.

Keywords: *multimedia, multimedia product, complex object of copyright, civil law, copyright, intellectual property.*

Появление и развитие искусственного интеллекта, а также всевозможных технологий только способствует росту использования различных электронных носителей (компьютера, телефона, игровых приставок, телевизоров и многого другого), которые могут воспроизводить как интерактивный мир (к примеру, видеоигры), так и воспроизводить реально существующие объекты мира (например, онлайн-туры, позволяющие запечатлеть панорамы крупнейших музеев, художественных галерей или архитектурных ассамблей).

Дефиниция «мультимедиа» теоретиками рассматривается во множестве значений, наиболее популярными мнениями среди ученых являются:

– устройства технологии, позволяющие пользователю воспроизводить на экран различные текстовые, визуальные, графические, звуковые фрагменты, объединенные в одном информационном объекте (электронные издания или приложения) [1];

– коммуникационное средство общения между пользователями [2];

– разновидность современного искусства, позволяющая использовать графические инструменты редакторов;

– средство обучения школьников или студентов посредством использования презентаций или, например, онлайн-курсов [3];

– сложный объект, представляющий собой совокупность двух и более объектов интеллектуальной собственности.

В соответствии с п. 1 ст. 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) указывается следующее: «Лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильма, иного аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, базы данных), приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности» [4].

Иных норм, которые были бы посвящены регулированию мультимедийного продукта в законодательстве нет, в отличие от того же аудиовизуального произведения (регламентированного детально в ст. 1263 ГК РФ), что вызывает большие сложности.

В научных работах Исследовательского центра частного права при Президенте РФ по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части четвертой ГК РФ указывалось, что «сложными объектами могут быть признаны только такие представления или такой мультимедийный продукт, которые, с одной стороны, представляют собой единое целое (единый объект), а с другой стороны, имеют сложный состав (структуру), образуемый из со-

вокупности разнородных результатов интеллектуальной деятельности» [5, с. 124].

Особым признаком сложных объектов авторского права является то, что, во-первых, они представляют собой единое целое (признак единства), во-вторых, имеют сложный состав (два и более объектов интеллектуальной собственности, обязательно, чтобы они были не однотипны, например, музыка и анимация) [6, с. 56]. В-третьих, одним из составных объектов должна быть программа для ЭВМ (в качестве примеры могут выступать видеоигры, онлайн-музей и так далее).

К. Д. Савицкая в качестве отдельных признаков выделяет следующие [7]:

– необходимость использования специальных технических устройств;

– наличие нескольких сюжетных линий;

– художественный дизайн интерфейса и средств навигации.

Определяя мультимедийное произведение, ученые перечисляют объекты, которые могут входить его структуру. Среди таких объектов указывают:

– программное обеспечение и базы данных;

– совокупность произведений и (или) объекты смежных прав;

– данные различного происхождения;

– комплекс аудио- и видеокомпонентов;

– текст, звук, неподвижные или движущиеся изображения, компьютерные программы и другие данные;

– совокупность нескольких результатов интеллектуальной деятельности.

При этом авторы отмечают, что «при отсутствии прямого определения» в законе окончательное представление о том, что включается в эти понятия, будет сформировано лишь судебной практикой.

Так, например, в судебной практике отмечают, что видами мультимедийного продукта могут выступать:

1) видеоигры [8].

Арбитражный суд Краснодарского края четко указал, что видеоигра российского разработчика «Atomic Heart» представляет собой мультимедийный продукт, который, в свою очередь, образован из художественного произведения, персонажей, названия, логотипа и много другого. В ходе судебного дела было выявлено, что использующиеся изображения персонажей были использованы в предложении к продаже и реализации продукции, содержащей указанные объекты интеллектуальной собственности без согласия истца;

2) виртуальные туры [9].

В соответствии с данным судебным решением видеотуры могут быть признаны объектами мультимедийного продукта, так как он представляет собой реалистичное отображение в электронном виде трехмерного многоэлементного пространства, элементами которого, как правило, являются сферические и (или) цилиндрические панорамы, соединенные между собой интерактивными ссылками-переходами (хот-спотами), а также виртуальные 3D-объекты, фотографии, видео, звук. В виртуальные туры, как правило, включают и другие интерактив-

ные элементы: всплывающие информационные окна, поясняющие надписи, графически оформленные клавиши управления и т. д.;

3) виртуальные музеи и библиотеки [10];

4) мультимедийный спектакль [11];

5) музыкальное произведение [12].

В связи с рассмотренными подходами в законодательстве, судебной практике и доктринальных источниках мы видим, что на данный момент отсутствует единый подход к пониманию правового режима мультимедийного продукта.

Мы предлагаем ввести в оборот следующее определение «мультимедийного продукта» и рассматривать данную дефиницию следующим образом в доктрине – это разновидность сложного объекта, представляющего совокупность нескольких охраняемых элементов интеллектуальной деятельности человека, неразрывно связанных между собой, выраженных на электронных носителях с целью дальнейшего функционирования посредством использования программных и аппаратных устройств.

Также предлагаем внести в ст. 1240 ГК РФ дополнение следующеего содержания: «К объектам мультимедийного продукта относятся видеоигры, виртуальные туры, виртуальные библиотеки, виртуальные музеи, виртуальный спектакль, музыкальное произведение и иное».

В связи с постоянным развитием технологий нет возможности на сегодняшний день предусмотреть все виды мультимедийного продукта, поэтому перечень будет являться открытым.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что мультимедийный продукт в качестве объекта гражданских правоотношений имеет реальную ценность и актуальность на сегодняшний день. Не существует единого подхода в понимании такого объекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подсобляева О. В., Богданова В. С. Разработка мультимедийного приложения на языке JAVA. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-multimediynogo-prilozheniya-na-yazyke-java (дата обращения: 21.11.2024).

2. Цемко Е. И., Андреева О. А. Актуальные вопросы правового регулирования наследия интернет-аккаунта. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravovogo-regulirovaniya-nasledovaniya-internet-akkaunta (дата обращения: 11.09.2024).

3. Ахмедова М. С. Информационные и мультимедийные технологии на уроках русского языка как средство формирования компетенций обучающихся. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-i-multimediynye-tehnologii-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-sredstvo-formirovaniya-kompetentsiy-obuchayuschihsya (дата обращения: 02.11.2024).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп. от 30.01.2024) : принят Государственной Думой 24 ноября 2006 года : одобр. Советом Федерации 8 декабря 2006 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения 11.04.2024).

5. Заключение Исследовательского центра частного права по вопросам толкования и возможного применения отдельных положений части 4 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2007. № 3. С. 124.

6. Право интеллектуальной собственности : учебник / Е. С. Гринь, В. О. Калятин, С. В. Михайлов [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/pravo_intellektualnoj_sobstvennosti_t_2_avtorskoe_pravo/ (дата обращения: 05.12.2024).

7. Савицкая К. Д. Признаки мультимедийного произведения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priznaki-multimediynogo-proizvedeniya (дата обращения: 05.12.2024).

8. Решение арбитражного суда Краснодарского края от 1 марта 2024 г. по делу № А32-47582/2023. URL:https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.12.2024).

9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26.08.2022 № С01-1109/2022 по делу № А12-10588/2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405132211/ (дата обращения: 05.12.2024).

10. Постановление Девятого арбитражного суда от 15 сентября 2016 г. по делу № А40-17869/2016. URL:https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.12.2024).

11. Решение арбитражного суда Республики Крым от 27 ноября 2019 г. по делу № А83-8206/2019. URL:https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.12.2024).

12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12 июля 2023 г. по делу № А40-88217/2023. URL:https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.12.2024).

УДК 347.62

Ланкова Виталина Алексеевна,
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Россия
vitawadcfv@gmail.com

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
г. Владивосток, Россия
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Сравнительный анализ семейного законодательства в части возрастных особенностей вступления в брак: международный и российский опыт

Представленная статья направлена на изучение законодательного регулирования возрастных особенностей вступления в брак в разных странах. Обращено внимание на диспозитивный характер норм российского законодательства в части возможности снижения

© Ланкова В. А., Васильева А. В., 2025

брачного возраста и основаниях допустимости данного аспекта в сравнении с императивными нормами других стран романо-германской правовой семьи, устанавливающих пределы и определенные условия отступления от общеустановленного брачного возраста. Рассмотрены особенности эмансипации и возможность заключения брачного договора лицами, вступающими в брак до достижения совершеннолетия.

Ключевые слова: *семья, брачный возраст, эмансипация, брачный договор, лица, не достигшие брачного возраста.*

Lankova Vitalina Alekseevna,
student, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Comparative analysis of family legislation in terms of age characteristics of marriage: international and russian experience

The presented article is aimed at studying the legislative regulation of the age characteristics of marriage in different countries. Attention is drawn to to the dispositive nature of the norms of Russian legislation regarding the possibility of reducing the age marriage and the grounds for the admissibility of this aspect comparison with the mandatory norms of the countries of the Romano-German legal family, which establish limits and certain conditions of deviation from the generally established age of marriage. The features of emancipation and the possibility of concluding a marriage contract by persons entering into marriage before reaching adulthood are considered.

Keywords: *family, marriageable age, emancipation, prenuptial agreement, persons under the age of marriage.*

В настоящее время важное значение имеет законодательная регламентация семейных правоотношений, что объясняется значимостью вопросов построения семьи как центрального института общества, на защиту и поддержку которого направлена политика государства.

Современное семейное законодательство охватывает широкий перечень аспектов, которые составляют фундамент правового регулирования отношений как между членами семьи, так и между лицами, только желающими вступить в брак. Однако все большую актуальность как в России, так и в зарубежных странах приобретает институт брака и производные от него правоотношения. В этой связи, представляется интересным сравнение специфики правовой регламентации возрастных особенностей вступления в брак в российском законодательстве и в законодательстве других стран.

Так, в Российской Федерации Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) закрепил общий возраст вступления в брак – 18 лет. Однако при наличии уважительных причин допускается возможность заключения брака лицами, достигшими 16 лет. На этом законодатель не ограничил возможность

несовершеннолетних лиц узаконить свои отношения и установил норму, которая допускает снижение брачного возраста по сравнению с тем, что установлено в СК РФ и передает этот вопрос на самостоятельное регулирование регионального законодательства [10]. При этом нижний предел не закреплен.

В отличие от отечественного законодательства, Кодекс Республики Беларусь о браке и семье отличается императивностью норм, регулирующих брачный возраст и возможность его снижения. В частности, ст. 18 Кодекса устанавливает общий для всех возраст вступления в брак в 18 лет, достижение которого является обязательным условием создания брачного союза. Затрагивая вопрос о вступлении в брак до установленного законом возраста, законодатель строго определил обстоятельства, в результате которых такое снижение представляется допустимым, а также установил нижний предел, сформулировав положение статьи следующим образом: «...не более чем на три года» [6].

Аналогичным образом сконструированы положения Кодекса о браке (супружестве) и семье Республики Казахстан в части, касающейся возраста несовершеннолетних лиц, вступающих в брачный союз. Так, п. 1 ст. 10 названного кодекса предусмотрено, что орган, который будет регистрировать брак по месту его заключения, может снизить супружеский возраст не более, чем на 2 года, в случае беременности или рождения общего ребенка [7].

Обращаясь к Семейному кодексу Республики Узбекистан, следует обратить внимание на императивность нормы, касающейся брачного возраста несовершеннолетних лиц. В частности, ст. 15 разрешает снизить брачный возраст только на один год от общеустановленного восемнадцатилетнего возрастного ценза [9]. Идентичная норма закреплена и в Семейном кодексе Туркменистана [11].

Отметим, что страны англо-саксонской правовой системы также в своих законах предусматривают возможность снизить брачный возраст. Так, в Англии лица могут вступить в брак с 16 лет, но, в особых случаях, допускается в судебном порядке требовать его изменения в меньшую сторону [1, с. 11]. В Законе о браке Финляндии Министерству юстиции предоставлено право разрешения регистрации брака до достижения 18 лет при наличии особых обстоятельств [5].

В некоторых странах предусмотрено особое основание для регистрации брака лицам, не достигшим установленного законом возраста, а именно: согласие законных представителей. В частности, это прослеживается в странах африканской правовой семьи, таких как Ангола, Египет, Йемен [4, с. 147].

Таким образом, сравнивая международно-правовой опыт законодательной регламентации возрастных условий вступления в брак, можно заметить, что в большинстве стран романо-германской системы установлены пределы снижения брачного возраста и исчерпывающие основания для таких отступлений. В отличие от других стран, российское законодательство в этом аспекте обладает большей диспозитивностью, оставляя часть вопросов на самостоятельное регулирование органов государства.

По нашему мнению, это обуславливается политикой, направленной на защиту и поддержку семей, так как подобный порядок закрепления норм семейного права позволяет охватить более широкий спектр юридических фактов,

влекущих возникновение семейных правоотношений, что способствует росту количественных показателей создания семей в стране.

Особое внимание следует уделить правовым последствиям вступления в брак лиц, не достигших брачного возраста. Обращаясь к нормам гражданского законодательства России, становится видна четкая определенность законодателя относительно этого аспекта. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст. 21) устанавливает, что гражданин, вступивший в брак до достижения восемнадцати лет, приобретает весь объем дееспособности, т. е. происходит эмансипация, и не теряет ее в случае расторжения брака [2].

Из всех выше рассмотренных стран такой же позиции придерживается и законодатель Республики Туркменистан, установивший аналогичные нормы как в Семейном кодексе (п. 3 ст. 15), так и в Гражданском кодексе, в ст. 23 [3].

В свою очередь, в Беларуси, Узбекистане, Казахстане брак не является юридическим фактом, который влечет возникновение у лиц полного объема дееспособности. Так, например, в Беларуси, эмансипация служит условием, а не правовым последствием регистрации брака лиц в возрасте до 18 лет [6].

Законодательство стран романо-германской правовой системы признает договорный режим имущества супругов, т. е. допускает заключение брачного договора как лиц, вступающих в брак, так и супругов. Если вопрос о возможности заключения такого договора лицами, достигшими брачного возраста, не вызывает затруднений, то в отношении лиц, вступающих в брак ранее установленного возрастного порога, порождает многочисленные споры среди ученых-юристов.

В частности, в российской юридической науке до сих пор не существует единой точки зрения по этому поводу. Ввиду того, что вступление в брак несовершеннолетнего влечет его эмансипацию, для некоторых ученых-цивилистов представляется возможным заключение такого договора до регистрации брака как с согласия законных представителей, так и без него, в силу того, что лицо приобретает весь спектр сделкоспособности. Однако высказываются позиции о том, что сделкоспособность касается только гражданского законодательства, а в рамках семейного – несовершеннолетний еще не достигает необходимого возраста для заключения брачного договора. Кроме того, существует мнение, что такие лица могут заключить брачный договор до регистрации брака, при наличии разрешения на вступление в брак от соответствующего органа государства, в порядке п. 2 ст. 13 СК РФ [8, с. 40].

По нашему мнению, ввиду двойственности природы брачного договора и отсутствия в ГК РФ указания на возможность его заключения несовершеннолетними лицами, наиболее оптимальный вариант регламентации этого вопроса заключается в предоставлении несовершеннолетним права заключить брачный договор только после вступления в брак, когда будет пройдена процедура эмансипации. А в случае, если лицо ранее уже было эмансипировано, следует рассмотреть вариант беспрепятственного заключения данного соглашения до государственной регистрации союза в органах ЗАГС.

В других странах данный вопрос также не урегулирован, за исключением Республики Беларусь, где ст. 13.1 Кодекса о браке и семье, во избежание пробе-

лов законодательного регулирования, закрепила право несовершеннолетних лиц, которые вступают в брак, заключить договор с согласия законных представителей, а в случае приобретения ими полного объема дееспособности, согласие не требуется [6].

Таким образом, регламентация возрастных особенностей вступления в брак в разных странах отличается характером регулирования, а именно была выявлена диспозитивность российского семейного законодательства в части снижения брачного возраста и его условий, по сравнению с другими странами, где определены нижние пределы и основания такого снижения. Однако имеет место общее сходство в вопросе неурегулированности природы заключения брачного договора несовершеннолетними лицами, что, безусловно, требует внимания законодателей рассматриваемых государств.

В завершение отметим, что проведенное исследование позволяет сформулировать вывод относительного минимального возраста вступления в брак, существующих тенденций и факторов, влияющих на формирование законодательства в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Будкевич А. В. Брачный возраст в законодательстве разных стран // Научный поиск курсантов : сб. материалов республ. науч. конф., посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД (г. Могилев, 26 февраля 2018 года) / отв. ред. Ю. А. Матвейчев. Могилев: Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2018. С. 11–12.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 21.10.1994 № 190-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 24.11.2024).

3. Гражданский кодекс Туркменистана от 17.07.1998 № 294-I. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295232 (дата обращения: 25.11.2024).

4. Жемеров В. В., Матвеев Г. А. Особенности снижения брачного возраста в сравнении норм семейного права зарубежных стран и Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 143–151.

5. Закон о браке Финляндии от 1929 года. URL: https://advokat-chernov.ru/article/18/ (дата обращения: 25.11.2024).

6. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 09.07.1999 № 278-З. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278 (дата обращения: 25.11.2024).

7. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 № 518-IV «О браке (супружестве) и семье». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748. (дата обращения: 25.11.2024).

8. Личные и имущественные правоотношения супругов : учеб. пособие / отв. ред. О. Н. Низамиева. М. : Проспект, 2023. 40 с.

9. Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30.04.1998 №607-I. URL: https://lex.uz/docs/104723 (дата обращения: 25.11.2024).

10. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

11. Семейный кодекс Туркменистана от 10.01.2012 №258-IV. URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/16490/semeinyi-kodeks-turkmenistana (дата обращения: 25.11.2024).

УДК 347.4

Луковникова София Александровна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
luckovnickova.sofia@icloud.com

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Melnikk44@gmail.com

Договор франчайзинга в России

В статье предпринята попытка анализа двух правовых конструкций: договора франчайзинга и договора коммерческой концессии, рассматриваются актуальные вопросы правореализации и правоприменения, а также их основные отличия. Приведенный анализ позволил сформулировать подход к правопониманию института коммерческой концессии в российском гражданском праве, а также его отличия от института франчайзинга, закрепленного в иностранных правопорядках.

Ключевые слова: *франчайзинг, коммерческая концессия, договор, франшиза, исключительные права.*

Lukovnikova Sofia Alexandrovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Franchise agreement in Russia

This article discusses two types of contracts: a franchise agreement and a commercial concession agreement, and discusses their main differences. The analysis makes it possible to identify the problems of legal regulation that arose as a result of borrowing the institution of franchising.

Keywords: *franchising, commercial concession, contract, franchise, undivided right.*

© Луковникова С. А., Мельников И. Н., 2025

Франчайзинг – это форма предпринимательской деятельности, при которой одна сторона, именуемая «франчайзер», передает другой стороне – «франчайзи», право на применение ранее разработанной бизнес-модели, а также право на использование интеллектуальной собственности. В Российской Федерации законодатель не закрепил правовые основы договора франчайзинга, но именно этот вид договора стал «ориентиром для разработчиков гл. 54 ГК РФ» [1, с. 771].

Современную экономику тяжело представить без использования франшиз. Данная модель построения бизнеса появилась в США, а теперь широко используется по всему миру, в том числе в России. На начало 2024 года в России насчитывается около 3445 франшиз, 1, 38 млн человек заняты во франшизных сетях России [7].

Появление в России института коммерческой концессии, закрепленного в главе 54 Гражданского кодекса Российской Федерации [5], вызвало разногласия. Появились два научных подхода. Часть исследователей-цивилистов считают, что этот договор можно полностью соотнести с договором франчайзинга. Например, Е. А. Суханов отождествляет дефиниции «франчайзинг» и «коммерческая концессия» [6, с. 625-627]. Другая часть с данным суждением не согласна, например, Б. И. Пугинский [4, с. 217–218] считает, что договор коммерческой концессии не в полной мере отражает процесс реализации товаров и по большей части регулирует вопросы лицензионных соглашений.

Договор коммерческой концессии, по мнению А. В. Дмитриенко, целесообразно использовать только в сфере торговли [2]. В остальных сферах зачастую заключаются смешанные договоры. Конечно, Гражданский кодекс РФ предполагает свободу договора, но это вызывает некоторые проблемы правоприменения, так как понятие «коммерческая концессия» значительно уже понятия «франчайзинг». Искажение договора франчайзинга вызвало некоторые проблемы правового регулирования и сложность применения на практике.

В результате анализа двух правовых конструкций можно выделить следующие отличия:

1. По договору коммерческой концессии в основном регулируется передача комплекса исключительных прав, франчайзинг же кроме этого предполагает предоставление готового бизнес-плана, а в некоторых случаях и материально-техническое обеспечение.

2. По договору коммерческой концессии могут предусматриваться различные формы финансовых отношений. А в франчайзинге всегда устанавливаются роялти и иногда выплачивается паушальный взнос.

3. Договор франчайзинга предполагает более тесное взаимодействие сторон в отличие от договора коммерческой концессии, франчайзер будет оказывать значительное влияние на франчайзи (несмотря на то, что, как юридическое лицо, франчайзи самостоятелен), так как он будет контролировать стандарты ведения бизнеса, а по условиям договора, как правило, за нарушение данных стандартов предусмотрены санкции со стороны франчайзера.

4. Договор коммерческой концессии предполагает субсидиарную и солидарную ответственность правообладателя, что прямо противоречит основопола-

гающим началам франчайзинговых отношений, так как франчайзи является независимым субъектом предпринимательской деятельности.

Можно также отметить, что в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в 2014 году вносился законопроект «О франчайзинге» [3] , он был отклонен, но, тем не менее, сам факт появления такого законопроекта свидетельствует о том, что законодатель не отождествляет франчайзинг и коммерческую концессию. Отклонение данного законопроекта также приводит к мысли о том, что не следует создавать отдельный федеральный закон и создавать новый вид договора в гражданском праве, это может привести к еще большим вопросам о сложности разграничения договоров франчайзинга и коммерческой концессии, так как изначально предполагалось, что коммерческая концессия – отечественный аналог договора франчайзинга.

Глава 54 Гражданского кодекса РФ нуждается в дополнениях и изменениях, так как на данный момент она не полностью удовлетворяет возникающий запрос от субъектов гражданского права. В первую очередь необходимо уточнить, что франчайзер обязан передавать не только исключительные права и ноу-хау, но и бизнес-план, а также все необходимые инструкции работы, критерии оценки качества продукции, а также оказывать помощь в выборе правильного материально-технического обеспечения. Предлагаемые изменения в п. 1 ст. 1031 ГК РФ: «Правообладатель обязан передать пользователю техническую и коммерческую документацию, бизнес-план, инструкции и предоставить иную информацию, необходимую пользователю для осуществления прав, предоставленных ему по договору коммерческой концессии, а также проинструктировать пользователя по иным вопросам, связанным с осуществлением этих прав. Правообладатель обязан передать пользователю исчерпывающий список критериев оценки, по которым правообладатель будет оценивать качество товаров (работ, услуг)». Следует также изменить ст. 1034 ГК РФ, предусматривающую ответственность правообладателя по требованиям, предъявляемым к пользователю, так как несмотря на использование одной торговой марки, она не объединяет правообладателя и пользователя как субъекта гражданско-правовых отношений, они остаются самостоятельными участниками хозяйственного оборота. Изложить данную статью в следующей редакции: «Правообладатель не несет ответственность по предъявляемым к пользователю требованиям о несоответствии качества товаров (работ, услуг), продаваемых (выполняемых, оказываемых) пользователем по договору коммерческой концессии за исключением случаев нарушения правообладателем обязанностей, предусмотренных статьей 1031 настоящего Кодекса или договором.

Правообладатель не несет ответственность по требованиям, предъявляемым к пользователю как изготовителю продукции (товаров) правообладателя, за исключением случаев нарушения правообладателем обязанностей, предусмотренных статьей 1031 настоящего Кодекса или договором».

Законодательное совершенствование данной главы позволит более эффективно регулировать использование франшиз, обеспечить защиту прав и интересов франчайзера и франчайзи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект, 2020. 880 с.

2. Дмитриенко А. В. Основные различия между договором франчайзинга и договором коммерческой концессии // Молодой ученый. 2022. № 50(445). С. 222–226.

3. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 марта 2016 г. № 8479-6 ГД «О проекте федерального закона № 503845-6 «О франчайзинге». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/503845-6?sortEventsByNum=num_up&sortEventsByDate=datend_up (дата обращения: 27.11.2024).

4. Пугинский Б. И. Коммерческое право России : учебник. М. : Юрайт-Издат, 2003. 314 с.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: с изм. и доп. на 25 февраля 2022 года : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

6. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2011. 1208 с.

7. Franshiza.ru: Российский франчайзинг 2024: статистика от franshiza.ru, 2024. URL: https://franshiza.ru/article/read/rynok_franchajzinga_rossii_oborot_rynka_i_zanyatost_osnovnye_cifry_za_2023_god/?ysclid=m3yzq4asst693143149 (дата обращения: 26.11.2024).

УДК 347.963

Людоговская Татьяна Алексеевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
tatiana.lyud44@mail.ru

Роль прокурорского надзора в сфере выплаты заработной платы

В научной статье рассматривается роль прокурорского надзора в сфере выплаты заработной платы. Исследуются основные нормативные правовые акты, регулирующие сферу оплаты труда работников и прокурорского надзора в указанной области. В работе приводятся позиции ученых по поводу роли деятельности органов прокуратуры в сфере защиты трудовых прав работников, в частности, в сфере оплаты труда. Обусловлен вывод о ключевой роли прокурорского надзора в сфере выплаты заработной платы.

Ключевые слова: *оплата труда, заработная плата, работник, прокурор, прокурорский надзор, трудовые правоотношения, защита прав работника.*

© Людоговская Т. А., 2025

Lyudogovskaya Tatyana Alekseevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The role of prosecutorial supervision in the field of salary payments

The scientific article examines the role of prosecutorial supervision in the field of salary payments. The main normative legal acts regulating the sphere of remuneration of employees and prosecutorial supervision in this area are investigated. The paper presents the positions of scientists on the role of the prosecutor's office in the field of protection of workers' labor rights, in particular, in the field of remuneration. The conclusion is made about the key role of prosecutorial supervision in the field of salary payments.

Keywords: *remuneration, salary, employee, prosecutor, prosecutor's supervision, labor relations, protection of employee's rights.*

Одним из приоритетных направлений в деятельности прокуратуры является надзор за соблюдением трудовых прав граждан, ведь нарушения трудового законодательства носят острый социальный характер, приводят к ущемлению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав работников, ставят под угрозу финансовое благополучие граждан, членов их семей. Среди основных направлений прокурорского надзора за исполнением трудового законодательства можно выделить деятельность прокуроров в сфере защиты права на оплату труда граждан.

Ежегодно органами прокуратуры выявляются различные нарушения трудовых прав граждан, в том числе, и в сфере заработной платы. В 2020 году прокурорами было выявлено 243 252 нарушений в сфере оплаты труда, в 2021 году – 248 805, а в 2022 количество нарушений составило 213 298 [7]. Несмотря на некоторое снижение количественных показателей, число нарушений трудовых прав граждан в сфере заработной платы остается на высоком уровне.

Значимость труда как такового обозначена в Конституции Российской Федерации [1]. В ст. 37 установлены гарантии граждан на свободу труда, на право распоряжаться любыми своими способностями к труду, возможность выбирать по желанию род деятельности и интересующую профессию. При этом запрещен принудительный труд. Также гарантировано право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного законодательством минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы.

Однако, несмотря на конституционные гарантии, обуславливающие важность, значимость труда и ценность трудовых прав граждан, в том числе на выплату заработной платы, их нарушение носит массовый характер, надзор и защита таких прав требует особого внимания.

Трудовые правоотношения в сфере оплаты труда детально регламентированы в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) [2]. Общие и специальные вопросы, касающиеся заработной платы, установлены в гл. 20 и 21 ТК РФ. Они включают в себя основные понятия и определения, нормы об

оплате и форме оплаты, об установлении минимального размера оплаты труда, о порядке, месте и сроке выплаты заработной платы, об оплате труда при различных трудовых условиях и иные. В сущности, нормы Трудового кодекса РФ о заработной плате составляют три группы: а) общие положения, б) гарантии по оплате труда, в) систему оплаты труда.

Кроме того, положениями Трудового кодекса РФ предусмотрен и порядок защиты нарушенных прав, а также установлены государственные органы, в полномочия которых входит контроль (надзор) за соблюдением установленных прав граждан в данной сфере, и в случае необходимости за ними установлено право применять соответствующие меры реагирования, направленные на восстановление нарушенных прав и привлечение виновных к ответственности.

В соответствии со ст. 353 ТК РФ федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, осуществляется федеральной инспекцией труда. Надзор за безопасностью в различных сферах деятельности осуществляется соответствующими уполномоченными федеральными органами исполнительной власти (ст. 366–369 ТК РФ). Ведомственный контроль за соблюдением трудового законодательства в подведомственных организациях осуществляется федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления (ст. 353.1 ТК РФ).

Примечательно, что анализ приведенных норм позволяет констатировать факт, что прокуратура в качестве одного из основных надзорных органов в данной сфере не указана. В ст. 365 ТК РФ лишь обозначена необходимость федеральной инспекции труда осуществлять свою деятельность во взаимодействии, в том числе с органами прокуратуры.

Рассматривая иные положения трудового законодательства, необходимо отметить, что в соответствии со ст. 391 ТК РФ, прокурор выступает уполномоченным обращаться с заявлением в суд, если решение комиссии по трудовым спорам не соответствует трудовому законодательству и иным актам, содержащим нормы трудового права, т. е. прямая обязанность прокурора защищать нарушенные права работника в суде. Наравне с этим прокурор должен защищать и права работодателя, к примеру, прокурор вправе обратиться в суд по поводу признания забастовки недействительной (ст. 413 ТК РФ) [2].

Приоритетность надзорной деятельности прокуратуры в сфере заработной платы установлена ведомственными актами. В Приказе Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [3] особое внимание уделяется вопросам анализа выполнения требований работодателя по созданию работникам безопасных условий труда, а также вопросам, связанным со своевременной выплатой заработной платы. В связи с этим, чтобы обеспечить гарантии правовой защиты прав в рассматриваемой сфере, прокурору предоставлен ряд полномочий по принятию мер прокурорского реагирования в отношении работодателей, допустивших нарушения законодательства об оплате труда.

Как мы отметили ранее, одним из эффективных способов защиты трудовых прав граждан является обращение прокурора в суд в интересах работника (ст. 391 ТК РФ). Не менее действенной мерой пресечения нарушений трудовых прав граждан является привлечение виновных лиц к административной ответственности.

О роли прокуратуры в защите трудовых прав работников в целом, и прокурорского надзора в сфере оплаты труда в частности, ведутся дискуссии и в научной литературе.

И. А. Шадрин отмечает, что «роль органов прокуратуры в сфере защиты трудовых прав граждан переоценить сложно в связи с тем, что органы прокуратуры выявляют значительное количество нарушений и принимают существенные и комплексные меры, направленные на восстановление нарушенных трудовых прав граждан и привлечение виновных к установленной законодательством ответственности» [6].

С. А. Комков справедливо утверждает, что «органы прокуратуры должны защищать не только право работников на своевременную и в полном размере выплату заработной платы, но и другие трудовые права и интересы граждан, поскольку роль прокурорского надзора велика» [4, с. 57].

Д. Ю. Мананников также указывает на существенное значение прокурорского надзора в трудовых правоотношениях, в частности, в сфере оплаты труда, подчеркивая, что «очевидно, что защита трудовых прав граждан является важнейшим условием развития справедливого и правового общества, а это обуславливает важность прокурорского надзора в обозначенной сфере» [5].

По нашему мнению, прокурорский надзор играет ключевую роль в сфере выплаты заработной платы и обеспечения законности в трудовых отношениях, ведь основные аспекты этой роли включают в себя защиту прав работников, противодействие совершения нарушений, поддержку работника в трудовых спорах, информирование и консультации граждан в рассматриваемой сфере, а также непосредственное сотрудничество с другими государственными органами, чтобы обеспечить комплексный подход к решению проблем в области выплаты зарплаты.

Таким образом, вследствие универсальности своей компетенции и постоянной нацеленности на принятие всего арсенала предоставленных полномочий во всех сферах правоотношений прокурор обозначается как самый авторитетный представитель государства, от своевременности вмешательства и твердости позиции которого зачастую зависит и получение гражданами заработной платы, и защита их трудовых прав в целом. Прокурорский надзор служит важным инструментом в обеспечении социального стабильности и защиты прав граждан на рынке труда.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 ; с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 8 августа 2024 : принят Государственной Думой 21 декабря 2001 года : одобр. Советом Федерации 26 декабря 2001 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина : Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

4. Комков С. А. Роль прокуратуры в защите трудовых прав наемных работников // Сибирский юридический вестник. № 1(96). 2022. С. 57–61.

5. Мананников Д.Ю. Актуальные вопросы защиты прокурором прав граждан в области оплаты труда. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-zaschity-prokurorom-prav-grazhdan-v-oblasti-oplaty-truda (дата обращения: 13.11.2024).

6. Шадрин И. А. Роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-organov-prokuratury-v-zaschite-trudovyh-prav-grazhdan (дата обращения: 13.11.2024).

7. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2020, 2021, 2022 гг. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

УДК 347.238

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерации
i_melnikov@kosgos.ru

Шестерикова Алина Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Alinashesterikova@yandex.ru

Отдельные вопросы государственной регистрации перехода права собственности на объекты недвижимого имущества, находящегося в совместной собственности супругов

В статье на основе анализа законодательства, научных работ, а также судебной практики исследованы некоторые аспекты функционирования института государственной регистрации недвижимости, в частности, положения, касающиеся регистрации перехода

© Мельников И. Н., Шестерикова А. А., 2025

права на объект недвижимости находящегося в совместной собственности супругов. В ходе рассмотрения данного вопроса выявлена проблема, связанная с тем, что в сложившейся практике возможна регистрация перехода права без согласия супруга, что противоречит нормам Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: *недвижимость, общая собственность, государственная регистрация, согласие супруга, переход права, купля-продажа, сделка, ЕГРН.*

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Shesterikova Alina Alekseevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Certain issues of state registration of the transfer of ownership of immovable property owned jointly by spouses

In this article, based on the analysis of legislation, scientific work, as well as judicial practice, some aspects of the functioning of the institute of state registration of real estate are studied, in particular, the provisions concerning the registration of the transfer of rights to a real estate object jointly owned by spouses. During the consideration of this issue, a problem was identified related to the fact that in current practice it is possible to register the transfer of rights without the consent of a spouse, which contradicts the norms of the Family Code of the Russian Federation.

Keywords: *real estate, common property, state registration, consent of the spouse, transfer of rights, purchase and sale, transaction, EGRN.*

Государственная регистрация прав на недвижимое имущество – это юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества.

Один из самых крупных рынков недвижимости в стране демонстрирует, что в октябре 2024 года в Москве зарегистрировано 13 629 переходов прав по договорам купли-продажи жилья, что на 19,6 % превышает результат сентября текущего года (11 393) [7].

В Российской Федерации признаются частная, государственная, и иные формы собственности. Если право собственности на имущество принадлежит не одному, а двум или более лицам, возникает общая собственность.

Современному российскому законодательству известны два вида общей собственности: общая долевая собственность и общая совместная собственность.

В связи со вступлением в брак меняется порядок распоряжения имуществом. При совершении сделок с недвижимостью необходимо учитывать требования Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) и иных нормативных правовых актов.

После официальной регистрации брака покупка или продажа приобретенной за счет совместных средств супругов недвижимости осуществляется ими в рамках режима общей совместной собственности.

При продаже, покупке жилых или нежилых объектов недвижимости приобретенных в браке, а также при оформлении других сделок с недвижимостью, включая дарение (если дарителем приобретенной в браке недвижимостью выступает один из супругов) или мену, необходимо оформить нотариально удостоверенное согласие супруга на совершение такой сделки [8, ст. 35].

То есть владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. При этом предполагается, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов он действует с согласия другого супруга.

Право собственности на недвижимое имущество, переход права собственности на недвижимость к покупателю по договору продажи недвижимости подлежат государственной регистрации. В связи с этим для продажи одним из супругов совместно нажитого недвижимого имущества требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга [1, ст. 253; 8, ст. 35].

Как следует из содержания ч. 1 ст. 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, управомоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия. Она может быть признана недействительной по иску такого лица или иных лиц, указанных в законе» [1].

Вместе с тем с 1 января 2017 года государственная регистрация недвижимости осуществляется в порядке, установленном Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ (далее – Закон № 218-ФЗ), который предусматривает, что отсутствие согласия супруга на продажу недвижимости не является основанием для отказа в государственной регистрации. В случае отсутствия такого согласия запись об этом вносится отделением Росреестра в ЕГРН одновременно с внесением записи о государственной регистрации [9]. То есть, даже при отсутствии нотариально удостоверенного согласия супруга правоотчуждателя, регистрация будет проведена без приостановления и предварительного уведомления сторон сделки.

В связи с тем, что государственная регистрация будет проведена и без согласия супруга в дальнейшем стороны будут вынуждены обращаться за судебной защитой. Такая ситуация подрывает доверие к системе государственной регистрации, ведь юридическая регистрация возникновения, изменения, перехода права собственности состоит в достоверности данных, содержащихся в реестре, и лицо полагается на них при заключении сделки с недвижимостью (добросовестный покупатель). Однако, как показывает судебная практика, оспаривание сделки в настоящее время является актуальным вопросом, и суд поддерживает исковые требования о признании сделки недействительной.

Анализ судебной практики показывает, что суды удовлетворяют требования о признании договора недействительным, так как отчуждение совместно нажитого имущества супругов по договору купли-продажи третьему лицу без согласия противоречит нормам действующего законодательства и нарушает имущественные права [3; 2; 4; 5].

Верховный Суд Российской Федерации поддерживает позицию нижестоящих судов о том, что сделка является оспоримой, если она совершена, в частности, без получения обязательного согласия на это третьего лица (например, продажа приобретенной в период брака квартиры без согласия второго супруга) [6].

Таким образом, на основании изложенного полагаем, что для решения указанной проблемы необходимо внести изменения в п. 5 ст. 38 Закона № 218-ФЗ и изложить его в следующей редакции:

«5. При осуществлении государственной регистрации сделки или государственной регистрации прав на основании сделки, совершенных без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления в случаях, если такие сделки в силу закона не являются ничтожными, государственная регистрация прав приостанавливается». Изменение ст. 38 потребует внесения соответствующих изменений в ст. 26 Закона № 218-ФЗ.

Вышеуказанные изменения направлены на то, чтобы повысить доверие к институту регистрации, исключить двоякое толкование норм права и привести к единообразию правоприменительной практики, а также избежать нарушения прав третьих лиц (супруга и покупателя).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

2. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2023 по делу № 88-33893/2023 (УИД 23RS0041-01-2022-017149-29). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

3. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.10.2023 по делу № 88-8745/2023 (УИД 26RS0001-01-2022-012971-58). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

4. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2024 № 88-4149/2024 по делу № 2-2873/2023 (УИД 26RS0035-01-2022-003917-04). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 07.02.2024 № 88-5033/2024 (УИД 58RS0017-01-2023-000539-26). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 5, май, 2021. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

7. Статистические показатели за 1 квартал 2024 года. URL: https://rosreestr.gov.ru (дата обращения: 10.11.2024).

8. Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

9. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственной регистрации недвижимости» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.11.2024). URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

УДК 34.05

Мехдиева Нават Закарияевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Mrs.malik94@mail.ru

Кузьмина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Kuzmina.nat@yandex.ru

Трансплантация и донорство органов и тканей человека в России и за рубежом: сравнительный анализ

Статья посвящена сравнительному анализу вопросов трансплантации и донорства органов и тканей человека в России и за рубежом. Сделан вывод о том, что основное отличие между российской и зарубежными системами заключается в уровне донорства и, как следствие, доступности трансплантации, что во многом обусловлено качеством законодательного регулирования.

Ключевые слова: *трансплантация органов тканей, защита прав, донор, реципиент.*

Mekhdieva Navat Zakariyaevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Transplantation and donation of human organs and tissues in Russia and abroad: a comparative analysis

© Мехдиева Н. З., Кузьмина Н. В., 2025

The article is devoted to a comparative analysis of the issues of transplantation and donation of human organs and tissues in Russia and abroad. It is concluded that the main difference between the Russian and foreign systems is the level of donation and, as a result, the availability of transplantation, which is largely due to the quality of legislative regulation.

Keywords: *tissue organ transplantation, protection of rights, donor, recipient.*

Трансплантация органов и тканей – сложная медицинская процедура, спасающая и улучшающая качество жизни миллионов людей ежегодно. Однако доступность этой процедуры и ее организация значительно варьируются в разных странах мира. В данной статье мы проведем сравнительный анализ ситуации с трансплантацией и донорством органов и тканей в России и за рубежом, выявив сильные и слабые стороны изучаемых правовых систем.

По данным регистра Российского трансплантологического общества количество операций, которые проводятся по трансплантации органов и тканей, каждый год увеличивается. По состоянию на 29 декабря за 2023 год в России было проведено 1789 трансплантаций почки, 812 – печени, 381 – сердца, 19 – легких и одна – сердечно-легочного комплекса [5].

В России законодательство о трансплантации регулируется Федеральным законом № 4180-I «О трансплантации органов и/или тканей человека», принятым еще в 1992 году [3]. Согласно этому закону, трансплантация возможна при наличии письменного согласия донора или его родственников после смерти. При отсутствии такового действует принцип презумпции согласия, т. е. считается, что человек дал согласие на изъятие своих органов для пересадки, если он при жизни не выразил свое несогласие. Этот подход вызывает споры среди общественности и экспертов, но является основой системы донорства в стране.

Кроме того, существует ряд ограничений на использование органов несовершеннолетних и недееспособных лиц, а также иностранных граждан. Доноры должны соответствовать строгим медицинским критериям, чтобы избежать риска передачи инфекций или иных осложнений.

В Российской Федерации система трансплантации органов и тканей находится в стадии развития. Несмотря на определенные успехи, существует ряд проблем, препятствующих ее эффективному функционированию:

– низкий уровень донорства. Основная проблема – низкий уровень вовлеченности населения в донорство органов. Это обусловлено несколькими факторами: недостаточной информированностью населения о процедуре донорства, отсутствием четкой и понятной законодательной базы, а также существующими социальными стереотипами и недоверием [6];

– региональные различия. Развитие трансплантационной медицины в России неравномерно. В крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, доступ к трансплантации выше, чем в регионах. Это связано с наличием высококвалифицированных специалистов, современного оборудования и финансирования;

– недостаток финансирования. Финансирование трансплантационных программ в России ограничено, что сказывается на доступности операций для пациентов и развитии инфраструктуры;

– несовершенство законодательства: Хотя законодательство в сфере трансплантации постоянно совершенствуется, остаются нерешенными вопросы, связанные с определением смерти мозга, получением информированного согласия и регулированием деятельности организаций, занимающихся трансплантацией.

За границей законодательные нормы варьируются. Например, в США действует система добровольного донорства, где каждый гражданин может выразить свое желание стать донором при жизни через регистрацию в специальных базах данных. После смерти решение о донорстве принимается родственниками умершего. Такой подход позволяет значительно увеличить количество потенциальных доноров.

В Европе многие страны применяют систему презумпции согласия, аналогичную российской, однако некоторые государства, такие как Испания и Франция, добились значительных успехов благодаря активной пропаганде донорства и внедрению эффективных систем координации между медицинскими учреждениями [4]. Норма о согласии на посмертное донорство традиционно имеет место также в Бельгии, Чехии, Аргентине, Польше, Белоруссии.

После десятилетия обсуждений Сенат Нидерландов с перевесом всего в два голоса утвердил закон о принятии данным государством принципа презумпции согласия. Общественные организации, объединяющие как медицинских работников, так и пациентов поддержали данное решение как веху в деле спасения жизни людей [1].

В 2018 году произошло и изменение законодательства Мексики: подавляющим большинством голосов Сенат этой страны утвердил правила, согласно которым изъятие органов у посмертного донора допускается в случае отсутствия прижизненного отказа последнего, при этом необходимости получения согласия родственников нет.

Законодательство Японии традиционно считалось одним из самых консервативных в мире к вопросам посмертного органного донорства, что резко ограничивало возможность трансплантации органов в этой стране, в качестве альтернативы японские специалисты достигли больших успехов в развитии технологий прижизненного донорства, а также поиске альтернативных методов спасения жизни людей, страдающих хроническими заболеваниями. Однако в 2017 году законодательство упростило процедуры, связанные с посмертным донорством [2].

В развитых странах, таких как США, Испания, Канада, система трансплантации значительно более эффективна. Ключевые отличия заключаются:

– в высоком уровне донорства. В этих странах проводится активная работа по повышению осведомленности населения о донорстве, разработаны эффективные программы информирования и пропаганды. Широко используется система предполагаемого согласия (opt-out), при которой человек считается донором, если не выразил своего отказа при жизни;

– наличии развитой инфраструктуры. Существуют специализированные центры по координации донорства и трансплантации, обеспечивающие быструю и эффективную доставку органов. Наличие квалифицированных специалистов и современных технологий позволяет проводить сложные операции;

– эффективности системы распределения органов. Используются сложные алгоритмы, обеспечивающие справедливое распределение органов среди нуждающихся пациентов, с учетом медицинских показаний и времени ожидания;

– строгом соблюдении этических норм. Процедуры трансплантации тщательно регламентированы и контролируются, что исключает возможность коррупции и злоупотреблений.

Основное отличие между российской и зарубежными системами заключается в уровне донорства и, как следствие, доступности трансплантации. В зарубежных странах значительно больший процент населения готов стать донором, что обеспечивает достаточный объем органов для трансплантации. В России же нехватка доноров – серьезное препятствие для развития трансплантационной медицины.

Для улучшения ситуации с трансплантацией органов и тканей в России необходимы комплексные меры:

– повышение уровня информированности населения. Необходимо проводить широкие информационные кампании, распространять достоверную информацию о донорстве и развеивать мифы и предрассудки;

– усовершенствование законодательства. Необходимо устранить пробелы в законодательстве, упростить процедуру донорства и обеспечить ее прозрачность;

– развитие инфраструктуры. Необходимо увеличить финансирование трансплантационных программ, создать больше специализированных центров и обеспечить доступ к современным технологиям;

– обучение медицинского персонала. Необходимо повысить квалификацию врачей и медицинского персонала, занимающихся трансплантацией.

Только путем реализации этих мер Россия сможет приблизиться к уровню развития трансплантационной медицины, достигнутому в развитых странах. Это позволит спасти больше жизней и улучшить качество жизни пациентов, нуждающихся в трансплантации органов и тканей.

Также, исходя из опыта зарубежных стран, считаем необходимым внести в ч. 4 ст. 47 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» следующие изменения: в ст. 47 «Донорство органов и тканей человека и их трансплантация (пересадка)» ч. 4 изложить в следующей редакции: «Изъятие органов и тканей для трансплантации (пересадки) допускается у живого донора при наличии его информированного добровольного согласия. Если донором является несовершеннолетнее лицо, требуется письменное согласие родителей, а также разрешение органов опеки».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Donor education campaigns since the introduction of the Dutch organ and donation act: increased cohesion between campaigns has paid off / R. Coppen [et al.] // Transplant International. 2010. Vol. 23. P. 1239.

2. Романов С. В. Медико-социологическое исследование современных проблем пересадки органов и направления совершенствования региональной программы трансплантации (по материалам Нижегородской области) : автореф. дис. ... д-ра мед. наук : 14.02.05; 14.02.03. М., 2020.

3. О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 (с изм. и доп.). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 09.11.2024).

4. Antoine C., Legendre Ch. Organ Transplantation in France // Transplantation. 2017. Vol. 101, is. 3. P. 445–448.

5. Трансплантация органов в России: 2023 год // URL: https://rustransplant.com/transplantacziya-organov-v-rossii-2023-god/ (дата обращения: 19.10.2023).

6. Третьякова Е. С., Атаманюк Я. Д. Проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека в международном и национальном праве // Новый юридический вестник. 2020. № 7(21). С. 64–65.

УДК 347.441.62

Плюснина Ольга Витальевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
o_plusnina@kosgos.ru

Безрукавая Полина Павловна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
pollibz@mail.ru

Некоторые аспекты толкования непоименованных договоров в индивидуально-правовом регулировании

В настоящей статье приведено исследование теоретических аспектов природы и механизма толкования непоименованных договоров в отечественном законодательстве. В работе затрагиваются вопросы правового регулирования механизма толкования непоименованных договоров в индивидуально-правовом регулировании. Основной акцент сделан на практических вопросах изучения существующего механизма толкования непоименованных договоров в индивидуально-правовом регулировании, а также авторами предложен новый вариант толкования непоименованных договоров в индивидуально-правовом регулировании. Статья содержит обоснование необходимости закрепления механизма толкования непо-

© Плюснина О. В., Безрукавая П. П., 2025

именованных договоров в индивидуально-правовом регулировании, а также описание положительных эффектов.

Ключевые слова: *норма права, свобода договора, самостоятельность субъектов, договорное право, непоименованный договор, толкование договора.*

Plyusnina Olga Vitalievna,
candidate of law, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Bezrukavaya Polina Pavlovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Some aspects of the interpretation of unnamed contracts in individual legal regulation

This article provides a study of the theoretical aspects of the nature and mechanism of interpretation of unnamed contracts in Russian legislation. The paper deals with the issues of legal regulation of the mechanism of interpretation of unnamed contracts in individual legal regulation. The main emphasis is placed on practical issues of studying the existing mechanism of interpretation of unnamed contracts in individual legal regulation, as well as the authors propose a new interpretation of unnamed contracts in individual legal regulation. The article contains a justification for the need to consolidate the mechanism of interpretation of unnamed contracts in individual legal regulation, as well as a description of the positive effects.

Keywords: *rule of law, freedom of contract, independence of subjects, contract law, unnamed contract, interpretation of the contract.*

Стороны правоотношений в рамках отечественного законодательства вправе заключить любой вид договора, как предусмотренный, так и не предусмотренный нормативными правовыми актами (п. 2 ст. 421 ГК РФ), т. е. непоименованные договоры [6]. При этом стороны гражданско-правовых отношений должны использовать свое субъективное право так, чтобы не нарушать права и свободы других лиц, действовать добросовестно, не злоупотреблять принципом свободы договора, содействовать в осуществлении прав и конечно должны учитывать последствия своих действий [2].

Легальной дефиниции непоименованного договора в действующем гражданском законодательстве нет, вследствие чего в цивилистической доктрине дискуссионными являются вопросы о возможности существования непоименованных договоров, его понятия и квалифицирующих признаков, взаимосвязи с основополагающими принципами, в частности, с принципом свободы договора, а также соотношение со смешанными договорами.

Чтобы понимать существо категории, о которой будет идти речь далее, логичным представляется определиться с определением понятия непоименованного договора.

Г. Р. Аминева и Е. В. Ахтямова считают, что непоименованный договор – это «договор, который напрямую не предусмотрен действующим законодательством, однако ему не противоречит, и не соответствует квалифицирующим при-

знакам отдельных закрепленных в законодательстве видов поименованных договоров» [1].

Е. А. Орлова указывает, что непоименованный договор – это «договор, который не предусмотрен законом или иными правовыми актами (п. 2 ст. 421 ГК РФ), но не противоречит им». При этом автор отмечает, что договор считается непоименованным и в том случае, если «он фактически в законе поименован (упомянут), но не урегулирован надлежащим образом» [5].

Е. С. Злыгостев под непоименованным договором представляет такой договор, который «не предусмотрен законом и иными нормативно-правовыми актами и, вместе с тем, не противоречит действующему законодательству Российской Федерации, а также не имеет квалифицирующих признаков отдельных, закрепленных в законодательстве, видов договоров» [3].

На основании определения понятия можно выделить основные характерные черты непоименованных договоров:

а) отсутствие прямо закрепленного вида договора в действующем гражданском законодательстве, т. е. определенная степень новизны договорной конструкции;

б) непротиворечие непоименованного договора действующему законодательству, – реализация принципа свободы договора в данном случае предполагает, что непоименованный договор не предусмотрен законом и иными нормативными правовыми актами РФ, но и не противоречит им (п. 2 ст. 421 ГК РФ);

в) непоименованный договор должен отвечать общим началам договорного и обязательственного права.

Толкование гражданского договора – это сложный процесс определения смысла и содержания договора на основе его текста, целей и характера договора, а также с учетом общепринятых правил толкования договора. В соответствии со ст. 431 Гражданского кодекса РФ, при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом. Если указанные правила не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон [6]. Также в Постановлении Пленума № 49 законодателем закреплены положения о толковании закона, согласно которым условия договора подлежат толкованию в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, а буквальное толкование слов и выражений означает, что их значение определяется с учетом их общепринятого употребления любым участником гражданского оборота, действующим разумно и добросовестно, если иное значение не следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела (п. 43) [4]. Важно подчеркнуть, что условия договора подлежат толкованию таким образом, чтобы не позволить какой-либо стороне договора извлекать преимущество из ее незаконного или недобросовестного поведения. Толкование

договора не должно приводить к такому пониманию условия договора, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду. Интересным представляется, что при толковании условий договора суд с учетом особенностей конкретного договора вправе применить как приемы толкования, прямо установленные гражданским законодательством, иным правовым актом, вытекающие из обычаев или деловой практики, так и иные подходы к толкованию (п. 46), однако, при исследовании правоприменения относительно толкования договоров, мы не смогли найти пример, из которого бы прямо следовала практика применения иных подходов к толкованию. Из этого следует, что суды применяют установленные законодателем способы толкования.

Относительно непоименованных договоров, логично полагать, что их толкование – это процесс анализа и интерпретации условий договоров, которые не имеют строго определенного наименования или не подпадают под категорию традиционных договоров. Основываясь на общепринятых законодательных положениях, мы считаем, что основные этапы этого процесса могут включать следующие шаги:

1) определение основных условий договора в целях выявления ключевых условий и обязательств сторон; это могут быть предмет договора, права и обязанности сторон, порядок исполнения и другие аспекты;

2) необходимо проанализировать намерения сторон, которые они преследовали при заключении договора, для того, чтобы интерпретировать неясные или двусмысленные формулировки;

3) использование аналогий с поименованными, традиционными договорами, к примеру, купли-продажи, аренды, подряда и т. д., чтобы установить правила и стандарты, которые могут применяться в случае, если это возможно;

4) следует использовать контекстную интерпретацию, т. е. использовать контекст, в котором был заключен договор, например, включать предшествующие переговоры, устанавливающие практики в отрасли и обычаи.

5) надлежит обращать внимание на применимые законодательные нормы и правила, которые могут касаться подобного рода обязательств;

6) при толковании следует учитывать общее правило добросовестности и разума, что подразумевает принятие справедливых решений в интересах обеих сторон;

7) учитывать доказательства и объяснения сторон, ведь при необходимости они могут подать доказательства, которые подтверждают их понимание условий договора, – письма, электронные сообщения или другие документы.

Очевидно, что толкование непоименованных договоров требует внимательности и глубокого понимания намерений сторон, а также законодательства, регулирующего соответствующие отношения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминева Г. Р., Ахтямова Е. В. Реализация принципа свободы договора в непоименованных договорах. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-svobody-dogovora-v-nepoimenovannyh-dogovorah (дата обращения: 06.11.2024).

2. Герасимова Е. В. Правовое значение принципа свободы договора в гражданских правоотношениях. URL: https://moluch.ru/archive/415/91602/ (дата обращения: 06.11.2024).

3. Злыгостев Е. С. Непоименованный и смешанный договоры в системе гражданского права Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nepoimenovannyy-i-smeshannyy-dogovory-v-sisteme-grazhdanskogo-prava-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 06.11.2024).

4. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : Постановление Пленума ВС от 25 декабря 2018 года № 49. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 04.11.2024).

5. Орлова Е. А. Специфика правового регулирования отдельных непоименованных договоров. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-pravovogo-regulirovaniya-otdelnyh-nepoimenovannyh-dogovorov (дата обращения: 06.11.2024).

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : с изм. и доп. на 24 июля 2023 года : принят Государственной Думой 21 октября 1994 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 04.11.2024).

УДК 349.3

Семеняк Маргарита Андреевна,
студент, Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российская Федерация
r-semenyak28@mail.ru

Васильева Анастасия Валерьевна,
старший преподаватель,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российская Федерация
a.vasilievavasiliewa@yandex.ru

Проблемы использования материнского капитала в Российской Федерации

В Российской Федерации действуют дополнительные меры государственной поддержки семей, имеющих детей, одной из таких мер выступает материнский капитал, который реализуется в России с 2007 года. В данной статье изучаются теоретические аспекты материнского капитала как формы социальной поддержки семей. Акцентируется внимание на некоторых проблемных моментах использования материнского капитала в Российской Федерации, ввиду наличия пробелов в законодательном регулировании в данной сфере.

© Семеняк М. А., Васильева А. В., 2025

Ключевые слова: *материнский капитал, улучшение жилищных условий, государственная поддержка, образование, семья, дополнительные меры государственной поддержки, реализация права на материнский капитал.*

Semenyak Margarita Andreevna,
student, Far Eastern Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Vasilyeva Anastasia Valeryevna,
senior lecturer,
Far Eastern Law Institute (branch)
University of the prosecutor's office of the Russian Federation,
Vladivostok, Russian Federation

Problems of using maternity capital in the Russian Federation

In the Russian Federation, there are additional measures of state support for families with children, one of such measures is maternity capital, which has been implemented in Russia since 2007. This article studies the theoretical aspects of maternity capital as a form of social support for families. Attention is focused on some problematic aspects of the use of maternity capital in the Russian Federation, due to the presence of gaps in legislative regulation in this area.

Keywords: *maternity capital, improvement of housing conditions, state support, education, family, additional measures of state support, exercise of the right to maternity capital.*

Понятие «социальное государство» закреплено в качестве конституционных характеристик современного российского государства. Ввиду того, что семья является важнейшим социальным институтом, государственная политика нацелена на обеспечение поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, а также на установление различных социальных выплат, ориентированных на поддержание достойного уровня жизни семей.

В последнее время в социокультурном направлении все более актуальными становятся вопросы, касающиеся изменений в демографическом составе населения. Тенденции, происходящие в семейно-брачных отношениях, указывают на то, что семья как одна из главных ценностей общества теряет свою значимость. Это происходит на фоне экономических, медицинских трудностей, проблем с покупкой жилья и получением образования, а также сложностей с трудоустройством.

Одним из инструментов их решения выступил материнский капитал, идея о котором впервые была произнесена в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации в 2006 году. Материнский капитал представляет собой один из видов социальной помощи, целью которой является содействие повышению уровня рождаемости.

В соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» под материнским капиталом понимается средства федерального бюджета, переда-

ваемые в бюджет Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации (Социальный фонд России) на реализацию дополнительных мер государственной поддержки [5].

Материнский капитал как государственная программа поддержки семей набирает популярность, так, согласно официальной статистике данным правом воспользовались, начиная с 2024 года, более 250 тысяч семей.

В ст. 3 вышеупомянутого Федерального закона закреплен список лиц, которые имеют право на получение материнского капитала при рождении (усыновлении) ребенка (детей) [5]. Данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Важно отметить, что данное право может возникнуть у ребенка, в случае смерти матери и отца (усыновителей), совершения умышленного преступления в отношении ребенка, лишении или ограничении в родительских правах и т. д.

Изначально на финансовую поддержку со стороны государства могли претендовать лишь те лица, которые имели двоих и более детей, однако на сегодняшний момент законодатель расширил такую возможность и для родителей, у которых появился только первый ребенок.

Лица, получившие материнский капитал, могут распоряжаться его средствами в полном объеме на улучшение жилищных условий; получение образования ребенка; формирование накопительной пенсии для лиц, имеющих право на его получение; приобретение товаров и услуг, предназначенных для детей-инвалидов, а также на получение ежемесячной выплаты до достижения ребенком возраста трех лет. Стоит подчеркнуть, что использовать средства данной меры государственной поддержки можно сразу по нескольким направлениям.

Вместе с тем, на сегодняшний день наблюдается ряд вопросов, связанных с реализацией права на материнский капитал, что отражается в достаточно значительной правоприменительной и судебной практике в указанной области.

Применение средств материнского капитала на улучшение жилищных условий является наиболее популярным направлением. Законодатель предусмотрел императивную норму, согласно которой доли в праве собственности на жилое помещение, приобретенное с использованием средств материнского капитала, определяются исходя из равенства долей родителей и детей на средства материнского капитала, а не на все средства, за счет которых было приобретено жилое помещение. При разделе такого вида жилого помещения, которое не было оформлено в общую собственность как родителей, так и несовершеннолетних детей, возникают вопросы, как определять доли детей в праве собственности на такое жилое помещение.

Так, судом в порядке первой инстанции было рассмотрено гражданское дело о разделе собственности супругов, куда была включена квартира, купленная за счет полученного ими кредита. При этом часть ипотечного кредита была погашена за счет средств материнского капитала. Суд пришел к выводу о том, что право совместной собственности супругов на квартиру прекращается в связи с признанием права собственности двух несовершеннолетних детей на данную квартиру по 1/10 доли на каждого из них, что соответствует 1/4 доли средств материнского капитала у каждого, доли супругов в праве общей собст-

венности на квартиру составили 10/25 доли за каждым. Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменений [1].

Анализируя судебную практику, можно столкнуться с еще одной проблемой – увеличение случаев обналичивания материнского капитала. Одна из таких распространенных схем является заключение фиктивного договора займа с соответствующими компаниями для приобретения жилья. Так, лицо, имеющее право на получение материнского капитала в соответствии с Федеральным законом № 256-ФЗ, предоставляет такой вид договора в Социальный фонд России для получения средств на приобретение несуществующей недвижимости, либо недвижимости непригодной для проживания [3, с. 28]. Законодатель предусмотрел уголовную ответственность за совершение подобных действий, благодаря этому поставил под защиту общественные отношения в сфере социального обеспечения.

Судом первой инстанции рассмотрено гражданское дело по иску прокурора о взыскании неосновательного обогащения. Лицо, получившее материнский капитал после рождения второго ребенка, было привлечено к ответственности по ст. 152.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, был заключен договор займа, на средства которого якобы данное лицо должно было приобрести несуществующее в действительности жилое помещение, заведомо зная, что распорядится денежными средствами на свое усмотрение, на цели, не связанные с улучшением жилищных условий. Средства, полученные по договору займа, были погашены за счет материнского капитала. Суд пришел к выводу об удовлетворении искового заявления и взыскании денежных средств в пользу Социального фонда России [4].

В научной среде поднимается вопрос о возможности перехода права на получение материнского капитала при разводе супругов, имеющих общих детей. Действительно, законодатель не предусмотрел ситуации, когда при разводе супругов по решению суда дети остаются проживать с отцом, однако денежные средства выдаются матери. В таком случае необходимо законодательно закрепить механизм, который будет регулировать процесс перехода права на получение данной меры государственной поддержки тому родителю, с кем в дальнейшем будут проживать их совместные несовершеннолетние дети [2, с. 153].

Материнский капитал может быть израсходован на образование ребенка, при этом необходимо соблюсти следующие условия: образовательная организация должна находиться на территории Российской Федерации и иметь лицензию с государственной аккредитацией; ребенку, на обучение которого реализуется данное право, должно быть не более 25 лет. С 2018 года законодатель расширил возможности использования средств и на оплату яслей, детских садов, в том числе частных.

В действующем законодательстве предусмотрено использование средств материнского капитала на обучение старшего ребенка в семье, но только при условии, что ребенок, с рождением которого был получен материнский капитал, должен достичь возраста не менее трех лет. Часто семьи испытывают материальные трудности в период, а также после отпуска по уходу за ребенком, поэтому, по нашему мнению, есть необходимость снять это возрастное ограничение

для семей, действительно имеющих трудности с финансами, если данный факт будет подтвержден соответствующей документацией.

К тому же в правовом поле имеется вопрос, связанный с тем, как воспользоваться материнским капиталом на обучение ребенка, с появление которого появилось право на данное пособие, если средства были потрачены на образование старшего ребенка.

Нельзя не согласиться с Ю. Н. Гончаровой, которая считает, что необходимо расширить перечень лиц, которые могут воспользоваться материнским капиталом на образование, например, на обучение матери. Зачастую именно рождение ребенка является одной из основных причин, по которой мать не может его пройти, поэтому рациональным было бы разрешить на законодательном уровне использование денежных средств в области образования матери [2, с. 152].

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что материнский капитал как дополнительная мера государственной поддержки семей, имеющих детей является одним из наиболее эффективных инструментов для решения демографических вопросов в Российской Федерации.

К тому же, материнский капитал является довольно сложной системой, которая нуждается в постоянном мониторинге и обновлении, ввиду развития социально-экономических отношений. Тем не менее, на сегодняшний день наблюдаются пробелы в законодательном регулировании, что порождает проблемы его полноценного функционирования.

По нашему мнению, есть необходимость в расширении списка расходования средств материнского капитала на федеральном уровне, а также в решении вышеуказанных проблем, что в конечном итоге приведет к более качественному использованию его на практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Владимирского областного суда от 6 марта 2019 г. по делу № 33-858/2019. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

2. Велиева Э. Ш., Гулевич И. В. Материнский капитал: современное состояние, отдельные аспекты реализации права на материнский капитал // Modern Science. 2020. № 2-1. С. 150–154.

3. Волокитина М. О., Майоров А. Ф. Мошенничество в сфере материнского капитала: незаконное обналичивание средств материнского капитала // Потенциал российской экономики и инновационные пути его реализации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (г. Омск, 28 апреля 2022 года) / под ред. Т. В. Ивашкевич, А. И. Ковалева, О. В. Фрик, Д. В. Саврасовой. Омск : Омск. филиал Финанс. ун-та при Правительстве Российской Федерации, 2022. С. 27–30.

4. Приговор № 1-539/2023 от 25 августа 2023 г. по делу № 1-539/2023. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

5. Федеральный закон от 29.12.2006 года № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.11.2024).

УДК 346.7

Слаутина Алина Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
sslautinaa@mail.ru

Правовое регулирование предоставления косметологических услуг: проблемы лицензирования и пути их преодоления

В статье рассматривается проблема, связанная с активным развитием косметологических услуг и отсутствием четкой нормативной базы, регулирующей эту сферу деятельности. Особое внимание уделяется различиям в лицензировании медицинской деятельности в России и за рубежом, предлагается ввести обязательное требование для получения лицензии на осуществление медицинской деятельности – наличие высшего медицинского образования и прохождение дополнительных курсов повышения квалификации. Предложено разработать более эффективные меры регулирования косметологической отрасли с целью обеспечения безопасности пациентов.

Ключевые слова: *эстетическая медицина, косметология, лицензирование, лицензионное требование, косметологические услуги, косметические услуги.*

Slautina Alina Alekseevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Legal regulation of the provision of cosmetology services: licensing problems and ways to overcome them

The article deals with the problem associated with the active development of cosmetology services and the lack of a clear regulatory framework governing this area of activity. Special attention is paid to the differences in licensing medical activities in Russia and abroad, and it is proposed to introduce a mandatory requirement for obtaining a license to carry out medical activities – having a higher medical education and passing additional advanced training courses. It is proposed to develop more effective measures for regulating the cosmetology industry in order to ensure patient safety.

Keywords: *aesthetic medicine, cosmetology, licensing, licensing requirement, cosmetology services, cosmetic services.*

Лицензирование косметологических услуг является инструментом государственного регулирования, направленным на обеспечение контроля высокого

© Слаутина А. А., 2025

уровня качества и безопасности в данной сфере и защиту прав и законных интересов потребителей.

В настоящее время все большую популярность не только за рубежом, но и в России приобретает рынок оказания косметологических и эстетических услуг. По данным, взятым из официальных источников, «серый» рынок косметологии растет с каждым годом, а в 2024 году достиг рекордных объемов. В средствах массовой информации отмечается, что в России «доля нелегальных медицинских изделий, используемых в эстетической медицине, оценивается в 40 % от общего объема рынка. Специалисты прогнозируют, что к концу 2024 года количество нелегальных косметологических препаратов увеличится как минимум на 5 %. Среди причин подобной тенденции эксперты выделяют уход с отечественного рынка ряда западных брендов, а также плохое регулирование отрасли» [1].

Актуальность и значимость рассматриваемого вопроса определена активным распространением и обсуждением перспектив достижения желаемых результатов без необходимости «хирургического» вмешательства, при этом с меньшими временными и финансовыми затратами. В современном обществе существуют статистически значимые различия в сравнении с интенсивным ростом индустрии красоты, который значительно опережает процесс разработки правовых норм, регулирующих данную сферу деятельности и научных положений.

В настоящее время наблюдается дефицит нормативно-правовой базы, регламентирующей лицензирование косметологической отрасли. Это касается как лицензионных требований к организациям, предоставляющим косметологические услуги, так и требований к образовательной подготовке специалистов в области эстетической медицины.

Медицинская деятельность в области косметологии подлежит лицензированию, с указанием в приложении перечня оказываемых услуг, в соответствии с Федеральным законом от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», постановлением Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 «Об утверждении положения о лицензировании медицинской деятельности», постановлением Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 4 октября 2012 года № 1006», приказом Минздравсоцразвития России от 18.04.2012 № 381н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи населению по профилю «Косметология». Соблюдение Порядка оказания медицинской помощи является лицензионным требованием [5, с. 51-55].

Федеральный закон № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» является нормативным правовым актом, регулирующим процедуры получения лицензий на осуществление определенных видов деятельности в Российской Федерации. В законодательной базе существует исчерпывающий перечень работ (услуг), составляющих медицинскую деятельность, утвержденный Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключени-

ем указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») от 1 июня 2021 года № 852. В данный перечень включено оказание услуг (работ) по косметологии.

Требование о наличии у специалистов медицинского образования и права на осуществление медицинской деятельности закреплено в п. 1 ст. 69 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Конкретизация данного положения содержится в приказе Минздрава России от 02.05.2023 № 206н, в котором указано, что косметологи должны иметь высшее образование по специальности «Лечебное дело», «Педиатрия», подготовку в интернатуре/ординатуре по специальности «Дерматовенерология» и профессиональная переподготовку по специальности «Косметология».

Существует необходимость проведения четкого разграничения между понятиями «косметологические услуги» и «косметические услуги», поскольку эти термины ошибочно воспринимаются как тождественные. В ходе косметологической процедуры нарушается целостный характер организма человека, или же косметолог вмешивается в биологические процессы, сопряженные с функционированием организма [2, с. 45].

Косметические услуги являются бытовыми и направлены на поверхностный уход, не нарушающий кожный покров. Следовательно, они не требует лицензирования. Неверное представление существенной разницы между данными определениями порождает нарушение требований лицензионного законодательства и способствует развитию теневого рынка косметологии. Поскольку в настоящее время некоторые салоны красоты и другие организации, имеющие право предоставлять только косметические услуги, берут на себя ответственность за проведение различных инвазивных, аппаратных и других видов косметологических процедур. Речь идет о так называемом «теневом» рынке косметологических услуг, объемы которого стремительно увеличиваются. К этому же сегменту можно отнести и косметологов, предоставляющих свои услуги в нелицензированных заведениях, таких как «салоны на дому». Е. А. Шолом полагает, что подобные серьезные медицинские вмешательства следует осуществлять исключительно в специализированных учреждениях. С этим нельзя не согласиться, поскольку подобный подход повысит степень вероятности соблюдения специалистами всех необходимых санитарно-эпидемиологических норм и гигиенических требований [3, с. 16–17].

Говоря о получении лицензии в Российской Федерации, стоит отметить, что в настоящее время ее могут получить только индивидуальные предприниматели и юридические лица, в то время как за рубежом получателями лицензий являются физические лица, а именно врачи. Н. С. Посулихина отмечает, что данный подход является наиболее рациональным, рассматривая его со стороны распределения рисков по оказанию некачественной медицинской помощи и ответственности медицинских работников [4, с. 32].

За всю историю развития лицензирования медицинской деятельности уже неоднократно поднимался вопрос о введении лицензирования врача, который так и остался неразрешенным. Безусловно, это является проблемой и ведет

к ряду негативных последствий. Получается, что руководитель соответствующей организации, которой оказывается медицинская помощь, отвечает за всех врачей, работающих в штате этой организации.

Предлагается внести дополнение в пункт 5 Положения о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») от 1 июня 2021 года № 852 о лицензионном требовании, предъявляемом к соискателю лицензии на осуществление медицинской деятельности: «наличие у соискателя высшего медицинского образования, а также прохождение дополнительных курсов повышения квалификации в области, соответствующей предоставлению услуг».

Обоснование предлагаемого дополнения базируется на анализе норм и практик их применения, а также на опыте других стран, где проблемы решаются иным способом.

Реализация предложенных изменений позволит повысить уровень профессионализма специалистов и обеспечить безопасность пациентов.

В решении данных проблем также требуется необходимость проведения масштабного информирования населения и, в результате, высокой степени правовой грамотной осведомленности граждан, желающих обратится за оказанием подобных услуг. Информирование предполагает собой предупреждение об опасности проведения косметологических услуг на дому, в салонах красоты или клиниках, не имеющих лицензий на оказание такого рода услуг, а также о неблагоприятных последствиях, затрагивающих здоровье. Пациентам следует удостовериться в наличии у специалиста документа, подтверждающего право на осуществление медицинской деятельности в области косметологии, который должен быть внесен в Единый реестр лицензий, доступный на официальном сайте Росздравнадзора.

Осуществление медицинской деятельности в сфере косметологии без соответствующего специального разрешения (лицензии) является незаконным и подпадает под административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях.

Для предотвращения подобных правонарушений органы государственной власти, включая Министерство здравоохранения РФ, проводят проверки медицинских учреждений на наличие специального разрешения для осуществления эстетической медицины. Кроме того, Росздравнадзор имеет право осуществлять внеплановые проверки на основании жалоб клиентов. Однако контроль за деятельностью лиц, предоставляющих косметологические услуги нелегально, например, на дому, затруднен.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тени века // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6790022 (дата обращения: 25.11.2024).

2. Набиджанова З. К. Правовое регулирование медицинской деятельности на рынке медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2014. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01005551793 (дата обращения: 25.11.2024).

3. Посулихина Н. С. Административно-правовые процедуры лицензирования медицинской деятельности: историко-теоретический аспект : монография. URL: https://vk.com/doc140073505_526904532? hash=21b4d8946610765dd5&dl=1adb1522f0b2d7d3c4 (дата обращения: 25.11.2024).

4. Шолом Е. А. Договор возмездного оказания косметологических услуг : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2010. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01004610854 (дата обращения: 25.11.2024).

5. Каминская О. Н., Самусь И. В., Грачева Т. Ю. Частная система здравоохранения: правовые аспекты лицензирования. URL: http://elib.fesmu.ru/Article.aspx?id=299109 (дата обращения: 25.11.2024).

УДК 349.6

Талицина Юлия Владимировна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
talitsina21@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
melnikk44@gmail.com

Актуальные проблемы правового регулирования численности объектов животного мира, отнесенных к охотничьим ресурсам

Охотничьи ресурсы являются важным компонентом биологического разнообразия и играют значительную роль в функционировании экосистем. Однако их численность подвержена постоянным колебаниям, обусловленным как природными факторами, так и антропогенным воздействием. Эффективное правовое регулирование численности охотничьих животных необходимо для обеспечения устойчивого использования этих ресурсов и сохранения их популяций для будущих поколений. В настоящей статье рассматриваются актуальные проблемы существующего правового регулирования, выявляются недостатки и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: *охотничьи ресурсы, регулирование численности, охрана и использование объектов животного мира.*

Talitsyna Julia Vladimirovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

© Талицина Ю. В., Мельников И. Н., 2025

Actual problems of legal regulation of the number of wildlife objects classified as hunting resources

Game resources are an important component of biological diversity and play a significant role in the functioning of ecosystems. However, their numbers are subject to constant fluctuations due to both natural factors and anthropogenic impact. Effective legalregulation of the number of game animals is necessary to ensure the sustainable use of these resources and the preservation of their populations for future generations. This article examines the current problems of existing legal regulation, identifies shortcomings and suggests ways to solve them.

Keywords: *hunting resources, population regulation, protection and use of fauna objects.*

Управление численностью охотничьих животных – задача, имеющая как экономическое, так и экологическое значение. С одной стороны, охота традиционно служит источником продовольствия, доходов и способствует регулированию численности популяций. С другой стороны, неконтролируемая охота может привести к истощению, а в ряде случаев – к полному исчезновению отдельных видов, нарушив хрупкое равновесие в экосистемах и нанеся непоправимый ущерб биоразнообразию. Поэтому эффективное и устойчивое управление охотничьими ресурсами является одной из ключевых задач природоохранной деятельности.

Одним из важных факторов, влияющих на сохранение объектов животного мира, является деятельность человека. Она проявляется, например, в создании особо охраняемых природных территорий, проведении биотехнических мероприятий, а также регулировании численности объектов животного мира.

О. Г. Щедрина регулирование численности определяет как мероприятия, направленные на упорядочивание численности конкретного объекта животного мира на определенной территории (охотничьем угодье) и приведение его к оптимальной численности, путем снижения их плотности (отстрел, отлов, переселение) или увеличения (гибридизация, переселение, разведение), в целях достижения баланса между различными видами животного мира и, как следствие, баланса в природе [5].

В соответствии со ст. 27 Федерального закона «О животном мире», целями регулирования численности объектов животного мира, являются: охрана здоровья населения, устранение угрозы для жизни человека, предохранение от заболеваний сельскохозяйственных и других домашних животных, предотвращение нанесения ущерба народному хозяйству, животному миру и среде его обитания [4].

Регулирование численности охотничьих ресурсов в России осуществляется в соответствии с федеральным и региональным законодательством, а также нормативными актами, регулирующими охотничье хозяйство и охрану животных. Законодательство, затрагивающее данный вопрос, на сегодняшний день несовершенно.

Так, Порядок принятия решения о регулировании численности охотничьих ресурсов, утвержденный Приказом Минприроды России от 13.01.2011 № 1 «Об утверждении порядка принятия решения о регулировании численности охотничьих ресурсов и его формы» (далее – приказ Минприроды № 1), позво-

ляющий принимать решения о регулировании численности охотничьих ресурсов в случае причинения особи травм, не позволяющих ей самостоятельно передвигаться, в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), требует более детальной проработки [1, 2].

Помимо ДТП существует множество причин, по которым особь могла получить травмы. Соответственно, решение о регулировании численности может быть принято не только в случае ДТП, но и при наличии других обстоятельств, приводящих к травмам, не позволяющим особи передвигаться. Например, стихийные бедствия, заболевания, воздействия хищников.

Учитывая, что решение о регулировании численности принимается в письменном виде за подписью руководителя уполномоченного органа с последующей выдачей разрешения на добычу и размещением текста решения на официальном сайте уполномоченного органа, сохраняется проблема реализации соответствующих полномочий в случае травмирования животных в вечернее, ночное время и в выходные, праздничные дни (за пределами установленного рабочего времени).

Принятие соответствующего решения становится проблематичным и может занять длительный промежуток времени, либо становится невозможным. Мы считаем, что такие решения должны приниматься безотлагательно, так как подобная ситуация противоречит общим принципам гуманного обращения с животными.

В связи с этим необходимо предусмотреть изменения в Порядке принятия решения о регулировании численности охотничьих ресурсов части совершенствования процедуры принятия решения по регулированию численности, в том числе с возможностью составления комиссионного (уполномоченный орган в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, уполномоченный орган в области ветеринарии, полиция) акта вынужденного отстрела.

Встречаются и обратные случаи, когда установленного законодательством срока для регулирования недостаточно для достижения конкретного результата.

Для случаев выявления угрозы нанесения ущерба здоровью граждан приказом Минприроды № 1 определяется срок регулирования численности – три календарных дня. На практике не всегда удается произвести регулирование в данный срок. Это, прежде всего, связано с особенностями жизнедеятельности объектов животного мира, подлежащих регулированию [1].

С одной стороны, необходимо обеспечить защиту здоровья и безопасности граждан, а с другой – соблюдать правила охоты, учитывать биологию животных, а также климатические условия. Приказ Минприроды России от 24 июля 2020 года № 477 «Об утверждении правил охоты» указывает, что при осуществлении охоты на пушных животных запрещается разрушение и раскопка постоянных выводковых убежищ. В случаях, когда животные, такие как бобры, могут оставаться в своих убежищах более трех дней, возникает проблема соблюдения установленных сроков для регулирования численности без нарушения их естественных убежищ [3].

В связи с этим рациональным решением может являться внесение поправок в Приказ Минприроды № 1, касающееся продления установленных сроков,

которое позволит учитывать время, необходимое животным для выхода из убежищ или установления благоприятных климатических условий [1].

Подводя итог, можно сказать, что регулирование численности охотничьих ресурсов требует комплексного подхода и учета множества факторов. Вместе с этим требуются законодательные изменения, которые способствовали бы улучшению процедур регулирования численности охотничьих ресурсов:

– необходимость расширения оснований для регулирования численности, включая не только ДТП, но и другие обстоятельства, такие как стихийные бедствия, заболевания и воздействие хищников;

– важность оперативности принятия решений, особенно в случаях, когда задержка может привести к усугублению страданий животного или создать угрозу для человека;

– пересмотр установленных сроков для регулирования численности с учетом биологии и поведения животных, а также климатических условий.

Эти предложения направлены на улучшение управления охотничьими ресурсами и повышение эффективности регулирования численности, что в свою очередь способствует сохранению биоразнообразия и гуманному обращению с животными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении порядка принятия решения о регулировании численности охотничьих ресурсов и его формы : приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13.01.2011 № 1 (ред. от 03.08.2021). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110812/ (дата обращения: 24.11.2024).

2. Об утверждении Порядка регулирования органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации численности охотничьих ресурсов, за исключением охотничьих ресурсов, находящихся на особо охраняемых природных территориях федерального значения, и о внесении изменений в Порядок принятия решения о регулировании численности охотничьих ресурсов, Форму решения о регулировании численности охотничьих ресурсов, утвержденные приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 13 января 2011 г. № 1 : приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 03.08.2021 № 533. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111300085 (дата обращения: 24.11.2024).

3. Об утверждении правил охоты: Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 24.07.2020 № 477. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008310037?index=1 (дата обращения: 24.11.2024).

4. О животном мире: Федеральный закон от 24.04.1995 № 52 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/ (дата обращения: 24.11.2024).

5. Щедрина О. Г. Регулирование численности объектов животного мира (административно-правовой аспект). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

regulirovanie-chislennosti-obektov-zhivotnogo-mira-administrativno-pravovoy-aspekt/viewer (дата обращения: 20.11.2024).

УДК 343.26

Хамзин Радик Харисович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
radik.khamzin@inbox.ru

Отдельные проблемы исполнения уголовного наказания для несовершеннолетних в виде лишения свободы

В работе рассматриваются отдельные проблемы исполнения уголовного наказания для несовершеннолетних в виде лишения свободы в воспитательных колониях, в связи с чем предложены правовые пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, лишение свободы, воспитательные колонии, уголовно-исполнительное законодательство, возрастная граница, предельный возраст пребывания в воспитательной колонии, рецидивисты, совместное проживание, дифференциация исполнения наказания, превенция.*

Khamzin Radik Kharisovich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Separate problems of execution of criminal punishment for minors in the form of imprisonment

This paper examines individual problems of the execution of criminal punishment for minors in the form of imprisonment in educational colonies, in connection with which legal solutions to the identified problems are proposed.

Keywords: *minors, imprisonment, educational colonies, penal enforcement legislation, age limit, age limit for stay in an educational colony, repeat offenders, cohabitation, differentiation of punishment, prevention.*

Преступность несовершеннолетних всегда была и в настоящее время остается актуальной проблемой для многих стран мира, включая Россию. На фоне роста социальной напряженности и ухудшения экономической ситуации, подростки зачастую становятся жертвами неблагоприятной социальной обстановки. Существующие исследования показывают, что основными факторами, способствующими преступности среди несовершеннолетних, являются: воспитание в неблагополучной семье, низкий уровень образования, социальная изоляция и отсутствие доступа к качественным образовательным и культурным ресурсам.

© Хамзин Р. Х., 2025

Несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления к наказанию в виде лишения свободы, отбывает его в воспитательной колонии системы ФСИН России. Главным фактором, определяющим условия отбывания наказания в них, является более мягкий по сравнению со взрослыми режим содержания.

Анализ статистических данных отражает стабильную тенденцию роста количества осужденных несовершеннолетних, которым было назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок: в 2020 году 2 470 несовершеннолетним назначено наказание в виде лишения свободы на определенный срок, в 2021 году 2 613 несовершеннолетних лишены свободы, в 2022 году 2 672 несовершеннолетних изолированы от общества, а в 2023 году – 2 259 [9].

Правовое регулирование исполнения наказаний в виде в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних имеет ряд проблемных аспектов, ввиду того, что законодательное регулирование не успевает своевременно реагировать на столь стремительно изменяющийся современный мир. Анализ действующего законодательства, регламентирующего вопросы исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними, научной доктрины, а также результаты эмпирических исследований по изучению практики исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, позволили нам выявить следующее.

Одной из проблем является низкая возрастная граница пребывания осужденного в воспитательной колонии, которая, согласно действующему законодательству, составляет 19 лет (ст. 139 УИК РФ) [1]. Данный аспект широко исследуется в научной литературе.

Так, К. А. Долгополов подчеркивает проблему установления верхней возрастной границы пребывания осужденного в воспитательной колонии, обращая внимание, что «нижняя возрастная граница молодежи устанавливается между 14 и 16, верхняя – между 25 и 30 и более годами; несмотря на четкое юридическое разделение возраста старшего несовершеннолетнего и младшего взрослого, с социальной точки зрения определить такую границу довольно сложно», поскольку «сознание, поведение, восприятие социальных отношений, в том числе назначения и исполнения наказания у молодежи 18–20 лет практически не отличается от молодежи 17 лет» [3]. В связи с этим, автор предлагает с целью минимизации пенитенциарной инклюзии учитывать судом возраст как смягчающего вину обстоятельства как минимум до 21 года, а также расширять практику отбывания наказания осужденного, достигшего совершеннолетия, в воспитательных колониях до 21 года включительно.

А. А. Сайдуллоев считает необходимым «повышение возрастного ценза для отбывания наказания в воспитательных колониях до 24 лет или до полного отбывания наказания», так как повышение предельного возраста «обеспечит непрерывность и системность воспитательной работы с несовершеннолетними с момента их заключения под стражу до момента освобождения, полностью и окончательно оградит несовершеннолетних от влияния взрослых преступников» [7].

Н. И. Нарышкина полагает, что «перевод осужденных 18–19 лет из воспитательных колоний в исправительные колонии общего режима может способствовать усилению их криминальной зараженности, совершению правонарушений, особенно это касается отрицательно характеризующихся осужденных» [5]. Несмотря на это, автор не усматривает целесообразности в повышении предельного возраста отбывания наказания в воспитательной колонии, предлагая в виде возможной альтернативы для перевода осужденного, достигшего совершеннолетия, из воспитательной колонии в следственные изоляторы УИС России для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию следственных изоляторов, указывая, что это «может способствовать реализации требований ч. 1 ст. 73 УИК РФ и укреплению их социально полезных связей».

На наш взгляд, повышение предельного возраста отбывания наказания в воспитательной колонии действительно было бы целесообразным для тех совершеннолетних осужденных, которые характеризуются исключительно с положительной стороны. Эффективное воспитательное воздействие и исправительный процесс обусловливаются положительно характеризующимися осужденными, и для того чтобы не прерывать исправление лица, его тягу к нормальному образу жизни, морально-психологическое состояние, влияние криминальной субкультуры, ослабленное посредствам воспитательной работы, а также выбранную модель положительного поведения осужденного, содержащегося в воспитательной колонии, по нашему мнению, необходимо повысить возрастной ценз.

В связи с вышеизложенным, мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 139 УИК РФ следующим образом: «В целях закрепления результатов исправления, завершения среднего общего образования или профессионального обучения, а также сохранения морально-психологического состояния осужденные, достигшие возраста 18 лет, и характеризующиеся исключительно с положительной стороны, могут быть оставлены в воспитательной колонии до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 21 года», что будет стимулировать осужденных в воспитательной колонии к соблюдению установленных правил и дальнейшему исправлению, а также являться гарантией их правовой и социальной защищенности.

Еще одним проблемным вопросом является совместное проживание в воспитательных колониях несовершеннолетних осужденных, совершивших преступление впервые, и ранее судимых. В соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством РФ, несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в любом виде условий (льготные, облегченные, обычные, строгие) проживают в общежитиях, которые, в сущности, находятся территориально в одной воспитательной колонии (ст. 133 УИК РФ) [1].

В научной литературе по данной проблеме отмечают следующее.

С. Л. Бабаян указывает, что «в современных воспитательных колониях совместно содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы и ранее отбывавшие данный вид наказания несовершеннолетние, осужденные за совершение преступлений различной степени тяжести, что негативно сказывается на результатах исправительного процесса» [2, с. 96].

А. И. Сычев также подчеркивает, что «в период отбывания лишения свободы в воспитательных колониях целесообразно исключить воздействие отрицательно настроенных осужденных, к которым, в частности, относятся рецидивисты, на остальную часть несовершеннолетних осужденных, ведь их совместное проживание негативно сказывается на процессе исправления» [8].

М. С. Кулешов справедливо замечает, что «воспитательные колонии являются единственными учреждениями, в которых особо распространена криминальная субкультура, которую, можно объяснить возрастными особенностями несовершеннолетних и условиями содержания разных групп спецконтингента» [4].

В целях решения сложившейся проблемы, авторы предлагают различные пути, в частности, заменить воспитательные колонии воспитательными центрами с меньшей наполняемостью [6], в структуре воспитательных колоний предусмотреть участок, функционирующий как тюрьма общего режима [2, с. 97], создать колонии двух видов – с обычным и усиленным надзором [7].

Рассматривая изоляцию осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, от остальных осужденных, в пределах одной воспитательной колонии, нам представляется целесообразным ее обеспечение путем территориально-административного деления. Такое деление осуществимо с помощью технической строительной конструкции. Получившееся ограждение позволит отделить от остальных общежитие для лиц, отбывающих наказание в строгих условиях, а по возможности, и отдельно выделенное рабочее место. Кроме конструктивных изменений, необходимо внести ряд изменений в их распорядок дня с целью непересечения их с осужденными, отбывающими наказание в иных условиях содержания. Явными преимуществами будет – незначительность затрат на зональное отделение спецконтингента, обеспечение их максимальной изоляции от остальной массы несовершеннолетних осужденных.

В правовом поле такое предложение, по нашему мнению, логично закрепить в виде дополнения ст. 133 Уголовно-исполнительного кодекса РФ ч. 5.1 следующего содержания: «5.1. Осужденные, отбывающие наказание в строгих условиях, содержатся раздельно с осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях в иных видах условий». Такое нововведение позволит обеспечить принцип дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, снизит криминогенное влияние на основную массу спецконтингента, будет иметь превентивное значение.

Таким образом, предложенные нами пути совершенствования законодательства позволят обеспечить исправительный процесс осужденных, отбывающих наказание в воспитательной колонии, будут способствовать дифференциации исполнения наказания, усилят гарантии правовой и социальной защищенности осужденных, расширят перечень мер, имеющих превентивный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 25 октября 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

2. Бабаян С. Л. Стимулирование позитивного поведения несовершеннолетних осужденных к лишению свободы, как средство исправительного воздействия и профилактики повторных преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 5. С. 94–98.

3. Долгополов К. А. К проблеме назначения уголовного наказания отдельным возрастным группам молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-naznacheniya-ugolovnogo-nakazaniya-otdelnym-vozrastnym-gruppam-molodezhi (дата обращения: 20.09.2023).

4. Кулешов М. С. Защита прав несовершеннолетних осужденных при исполнении уголовных наказаний. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-nesovershennoletnih-osuzhdennyh-pri-ispolnenii-ugolovnyh-nakazaniy (дата обращения: 01.10.2024).

5. Нарышкина Н. И. Проблема целесообразности перевода осужденных из воспитательных колоний в следственные изоляторы для дальнейшего отбывания наказания в виде лишения свободы. URL: https://elibrary.ru/ (дата обращения: 20.09.2023).

6. Писаревская Е. А. К вопросу об эффективности наказаний, назначаемых несовершеннолетним // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3(56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-effektivnosti-nakazaniy-naznachaemyh-nesovershennoletnim (дата обращения: 01.10.2024).

7. Сайдуллоев А. А. Применение принципа равенства прав в отношении несовершеннолетних осужденных. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-printsipa-ravenstva-prav-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-osuzhdennyh (дата обращения: 20.09.2023).

8. Сычев А. И. Особенности исполнения лишения свободы в отношении осужденных несовершеннолетних. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ispolneniya-lisheniya-svobody-v-otnoshenii-osuzhdennyh-nesovershennoletnih (дата обращения: 01.10.2024).

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020, 2021, 2022 годы. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 347.426.42

Царева Полина Сергеевна,
студент, Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского,
г. Москва, Российская Федерация
Pollytsareva2004@yandex.ru

Актуальные проблемы реализации института компенсации морального вреда в Российской Федерации

Анализ института компенсации морального вреда в Российской Федерации выявляет серьезные проблемы в действующем гражданском законодательстве, которые препятствуют эффективной реализации прав граждан на возмещение ущерба. Одной из основных трудностей является отсутствие четких критериев и методик для определения размера компенсации, что приводит к субъективизму и неоднородности судебной практики. Следствием этого является незначительный размер выплат, не соответствующий действительному моральному вреду, причиненному потерпевшим. Отдельное внимание автор статьи уделяет внешней подсудности по делам о компенсации морального вреда, где истцом выступает индивидуальный предприниматель.

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, гражданское право, права и свободы человека и гражданина, ущерб, внешняя подсудность.*

Tsareva Polina Sergeevna,
student, Zhirinovsky University of World Civilizations,
Moscow, Russian Federation

Actual problems of the implementation of the institute of compensation for moral damage in the Russian Federation

An analysis of the institution of compensation for moral damage in the Russian Federation reveals serious problems in the current civil legislation that impede the effective exercise of citizens' rights to compensation for damage. One of the main difficulties is the lack of clear criteria and methods for determining the amount of compensation, which leads to subjectivity and heterogeneity of judicial practice. The consequence of this is an insignificant amount of payments that does not correspond to the actual moral harm caused to the victims. The author of the article pays special attention to external jurisdiction in cases of compensation for moral damage, where the plaintiff is an individual entrepreneur.

Keywords: *compensation for moral damage, civil law, human and civil rights and freedoms, damage, external jurisdiction.*

Компенсация морального вреда представляет собой важный инструмент правового реагирования на нарушения нематериальных благ граждан, однако в России данный инструмент не находит должного применения из-за упомянутых недочетов законодательства. Практика показывает, что суды зачастую присуждают компенсации в размерах, не отражающих реальную степень мораль-

© Царева П. С., 2025

ных страданий, что умаляет значение института компенсации морального вреда как средства правовой защиты.

В первых договорах между киевскими князьями и византийскими императорами явно прослеживается проявление института компенсации морального вреда, который вызван убийством близкого родственника, это наносило психологических вред близким погибшего и в качестве компенсации они имели право получить имущество убийцы, что является справедливым [4].

Несмотря на то, что данный институт в нашем государстве зародился уже давно, он все еще полностью не сформировался в должной степени, законодательное урегулирование основных проблем и пробелов в институте компенсации вреда помогло бы укрепиться данному институту в России.

Говоря о законодательной базе, регулирующей данный вопрос, стоит отметить несколько нормативно-правовых актов: Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 12, ст. 150–152, ст. 1099–1101); Закон РФ «О защите прав потребителей» (ст. 15). Среди судебных актов необходимо выделить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

Российская судебная практика показывает достаточно негативный результат по присуждению моральной компенсации, по статистике суд урезает исковые требования минимум в два раза, что приводит к тому, что истцы начинают завышать размер компенсации для того, чтобы получить нужную сумму [3]. Гражданское законодательство настаивает на том, что компенсация за моральные страдания должна быть обоснованной и соразмерной. Однако понятия «разумности» и «справедливости» несут в себе высокий уровень субъективности, что порождает определенные трудности при их правоприменении.

Критерии для оценки морального вреда должны быть четко прописаны в законе, чтобы обеспечить их объективное и однозначное толкование. В настоящее время размер компенсации устанавливается судом в каждом конкретном случае, что приводит к неоднородности судебной практики. Это, в свою очередь, может вызывать различные толкования и применения закона, что негативно сказывается на принципах справедливости и предсказуемости в праве.

Возможно, стоит ввести понятие базовых ставок компенсации, учитывая различные категории морального вреда, что поможет судам определять размер компенсации более конкретно и объективно.

Для правоприменителей и заинтересованных лиц крайне важно иметь ясные и точные руководства, которые позволят оценивать моральный вред не только справедливо, но и с учетом установленных правовых стандартов. Это обеспечит защиту прав граждан и предотвратит случаи произвольного и необоснованного назначения сумм компенсации, что в свою очередь повысит доверие к правосудию и укрепит правовую систему в целом.

Законодательство не может установить унифицированные стандарты для данного института, это было бы нецелесообразно ввиду того, что оснований для компенсации морального вреда несколько, вред, нанесенный действием или бездействием тоже различен, степень вины лица, который нанес моральный вред также дифференцированный, следовательно, единый подход к оценке мо-

рального вреда не может быть осуществлен на практике, нужно изучать каждый случай отдельно. На наш взгляд, эффективно было бы разгруппировать моральный вред по виду правоотношений, и уже исходя из среднестатических показателей размера компенсации морального вреда в судебной практике установить на законодательном уровне минимальный размер компенсации. Это значительно увеличит показатели по взысканию денежных средств истцом, который претерпел нравственные или физические страдания из-за действия или бездействия ответчика.

Следующей немало важной проблемой в законодательном регулировании института компенсации морального вреда является компенсация морального вреда юридическому лицу. Априори нравственные и физические страдания может испытывать только человек, но никак не организация. Об этом говорит и дефиниция «морального вреда» в ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, что становится в противоречие со ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой допускается защита деловой репутации юридического лица путем опровержения сведений, которые не соответствуют действительности. Моральный вред в данном случае может взыскивать, например, генеральный директор организации, чья деловая репутация была подорвана. Все равно все сводится к тому, что получить моральную компенсацию могут только люди. Ранее упомянутое Постановление Пленума ВС РФ, однако, содержит уточнение касаемо данного вопроса. Верховный Суд РФ склонен считать, что юридические лица, как и физические лица должны иметь право компенсацию морального вреда, если была затронута их деловая репутация. Считаем, что здесь нужна точная регламентация в законодательстве возможности взыскания морального вреда юридическим лицом, нужно привести к единообразию подход в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и Пленума Верховного Суда РФ [1].

Следующим пробелом в законодательстве, регулирующем институт морального вреда, является отсутствие разрешения вопроса о внешней подсудности данной категории исков, доктрина также не имеет единого подхода к данному вопросу, ввиду того, как упоминалось ранее, отсутствует четкая регламентация того, кто может подавать иск на компенсацию морального вреда.

Вопрос о подсудности исков индивидуальных предпринимателей, связанных с компенсацией морального вреда, является предметом дискуссий в юридической практике Российской Федерации. Судебная практика демонстрирует ситуации, когда арбитражные суды отказывают индивидуальным предпринимателям в возмещении морального вреда, воспринимая такие иски как не относящиеся к их компетенции.

Здесь в большей степени поднимается вопрос о внешней подсудности исков индивидуальных предпринимателей (далее - ИП). Арбитражные суды часто отказывают в компенсации морального вреда ИП (например, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2021 № 07 АП-11687/2020 по делу № А02-947/2020). Однако, видится, что дела о компенсации морального вреда ИП, где затронута деловая репутация ИП, должны относиться именно к компетенции арбитражных судов, потому что они

связаны с ущемлением субъективных прав лица при осуществлении им предпринимательской деятельности [2]. Такое же мнение имеет и Т. Шулепова, она верно подмечает, что ИП не утрачивает способность к нравственным и физическим страданиям, которые он может получить от предпринимательской деятельности [5].

Тем не менее рассмотрение исков о компенсации морального вреда, касающихся деловой репутации индивидуальных предпринимателей, должно осуществляться арбитражными судами, так как это непосредственно связано с защитой субъективных прав и законных интересов, возникающих в процессе предпринимательской деятельности. Деловая репутация ИП – это неотъемлемый элемент предпринимательской деятельности, напрямую влияющий на ее результаты и устойчивость на рынке.

Согласно п. 2 ст. 46 Арбитражного процессуального кодекса РФ, арбитражные суды рассматривают дела, вытекающие из гражданских правоотношений, когда хотя бы одной из сторон является предприниматель. Учитывая, что вред деловой репутации может привести к финансовым потерям и негативно сказаться на коммерческой деятельности, справедливо требовать компенсации через арбитражные суды.

Отказы в принятии таких исков к рассмотрению противоречат духу законодательства, направленного на обеспечение защиты прав и свобод предпринимателей. Поддержание высокого уровня защиты деловой репутации способствует стабильному развитию предпринимательства, а также служит гарантией честной конкуренции на рынке.

Таким образом, вопросы, связанные с компенсацией морального вреда предпринимателям, должны находить свое разрешение именно в арбитражных судах. Это будет способствовать не только обеспечению правосудия, но и укреплению правовых основ предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Предлагается конкретная мера для устранения данной проблемы: установление минимального размера компенсации морального вреда. Такой подход позволит обеспечить более справедливое возмещение ущерба, а также упорядочит практику применения соответствующих норм права. Минимальные размеры компенсации могут быть определены отдельно для различных групп гражданских правоотношений, что учтет специфику конкретных случаев и обстоятельств нарушения прав.

Такая система позволит не только установить справедливые и обоснованные стандарты для компенсации, но и значительно сократит количество споров, связанных с определением размера компенсаций, что в свою очередь положительно скажется на эффективности судопроизводства. Таким образом, внедрение минимальных стандартов компенсации морального вреда станет шагом к укреплению правовой защиты граждан и повышению доверия общества к системе правосудия.

Анализ правовой нормативной базы и судебной практики Российской Федерации подтверждает необходимость модернизации законодательства в части компенсации морального вреда. На сегодняшний день существует значитель-

ный пробел в регулировании вопросов, касающихся определения размера компенсации, порядка ее взыскания и критериев оценки морального вреда. Данные недостатки порождают многочисленные споры среди юристов, а также затрудняют доступ потерпевших к справедливости.

Дополнительно требуется уточнение процедур подачи исков. Нужно выработать единые правила, которые определяли бы, в какие судебные инстанции и в какие сроки должны подаваться иски в зависимости от характера и обстоятельств дела. Это позволит субъектам гражданского права избежать процедурных ошибок и сократить время на рассмотрение дела.

Усовершенствование закона о компенсации морального вреда не только устранит правовую неопределенность, но и обеспечит более эффективную защиту прав и свобод граждан, укрепит правовую систему России и повысит уровень доверия к судебной власти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айтбаева А. А Проблемы развития института компенсации морального вреда. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-instituta-kompensatsii-moralnogo-vreda-1 (дата обращения: 20.11.2024).

2. Гаджиалиева Н. Ш. Подсудность гражданских дел о компенсации морального вреда. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/podsudnost-grazhdanskih-del-o-kompensatsii-moralnogo-vreda (дата обращения: 20.11.2024).

3. Лещинская К. Д Актуальные проблемы компенсации морального вреда. URL: https://conf.siblu.ru/aktualnye-problemy-kompensacii-moralnogo-vreda (дата обращения: 20.11.2024).

4. Сазанкова О. В., Брагин М. К. История становления института компенсации морального вреда в Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-instituta-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-rf (дата обращения: 25.11.2024).

5. Шулепова Т. Если опорочили репутацию... // ЭЖ-Юрист. 2007. № 26. С. 8–12.

УДК 347.151

Шиманская Дарья Александровна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
darya.shimanskaya@bk.ru

Анализ правового статуса человеческого эмбриона на примере законодательства Германии

Статья посвящена изучению правового статуса человеческого эмбриона в соответствии с основными принципами права, а также на основании законодательства Германии. Два решения Конституционного суда Германии об абортах предусматривают конституци-

© Шиманская Д. А., 2025

онное право на жизнь каждого отдельного эмбриона, и это всеобъемлющее толкование соответствующих статей Конституции Германии позволяет вынести принципиальный вердикт в отношении плановых абортов: по мнению суда, они являются незаконными, хотя и ненаказуемыми.

Ключевые слова: *коммерциализация, оборотоспособность эмбриона, объект гражданских правоотношений, плод, право на жизнь, субъект гражданских правоотношений, правовой статус, эмбрион человека, защита эмбрионов, международно-правовой и сравнительно правовой аспекты, права и достоинства человека.*

Shimanskaya Daria Alexandrovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Analysis of the legal status of the human embryo on the example of German legislation

The article is devoted to clarifying the legal status of the human embryo in accordance with the basic principles of law, as well as on the basis of German legislation. Two decisions of the German Constitutional Court on abortion provide for the constitutional right to life of each individual embryo, and this comprehensive interpretation of the relevant articles of the German Constitution allows for a principled verdict on planned abortions: in the court's opinion, they are "illegal, although not punishable."

Keywords: *commercialization, turnover of the embryo, object of civil relations, fetus, right to life, subject of civil relations, legal status, human embryo, protection of embryos, international legal and comparative legal aspects, human rights and dignity.*

Цель настоящей работы не просто представить обзор позитивных законодательных актов определенного правового порядка (или несколько таких постановлений), касающихся правового статуса человеческого эмбриона и регулирующих его. Скорее автором делается попытка разъяснить этот статус в соответствии с основными принципами права: тем не менее, будут продемонстрированы некоторые фундаментальные юридические трудности, в качестве примера приведена конкретная правовая ситуация в Германии.

Большинство ученых-юристов считают, что национальное законодательство защищает человеческие эмбрионы, предоставляя каждому отдельному эмбриону конституционный статус, т. е. право на жизнь и уважение его человеческого достоинства, как это предусмотрено ст. 1 и 2 Конституции Германии («Grundgesetz»).

Дальнейшие размышления будут направлены на то, чтобы прояснить, можно ли последовательно приписывать такой правовой статус ранним зародышам в либеральной правовой системе, на примере законодательной базы Германии.

Возражения против исследований над эмбрионами могут быть выдвинуты с двух различных точек зрения: во-первых, в отношении защиты самого отдельного эмбриона, включая, в частности, защиту от его уничтожения, отбора и выбраковки и, следовательно, от посягательств на его человеческое достоинство, во-вторых, с учетом интересов широкой общественности или ее части.

Далее хотелось бы проанализировать действующую правовую защиту эмбриона на примере законодательства Германии. Необходимо прояснить нормативный статус самого эмбриона, поскольку он может потребовать категорического запрета, который сделает все соображения, касающиеся общества, в лучшем случае излишними, и этот запрет, если он применим, будет звучать следующим образом: если «индивидуальное существо» является обладателем подлинного права на жизнь, равного праву любого другого человека и учреждения [1, с. 12–14].

Таким образом, если эмбрион обладает таким подлинным «субъективным» правом, этот принцип логически исключает его законное уничтожение в исследовательских целях любого рода, любой ценности или по какой-либо другой причине, следовательно, это главная проблема. Применение правовых норм, относящихся к защите эмбрионов, на уровне обычного права приводит к однозначному результату: любое использование человеческих эмбрионов, не подвергнутых экстракорпоральному использованию, не направленное на их сохранение и развитие, строго запрещено и даже криминализировано различными статутами (Закон о защите эмбрионов от 1990 года.)

С другой стороны, обращение к конституционному уровню, на первый взгляд, вообще не приводит к какому-либо очевидному результату. В самом тексте Конституции Германии ничего не говорится по данной тематике. Тем не менее соответствующие статьи Конституции гласят следующее:

– п. 1 ст. 1: «Человеческое достоинство неприкосновенно» (т. е. оно ни при каких обстоятельствах не должно нарушаться каким-либо государственным должностным лицом или учреждением);

– п. 2 ст. 2: «каждый человек имеет право на жизнь и физическую неприкосновенность».

Термины «человек» и «каждый» в этих статьях используются в значении юридической терминологии, следовательно, юридические термины всегда соответствуют нормативным, а не биологическим понятиям [2, с. 86]. Таким образом, вопрос о том, входит ли эмбрион в сферу их значения и функций, т. е. в их соответствующий нормативный охват, не может быть решен простым указанием на то, что, с биологической точки зрения, ранний человеческий эмбрион является представителем вида Homo sapiens.

Что касается обычного права, то в немецком законодательстве, нет ни одного закона, содержащего такие термины, как «человек», «персона» или «каждый», который когда-либо включал бы в сферу своего применения нерожденного человека. В законах, регулирующих вопросы внутриутробного развития человека, обычно используются такие термины, как «плод», «эмбрион» и «нерожденный ребенок» [3, с. 39–49].

Суд не предпринял попыток устранить это довольно очевидное противоречие. Вместо этого суд решил проблему абортов следующим образом: аборты в первом триместре беременности и без медицинских показаний со стороны беременной женщины не подлежат наказанию, но должны оставаться незаконными. Очевидной целью этого постановления было подтвердить и сохранить за-

крепленный конституцией статус человеческого эмбриона как юридического лица [4, с. 21–33].

Чтобы понять, почему это так, сначала ознакомимся с дальнейшим содержанием вышеупомянутого постановления. После неоднократного подтверждения конституционного статуса эмбриона в руководящих принципах решения суд издал следующие постановления (том 88, 98.):

– соглашение об аборте, заключенное между врачом и беременной женщиной, имеет юридическую силу, т. е. его можно привести в исполнение, передав в суд (том 88, с. 295);

– любая помощь или поддержка предположительно незаконно умерщвленному эмбриону юридически исключена и запрещена (том 88, с. 279);

– в течение времени, необходимого для проведения процедуры аборта, женщина имеет законное право требовать от своего работодателя сохранения заработной платы (том 88, с. 324).

Однако ни одно из этих разумных распоряжений не согласуется с основным постановлением суда, содержащимся в руководящих принципах его решения, а именно с тем, что аборты должны оставаться незаконными. Это несоответствие довольно очевидно благодаря вышеперечисленным цитатам, но наиболее наглядно это демонстрируется следующим: «если аборт является незаконным, то пособничество аборту также должно быть незаконным» [5, с. 532].

Таким образом, по соображениям простой логики, только одна из этих норм может быть действительной: либо аборты запрещены законом, либо государство юридически обязано поддерживать их. Следовательно, возникает вопрос о том, какая норма может сохраняться, а какая должна быть отменена.

Либеральные конституционные государства не имеют права основывать свои правовые системы на религиозных принципах, даже если материальное содержание таких принципов соответствует принципам светской морали, следовательно, чисто религиозная этическая точка зрения, возможно, отличающаяся от изложенной ниже, не может оказывать никакого законного воздействия на нормативный порядок права.

Наш анализ выявил довольно сложную структуру, лежащую в основе морального статуса раннего эмбриона. Учитывая все важные аспекты, этот статус, по-видимому, далек от юридического запрета исследований эмбриональных стволовых клеток или процедур ПГД в репродуктивной медицине. Таким образом, подобные действия должны быть разрешены законом, их запрет немецким уголовным законодательством противоречит основным обязательствам хорошо организованного либерального общества.

Человеческие эмбрионы являются важным символом человеческой жизни, следовательно, наше отношение к ним вплетает негласное послание в структуру нашего нормативного порядка. Поэтому к ним не следует относиться как к простым объектам или вещам, им должна быть предоставлена разумная защита со стороны обычного права. С другой стороны, мы не должны делать вид, что признаем их в качестве юридических лиц. Поскольку мы этого не делаем, и нет никаких для этого убедительных этических оснований [6, с. 56].

Анализируя все вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что право любой страны нуждается в определенной модернизации с соответствующими событиями, происходящими в мире, а также учитывать появление новых технологий. На наш взгляд, благодаря глубокому анализу опыта других стран в вопросе установления правового статуса эмбриона можно более детально прогнозировать дальнейшие правовые тенденции и также, учитывая уникальный опыт Российского государства модернизировать наше законодательство.

Проведенный в рамках настоящего исследования международно-правовой и сравнительно-правовой анализ, в том числе анализ основных моделей законодательного регулирования проведения исследований с использованием эмбрионов в зарубежных странах, позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Следует согласиться с мнением, озвученным в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1046 (24 сентября 1986 года) «Об использовании человеческих эмбрионов и зародышей в диагностических, терапевтических и научных целях», что при любых обстоятельствах человеческие эмбрионы и плоды требуют обращения достойного для символа зарождения человеческой жизни, несмотря на неопределенность юридического статуса эмбриона и абсолютно различные подходы к законодательному регулированию исследований с участием эмбрионов человека. Но также следует учитывать, что эмбрион не может иметь статус равный живому человеку.

2. Необходимо признать за эмбрионами особый онтологический статус, который мог бы рассматриваться в качестве нравственной ценности, относящей к ценностям общего блага, защита которых гарантирована в ч. 3 ст. 55 Конституции. Согласно содержащейся здесь норме, ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно «в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц…».

3. С целью преодоления пробелов и противоречий в действующем правовом режиме медицинских манипуляций с эмбрионом человека, следует предусмотреть в законодательстве Российской Федерации разделение понятия «эмбриона» на «востребованные эмбрионы» и «невостребованные эмбрионы».

С этой целью дополнить ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» п. 6.1, 6.2 следующего содержания:

«6.1. **Невостребованный эмбрион** – это эмбрион, который остался невостребованным в протоколе экстракорпорального оплодотворения, а также в отношении которого пациент может принять решение о прекращении их использования, криоконсервации или использовании для совершенствования применения вспомогательных репродуктивных технологий.

Востребованный эмбрион – это эмбрион, который остался востребованным в протоколе экстракорпорального оплодотворения, а также был использован для оплодотворения материнского организма.

6.2. С востребованными эмбрионами запрещается проведение любых манипуляций кроме оплодотворения материнского организма, с невостребованными эмбрионами разрешается использование в исследовательских целях, использование в целях создания косметических средств только в течение

14-дневного срока, а также использование в качестве донорского материала и уничтожение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Альбицкий В. Ю., Одинаева Н. Д., Мансимова В. О. Правовые аспекты применения вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия. URL: https://vsp.spr-journal.ru/jour/article/view/561(дата обращения: 25.11.2024).

2. Власов Г. Д. Правовое регулирование исследований в области генной инженерии в странах Европы. Обзор // Информационно-аналитический журнал. Серия «Государство и право». 2022. № 4. С. 20–31.

3. Курило Л. Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции // Проблемы репродукции. 1998. № 3. С. 39–49.

4. Cloning and the Future of Human Embryo Research / ed. Paul Lauritzen. N.-Y. : Oxford University Press, 2011. 304 p.

5. Майфат А. В. Собственность на тело человека. URL: http://www.urallaw.ru/articles/person_2/id_35.html (дата обращения: 20.10.2024).

6. Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. 1992. № 12. С. 50–59.

УДК 368.1

Щавелкина Мария Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Pusha1222pusha122@gmail.com

Актуальные вопросы правового регулирования договора имущественного страхования

Страхование, как социальный институт, в условиях современного динамичного общества выступает одной из систем, направленных на снижение социальных рисков. Оно предоставляет гражданам ощущение безопасности и защищенности от техногенных, экологических, производственных и бытовых угроз. В этой статье рассматривается суть страхования и поднимается вопрос о важности его развития в России. С учетом растущих потребностей в возмещении ущерба и защите прав страхователей, актуальность совершенствования правового регулирования суброгации значительно возросла. Цель данной статьи – обратить внимание на некоторые правовые проблемы и коллизии, которые существуют на данный момент в институте имущественного страхования.

Ключевые слова: *страхование, договор страхования, суброгация, возмещение вреда, законодательство.*

© Щавелкина М. А., 2025

Shavelkina Maria Alekseevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Topical issues of legal regulation of property insurance contract

Insurance, as a social institution, in the conditions of a modern dynamic society, acts as one of the systems aimed at reducing social risks. It provides citizens with a sense of security and protection from man-made, environmental, industrial and household threats. This article examines the essence of insurance and raises the question of the importance of its development in Russia. Taking into account the growing needs for compensation of damage and protection of the rights of policyholders, the relevance of improving the legal regulation of subrogation has increased significantly. The purpose of this article is to draw attention to some of the legal problems and conflicts that currently exist at the Institute of Property Insurance.

Keywords: *insurance, insurance contract, subrogation, compensation for damage, legislation.*

Страхование играет ключевую роль в повышении инвестиционного потенциала и способствует увеличению благосостояния населения и, соответственно, всей экономики страны. Однако успешное развитие страхового рынка невозможно без его должного регулирования и законодательных актов, которые определяют порядок организации и функционирования страховщиков, а также права страхователей. В настоящее время наблюдается значительный интерес к имущественному страхованию граждан. Учитывая, что большинство граждан нашей страны обращаются к данному виду страхования как к механизму защиты от негативных явлений, исследование теоретических и практических аспектов этой темы становится особенно актуальным.

В соответствии с п. 1 ст. 929 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию) при наступлении предусмотренного в договоре события (страхового случая) возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя (выплатить страховое возмещение) в пределах определенной договором суммы (страховой суммы) [1]. В целом общие положения о страховании закреплены в главе 48 ГК РФ, кроме того, процедура и правила страхования подробно освещаются в Законе РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [2].

Страхование является одним из видов деятельности, при которой граждане и организации заранее защищают себя от неблагоприятных последствий [4]. А, значит, актуальность преодоления пробелов в законодательстве и решения возникающих по этому поводу вопросов очень велика.

Одна из выявленных проблем заключается в том, что во втором абзаце ст. 960 ГК РФ указано, что «лицо, к которому перешли права на застрахованное имущество, должно незамедлительно письменно уведомить об этом страховщи-

ка» [1]. Однако в норме не содержится перечень последствий, которые неизбежно должны наступить при нарушении данного требования. Изучение судебной практики показывает, что такое нарушение даже не служит основанием для отказа в страховой выплате, которая является основной обязанностью страховщика в рамках договора [5]. Появляется также вопрос относительно срока, установленного данной нормой, поскольку термин «незамедлительно» не имеет четких критериев [4]. Так, например, в решении Измайловского районного суда города Москвы № 2-3892/2019УИД 77RS0010-01-2019-005604-86 говорится о том, что «страховая компания была уведомлена о смене собственника застрахованного транспортного средства [3]. При этом доводы о том, что уведомление о смене владельца должно быть произведено в тот же день, когда владелец сменился – не могут быть приняты во внимание, так как такой срок нормами ГК РФ не установлен». Также суд уточняет, что в абзаце втором ст. 960 ГК РФ, термин «незамедлительно» не подразумевает, что уведомление должно быть отправлено в тот же день, поскольку в данной норме ГК РФ и других законах нет четких временных рамок для этого понятия. Можно сказать, что суды поразному интерпретируют аналогичные обстоятельства дела, судебная практика, далеко не всегда однородна и действия судов не имеет единой структуры решения данной проблемы.

На наш взгляд, данная норма может быть дополнена уточнением о том, что уведомление страховщика должно быть осуществлено в течение 10 дней с момента перехода права собственности на застрахованное имущество, а также указанием на то, что неисполнение данной обязанности в указанный срок может повлечь за собой отказ страховщика от исполнения договора страхования, если страховщик докажет наличие прямого ущерба, причиненного таким неисполнением. Данное изменение, на наш взгляд, сделает норму более эффективной и предотвратит ее произвольные толкования.

Также актуален вопрос определения размера убытков при суброгации, т. е. право страховой компании действовать от имени собственного клиента, которое предоставляет возможность требовать компенсацию затраченных средств от виновного лица. В настоящее время наибольшее количество судебных разбирательств, связанных с суброгационными требованиями, обусловлено определением размера убытков и необходимостью обоснования их законности. Данная проблема возникает из-за того, что страховщики, как правило, исходят из предположения, что имеют право на полное возмещение осуществленной страховой выплаты. Однако согласно п. 2 ст. 965 ГК РФ, право требования, перешедшее к страховщику, должно осуществляться в соответствии с правилами, регулирующими отношения между страхователем (выгодоприобретателем) и лицом, ответственным за причиненные убытки, что подразумевает применение норм деликтного законодательства. В результате возникает проблема несоответствия, так как процедуры определения размера страховой выплаты и размера причиненного вреда или убытка не всегда совпадают, что приводит к различным спорам [3].

Например, стоимость поврежденного имущества, определяемая в договоре страхования как страховая сумма, часто оспаривается причинителями вреда.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) опубликовал Определение № 305-ЭС23-17347 от 19 декабря 2023 года по делу № А40-159859/2022. В нем, в частности, указано, что 1 августа 2020 года на Северной железной дороге произошла вынужденная остановка поезда из-за падения давления в тормозной магистрали. В результате аварии было повреждено имущество ОАО «Российские железные дороги», застрахованное АО «СОГАЗ». Страховая компания признала случай страховым и выплатила «РЖД» 13 млн руб., основываясь на оценке ущерба. В состав убытков включены расходы в размере 9,4 млн руб. на оплату труда работников, привлеченных к восстановительным работам. Ссылаясь на причастность АО «ОМК Стальной путь», «СОГАЗ» подал претензию на возмещение убытков в порядке суброгации, которая была отклонена, после чего дело было передано в суд. Иск был частично удовлетворен: с «ОМК Стальной путь» взыскано 3,6 млн руб. в пользу страховщика. Рассмотрев дело, судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указала, что при установлении размера убытков суды должны были определить необходимость, разумность и соразмерность всех понесенных расходов, оплаченных страховщиком в выплаченном страховом возмещении, с тем, чтобы это не приводило к нарушению баланса прав и законных интересов сторон. Суд добавил, что различный подход к признанию права на возмещение убытков в порядке суброгации не соответствует принципу юридического равенства и приводит к незаконному освобождению причинителя вреда от возмещения стоимости ремонтных работ, объективно необходимых для восстановления поврежденного имущества. ВС отменил вынесенные по делу решения, направив его на новое рассмотрение [7].

Проблема, обозначенная ВС РФ, связана с соблюдением принципа полного возмещения убытков. В рассматриваемом случае суды снизили размер убытков, посчитав, что оплата труда работников и отчисления на социальные нужды не подлежат взысканию в составе убытков, поскольку данные суммы относятся к текущим расходам страхователя, являются плановыми. Но они не указали, на основании какого закона принято решение о возмещении убытков в меньшем размере. В силу п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 года № 25 возмещение убытков в меньшем размере возможно в случаях, предусмотренных законом или договором, в пределах, установленных гражданским законодательством [6].

Анализ судебной практики судов показал, что возникают трудности с решением данного вопроса. Суды по-разному трактуют аналогичные обстоятельства дел, и судебная практика не всегда является однородной.

Решением данной проблемы может стать изложение п. 1 ст. 965 ГК РФ в следующей редакции: «Если договором имущественного страхования не предусмотрено иное, к страховщику, выплатившему страховое возмещение, переходит в соответствующем размере право требования, которое страхователь (выгодоприобретатель) имеет к лицу, ответственному за убытки, возмещенные в результате страхования. Если размер выплаченного страхового возмещения явно несоразмерен убыткам, понесенным страхователем (выгодоприобретателем), суд вправе уменьшить сумму необходимой выплаты, осуществляемой лицом, ответственным за убытки, в отношении страховщика. Однако условие договора,

исключающее переход к страховщику права требования к лицу, умышленно причинившему убытки, ничтожно».

Эти изменения гарантируют, что страховая компания не понесет убытков, а виновник будет возмещать только реальный ущерб, а не произвольную сумму страховой выплаты. Все это будет способствовать более объективному определению размера ущерба.

Рассмотрев некоторые из существующих проблем в области имущественного страхования и предложив возможные пути их решения, мы полагаем, что более тщательное изучение данных вопросов поможет значительно улучшить правовое регулирование страховых отношений, исключит возможные правоприменительные споры и повысит общую эффективность функционирования страхового рынка России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : с изм. и доп. на 12 сентября 2023 года : принят Государственной Думой 22 декабря 1995 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

2. Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 22.07.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

3. Ворожейкин С. С. К вопросу о применении суброгации в страховой деятельности. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-subrogatsii-v-strahovoy-deyatelnosti (дата обращения: 26.11.2024).

4. Павлова А. Г., Васильченко Е. И. Актуальность страхования в России. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnost-strahovaniya-v-rossii (дата обращения: 26.11.2024).

5. Экзекова Л. М. Проблема правового регулирования перехода права собственности на застрахованное имущество. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-pravovogo-regulirovaniya-perehoda-prava-sobstvennosti-na-zastrahovannoe-imuschestvo (дата обращения: 28.11.2024).

6. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС23-17347 от 19 декабря 2023 г. по делу № А40-159859/2022. URL: https://legalacts.ru/ (дата обращения: 16.11.2024).

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.04.2024).

СЕКЦИЯ 3

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

УДК 347.956

Аббасов Рустам Ибрагимхалилович,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
abbasov-rustam@mail.ru

К вопросу о процессуальных особенностях рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке

В научной статье рассматриваются особенности рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке. На основании действующего гражданского процессуального законодательства выделены характерные процессуальные черты апелляционного производства. В результате, автором сформулирована собственная позиция в отношении понятия апелляционного производства и сделаны выводы о том, что процессуальные особенности рассматриваемой стадии обеспечивают эффективность и оперативность процесса апелляции.

Ключевые слова: *гражданский процесс, апелляция, жалоба, гражданские дела, законность, обоснованность, решение суда*

Abbasov Rustam Ibragimhalilovich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The role of prosecutorial supervision in the field of salary payments

The scientific article examines the specifics of the consideration of civil cases on appeal. On the basis of the current procedural legislation, the characteristic procedural features of the appeal proceedings are highlighted. As a result, the author formulated his own position on the concept of appeal proceedings and concluded that the procedural features of the stage under consideration ensure the effectiveness and efficiency of the appeal process.

Keywords: *civil procedure, appeal, complaint, civil cases, legality, validity, court decision*

Конституцией Российской Федерации гарантируется право граждан на судебную защиту (ст. 46) [1]. Данное право является одним из важнейших конституционных прав человека, так как судебной защите подлежат все без исключения права и свободы, принадлежащие гражданину. Однако суд первой инстанции может допустить ошибки при принятии решения ввиду неправильного истолкования законодательства в конкретных правоотношениях или неправильно-

© Аббасов Р. И., 2025

го применения тех или иных норм. Соответственно, не исключены судебные ошибки, которые влекут за собой нарушение прав сторон. В связи с этим законодательство всех государств, как правило, предусматривает возможность придания законной силы итоговому судебному решению путем проверки его лицами, заинтересованными в этом [4]. До истечения обозначенного законодателем срока, необходимого для вступления решения в законную силу, тот, кто считает, что его права нарушены, может воспользоваться правом обращения в апелляционную инстанцию.

Согласно ч. 1 ст. 320 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2] решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в апелляционном порядке в соответствии с правилами, предусмотренными действующим процессуальным законодательством. В нынешнем современном гражданском процессе под апелляцией понимается непосредственно апелляционная жалоба, которая представляет собой определенный способ обжалования судебных постановлений, иначе говоря – апелляционное производство [5].

Статистические данные, представленные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ [7], ярко отражают необходимость апелляционной инстанции в гражданском судопроизводстве. Так, в 2022 году судами в апелляционном производстве было рассмотрено 730 339 дел, в 2023 году – 744 267, а за первое полугодие 2024 года число дел составило 370 019. Соответственно, востребованность апелляционного производства несомненна.

В апелляционном производстве рассмотрение гражданских дел имеет свои особенности. В отличие от первой инстанции, где дело рассматривается полностью, в апелляции внимание сосредоточено на проверке правомерности и обоснованности решений судов нижестоящих инстанций.

Ключевым нормативным правовым актом, регулирующим апелляционное производство, является Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. На основании ГПК РФ выделим основные особенности рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке.

К первой особенности можно отнести состав суда. Рассмотрение дел в апелляционной инстанции по жалобам на судебные постановления судов общей юрисдикции, принятых по первой инстанции, как правило, осуществляется судом в составе судьи-председательствующего и двух судей (ч. 2 ст. 14 ГПК РФ). Коллегиальное рассмотрение гражданских дел в апелляции обеспечивает более тщательное рассмотрение дела по существу. Суд апелляционной инстанции должен создать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств дела [6]. Нарушение правила о коллегиальном составе суда является безусловным основанием для отмены судебного акта в апелляционном порядке (п. 1 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ).

Вторая особенность – порядок подачи апелляционной жалобы. Апелляционная жалоба подается в суд первой инстанции, который вынес решение. Такая жалоба может быть подана как в письменном виде, так и в электронном, в том числе в форме электронного документа (ч. 1 ст. 321 ГПК РФ). Такой порядок подачи обусловлен организационными причинами: апелляционная жалоба

должна поступить в суд апелляционной инстанции вместе с делом, по которому обжалуется решение суда первой инстанции. Целесообразно отметить, что на подачу апелляционной жалобы законодателем отводится месяц со дня принятия решения суда в окончательной форме (ч. 2 ст. 321 ГПК РФ). Если апелляционная жалоба подана с пропуском срока на обжалование, то она подлежит возврату в соответствии со ст. 324 ГПК РФ. Вместе с тем лицо, подающее апелляционную жалобу, вправе ходатайствовать о восстановлении пропущенного по уважительной причине срока.

Содержание апелляционной жалобы должно отвечать положениям действующего процессуального законодательства. Жалоба должна содержать указание на обжалуемое решение, причины, по которым оно обжалуется, а также просьбу о его отмене или изменении. Необходимо также приложить документы, подтверждающие доводы, изложенные в жалобе. Представляется интересным, что законодатель предусмотрел ограничения относительно предъявления новых требований, которые не были предметом рассмотрения в первой инстанции, в апелляционной жалобе: такие требования не принимаются и не рассматриваются (ст. 327.1 ГПК РФ) [2]. Это связано с тем, что целью производства в апелляционной инстанции, как суда второй инстанции, является проверка правильности вынесенного решения предыдущей инстанции. Апелляционный суд проверяет, были ли соблюдены процессуальные права сторон, а также соблюдение норм материального права.

Еще одной процессуальной особенностью является так называемый пересмотр дела. Как отмечено Верховным Судом Российской Федерации в Постановлении Пленума от 22 июня 2021 года № 16, по смыслу ст. 327 ГПК РФ повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции (п. 37) [3]. В отличие от первой инстанции, апелляционный суд может не только проверять законность решения, но и изучать фактические обстоятельства дела на основании представленных доказательств. Однако апелляционный суд в основном ограничен материалами, представленными в первой инстанции (ст. 327.1 ГПК РФ). Даже при наличии ограничения пределов рассмотрения дела апелляционная инстанция обладает правом в интересах законности проверить решение суда первой инстанции в полном объеме. Закон не содержит указания на подобные случаи, поэтому в каждом конкретном случае судьи апелляционной инстанции решают этот вопрос в силу своего внутреннего убеждения.

К одной из особенностей можно отнести форму и порядок судебного разбирательства. Как правило, разбирательство в суде апелляционной инстанции проходит в открытом судебном заседании, и стороны могут представлять свои позиции. Первым выступает лицо, подавшее апелляционную жалобу, или его представитель либо прокурор, если им принесено апелляционное представление. В случае обжалования решения суда обеими сторонами первым выступает истец (ч. 3 ст. 327 ГПК РФ). В некоторых случаях разре-

шается использование дистанционных технологий для участия сторон (ст. 155.1 ГПК РФ).

Таким образом, выделив процессуальные особенности рассмотрения гражданских дел в апелляционном порядке, можно сделать вывод, что апелляционное производство – это установленный гражданским процессуальным законодательством порядок обжалования и проверки не вступивших в законную силу решений и определений суда первой инстанции с позиции законности и обоснованности, предполагающий повторное рассмотрение дела судом апелляционной инстанции. Соответственно, апелляционное производство является самостоятельным процессуальным циклом правоприменения, а его особенности обеспечивают эффективность и оперативность процесса рассмотрения поступивших жалоб.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.11.2024).

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 26 октября 2024 : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобр. Советом Федерации 30 октября 2002 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.11.2024).

3. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.11.2024).

4. Иванова Н. Л. Характеристика сущности апелляции в современном гражданском судопроизводстве: понятие, виды, современное состояние. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-suschnosti-apellyatsii-v-sovremennom-grazhdanskom-sudoproizvodstve-ponyatie-vidy-sovremennoe-sostoyanie (дата обращения: 22.11.2024).

5. Лутфуллина А. И. Понятие и сущность обжалования судебных актов, не вступивших в законную силу в гражданском процессе Российской Федерации. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-obzhalovaniya-sudebnyh-aktov-ne-vstupivshih-v-zakonnuyu-silu-v-grazhdanskom-protsesse-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 21.11.2024).

6. Мамедова Э. Б. Апелляция в гражданском процессе: проблемы теории и практики. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/apellyatsiya-v-grazhdanskom-protsesse-problemy-teorii-i-praktiki (дата обращения: 22.11.2024).

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел в апелляционном порядке за 2022, 2023, 1 полугодие 2024 гг. URL: https://cdvsrf.ru/ (дата обращения: 21.11.2024).

УДК 343.821

Гусева Дарья Алексеевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
dashaguseva969@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблема снятия дисциплинарных взысканий, наложенных в следственном изоляторе, при удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания

В статье авторами приведен анализ проблемы, связанной с порядком снятия дисциплинарных взысканий в исправительных учреждениях, наложенных в следственном изоляторе. Авторами проанализированы отдельные положения Федерального закона № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», а также положения Уголовно-исполнительного кодекса РФ, касающиеся порядка наложения, снятия дисциплинарных взысканий. На основании проведенного исследования авторами предложено введение «п. и.1» в ч. 1 ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса РФ.

Ключевые слова: *подозреваемый, обвиняемый, осужденный к лишению свободы, дисциплинарная ответственность осужденных, исправительное учреждение, наложение и снятие дисциплинарных взысканий, условно-досрочное освобождение, следственный изолятор, исправительное учреждение.*

Guseva Darya Alekseevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The problem of lifting disciplinary penalties imposed in a pre-trial detention facility when granting a request for parole from further punishment

In the article, the authors present an analysis of the problem related to the procedure for lifting disciplinary penalties in correctional institutions imposed in a pre-trial detention facility. The authors analyzed certain provisions of Federal Law No. 103-FZ "On the detention of suspects and accused of committing crimes", as well as the provisions of the Penal Enforcement Code of the

© Гусева Д. А., Евстегнеев А. С., 2025

Russian Federation concerning the imposition and removal of disciplinary penalties. Based on the conducted research, the authors proposed the introduction of "P. I.1" in part 1 of Article 113 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation.

Keywords: *suspect, accused, sentenced to imprisonment, disciplinary responsibility of convicted persons, correctional institution, imposition and lifting of disciplinary penalties, parole, pretrial detention center, correctional institution.*

В настоящее время наложение и снятие дисциплинарных взысканий является одним из инструментов уголовно-исполнительного воздействия, позволяющим обеспечить установленный порядок как содержания под стражей, так и установленный порядок отбывания наказания, а также в совокупности с другими фактическими обстоятельствами – основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания или замены не отбытой части наказания более мягким видом наказания.

Порядок наложения и снятия дисциплинарных взысканий в Следственных изоляторах регламентируется Федеральным законом от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в частности ст. 37–40 названного Федерального закона [1]. Порядок наложения и снятия дисциплинарных взысканий в исправительных учреждениях определяется ст. 113–117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2], а также Приказом Минюста России от 29 ноября 2023 года № 354 «Об утверждении Типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного учреждения».

Так, в соответствии со ст. 38 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» меры взыскания налагаются на подозреваемых и обвиняемых за невыполнение установленных обязанностей порядка содержания под стражей.

Основными мерами взыскания, которые могут применяться к подозреваемым и обвиняемым являются: выговор и водворение в карцер или в одиночную камеру.

Порядок наложения той или иной меры взыскания на подозреваемых и обвиняемых практически аналогичен порядку наложения взысканий на осужденных в исправительных учреждениях, поскольку в соответствии со ст. 39 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103 (далее – ФЗ № 103), так и ст. 117 УИК РФ при применении мер взыскания к подозреваемому и обвиняемому, а также осужденному учитываются обстоятельства совершения нарушения, а также их поведение.

Согласно положениям законодательства, общим в порядке применения мер взыскания является срок наложения взыскания (ст. 39 ФЗ № 103 и ст. 117 УИК РФ – взыскание налагается не позднее 10 суток со дня обнаружения нарушения. Однако если в связи с нарушением проводилась проверка, то взыскание на осужденных налагается со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения, а на подозреваемых или обвиняемых со дня ее

окончания, но не позднее двух месяцев со дня совершения нарушения. Как следует из анализируемых норм, взыскание исполняется немедленно, а в исключительных случаях – не позднее 30 дней со дня его наложения.

В заключительных положениях этих статей законодатель указывает на то, что подозреваемый, обвиняемый и/или осужденный считаются не имеющими взыскания если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания они не будут подвергнуты новому взысканию.

Как уже указывалось ранее порядок наложения и снятия мер взыскания в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных регламентированы разными Федеральными законами и в соответствии с этим представляется актуальным вопрос о снятии ранее наложенного взыскания с осужденного, прибывшего из следственного изолятора в исправительное учреждение, поскольку в настоящее время законодательного урегулирования о снятии меры взыскания, наложенной в следственном изоляторе с осужденного, прибывшего в исправительное учреждение не предусмотрено.

В соответствии с ч. 4.1 ст. 79 Уголовного кодекса Российской Федерации при рассмотрении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд учитывает поведение осужденного, его отношение к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания [3].

Согласно пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21апреля 2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» «Наличие у осужденного взысканий само по себе не может свидетельствовать о том, что он нуждается в дальнейшем отбывании назначенного судом наказания. Разрешая этот вопрос, следует учитывать конкретные обстоятельства, тяжесть и характер каждого допущенного осужденным нарушения за весь период отбывания наказания, а не только за время, непосредственно предшествующее рассмотрению ходатайства или представления, данные о снятии или погашении взысканий, время, прошедшее с момента последнего взыскания, последующее поведение осужденного и другие характеризующие его сведения» [4].

Исходя из данных положений, мы приходим к выводу о том, несмотря на то, что при рассмотрении ходатайства об условно-досрочном освобождении судом наличие у осужденных взысканий не может являться основанием для отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении, однако в совокупности при рассмотрении данного ходатайства учитываются тяжесть и характер каждого допущенного нарушения, за весь период отбывания наказания, а также данные о снятии и погашении взыскании, также за весь период отбывания наказания.

По нашему мнению, актуальность нашего исследования обуславливается тем, что, при рассмотрении судом ходатайства об условно-досрочном освобождении осужденного, у которого имеется не снятое и не погашенное взыскание, примененное к нему в следственном изоляторе, может повлиять на решение суда об отказе в удовлетворении такого.

Так, в соответствии с Определением Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2018 года № 909-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сыровежкина Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 72 и статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации пояснил, что возможность либо невозможность применения условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания может определяться обстоятельствами, которые характеризуют поведение осужденного за все время отбывания наказания, включая, соответственно, время содержания его под стражей до вынесения приговора, и вступления его в законную силу, засчитываемое в срок лишения свободы [5].

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что если, например, осужденный к лишению свободы за совершение преступлений небольшой тяжести отбыл не менее одной трети срока наказания и получил право на обращение в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении, однако в период нахождения в следственном изоляторе в отношении него было применено дисциплинарное взыскание и срок, при котором он мог бы считаться не имеющим дисциплинарного взыскания еще не прошел, то в данном случае, в совокупности с другими фактами, характеризующими его поведение, могут стать основанием для возможного отказа в удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении.

В соответствии с данными положениями, мы считаем целесообразным внести норму, которая могла бы в качестве меры поощрения в исправительном учреждении снимать ранее наложенные дисциплинарные взыскания не только в исправительном учреждении, но и дисциплинарные взыскания, наложенные в следственном изоляторе.

В связи с этим, мы предлагаем дополнить ч. 1 ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса РФ пунктом «и.1» и изложить его в следующей редакции:

«1. За хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях к осужденным к лишению свободы могут применяться следующие меры поощрения:

и.1) досрочное снятие ранее наложенного взыскания в Следственном изоляторе при нахождении лица под стражей до вступления приговора в законную силу».

По нашему мнению, введение данной нормы не только законодательно урегулирует вопрос о снятии взыскания в исправительном учреждении, ранее наложенного в следственном изоляторе, но и обеспечит правомерное поведение со стороны осужденного, прибывшего в исправительное учреждение, поскольку добросовестное поведение осужденного, количество поощрений и погашенных взысканий путем досрочного снятия ранее наложенного взыскания может положительно повлиять на решение суда об удовлетворении ходатайства об условно-досрочном освобождении от дальнейшего отбывания наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ : с изм. и доп., вступившими в силу с 9 июля 2024 года : принят Государственной Думой 21 июня 1995 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.11.2024).

2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп., вступившими в силу с 25 октября 2024 года : принят Государственной Думой 18 декабря 1996 года : одобр. Советом Федерации 25 декабря 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/(дата обращения: 15.11.2024).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 29 декабря 2022 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 15.11.2024).

4. Постановление Пленума Верховного суда от 21.04.2009 № 8 (в ред. от 28.10.2021) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания». URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.11 .2024).

5. Определение Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2018 г. № 909-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сыровежкина Александра Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 72 и статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71852540/ (дата обращения: 15.11.2024).

УДК 343.161.1

Демин Сергей Алексеевич,
специалист, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
serega-07@bk.ru

Сацык Константин Максимович
специалист, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
sacyc4444@gmail.com

Уголовно-процессуальный статус присяжного заседателя: некоторые аспекты

Суд с участием присяжных заседателей появился еще в Российской империи и сохранился до наших дней. Участие присяжного заседателя является гарантией права на справедливое судебное разбирательство. Процессуальный статус присяжного заседателя состоит в их процессуальных правах и обязанностях, и, по мнению авторов, нуждается

© Демин С. А., Сацык К. М., 2025

в уточнении вследствие некоторой коллизионности правовых предписаний. В данной статье проанализированы и изучены особенности статуса присяжных заседателей.

Ключевые слова: *уголовный процесс, присяжные заседатели, уголовно-процессуальный статус, субъект уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальные принципы, отправление правосудия.*

Demin Sergey Alekseevich,
specialist, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Satsyk Konstantin Maksimovich,
specialist, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Criminal procedural status of a juror: some aspects

The trial with the participation of jurors appeared in the Russian Empire and has survived to the present day. The participation of a juror is a guarantee of the right to a fair trial. The procedural status of a juror consists in their procedural rights and obligations, and according to the authors, needs to be clarified due to some conflict of laws and regulations. This article analyzes and studies the characteristic features of the status of jurors, namely that the guilt of the defendant is established by "unprofessional" judges.

Keywords: *criminal process, jurors, criminal procedural status, subject of criminal proceedings, criminal procedural principles, administration of justice.*

Одним из ключевых начал судопроизводства в России, имеющее конституционное закрепление, является организация и функционирование правосудия с участием присяжных заседателей [4, ст. 47]. Эта форма рассмотрения уголовных дел подразумевает, что такие важные вопросы, как факт совершения преступления, виновность подсудимого и возможность снисхождения, решаются лицами, которые не являются профессиональными юристами.

Цель института присяжных заседателей заключается в предоставлении «…как можно большему числу граждан избрать именно эту форму правосудия» [1], позволяющую привлекать к разрешению уголовных дел «судей от народа».

В Российской империи о необходимости введении суда присяжных писали видные политические и государственные деятели. Эту форму суда предлагал ввести Александру I в 1809 году М. М. Сперанский. Идея суда присяжных содержалась в программных документах декабристов: «Конституции» Н. М. Муравьева и «Русской Правде» П. И. Пестеля [2].

Создание суда присяжных стало ключевым моментом судебной реформы 1864 года, которая определила основные принципы российской системы правосудия, развиваемые и сегодня.

Как указывалось выше, особенностью рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей является привлечение к участию в отправлении правосудия представителей «от народа», эффективность деятельности которых зависит от качества регламентации их процессуального статуса. В связи с изложенным необходимо определиться с понятием «участник уголовного процесса».

Законодатель под участником уголовного судопроизводства понимает лицо, принимающее участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ). По мнению А. В. Верещагиной участником (субъектом) уголовного судопроизводства следует признать лицо, которое обладает способностью быть носителем процессуальных прав и обязанностей, содержание которых обусловлено назначением уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальными принципами [3]. Предложенная А. В. Верещагиной конкретизация понятия точнее отражает содержание этого явления.

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, присяжный – это «принявший присягу», а сами присяжные заседатели – это выборные лица, которые участвуют в судебном разбирательстве и выносят решение о виновности или невиновности подсудимого [5]. Присяжные заседатели должны оценить исследованные в судебном заседании доказательства для вынесения решения по делу.

Процессуальный статус присяжного заседателя регулируется в основном главой 42 УПК РФ и ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ [8]. Отметим, что пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 года № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» относит присяжных заседателей к лицам, осуществляющим функции представителя власти по специальному полномочию [6].

Мы согласны с мнением исследователей о том, что фигура присяжного заседателя крайне противоречива, что подчеркивается непоследовательной регламентацией статуса присяжных заседателей. Закрепляя конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия [4, ст. 47], наделяя присяжных заседателей социальными гарантиями профессиональных суде, законодатель одновременно не закрепляет нормы о присяжных заседателях в главе 5 «Суд» УПК РФ. Пунктом 54 ст. 5 УПК установлено, что «судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» [7]. Указанное положение конкретизируется нормой ч. 3 ст. 1 ФЗ «О статусе судей в Российской Федерации» [9], в соответствии с которой судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе. В системе требований, предъявляемых к кандидатам в присяжные заседатели, справедливо отсутствует указание на их профессионализм (ст. 326 УПК РФ и ст. 2, 3, 7 Закона о присяжных заседателях). Иными словами, есть некое противоречие между наделением правом граждан вершить правосудие и легальным понятием «судья», которое с учетом допущения рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей должно быть уточнено. Подобный подход содержится, например, в уголовно-процессуальных законах Кыргызской Республики и Республики Казахстан (глава 4 УПК Кыргызской Республики и глава 7 УПК Республики Казахстан) [10].

Объективному принятию решений присяжными заседателями способствует качественная регламентация их процессуального статуса. Права присяжных заседателей и меры ответственности за их нарушение изложены в ст. 333 УПК РФ и к ним относятся участие в исследовании обстоятельств дела; возможность задавать вопросы допрашиваемым лицам через председательствую-

щего и участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов и других следственных действиях; получение от председательствующего разъяснений о нормах закона, содержании оглашенных документов и других неясных моментах; ведение собственных записей и использование их при подготовке ответов на вопросы в совещательной комнате [7]. Что касается обязанностей, то присяжные заседатели не имеют права покидать зал заседания во время слушания дела; высказывать мнение по делу до обсуждения вопросов при вынесении вердикта; общаться с лицами вне состава суда по обстоятельствам дела и др. Неисполнение возложенных обязанностей может повлечь наложение денежного взыскания и отстранения от участия в рассмотрении уголовного дела (ст. 118, 333 УПК РФ) [7].

Таким образом, российский законодатель, закрепляя возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, наделяя присяжных заседателей правом отправлять правосудие, недостаточно последовательно регламентирует статус присяжных заседателей. Совершенствование статуса присяжных заседателей позволит обеспечить качество рассмотрения уголовных дел с их участием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волков К. А. Общественное мнение о суде присяжных и перспективах его развития // Российский судья. 2017. № 8. С. 45–49.

2. Ильюхов А. А. Суд присяжных в России: история его становления и развития // История государства и права. 2015. № 23. С. 34–41.

3. Верещагина А. В. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : учеб. пособие. Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2008. 97 с.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_p_r.txt (дата обращения: 17.12.2024).

6. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» // Сб. постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С. Г. Ласточкина, Н. Н. Хохлова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. 218 с.

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : принят ГД РФ 22.11.2001. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

8. Закон Российской Федерации. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

9. Закон Российской Федерации. Федеральный закон «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 26.11.2024).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 : с изм. и доп. в ред. от 22.01.2024. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/14744/ru (дата обращения 15.11.2024).

УДК 343.131

Зиновьев Арсений Васильевич,
аспирант, Уральский государственный юридический университет
имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
azinoviev1057@mail.ru

Индивидуализированный характер принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена исследованию принципа независимости судей как индивидуализированного принципа, т. е. формируемого внутри конкретного судьи, рассматривающего конкретное уголовное дело. Выявлены два основных подхода к пониманию внешней и внутренней независимости судей. Предложено авторское понятие принципа независимости судей. Указана значимость роли государства и общества для обеспечения принципа независимости судей. Определена необходимость развития принципа независимости судей как индивидуализированного.

Ключевые слова: *суд; независимость судей; внутренняя и внешняя независимость судей; индивидуализация независимости судей.*

Zinoviev Arseniy Vasilievich,
postgraduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
Ekaterinburg, Russian Federation

The individualized nature of the principle of independence of judges in criminal proceedings

The article is devoted to the study of the principle of independence of judges as an individualized principle, i.e. formed within a specific judge considering a specific criminal case. Two main approaches to understanding the external and internal independence of judges are identified. The author's concept of the principle of independence of judges is proposed. The importance of the role of the state and society in ensuring the principle of independence of judges is indicated. The need to develop the principle of independence of judges as an individualized one is determined.

Keywords: *court; independence of judges; internal and external independence of judges; individualization of independence of judges.*

Одним из основополагающих условий функционирования судебной системы является формирование таких условий, при которых судья имеет возможность принимать решение, соответствующее требованиям правосудия. Это возможно лишь в том случае, когда судья при осуществлении своих полномочий

© Зиновьев А. В., 2025

способен принимать справедливое и независимое решение. Для того чтобы такое условие было воплощено в реальность, действующим законодательством устанавливается принцип независимости судей. Однако на текущий момент невозможно дать точный ответ, что же подразумевает под собой независимость судей и каким образом она воплощается на практике. Как справедливо отмечает М.И. Казарина: «Законодательные формулировки принципа независимости судей в настоящее время не до конца отвечают критериям точности, ясности, допускают различное толкование» [1, с. 15].

Для определения понятия принципа независимости судей необходимо в первую очередь определить формы его воплощения. В научной литературе принято выделять внутреннюю и внешнюю независимости судей. Е. В. Дубровин предлагает следующее понимание данных форм: «Внешнюю независимость судей следует определить как отсутствие незаконного влияния со стороны должностных лиц законодательной и исполнительной ветвей власти, реализующих частные интересы, а также предприятий, организаций, органов местного самоуправления, общественных объединений и граждан. Внутренняя независимость судей означает отсутствие незаконного на них влияния со стороны факторов внутри судебной системы, исходящих от других судей; председателя суда, в котором состоит данный судья; вышестоящих судов (их судей)»[1, с. 236]. Однако такой подход является не единственным. Так, М. И. Казарина предлагает понимать под внешней независимостью судей недопустимость воздействия на них со стороны любого иного субъекта, а под внутренней независимостью обязанность вынесения судьями процессуальных решений только по своему внутреннему убеждению, сложившемуся при оценке доказательств, беспристрастность судей, а также их подчинение закону» [4, с. 11].

По мнению автора, оба подхода следует считать верными и взаимодополняющими друг друга, однако нельзя отрицать, что каждый из них является излишне идеализированным. Так, внутренняя и внешняя независимость неотделимы друг от друга, поскольку судьи не могут находиться в полной изоляции от иных субъектов, вследствие чего на них все же оказывается определенное влияние, например, на личное восприятие одного из участников судебного процесса. Является ли подобная ситуация нарушением принципа независимости судей, в случае, если позиция судьи никак не была изменена, однако при этом судья стал лучше относиться к участнику процесса вне судебного разбирательства? Пожалуй, нет, ведь указанная позиция является абсурдной и гиперболизированной.

Изоляция судьи от общества не может принести никакой пользы для правосудия, а наоборот, навредить ей, ведь в таком случае судья, обособляясь от социума становится замкнутым в своих идеях, и тем самым не может защищать его от несправедливости. Недопустимость отчуждения судьи от исполнения им своих гражданских обязанностей отмечает Г. Т. Ермошин: «Вместе с тем как носитель судебной составляющей государственной власти, судья в силу специфичности своего положения в обществе и государственном механизме должен не только обладать независимостью, но и нести ответственность за надлежащее исполнение возложенных на него обязанностей как гражданина» [2, с. 156].

В связи с этим необходимо определить границы возможного взаимодействия между судьей и обществом, однако при этом не злоупотреблять с ограничениями. На государстве и обществе же лежит крайне важная задача способствовать поддержанию независимости судей и формированию соответствующих условий ее обеспечения. Справедливо в данном случае отметить позицию А. Р. Зубайдуллина и Э.Р. Галимова: «Воплощение правосудия независящим и объективным судом – база демократического правового государства, где права и свободы личности практически постоянно составляют основу закона страны» [3, с. 298].

Таким образом, предлагается рассматривать принцип независимости судей как запрет на внутрисистемное или внесистемное воздействие на судью, осуществляющего полномочия по разрешению уголовного дела, в целях принуждения его к принятию необходимого решения, а также внутренней уверенности судьи в необходимости принятия справедливого решения, в основе которого лежат требования действующего закона, вне зависимости от собственных представлений судьи об обстоятельствах рассматриваемого дела, его мировоззрения.

Из указанного определения следует вывод о том, что следующим направлением в развитии принципа независимости судей является его индивидуализация. Это обуславливается изначальной индивидуальностью данного явления. Так, именно внутри судьи должно сформироваться мировоззрение, соответствующее идеалом правосудия, а также позиция о недопустимости послабления независимости в случае оказания на него возможного давления. Именно в случае, когда судья уверен в правоте своих действий, оказать на него какое-либо влияние невозможно. И, наоборот, невозможно поддерживать принцип независимости, если судья изначально не намерен действовать самостоятельно.

Таким образом, принцип независимости судей является индивидуализированным и подлежит развитию именно в таком направлении, ведь именно благодаря обеспечению возможности для судьи принять независимое решение при рассмотрении конкретного дела и воздействии на него конкретных участников уголовного судопроизводства, воплощается одна из основных идей правосудия – возможность обеспечить справедливость для каждого человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровин Е. В. Содержательная независимость судей // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. 2006. № 8. С. 235–240.

2. Ермошин Г. Т. Статус судьи в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.11. М., 2016. 525 с.

3. Зубайдуллин А. Р., Галимов Э. Р. Независимость судей как принцип уголовного процесса // E-Scio. 2020. № 3(42). С. 297–301.

4. Казарина М. И. Процессуальные гарантии реализации принципа независимости судей при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции в общем порядке : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск : Байкальский гос. ун-т, 2020. 29 с.

5. Казарина М. И. Процессуальная независимость судей и их самостоятельность: соотношение понятий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protsessualnaya-nezavisimost-sudey-i-ih-samostoyatelnost-sootnoshenie-ponyatiy (дата обращения: 26.11.2024).

УДК 343.575

Зудина Дарья Федоровна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
darya.zudina01@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
melnik44@gmail.com

Преступное сообщество как квалифицирующий признак в преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных препаратов

В статье рассматривается преступное сообщество как квалифицирующий признак в преступлениях, связанных с незаконным сбытом наркотических средств и психотропных препаратов, в том числе с использованием информационных технологий. В ходе рассмотрения данного вопроса выявлен пробел в законодательстве, связанный с отсутствием единообразия квалификации преступления в данной сфере. В заключение делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства для более эффективной борьбы с наркопреступностью и укрепления правопорядка.

Ключевые слова: *наркотические средства, незаконный сбыт, преступное сообщество, квалифицирующий признак, информационные технологии.*

Zudina Darya Fedorovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Criminal community as a qualifying feature in crimes related to the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic drugs

The article considers the criminal community as a qualifying feature in crimes related to the illegal sale of narcotic drugs and psychotropic drugs, including the use of information technology. During the consideration of this issue, a gap in legislation was identified related to the lack of un-

© Зудина Д. Ф., Мельников И. Н., 2025

iformity in the qualification of a crime in this area. In conclusion, conclusions are drawn about the need to improve legislation to more effectively combat drug crime and strengthen law and order.

Keywords: *narcotic drugs, illegal sale, criminal community, qualifying feature, information technology.*

В настоящее время, распространенный способ реализации наркотических средств и психотропных препаратов является бесконтактный способ, в котором отсутствует непосредственный контакт сбытчика и покупателя. Передача наркотиков осуществляется посредством приготовления сбытчиком тайника-«закладки» с последующей передачей покупателю информации о месте его расположения. Очевидным преимуществом данного способа является исключение необходимости осуществлять прямую передачу наркотика «из рук в руки», при этом проведение ряда традиционных оперативных мероприятий становится невозможным.

В соответствии со статистикой МВД РФ в 2021 году 51 444 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2022 году 62 209, в 2023 году 81 520 [5].

По мнению правоохранительных органов и ученых-правоведов, одной из основных причин активизации незаконного оборота наркотиков стала нарастающая волна поступления наркотических средств из-за рубежа [6]. При этом существует и ряд иных причин, по которым бесконтактный способ активно используется для реализации и распространения наркотических средств. К примеру, доступность информационных средств, частое отсутствие надлежащего контроля со стороны правоохранительных органов.

Сегодня преступниками в бесконтактных моделях сбыта наркотиков используются инновации, в основе которых лежат комбинации технологий, призванных значительно снизить риск привлечения к уголовной ответственности [2]. Кроме этого, ученые отмечают, что за последнее время преступность в данной сфере набирает обороты, приобретая при этом свойство латентности [4]. Фактором развития данного свойства, в частности, выступила пандемия, потому что стали появляться новые способы сбыта, а именно, бесконтактный с применением IT-технологий.

Принципиальное значение интернет-ресурсов состоит в исключении личного контакта всех участников преступной деятельности. Целесообразно также отметить, что курьеры, действующие на территории отдельных субъектов, в сущности, являются независимыми единицами, координируемые, при этом, одним или несколькими операторами, в связи с чем, образуют самостоятельные группы, которые, на федеральном уровне оказываются включенными в более крупные объединения. Соответственно, становится очевидным сетевой принцип организации преступных объединений, действующих в сети Интернет, и, имеющих специфические маркетплейсы. При этом лица, участвующие в преступной деятельности, могут находиться в том числе и за рубежом.

При этом деятельность таких объединений сильно законспирирована, а численность и личности, вовлеченных лиц, скрываются не только от правоох-

ранительных органов, но и друг от друга, что на практике способствует появлению проблем при разграничении и доказывании подлежащих вменению задержанным сбытчикам форм соучастия.

При исследовании деятельности участников бесконтактного способа сбыта наркотических средств можно обозначить, что в их составе есть не характерные для иных групп роли, к примеру, оператор, программный специалист и др. Жесткость подобной структуры обусловлена и тем, что смена роли в сложившейся иерархии невозможна. Представляется обоснованным сделать вывод, что из классических форм преступных объединений, предусмотренных ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации, наиболее приближено по признакам – преступное сообщество (преступная организация) [3].

Преступное сообщество характеризуется устойчивостью объединения лиц, единого управления структурными подразделениями преступного сообщества и объединяющей его членов целью получения материальной выгоды путем совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений, также наличие систем конспирации, взаимодействия и защиты от правоохранительных органов [1].

Таким образом, маркетплейс как преступное объединение лиц, в отдельных случаях, имеет специфические признаки, характерные для преступного сообщества. В настоящее время соответствующий квалифицирующий признак в ст. 228.1 УК РФ не предусмотрен, что, влияет на невозможность объективной квалификации совершенного преступления. На наш взгляд, необходимо дополнить ч. 5 ст. 228.1 Уголовного кодекса РФ указанием на рассмотренный квалифицирующий признак и изложить следующим образом: «5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные в особо крупном размере, или в составе преступного сообщества (преступной организации)».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Демчук С. Д. Уголовно-правовые признаки преступного сообщества (преступной организации) и их соотношение с признаками иных форм соучастия. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-priznaki-prestupnogo-soobschestva-prestupnoy-organizatsii-i-ih-sootnoshenie-s-priznakami-inyh-form-souchastiya (дата обращения: 22.11.2024).

2. Исаков Р. В., Теткин Д. В. Проблема противодействия незаконному обороту наркотических средств в DARKNET. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-protivodeystviya-nezakonnomu-oborotu-narkoticheskih-sredstv-v-darknet (дата обращения: 20.11.2024).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 23 марта 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.11.2024).

4. Соколова А. В. Проблемы противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в сети Интернет. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-

protivodeystviya-prestupnosti-v-sfere-nezakonnogo-oborota-narkoticheskih-sredstv-psihotropnyh-veschestv-i-ih-prekursorov-v (дата обращения: 20.11.2024).

5. Состояние преступности за январь - декабрь 2021, 2022, 2023 гг. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 25.11.2024).

6. Старченко В. В. Актуальные проблемы противодействия незаконному обороту наркотических средств с использованием сети Интернет и пути их решения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-protivodeystviya-nezakonnomu-oborotu-narkoticheskih-sredstv-s-ispolzovaniem-seti-internet-i-puti-ih-resheniya (дата обращения: 20.11.2024).

УДК 343.151

Иванова Елена Сергеевна,
магистрант, Костромской государственный университет
Кострома, Российская Федерация
eivanova.30@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна,
помощник судьи Костромского областного суда
Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

Вынесение судами частных постановлений (определений) в адрес органов прокуратуры

В статье рассматриваются вопросы вынесения судами частных постановлений (определений) по уголовным делам, определяются цели вынесения и сущностные признаки частных постановлений (определений), рассматриваются основания вынесения частных постановлений в адрес органов прокуратуры.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальное законодательство, уголовное судопроизводство, частное постановление (определение), органы прокуратуры.*

Ivanova Elena Sergeevna,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant judge of the Kostroma regional court
Kostroma, Russian Federation

The issuance by courts of private rulings (definitions) to the prosecutor's office

The article discusses the issues of the issuance by courts of private rulings (definitions) in criminal cases, defines the objectives of the issuance and the essential features of private rulings (definitions), discusses the grounds for issuing private rulings to the prosecutor's office.

© Иванова Е. С., Кузьмина Е. Н., 2025

Keywords: *criminal procedure legislation, criminal proceedings, private resolution (definition), prosecutor's office.*

Современное уголовно-процессуальное законодательство содержит правовые механизмы, направленные на устранение причин и условий, способствовавших совершению преступлений, пресечение нарушений закона, выявленных в ходе судебного разбирательства [2, с. 23].

Частью 4 ст. 29 УПК РФ предусматривается, что, если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер [8].

В. Р. Ярцев и А. А. Акопян выделяют такие цели вынесения частного постановления (определения), как устранение конкретных нарушений, предупреждение их совершения в дальнейшем, выявление обстоятельств, способствующих противоправному поведению; установление судом обстоятельств, способствующих совершению преступления; обращение внимания должностных лиц на необходимость принятия надлежащих мер для ликвидации выявленных причин и условий совершения преступления; реагирование на факты пренебрежения законом и на недостатки предварительного расследования и т. д. [9, с. 129–130].

Частное постановление (определение) выносится в виде отдельного документа, как правило, одновременно с окончательно разрешающим уголовное дело решением. В нем должны быть указаны установленные судом нарушения закона и лица, допустившие эти нарушения, а также приведены данные, на которых основаны выводы суда [5]. Если с учетом характера выявленных фактов требуется принятие неотложных мер к их устранению, частное постановление (определение) может быть вынесено и на более ранней стадии судебного процесса. Частное постановление (определение) суда носит обязательный характер. Тот, кому оно адресовано, обязан в месячный срок рассмотреть его и сообщить суду о принятых мерах.

Статистические данные показывают, что за последние пять лет на 26,8 % снизилось количество частных постановлений (определений), вынесенных судами общей юрисдикции при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции. Так, если в 2019 году было вынесено 14 726 частных постановлений (определений), то в 2023 году – 10 779 [6; 7]. При этом чуть более трети таких частных постановлений (определений) выносится в связи с выявлением обстоятельств, способствующих совершению преступлений и треть – по вопросам, связанным с нарушением закона на стадии дознания и следствия.

Соотношение вынесенных частных постановлений (определений) и оконченных уголовных дел составило в 2019 году – 1,83 %, а в 2023 году – 1,48 %. Из представленных показателей видно, суды достаточно редко прибегают к вынесению частных постановлений (определений) несмотря на то, что п. 23 По-

становления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» определяет, что выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, нарушению прав и свобод граждан, в целях их дальнейшего устранения в соответствии с ч. 4. ст. 29 УПК РФ является важной составной частью судебного разбирательства, и поэтому устанавливает, что судам следует при рассмотрении каждого уголовного дела принимать необходимые меры к выполнению этого требования закона и при наличии достаточных оснований выносить частные постановления (определения) [4].

В соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах своей компетенции, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия [8]. Согласно п. 3.4 приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» на государственных обвинителей возложена обязанность выявлять при производстве по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, а также в установленных законом случаях предлагать суду вынести частное определение (постановление) [3].

При этом и в отношении самих органов прокуратуры может быть вынесено частное постановление. Чаще всего частные постановления в адрес органов прокуратуры выносятся в связи с ненадлежащим надзором со стороны прокуроров за органами, производящими дознание и предварительное следствие, а также в связи с отсутствием контроля со стороны прокурора за распределением обязанностей подчиненных ему сотрудников, что приводит к необоснованным затягиваниям судебных заседаний.

Так, в 2019 году мировым судьей судебного участка № 64 Агинского судебного района Забайкальского края по уголовному делу в отношении гражданина Ц., прекращенному по ч. 1 ст. 119 УК РФ, было вынесено частное постановление, которым обращено внимание прокурора на ненадлежащий контроль со стороны заместителя прокурора Б.

Основанием для вынесения частного постановления явилось нарушение требований ч. 3 ст. 196 УПК РФ, а именно не проведение органами предварительного расследования судебно-психиатрической экспертизы в отношении Ц. В частном постановлении отмечается, что с учетом диагностирования у Ц. психического расстройства в виде легкой умственной отсталости, дознавателю, в силу разъяснений данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», для установления наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих наказуемость деяния, в ходе предварительного расследования надлежало назначить судебно-психиатрическую экспертизу, что не было сделано. При этом указанное нарушение норм УПК не было устранено путем внесения прокурором требований об устранении нарушений федерального законодательства, направления дознавателю письменного указания о направлении расследо-

вания, производстве процессуальных действий и т. д. и заместителем прокурора Б.. был утвержден обвинительный акт по уголовному делу в отношении Ц.

В этом же частном определении суд указал, что аналогичная ситуация была допущена по уголовному делу в отношении гражданина К., обвиняемого по ч. 1 ст. 167 УК РФ. Так, в ходе расследования уголовного дела в отношении К. органы дознания располагали информацией о том, что подозреваемый не служил в рядах Российской Армии, был зачислен в запас в связи с наличием психического расстройства при острых и хронических интоксикациях, инфекциях: патологических изменениях личности. Постановлением начальника ОД МО МВД России «Агинский» была назначена судебно-психиатрическая экспертиза в отношении К. Данное постановление было отменено заместителем прокурора Б. и им же утвержден обвинительный акт по делу. Таким образом, суд пришел к выводу, что с учетом диагностирования у К. психического расстройства в отношении указанного подозреваемого также надлежало назначить судебно-психиатрическую экспертизу.

Не проведение в ходе дознания судебно-психиатрических экспертиз в отношении Ц. и К. вынудило суд первой инстанции восполнять допущенную неполноту предварительного расследования, что повлекло за собой нарушение сроков рассмотрения указанных уголовных дел.

Данное частное постановление было обжаловано прокурором Агинского района, но суд апелляционной инстанции признал частное постановление законным и обоснованным и отказал в удовлетворении апелляционного представления прокурора [1].

Таким образом, вынесение частных постановлений (определений) в адрес органа или должностного лица становится действенным инструментом по недопущению нарушений закона, прав и свобод граждан, в связи с чем работа на данном направлении имеет важное превентивное значение. Прокурорский надзор в данном направлении деятельности необходим для соблюдения прав участников процесса, в связи с чем необходимо принять действенные меры по его активизации. Роль судов при нарушении законов правоохранительными органами в данном направлении имеет главенствующее значение для соблюдения гарантированных конституционных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Агинского районного суда Забайкальского края от 25.03.2019 №10-2/2019. URL: https://aginsky.abao.sudrf.ru/ (дата обращения: 30.11.2024).

2. Козлов А. С. Роль прокурора в реализации судами полномочий по вынесению частных постановлений и определений // Законность. 2017. № 7. С. 23–24.

3. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 : с изм. и доп. на 13 декабря 2023 года. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.11.2024).

4. О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.11.2024).

5. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 № 18-УД21-45-К4. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.11.2024).

6. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 год. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 30.11.2024).

7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 год. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 30.11.2024).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 22 апреля 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 30.11.2024).

9. Ярцев Р. В., Акопян А. А. Частное определение (постановление) в системе судебных решений при осуществлении уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 127–137.

УДК 343.615.1

Керимханов Замир Музафенович,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
i@k-zm.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

К вопросу о разграничении умышленного причинения вреда здоровью и побоев, а также от смежных составов преступлений

В статье рассматривается актуальная проблема разграничения умышленного причинения вреда здоровью и побоев, а также их отграничение от смежных составов преступлений. Авторы анализируют существующие подходы к определению и классификации данных преступлений, выявляя ключевые отличительные признаки и критерии, позволяющие точно определить, к какой категории относится конкретное деяние.

© Керимханов З. М., Евстегнеев А. С., 2025

Ключевые слова: *легкий вред, здоровье, побои, умышленное причинение вреда, правоприменительная практика, систематичность.*

Zamir Muzafenovich Kerimkhanov,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the issue of distinguishing intentional harm to health and beatings, distinguishing them from related crimes

The article deals with the actual problem of distinguishing intentional harm to health and beatings, as well as their separation from related crimes. The authors analyzes existing approaches to the definition and classification of these crimes, identifying key distinguishing features and criteria that allow us to accurately determine which category a particular act belongs to.

Keywords: *minor harm, health, beatings, intentional harm, law enforcement practice, systematic.*

В современном уголовном законодательстве Российской Федерации обращает на себя внимание сложность оценки тяжести вреда, причиненного здоровью, названного в ст. 115 и 116 УК РФ. Правоприменительная практика сталкивается с затруднениями при отграничении преступлений, в которых основным или дополнительным непосредственным объектом являются такие блага, как здоровье человека.

Подход законодателя к конструированию деяний, способных причинить вред здоровью, можно охарактеризовать двумя направлениями: так, если в диспозиции ст. 116 УК РФ называются методы возможного воздействия на тело человека, не приводящие к последствиям, названным в диспозиции ст. 115 УК РФ, и посредством указания на конкретный вред здоровью человека, который может быть причинен потерпевшему, с точки зрения длительности расстройства здоровья или утраты трудоспособности (ст. 115 УК РФ). Исходя из этого, в процессе применения уголовного закона возникает необходимость четкого уяснения и учета общественно опасных последствий в контексте причинения легкого вреда здоровью человека, в отличие от ситуаций, когда, в процессе оказания воздействия на тело человека присутствует фактор физической боли, который, как нам представляется, объективно усложняет возможность анализа и разграничения обозначенных действий, особенно, если они отягощены квалифицирующими признаками.

Соответственно, в правоприменительной практике встречаются трудности оценки объективной стороны преступных деяний, запрещенных ст. 116 УК РФ из-за разнообразия возможных действий и, связанных с ними, последствий. В рамках уголовно-правового определения степени тяжести телесных повреждений, правоприменитель руководствуется такими критериями, как тяжкий вред

здоровью, вред здоровью средней тяжести и легкий вред здоровью, что обусловливает отнесение конкретных деяний к определенным юридическим фактам с учетом характеристики стойкой утраты трудоспособности.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что умышленное причинение легкого вреда здоровью порой сложно отделить от смежных составов преступлений – побоев и истязаний.

Как нам представляется, при отграничении побоев от истязания упор следует делать на мотиве. Если при побоях мотивом может быть обида, несдержанность виновного, то при истязании – это умышленные систематические действия, направленные на причинение страданий и мучений потерпевшему [3, с. 85].

Кроме того, побои – это одноразовый и самостоятельный вид преступления, содержащий в себе такие действия как побои и/или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, тогда как истязание может включать в себя и систематические побои, длящиеся на протяжении длительного периода времени.

Как следует из диспозиции ст. 116 УК РФ, побои не причиняют вреда здоровью, а вот при истязании – согласно положениям ч. 1 ст. 117 УК РФ происходит причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ, т. е. возможно и систематическое причинения легкого вреда здоровью.

Следовательно, умышленное причинение легкого вреда здоровью следует отграничивать от истязаний – в первую очередь, по объективной стороне содеянного.

Как отмечено выше, истязание – это причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иных насильственных действий, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ, в тоже врем, при умышленном причинение легкого вреда здоровью – это разовый преступный акт, который может характеризоваться и неоднократными действиями, причинившими легкий вред здоровью, вызвавший кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности.

С субъективной стороны, истязание и умышленное причинение вреда здоровью – это деяния, всегда совершаемые с прямым умыслом, тогда как при побоях возможен и косвенный умысел по отношению к возможности наступления общественно опасных последствий.

Кроме того, из диспозиции ст. 117 УК РФ следует, что специфика истязания проявляется не только в применении физического насилия, но и в возможности причинения психических страданий, которые не должны влечь за собой причинения вреда здоровью средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. Таким образом, содержание диспозиции ст. 117 УК РФ определяет истязание как деяние, способное вызвать не только физическую боль, но и душевный дискомфорт посредством систематического применения насилия, исключая случаи наступления последствий, предусмотренных ст. 111, 112 УК РФ. Следовательно, дея-

ние, запрещенное ст. 117 УК РФ охватывает не только причинение физической боли, но и вызывание стресса или иных психических переживаний, не достигающих порога психических расстройств, формирующих составы названных выше преступлений.

Как нам представляется, действующая санкция деяний, запрещенных ч. 2 ст. 117 УК РФ, не в полной мере соответствует содержанию положений, изложенных законодателем в этой части. Так, согласно действующим положениям, частью второй устанавливается уголовная ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иными насильственными действиями, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 настоящего Кодекса, совершенное:

«а) в отношении двух или более лиц;

б) в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга;

в) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;

г) в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а равно лица, похищенного либо захваченного в качестве заложника;

д) с особой жестокостью, издевательством или мучениями для потерпевшего;

е) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

ж) по найму;

з) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

и) с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), – наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет *с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового*». Курсивом мы выделили дополнение к санкции, внесенное названным Федеральным законом.

По нашему мнению, несоответствие заключается в том, что ни в одном из пунктов части второй не усматривается специальный субъект, в отношении которого можно было бы применить запрет, связанный с лишением его права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Наши оппоненты могут не согласиться с нами, указав на содержание пункта «и» – «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть „Интернет“)». В какой-то мере с ними можно и согласиться, однако данное деяние может быть совершено общим субъектом, достигшим возраста уголовной ответственности и

не являющимся, например, «блогером». Следовательно, кого может касаться данный запрет? Как нам представляется вопрос остается открытым.

А. Н. Хлыстов, Ж. Я. Резник считают, что «и в названии, и в диспозиции ст. 116 УК РФ как у материального по конструкции состава преступления речь должна идти об умышленном причинении незначительного вреда здоровью человека. Примечательно то, что за причинение вреда здоровью в соответствии со ст. 112 и 115 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность лишь при наличии умысла на его причинение. Таким образом, побои, повлекшие по неосторожности причинение легкого вреда здоровью или вреда здоровью средней тяжести, должны быть квалифицированы только по ст. 116 УК РФ и дополнительной квалификации действий не требуется» [10, с. 82].

Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР, от 25 сентября 1979 года, давало разъяснения для судебной системы относительно трактовки систематичности как ключевого критерия истязания. Согласно документу, «наличие три и более инцидентов, представляющих собой правонарушения, необходимо для признания деяний истязанием. Систематичность второго преступления охарактеризована как повторное совершение, тогда как признание действий систематическими возникает после третьего преступления» [7].

На сегодняшний день законодатель не дает внятного толкования термина «систематичность». Но анализ правоприменительной практики позволяет прийти к некоторым выводам. Так, Верховный Суд РФ в своем Постановлении от 01.02.2011 № 1 под систематичностью понимает «неоднократные (более двух раз) нарушения в течение назначенного судом срока применения принудительной меры воспитательного воздействия [8].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 27 декабря 2016 года № 64 разъяснил, что под систематическим осуществлением деятельности, противоречащей уставным целям объединения граждан, понимается повторяющееся более двух раз действие [9].

По мнению А. Д. Дашиевой, «Систематичность является лишь формой проявления неоднократности в длящемся, продолжаемом преступлении» [2, с. 123].

Однако встает вопрос, какой период времени брать, в течение которого совершенные деяния будут составлять систему. Например, А. К. Зебницкая считает, что «для разграничения смежных составов ст. 116.1 и 117 УК РФ следует помнить, что истязание имеет место при неоднократном (минимум 3 раза) за календарный год причинении потерпевшему побоев» [4].

И. П. Портнов в своей работе указывал, что срок должен быть на столько не большим, чтобы повторное деяние совершалось в тот период времени, когда у потерпевшего еще свежи неприятные воспоминания и некомфортные и/или болевые ощущения после предыдущего акта насилия [6, с. 47].

В. Малков описывал систематичность более абстрактно: «систематичность будет налицо лишь в таких случаях, когда между отдельными действиями виновного нет большого перерыва, который, как правило, свидетельствует об

отсутствии тенденции в противоправном поведении правонарушителя» [5, с. 22].

Анализ современной правоприменительной практики [1] говорит о том, что суды в целях определения систематичности указывают разные по продолжительности сроки, в течение которых наносились побои. Вопрос о том, сколько времени проходит между эпизодами применения насилия, вероятно, причиняющими физическую боль, легкие телесные повреждения или даже побои, исследуется для определения характеристики систематичности истязания.

Полагаем, что в этом вопросе законодателю пора либо принять соответствующую норму права, либо дать разъяснения, которые позволят судам избегать толкования термина «систематичность» по своему усмотрению в каждом конкретном случае.

Отличия умышленного причинения легкого вреда здоровью и побоев от умышленного причинения тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, которых предусмотрена, соответственно, ст. 111 и 112 УК РФ мы видим в том, что при причинении легкого вреда здоровью, причиняемый вред здоровью человека именно легкий, а не средней тяжести или тяжкий. При побоях вред здоровью не причиняется, в то время как при умышленном причинении вреда здоровью – причиняется вред здоровью, соответственно легкий, средней тяжести и тяжкий.

Побои – это всегда активные действия, а причинение вреда здоровью различной тяжести может выражаться как в активных действиях, так и в бездействии, когда виновный обязан был и мог не допускать наступления вреда здоровью, но не предпринял ничего для того, чтобы эти последствия не наступили.

Разделяя систематические побои и иные преступления против здоровья человека, необходимо выделить, что ч. 2 ст. 117 УК РФ имеет девять квалифицирующих признаков, в отличие от четырех, упомянутых в части 116 УК РФ.

Преступление, рамки которого ограничены истязанием и причинением легкого вреда здоровью, исключает необходимость дополнительной правовой квалификации, а также объективно обозначает деяние как оконченное при наступлении опасных последствий, указанных в диспозиции соответствующей статьи УК РФ, исключая наступления трагических последствий, например, самоубийства потерпевшего, которое квалифицируется по ст. 110 УК РФ.

Рассматривая суть деяния, запрещенного ст. 117 УК РФ, полагаем, что особое внимание следует уделить последовательности поведенческих действий, складывающихся в цепочку систематического нанесения побоев либо иных насильственных действий, не повлекших за собой последствий, предусмотренных ст. 111 и 112 УК РФ. Из сказанного следует, что систематические насильственные акты, многократно повторяющиеся изо дня в день, порождают у потерпевшего реакцию, наполненную не только физическим, но и душевным страдани-

ем, унижением и обидой. В то время как одноразовые побои или причинение легкого вреда здоровью, при их разрозненном проявлении, не относятся к категории истязания, даже если они выполнены несколькими актами воздействия на тело человека.

Таким образом, можно сделать вывод, что умышленное причинение вреда здоровью и побои от смежных преступлений и от преступлений, где элементов преступного деяния могут быть побои, отличаются объективной стороной преступления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное постановление № 10-2-6/2021 10-6/2021 от 23 июня 2021 г. по делу № 10-2-6/2021. URL: http://sudact.ru/regular/doc/YSxrDDPpQPNp/. Приговор № 1-117/2020 1-2/2021 от 16 марта 2021 г. по делу № 1-117/2020 (дата обращения: 26.11.2024).

2. Дашиева А. Д. Вопросы определения систематичности при квалификации преступлений // Вестник Университета им. О. А. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6. С. 121–128.

3. Долголенко Т. В. Преступления против жизни и здоровья : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Проспект, 2021. 250 с.

4. Зебницкая А. К. Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 3. С. 17–19.

5. Малков В. Понятие систематичности в уголовном законодательстве // Советская юстиция. 1970. № 1. С. 22–31.

6. Портнов И. П. Ответственность за истязание // Социалистическая законность. 1983. № 7. С. 47–59.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 № 4 (ред. от 25.10.1996) «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» (отменен) // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. № 12. 1979.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Российская газета. № 29. 11.02.2011.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 64 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // Российская газета. № 1. 09.01.2017.

10. Хлыстов А. Н., Резник Ж. Я. Проблемы квалификации побоев при отграничении умышленного причинения легкого вреда здоровью // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 2(24). С. 81–86.

УДК 343.32

Козырева Анна Андреевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
afonina.anna.00@mail.ru

Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за репосты экстремистского содержания

Процедура привлечения к уголовной ответственности за репост, в частности, за репост экстремистских материалов по ряду причин является достаточно сложной с точки зрения квалификации рассматриваемого деяния. Свобода мысли, включающая в себя право придерживаться своих мнений, а также право менять их в любое время и по любой причине, не подлежит никаким ограничениям. Проблема в рассматриваемом аспекте заключается в трудности интерпретации умысла на распространение экстремисткой информации в глобальной сети Интернет.

Ключевые слова: *репост, экстремизм, Интернет, свобода слова, умысел, доказывание.*

Kozyreva Anna Andreevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Current issues of criminal prosecution for reposts of extremist content

The procedure of criminal liability for reposting, in particular, for reposting extremist materials is, for a number of reasons, quite complicated from the point of view of qualification of the act in question. Freedom of thought, which includes the right to hold opinions, as well as the right to change them at any time and for any reason, is not subject to any restrictions. The problem in the aspect under consideration is the difficulty in interpreting the intent to disseminate extremist information on the global Internet.

Keywords: *repost, extremism, Internet, freedom of speech, intent, proof.*

В ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] раскрываются определения ряда ключевых понятий, регламентирующих данную сферу правоотношений. Именно на их официальную трактовку ориентируются должностные лица, которые занимаются расследованием преступлений, совершенных с использованием сети Интернет. Указанный перечень, к сожалению, не содержит объяснение такого термина как «репост», что, на наш взгляд, несколько затрудняет деятельность соответствующих правоохранительных органов. Это связано с тем, что довольно значительная часть преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, связана именно с дефиницией «репост», в частности, «репост экстремистских материалов».

В одной из статей Закона РФ «О средствах массовой информации» указано на недопустимость цензуры, в другой – обращается внимание на недопустимость

© Козырева А. А., 2025

злоупотребления свободой средств массовой информации [2]. Данная идея развивается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Постановление), где отмечено, что при рассмотрении соответствующих уголовных дел судам следует обеспечивать, с одной стороны, охрану публичных интересов, в частности, основ конституционного строя, целостности и безопасности РФ, а с другой – защиту гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина – свободы совести и вероисповедания, свободы мысли, слова, массовой информации, права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, права собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Кроме того, указанные права и свободы могут быть ограничены только в исключительных случаях, прямо закрепленных в федеральном законе, в той мере, в какой это необходимо в демократическом обществе в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, территориальной целостности [4].

Таким образом, обращается внимание судов на то, что уголовно-правовой запрет, охраняющий публичные интересы, может вступать в конфликт с конституционным правом на свободу слова, что, в свою очередь, необходимо учитывать при разрешении уголовных дел. И, прежде всего, это касается случаев привлечения к уголовной ответственности за экстремистские призывы и высказывания, значительная часть которых осуществляется в киберпространстве.

Может сложиться впечатление, что Постановление допускает, пусть и в исключительных случаях, возможность законного ограничения свободы мысли (не слова). Однако эта интерпретация не является верной: свобода мысли, включающая в себя право придерживаться своих мнений, а также право менять их в любое время и по любой причине, не подлежит никаким ограничениям. Никто не может принуждаться к тому, чтобы придерживаться тех или иных мнений, изменять их или вовсе не придерживаться никаких.

Необходимо понимать, что вопрос о наказуемости мыслей не возникает: преступными, согласно соответствующим статьям Уголовного кодекса РФ [5], признаются именно деяния, пусть и вызванные внутренними убеждениями лица. Конечно же, криминализация существования у лица своего мнения (каким бы оно ни было) абсолютно недопустима.

Однако, с другой стороны, когда следователь расследует такое уголовное дело, то, в том числе, в процессе этой деятельности у него возникают подобные проблемы. Более того, по причине широкой географической распространенности сети Интернет, следователь выявляет все больше и больше фактов совершенных деяний, и тем самым возбуждает еще эпизоды совершенного преступления [1]. И это может быть один и тот же преступник, а могут быть у него и соучастники, что осложняет расследование. Потенциал и коммуникативные возможности глобальной сети Интернет используются идеологами экстремизма и лидерами деструктивных движений в качестве своеобразной виртуальной площадки, что в значительной степени усложняет процесс информационно-

аналитической деятельности субъекта расследования. Одним из вариантов сокрытия преступления можно назвать удаление файлов, свидетельствующих об их причастности к совершенному преступлению.

Учитывая все вышеизложенное, считаем, что необходимо внести изменения в пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», дополнив его разъяснением понятия «репост экстремистских материалов». Указав, что его следует рассматривать в качестве одной из форм публичных призывов и понимать под ним следующее: размещение пользователем в сети Интернет, в частности, на своей странице или на страницах других пользователей материала (видео-, аудио-, графического или текстового) с другого сайта, ранее признанного судом экстремистским материалом. Однако судам необходимо учитывать, что данное действие может быть квалифицировано по ст. 280, 280.1 или 282 УК РФ только в случаях, когда установлено, что лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности, совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, либо цель возбудить ненависть или вражду, унизить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

Полагаем, что данные изменения помогут закрепить в теории права дефиницию «репост экстремистских материалов», что будет иметь большое практическое значение для деятельности правоохранительных и судебных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристархова Т. А., Малахвей Е. Д. К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-prestupleniyah-ekstremistskogo-haraktera-sovershennyh-s-ispolzovaniem-seti-internet (дата обращения: 26.11.2024).

2. О средствах массовой информации : Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024). URL: http://pravo.gov.ru/(дата обращения: 27.11.2024).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) : принят Государственной Думой 8 июля 2006 года : одобр. Советом Федерации 14 июля 2006 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 28.06.2011 № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.10.2024).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 23 ноября 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2024).

УДК 343.32

Козырева Анна Андреевна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
afonina.anna.00@mail.ru

Палюлина Ирина Александровна,
кандидат исторических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
palylina_ia@kosgos.ru

Некоторые вопросы применения законодательства о противодействии экстремизму

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие у правоприменителя в связи с отсутствием в действующем законодательстве, в том числе, регламентирующем наказания за преступления экстремистской направленности, официально закрепленного определения понятия «социальная группа». Наличие единообразного подхода к пониманию значения данного термина, по мнению авторов, могло бы положительно повлиять на более эффективную реализацию правоохранительными органами, осуществляющими предварительное следствие, и судами принципа справедливости наказания за совершенное противоправное деяние.

Ключевые слова: *социальная группа, экстремизм, справедливость, судебная практика, правоохранительные органы.*

Kozyreva Anna Andreevna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Paliulina Irina Aleksandrovna,
candidate of historical sciences, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Some issues of application of legislation on counteraction to extremism

The article deals with some problems arising for law enforcers due to the absence of an officially enshrined definition of the concept of «social group» in the current legislation, including legislation regulating punishment for crimes of extremist orientation. The presence of a uniform approach to understanding the meaning of this term, according to the authors, could have a positive impact on a more effective realization by law enforcement agencies conducting preliminary investigation and courts of the principle of fairness of punishment for a committed unlawful act.

Keywords: *social group, extremism, justice, judicial practice, law enforcement agencies.*

© Козырева А. А., Палюлина И. А., 2025

Еще в июле 2007 года в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» [3] в ряде статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), в том числе в прим. 2 к ст. 282.1 «Организация экстремистского сообщества» появился термин «социальная группа» применительно к квалифицирующим признакам преступления. В частности, в указанном примечании было дано определение понятия «преступление экстремистской направленности» как предусмотренного соответствующими статьями УК РФ и совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [6].

Поскольку в действующем законодательстве не существует официально закрепленного определения понятия «социальная группа», на практике до сих пор возникают проблемы его применения. Отсутствие единообразного подхода к рассматриваемой дефиниции напрямую влияет на реализацию правоохранительными органами, осуществляющими предварительное следствие, и судами принципа справедливости наказания, закрепленного в ст. 6 УК РФ.

Так, например, Вологодский областной суд рассмотрел в судебном заседании уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционной жалобе адвоката в защиту интересов осужденного на приговор одного из районных судов, в котором, в том числе, исследовался вопрос отнесения группы лиц «вологодские сотрудники полиции» к числу социальных. По данному делу существует заключение эксперта-лингвиста, который указал, что установление того, относится ли данная группа к числу социальных, не входит в его компетенцию. Кроме того, к делу приобщены показания нескольких специалистов. Одна из них в судебном заседании заявила, что, учитывая понятие социальная группа, она пришла к выводу, что полиция, как и вологодская полиция, является социальной группой. Другой специалист отметила, что в методике проведения экспертиз указано, что представители власти не являются социальной группой, так как они обладают особыми полномочиями, и общих ценностей у них нет. По мнению третьего специалиста, сотрудники полиции не образуют социальной группы, так как полицейские являются работниками правоохранительных государственных органов, а не политических и, тем более, не общественных организаций [2].

В Постановлении Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) от 28 августа 2018 года также анализировался вопрос возможности отнесения сотрудников полиции к отдельной социальной группе. В документе исследовался приговор суда первой инстанции, в котором данная категория граждан рассматривалась как достаточно крупная социальная группа – совокупность людей, объединенных на основе совместной деятельности, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Кроме того, в Постановлении приводились выдержки из «Практического руководства, по законодательству против преступлений на почве ненависти», опубликованного Бюро Организации по

безопасности и сотрудничеству в Европе по демократическим институтам и правам человека, в котором, в частности, указывалось на то, что в круг лиц, защищаемых по признаку «социальная группа», могут входить сотрудники полиции [4]. На данное Постановление в ряде случаев ссылаются и отечественные суды. Так, например, Центральный окружной военный суд при рассмотрении уголовного дела в отношении организатора и участников экстремистского сообщества «АУЕ» в тексте Определения упомянул это решение ЕСПЧ [1].

Таким образом, представляется очевидным различное понимание и применение судами понятия «социальная группа» даже в рамках одних и тех же статей УК РФ. Это ставит обоснованный вопрос о необходимости более единообразного толкования законодательства.

Для разрешения рассмотренных противоречий было бы целесообразно официально закрепить определение понятия «социальная группа», дополнив второй пункт Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [5] указанием на то, что под социальной группой следует понимать совокупность людей, обладающих общими признаками (профессия, место жительства, социальный статус, национальность, религиозные или иные убеждения и проч.), осознающих свою принадлежность к данной группе и воспринимаемых в качестве членов данной группы другими людьми.

Указанное дополнение позволит обеспечить единообразный подход в правоохранительной и судебной практике к рассмотрению дел соответствующей категории, что будет способствовать более эффективному осуществлению деятельности правоприменителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Апелляционное определение Центрального окружного военного суда от 24.11.2020 по делу № 22-213/2020. URL: https://actofact.ru/case-66OV0001-22-213-2020-2020-10-05-2-1/?ysclid=m42dtvg26e580392860 (дата обращения: 21.10.2024).

2. Апелляционное постановление Вологодского областного суда по делу № 22-76/2018 от 26.01.2018. URL: https://sudact.ru/regular/doc/skUBEwo9joUB/(дата обращения: 21.10.2024).

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : Федеральный закон от 27.07.2007 № 211-ФЗ (ред. от 22.02.2014) : принят Государственной Думой 6 июля 2007 года : одобр. Советом Федерации 11 июля 2007 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2024).

4. Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 по жалобе № 10692/09. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 21.10.2024).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 28.06.2011 № 11(ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.10.2024).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 23 ноября 2024 года : принят Государственной Думой 24 мая 1996 года : одобр. Советом Федерации 5 июня 1996 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 21.10.2024).

УДК 343.92

Кокоринова Екатерина Михайловна,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kokorinova.yekaterina@mail.ru

Евстегнеев Алексей Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
vse-evstegneev@yandex.ru

Проблемы правового обеспечения, предупреждения правонарушений и преступлений, совершаемых несовершеннолетними

В статье рассматриваются проблемы преступности несовершеннолетних. Обращено внимание на значимость сети «Интернет», которая делает возможным получать иобрабатывать информациювне зависимости от расстояния, позволяет общаться с единомышленниками, в том числе и антисоциально настроенных, совершать различные, как правомерные, так и противоправные действия. В публикации приводится анализ некоторых рисков для несовершеннолетних, исходящих из сети «Интернет», а также вовлекающихих в преступления.

Ключевые слова: *преступления несовершеннолетних в интернет-пространстве, несовершеннолетние, сеть «Интернет», социальные сети, компьютерная информация, предупреждение преступлений.*

Kokorinova Ekaterina Mikhailovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Evstegneev Alexey Sergeevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal support, prevention of offenses and crimes committed by minors

The article discusses the problems of juvenile delinquency. Attention is drawn to the importance of the Internet, which makes it possible to receive and process information regardless of dis-

© Кокоринова Е. М., Евстегнеев А. С., 2025

tance, allows you to communicate with like-minded people, including those who are antisocial, and perform various lawful and illegal actions. The publication provides an analysis of some of the risks for minors coming from the Internet, as well as involving them in crimes.

Keywords: *juvenile crimes in the Internet, minors, the Internet, social networks, computer information, crime prevention.*

Современное Российское государство заинтересовано в создании безопасных условий жизнедеятельности всего населения страны. Преступность несовершеннолетних, как и проблемы ее предупреждения, всегда вызывают повышенного внимания. Молодое поколение является резервом социального развития всего нашего общества, а проявляющиеся факты нарушений административного и уголовного законодательств несовершеннолетними свидетельствуют об упущениях в системе воспитательной и образовательной деятельности соответствующих субъектов, недостаточности условий для включения молодежи в жизнедеятельность общества.

Согласно статистически данным, за январь – октябрь 2024 года число уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их участии, уменьшилось на 9,6 % по сравнению с 2023 годом [1], что говорит о снижении преступности среди несовершеннолетних, однако, вопрос о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и обеспечения правопослушного поведения с их стороны является чрезвычайно актуальным. Это связано прежде всего с тем, что данная категория населения представляет собой особо уязвимую демографическую группу. В связи с названными упущениями, значительная часть несовершеннолетних подвергается негативному влиянию и внушению со стороны антисоциально настроенных взрослых, которые предлагают им деструктивные, противоправные модели поведения.

Как показывают результаты исследований, совершению несовершеннолетними противоправных деяний способствуют процессы разрушения ценностей, а также морально-этических образов и положительных традиций, происходящее снижение ощущения самоконтроля за своим поведением, изменение подхода к оценке системы ценностей и потребностей. По нашему мнению, перечисленные обстоятельства порождают кризисное состояниеу подростка, т. е. происходит обесценивание того, что многолетним опытом создавалось, преумножалось и передавалось всеми институтами российского общества. Вместо них возникли новые системы оценки ценностей, потребностей, и как следствие тому, новые подходы к их достижению, что, как верно отмечают в литературе, обусловливает новые формы поведения, а в последствие новые способы совершения преступлений [2].

Преступность несовершеннолетних, будучи обусловленной общими правилами возникновения и существования преступности, имеет свои особенности. В основном это возрастные, психологические, личностные отличия несовершеннолетних преступников и механизм преступного поведения, с проявлением и действием обстоятельств, способствующих совершению преступлений.

Преступность несовершеннолетних имеет такую особенность, как высокая латентность. Это обусловлено тем, что многие преступления совершаются

против своих сверстников. В силу закрытости этой общности, информация о совершенных преступлениях несовершеннолетними в отношении свих сверстников, как правило, правоохранительным органам просто неизвестна, что ведет к безнаказанности и вседозволенности, в результате чего, несовершеннолетние правонарушители, видя свою безнаказанность, совершают более значимые, нередко тяжкие или особо тяжкие преступления, или их серию.

Следующая особенность преступности несовершеннолетних, это особая жестокость, дерзость по отношению к своим жертвам, руководствуясь чаще всего корыстными, хулиганскими побуждениями, желанием повысить свой авторитет среди сверстников, озлобленностью.

Как известно, несовершеннолетние не обладают достаточным жизненным опытом и имеют не сформированный психоэмоциональный характер, поэтому в условиях стремительного развития их информированности о происходящих процессах, свободного доступа к Интернету и наличия ряда негативных семейно-бытовых факторов, вовлекаются в группы антиобщественной направленности [3].

В настоящее время нельзя не обратить внимание на стремительное развитие информатизации и цифровизацииобщества. Развитие информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» позволяет характеризовать ее как положительно, так и весьма отрицательно. Мы разделяем позицию о положительном влиянии сети «Интернет» на: допустимость коммуникации государств, физических и юридических лиц без географической привязки; легкодоступность получения информации; оперативность распространения, обмена, включая возможность осуществления банковских, иных финансовых операций, в том числе операций онлайн-транзакций; предоставление других виртуальных услуг (государственных, информационных, образовательных, культурных); возможность осуществления иных цифровых трансформаций [4].

Представляется, что следует согласиться со специалистами, сформировавшими классификацию основных угроз сети «Интернет», как мощного инструмента распространения запрещенной информации, оказывающей деструктивное влияние на несовершеннолетних:

– социальный тип угроз – негативные явления сети «Интернет», воздействующие на психику несовершеннолетнего (кибер-буллинг, троллинг и пр.).

– контентный тип угроз – публикации в сети «Интернет», которые содержат информацию, негативно влияющую на формирование личности несовершеннолетнего (информация порнографического, сектантского характера, пропаганда рискованного поведения, потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров и т. д.) [5].

Несовершеннолетие, с учетом особенностей психофизического развития и формирования личности, характеризующегося ограниченным объемом знаний, в том числе и правовых знаний, трудностями к адаптации, исходным некритическим типом мышления, преобладанием текстового способа коммуникации, большим количеством свободного времени на дистанционное общение, предопределяет особое влияние информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» мощного «шок-контента» на террористическую, экстремистскую,

порнографическую, суицидальную тематику, на пропаганду рискованного поведения, на потребление запрещенных веществ (фото, видео, аудиотексты), способствующее угрозе личной безопасности несовершеннолетнего, его преступному поведению.

С целью совершенствования противодействия преступности несовершеннолетних в рассматриваемой сфере считаем целесообразным внесение изменения в Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 года № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», определяющей долгосрочные ориентиры развития субъектов молодежной политики, а именно: *включение комплекса мероприятий, направленных на более эффективный контроль за интернет-контентами, социальными сетями; об ответственности уполномоченных лиц за осуществление подобного контроля; о необходимости выявления и более эффективного блокирования аккаунтов, сайтов, содержащих запрещенную информацию; о повышении эффективности просвещения и научного обеспечения образовательных организаций в сфере противодействия преступности, в том числе обусловленной влиянием сети «Интернет» [6]*.

При этом важным звеном в системе субъектов профилактики преступности несовершеннолетних, продуцируемой интернет-контентом, признаны сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних ОВД России. По нашему мнению, в целях предупреждения негативного воздействия информации, продуцируемой интернет-контентами и причиняющей вред нормальному развитию несовершеннолетних, представляется целесообразным внести изменения в Приказ МВД России от 15 октября 2013 года № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»: *включение раздела «Организация работы по профилактике преступлений несовершеннолетних, совершенных под влиянием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащего возложение обязанности на наиболее опытного сотрудника подразделения «К» осуществлять мониторинг телекоммуникационных сетей с целью своевременного выявления и нейтрализации программ, оказывающих негативное влияние на развитие несовершеннолетних и провоцирующих их на совершение противоправных деяний, а также суицидальных поступков.*

По нашему мнению, ввиду очень большой загруженности сотрудников ПДН, необходимо в приказном порядке осуществлять мониторинг социальных сетей соответствующими специалистами подразделений «К», закрепив этот участок деятельности за конкретным опытным сотрудником данного подразделения.

На основании изложенного полагаем, что решение обозначенных проблем посредством внесения подобных изменений в нормативно-правовые акты противодействия деструктивному влиянию сети «Интернет» будет способствовать снижению уровня криминогенного воздействия контента на лиц несовершеннолетнего возраста, повышению их информационной безопасности и профилактике правонарушений и преступлений с их стороны.

Список источников

1. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – октябрь 2024 года // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/item/28021552/ (дата обращения: 30.11.2024).

2. Атагимова Э. И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2023. № 4. С. 16–22.

3. Корчагина Л. М. Опыт профилактики девиантного поведения подростков // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сб. материалов Всерос. симпозиума психологов / под общ. ред. Д. В. Сочивко. Рязань : Акад. ФСИН России. 2024. С. 268–273.

4. Гурьева И. В. Интернет-преступность несовершеннолетних: российский и зарубежный опыт противодействия // Актуальные исследования. 2024. № 5(187). Ч. 2. С. 12–16. URL: https://apni.ru/article/8370-internet-prestupnost-nesovershennoletnikh-ros (дата обращения: 30.11.2024).

5. Системные риски управления при реализации государственной политики в области образования и науки: анализ проблемной ситуации, риски и их идентификация / Е. М. Анохина, Ю. В. Косов, В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. 2024. № 10. С. 8–26.

6. Король Д. П. Несовершеннолетнее лицо как субъект преступлений в сети Интернет // Киберпреступность: риски и угрозы : материалы Всерос. студ. круглого науч.-практ. стола / под общ. ред. Е. Н. Рахманова. СПб. : Астерион. 2023. С. 47–50.

УДК 343.1

Кузьмина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
kuzmina.nat@yandex.ru

Тютюкин Данил Алексеевич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Tyutyukin.danil@yandex.ru

К вопросу о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам

Статья посвящена анализу института пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Рассматриваются правовые и практические аспекты применения этого механизма, включая проблемы определения «новых обстоятельств», сроков подачи заявлений и процессуальных особенностей пересмотра. Авторы акцентируют внимание на

© Кузьмина Н. В., Тютюкин Д. А., 2025

необходимости совершенствования законодательной базы для повышения эффективности судебного контроля и восстановления справедливости.

Ключевые слова: *пересмотр судебных актов, вновь открывшиеся обстоятельства, правосудие, судебные ошибки, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, правоприменение, справедливость, судебный надзор.*

Kuzmina Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Tyutyukin Danil Alekseevich,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

On the issue of reviewing judicial acts based on newly discovered circumstances

The article is devoted to the analysis of the institution of reviewing judicial acts that have entered into legal force based on newly discovered circumstances in the criminal procedure of the Russian Federation. It examines the legal and practical aspects of applying this mechanism, including issues related to the definition of "new circumstances", deadlines for filing applications, and procedural specifics of the review process. The authors emphasizes the necessity of improving the legislative framework to enhance the efficiency of judicial oversight and ensure the restoration of justice.

Keywords: *review of judicial acts, newly discovered circumstances, justice, judicial errors, criminal procedure, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, legislation, law enforcement, fairness, judicial oversight.*

Судебная система является важнейшим институтом правового государства, предназначенным для разрешения правовых конфликтов и обеспечения соблюдения законности. Одной из важнейших гарантий правосудия является возможность пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу. Этот процесс представляет собой проверку законности и обоснованности принятых решений, что является необходимым для восстановления справедливости, особенно в случаях, когда судебный акт был вынесен на основании неверных или неполных фактов. Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам является одним из ключевых инструментов для исправления судебных ошибок и восстановления справедливости. Этот процесс основан на возможности пересмотра судебных решений в случае выявления фактов, которые не были известны в момент принятия приговора, определения или постановления. В Российской Федерации пересмотр таких актов регулируется Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], а также Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [3], и является важной частью системы правосудия. Конституционными положениями гарантируется право каждого осужденного за преступление на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (ч. 3 ст. 50) [1]. Данное право

представляется как одно из ключевых и важнейших прав лица, которое привлекается к уголовной ответственности.

Согласно данным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, за 2022 год в России было рассмотрено более 2,5 тысяч дел в рамках пересмотра приговоров по вновь открывшимся обстоятельствам. Этот показатель наглядно демонстрирует важность и востребованность механизма пересмотра судебных решений, особенно в контексте восстановления прав лиц, подвергшихся судебным ошибкам. Более того, проблемы, связанные с определением «новых обстоятельств», продолжением сроков подачи заявлений и квалификацией новых доказательств, значительно влияют на эффективность судебного контроля и правосудия в целом. В 2023 году было зафиксировано увеличение числа заявлений о пересмотре приговоров, что подтверждает необходимость совершенствования существующего законодательства для ускорения и улучшения процесса пересмотра судебных актов. Таким образом, актуальность темы исследования заключается в том, что существующие правовые и организационные проблемы требуют пересмотра и адаптации действующих норм законодательства для более точного и справедливого применения правосудия [6].

В соответствии со ст. 413 УПК РФ [2], пересмотр вступивших в законную силу судебных актов возможен в случае выявления вновь открывшихся обстоятельств. Вновь открывшиеся обстоятельства – это факты, которые существовали, но не были известны участникам процесса, а также факты, которые стали известны только после вынесения судебного акта. К примеру, это могут быть новые доказательства, которые были недоступны в момент рассмотрения дела, или ошибки, допущенные в ходе судебного разбирательства. Пересмотр может быть инициирован как стороной защиты, так и обвинением, если будут установлены факты, которые могут существенно повлиять на решение дела. Важно отметить, что решение о пересмотре принимает суд, который должен тщательно проверять обоснованность доводов и наличие новых доказательств [5, с. 168].

Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовном процессе проходит несколько ключевых этапов. Начинается процедура с подачи заявления о пересмотре, которое может быть подано как заинтересованной стороной (осужденным, защитником, прокурором), так и по инициативе суда [4]. Затем суд проверяет, есть ли основания для пересмотра и соответствует ли заявленное основание «новым обстоятельствам» юридической природе. Согласно ч. 1 ст. 413 УПК РФ [2], пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам возможен в случае, если эти обстоятельства могут существенно повлиять на результат дела, например, выявление новых доказательств, которые могут изменить решение суда. В случае признания основания пересмотра обоснованным, суд может отменить или изменить ранее вынесенный приговор.

Основной правовой проблемой, связанной с пересмотром судебных актов, является сложность в установлении критериев «новых обстоятельств» [5, с. 169]. Важно определить, какие именно факты и доказательства могут быть признаны новыми, а какие – нет. Законодательство часто сталкивается с проблемой размытости правовых понятий, что создает правовую неопределенность и трудности в практическом применении. Другим важным вопросом является

срок, в течение которого можно подать заявление о пересмотре. УПК РФ устанавливает шестимесячный срок для подачи заявления, который исчисляется с момента, когда сторона узнала о вновь открывшихся обстоятельствах. Однако этот срок вызывает споры в юридической практике, поскольку многие осужденные или их защитники не всегда могут своевременно узнать о наличии новых доказательств. Также вызывает вопросы и процессуальная сторона пересмотра. Например, часто возникает ситуация, когда пересмотр решения суда может затянуться, что нарушает принцип разумного срока. В связи с этим исследователи и практики высказывают мнение о необходимости совершенствования законодательства и более четкого регулирования сроков пересмотра судебных актов.

На практике проблема пересмотра также связана с действиями органов расследования и прокуратуры, которые часто не в полной мере используют все возможности для сбора новых доказательств [6, с. 293]. На это влияет не только квалификация следователей, но и бюрократические препятствия, такие как нехватка времени и ресурсов для повторного расследования. Важно, чтобы суды и прокуроры более активно использовали возможности для восстановления справедливости, особенно в случае серьезных судебных ошибок. Примером успешного пересмотра может служить дело о реабилитации незаконно осужденных в советский период, когда новые обстоятельства (например, признание политической репрессии незаконной) привели к отмене приговоров и восстановлению прав осужденных.

Одной из основных проблем в правоприменении является неясность в определении, что можно считать вновь открывшимися обстоятельствами. На практике суды часто сталкиваются с трудностью в интерпретации фактов и доказательств, которые могут быть основанием для пересмотра судебных актов. В результате возникает правовая неопределенность, которая затрудняет эффективное применение нормы о пересмотре. Проблема усугубляется и сложностью оценки того, действительно ли новые факты могут повлиять на итоговое решение по делу. Важно, чтобы в законодательстве были четко прописаны критерии, какие обстоятельства могут быть признаны вновь открывшимися и в каких случаях это должно привести к пересмотру. Это обеспечит более ясную правовую картину для участников процесса и снизит вероятность судебных ошибок.

Решением проблемы пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, на наш взгляд, может стать комплексный подход, который включал бы уточнение и расширение перечня обстоятельств, которые могут быть признаны вновь открывшимися, а также совершенствование процесса проверки этих обстоятельств. В настоящее время законодательство недостаточно четко регламентирует, какие именно факты могут быть признаны новыми и должны ли они существенно изменять судебное решение. Это приводит к правовой неопределенности и затрудняет эффективное применение института пересмотра. Для решения этой проблемы необходимо более детально прописать перечень обстоятельств, которые могут быть основанием для пересмотра судебных актов. Например, это могут быть новые доказательства, которые были недоступны на момент рассмотрения дела, новые научные данные или методики,

которые позволили бы по-новому оценить имеющиеся доказательства. Также важно учитывать возможность пересмотра судебных актов в случае изменения правоприменительной практики или изменений в законодательстве, которые могут повлиять на решение дела. Таким образом, расширение перечня вновь открывшихся обстоятельств и уточнение критериев их определения позволит судам более эффективно реагировать на реальные случаи судебных ошибок, обеспечивая справедливость и правовую определенность.

Таким образом, пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам является важным институтом правосудия, но сталкивается с рядом правовых и практических проблем, таких как неопределенность в установлении критериев «новых обстоятельств» и длительные сроки подачи заявлений. Для решения этих проблем необходимо уточнение критериев вновь открывшихся обстоятельств и совершенствование процедуры их проверки, а также улучшение механизмов подачи заявлений, что позволит повысить эффективность судебного контроля и восстановление справедливости.

Вместе с тем, в рамках данной статьи не представляется возможным более детально изучить изложенные проблемы и предложить исчерпывающие рекомендации по их устранению. Это требует проведения дополнительных исследований, анализа судебной практики и детальной проработки нормативных и процессуальных аспектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.12.2024).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 23 ноября 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.12.2024).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 26 октября 2024 года : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобр. Советом Федерации 30 октября 2002 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 13.12.2024).

4. Ким В. В. Судебная ошибка как основание для пересмотра судебных актов по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-oshibka-kak-osnovanie-dlya-peresmotra-sudebnyh-aktov-po-novym-i-vnov-otkryvhimsya-obstoyatelstvam (дата обращения: 13.12.2024).

5. Шаталов А. С. Отличительные особенности возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otlichitelnye-osobennosti-vozobnovleniya-proizvodstva-po-ugolovnomu-delu-vvidu-novyh-ili-vnov-otkryvshihsya-obstoyatelstv (дата обращения: 13.12.2024).

6. Сводные статистические сведения о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 2021, 2022, 2023 гг. URL: https://cdep.ru/ (дата обращения: 13.12.2024).

УДК 343.132.4

Ломтева Елизавета Сергеевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lomteva.elizavetka@mail.ru

Яснева Елена Васильевна,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
yasneva.e.v@yandex.ru

К вопросу об опознании путем использования систем видео-конференц-связи при расследовании преступлений

В данной статье рассматриваются вопросы проведения опознания путем использования систем видео-конференц-связи. Выявленные в ходе исследования проблемы указывают на необходимость усовершенствования процедуры указанного следственного действия и предложены пути их разрешения.

Ключевые слова: *опознание, следователь, видео-конференц-связь, предварительное следствие.*

Lomteva Elizaveta Sergeevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Yasneva Elena Vasilyevna,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the issue of identification through the use of video conferencing systems in the investigation of crimes

This article discusses the issues of identification through the use of video conferencing systems. The problems identified during the study indicate the need to improve the procedure for this investigative action and suggest ways to resolve them.

Keywords: *identification, investigator, video conference call, preliminary investigation.*

В условиях стремительного развития технологий и цифровой трансформации использование систем видео-конференц-связи (далее – ВКС) все шире внедряется в различные сферы, в том числе в сферу юриспруденции. Как подчеркивает Л. Н. Бакланова, «под видео-конференц-связью подразумевается технология, позволяющая одновременно передавать видео и звук между двумя и более субъектами посредством аппаратно-программных средств коммуникации» [2, с. 316–319]. Видео-конференц-связь давно используется на стадии су-

© Ломтева Е. С., Яснева Е. В., 2025

дебного разбирательства, однако на стадии досудебного производства ее использование практически не регламентировано. В рамках уголовного процесса ВКС позволяет проводить такое следственное действие, как предъявление для опознания без физического присутствия участников, что открывает новые возможности для органов предварительного следствия.

Предъявление для опознания является следственным действием, заключающимся в отождествлении конкретного объекта по мысленному образу, запечатленному в сознании опознающего лица. Это одно из наиболее сложных следственных действий. Оно основано на закономерностях криминалистической идентификации, которая, в свою очередь, исходит из признания индивидуальности и неповторимости объектов материального мира. Таким образом, основной задачей предъявления для опознания является установление тождества (идентичности) объекта, имеющегося в распоряжении следователя или дознавателя, с объектом, который ранее наблюдался опознающим лицом и мысленный образ которого остался в его памяти. Такое отождествление происходит путем выявления общих и частных идентификационных признаков; путем выделения опознаваемого объекта из группы однородных; путем сравнения опознаваемого объекта с его мысленным образом.

Несмотря на очевидные преимущества, внедрение ВКС в следственные действия порождает ряд правовых и практических вопросов, требующих тщательного анализа и поиска оптимальных решений для обеспечения справедливости и эффективности процесса.

В случае необходимости проведения опознания с использованием видеоконференц-связи, в соответствии с ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ, следователь (дознаватель) направляет другому следователю (дознавателю) в территориальный орган по месту нахождения лица, участие которого необходимо, письменное поручение об организации его участия в следственном действии. Таким образом, при проведении опознания с использованием видео-конференц-связи, должны быть задействованы, как минимум, два следователя (дознавателя), а также при необходимости могут быть привлечены и сотрудники оперативных подразделений, задействованные следователем (дознавателем) для оказания помощи при производстве данного следственного действия. Помимо этого, необходимо обеспечить участие понятых в проводимом следственном действии. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, как по месту нахождения опознаваемого, так и по месту нахождения опознающего, должно присутствовать как минимум по 2 понятых. Один следователь (дознаватель) будет выполнять письменное поручение в части технического сопровождения следственного действия, а другой следователь (дознаватель), в производстве которого находится уголовное дело, соответственно проводить следственное действие, после и в ходе проведения которого составляется протокол с соблюдением требований уголовно-процессуального закона с учетом особенностей его подписания, установленных ст. 189.1 УПК РФ, следователем (дознавателем), которому поручено производство расследования. При этом, как мы знаем, проведение следственного действия может занять порой несколько часов ввиду особенностей его проведения, что может оказать влияние на эффективность работы по уголовным

делам, находящимся в производстве следователя (дознавателя), исполняющего поручение.

Для выделения процессуальных особенностей проведения опознания посредством использования видео-конференц-связи представляется необходимым провести сравнительный анализ с процессуальным порядком «опознания в очной форме». Порядок проведения «опознания в очной форме» регламентируется ст. 193 УПК РФ, в которой содержатся требования к предметам и лицам, предъявляемым для опознания, и процессуальным документам, составляемым на завершающем этапе данного следственного действия. Так, лица или предметы, предъявляемые для «опознания в очной форме», должны быть внешне схожими с лицом или предметом, предъявляемым вместе с опознаваемым. Количество опознаваемых предметов и лиц должно быть не менее трех. По окончании следственного действия составляется протокол, в котором указываются обстоятельства опознания (условия, порядок и результаты проведения), а также показания опознающего и т. д. Данные требования распространяются также и на опознание, проводимое с использованием видео-конференц-связи [4].

Представляется, что рассматриваемое нами следственное действие может производиться в двух вариантах. Первый вариант – когда опознающий находится по месту расследования, а все остальные участники (опознаваемый, статисты, понятые) приглашаются следователем-организатором. Второй вариант, напротив, предполагает нахождение основной группы участников (опознаваемого, статистов, понятых) по месту расследования, а следователь-организатор обеспечивает присутствие опознающего. Защитник, как в первом, так и во втором варианте, исходя из обстоятельств производства следственного действия, может находиться по месту нахождения как опознающего, так и опознаваемого.

При анализе норм уголовно-процессуального закона и мнений ученых-процессуалистов, мы выявили проблему о времени производства опознания. Положениями ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ предусмотрено, что в протоколе указывается время производства следственного действия по месту не только его составления, но и нахождения опознаваемого лица. Так как территория Российской Федерации охватывает 11 часовых поясов, то между следователем, которому поручено производство предварительного расследования, и следователем по месту нахождения опознаваемого или опознающего лиц в ходе производства опознания посредством видео-конференц-связи могут возникать проблемы соблюдения ч. 3 ст. 164 УПК РФ, в соответствии с которой производство следственного действия в ночное время не допускается. Данная ситуация в нормах ст. 189.1 УПК РФ не урегулирована. В связи с этим, предлагаем внести изменения в положения ст. 189.1 УПК РФ, дополнив ее частью 9, изложив его в следующей редакции: «В случае наступления ночного времени у одного из участвующих в следственном действии лиц, следователю (дознавателю), производящему предварительное расследование по уголовному делу, необходимо предварительно получить удостоверенное подписью письменное согласие данного лица на проведение следственного действия в ночное время». Считаем, что данное положение позволит избежать нарушения законных прав и интересов участников следственного действия.

Помимо этого, в процессе проведения рассматриваемого нами следственного действия, существует возможность вмешательства третьих лиц, так как при передаче информации через Интернет существует риск перехвата и утечки конфиденциальных данных участников процесса. Для решения указанных проблем органам предварительного следствия необходимо иметь свой специальный программный комплекс либо официально утвержденную уполномоченными органами интернет-платформу, с помощью которых проведение опознания стало бы безопасным, удобным и эффективным при производстве предварительного следствия, а также сохранить тайну следствия. Хорошее техническое оснащение оборудованием всех следственных ведомств, необходимо еще и для того, чтобы все видео-доказательства, полученные таким образом, обладали четким разрешением и качеством съемки.

В процессе проведения опознания с помощью видео-конференц-связи необходимо обеспечить безопасное, бесперебойное и беспрерывное осуществление видеосигнала. Технические сбои, задержки в передаче звука или изображения могут затруднить коммуникацию между участниками процесса и повлиять на достоверность получаемой информации. Неспособность обеспечить эти условия может привести к обжалованию и оспариванию результатов опознания. Эффективность видео-конференц-связи в уголовном процессе, таким образом, зависит не только от правового регулирования, но и от технической инфраструктуры, которая должна соответствовать современным требованиям. Помимо этого, сотрудникам следственных органов необходимо обладать определенными знаниями в области информационных технологий в сфере видеоконференц-связи для избегания проблем в технической части проведения опознания с их использованием, что может быть отражено в инструкциях и рекомендациях для должностных лиц к проведению таких следственных мероприятий.

Проведение опознания с помощью использования систем ВКС является достаточно трудным и ответственным, требующим особого сосредоточения и профессионализма со стороны должностного лица, проводимого опознание, так как результаты его проведения могут быть ключевыми доказательствами при достижении истинности по расследуемому уголовному делу. На наш взгляд, совершенствование ст. 189.1 УПК РФ нуждается как с уголовно-процессуальных, так и с технических позиций, что будет способствовать результативности при производстве предварительного следствия по уголовному делу. Безусловно, применение дистанционных технологий при производстве следственных действий требует апробации и совершенствования. Однако ключевой шаг – принципиальное разрешение дистанционного формата законодателем сделан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Е. Ю. Анализ и перспективы следственных действий онлайн в стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы предварительного расследования : сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 32–36.

2. Бакланова Л. Н. Использование видео-конференц-связи при производстве допроса. URL: https://moluch.ru/archive/450/99343/ (дата обращения: 05.12.2024)

3. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видеоконференц-связи при производстве следственных действий // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 98–105.

4. Козлова Е. Л., Баринова Е. Д. Процессуальные и тактические особенности опознания в условиях использования видео-конференц-связи // Российский следователь. 2024. № 3. С. 13–17.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 05.12.2024).

УДК 343.359

Макарова Алена Александровна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
makarova.alena04@mail.ru

Смурова Наталья Денисовна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
natalasmurova9@gmail.com

Никитин Валерий Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
venik2206@yandex.ru

Крупные налоговые преступления в Российской Федерации и проблемы борьбы с ними

В статье рассматривается необходимость научного и законодательного переосмысления в рассмотрении правовой практики применения норм налогового и уголовного права российского законодательства в сфере налоговых преступлений. На основе исследования современной научной литературы и легальных нормативно-правовых актов проанализированы проблемы в связи с крупными налоговыми преступлениями, совершенными в последние годы в Российской Федерации. Авторами предложены ряд путей по борьбе с ними, в целях совершенствования налогового законодательства.

Ключевые слова: *налоговые преступления, налоговое право, уголовное право, налог на добавленную стоимость (НДС), отмывание денег, налогообложение, специальный налоговый режим, налог на профессиональный доход, коррупция в налоговых органах, предупреж-*

© Макарова А. А., Смурова Н. Д., Никитин В. В., 2025

дение и противодействие налоговым преступлениям, *исскуственный интеллект, доходы бюджета.*

Makarova Alena Alexandrovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Smurova Natalia Denisovna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Nikitin Valery Vladimirovich,
candidate of economic sciences, associate professor,
Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Major tax crimes in the Russian Federation and the problems of combating them

The article considers the necessity of scientific and legislative rethinking in the consideration of legal practice of application of tax and criminal law norms of Russian legislation in the field of tax crimes. On the basis of the study of modern scientific literature and legal normative-legal acts the problems in connection with major tax crimes committed in recent years in the Russian Federation are analyzed. The authors propose a number of ways to combat them in order to improve tax legislation.

Keywords: *tax crimes, tax law, criminal law, value added tax (VAT), money laundering, taxation, special tax regime, professional income tax, corruption in tax authorities, preventing and combating tax crimes, artificial intelligence, budget revenues.*

Крупные налоговые преступления представляют собой серьезную угрозу экономической стабильности любого государства. Они уменьшают доходы бюджета, подрывают саму бюджетную систему, снижают инвестиционную привлекательность страны и способствуют развитию коррупции. Борьба с ними сопряжена с целым рядом трудностей, требующих комплексного подхода. Традиционное деление мер на предупреждения и противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям на общесоциальные и специально-криминологические – это несколько размытое понятие, оно не имеет четких и определенных границ. Ряд мер в правовой практике сочетает в себе и общесоциальную и специальную отраслевую профилактику. В частности, к мероприятиям в сфере предупреждения и противодействия налоговым правонарушениям можно отнести понятность, удобность и экономическую обоснованность налогов и сборов, что закреплено, например, в специальных налоговых режимах. Эти, меры можно определить как общесоциальные меры специальной направленности. В результате объединения основных мер по выявлению и противодействия налоговым правонарушениям и преступлениям, на основе макроэкономического анализа, финансово-аналитического поиска и аналитического прогнозирования уже имеется возможность технологической упо-

рядоченности их при реализации управления процессом выявления правонарушений уполномоченным правоохранительным органом [2].

Количество зарегистрированных налоговых преступлений в Российской Федерации с 2019 по 2024 годы значительно увеличилось с 4 503 до 5 543 преступлений. Но при этом в 2020 году наблюдалось резкое падение уровня раскрываемости по сравнению с 2019 годом (снизилась с 78,2 до 66,2 %). В дальнейшем с 2021 по 2024 год наблюдается рост данного показателя. И по состоянию на 2024 год составляет 79,1 %, что превышает значение за 2019 год на 0,9 %. Также видно, что за период с 2019 по 2024 год доля не раскрытых налоговых преступлений не превышает одной третей от их общего зарегистрированного количества [3]. Иными словами, ежегодно удается раскрыть не более двух третьих числа налоговых преступлений от общего выявленного их числа.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» к налоговым преступлениям относятся деяния, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ [4]. В соответствии с Приложением № 2 к Указанию Генпрокуратуры России «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), используемых при формировании статистической отчетности» к налоговым преступлениям, предварительное расследование которым производится в форме предварительного следствия, без дополнительных условий, относятся преступления, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1, 199.2, 199.3 и 199.4 УК РФ. К данной группе также относятся деяния, связанные с незаконным возмещением налогов из бюджета, квалифицируемые по ч. 2, 3 и 4 ст. 159 УК РФ. Также, согласно данному Приложению, к налоговым преступлениям, при наличии дополнительных условий (указаны в Приложении 2), в целях статистического учета, относятся деяния, предусмотренные ст. 170.1, 173, 173.1, 173.2, ч. 1 ст. 193, ч. 2 ст. 193, ч. 1 ст. 193.1, ч. 2 и 3 ст. 193.1, ч. 3 и 4 ст. 194, ст. 195, 196, 197 УК РФ [7].

В соответствии с Приложением № 1 к Указанию Генеральной прокуратуры России к налоговым преступлениям, предварительное расследование по которым производится в форме дознания относятся деяния, квалифицируемые по ч. 1 ст. 159 УК РФ (незаконное возмещение налогов из бюджета), а также деяния, отнесение которых к категории налоговых преступлений осуществляется при наличии дополнительных условий, указанных в данном Приложении, а именно деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 193.1, ст. 194, 4, ч. 1 и 2 ст. 194 УК РФ.

По нашему мнению, сущность проблемы заключается в том, что крупные налоговые преступления характеризуются значительным масштабом ущерба, использованием сложных схем уклонения от налогообложения и часто – участием организованных преступных групп. Сюда относятся: схема оптимизации налогообложения, занижение налоговой базы, незаконный возврат налога на добавленную стоимость (далее – НДС), отмывание денег, полученных преступным путем, использование офшорных зон для сокрытия активов и др. Сложность заключается в том, что преступники постоянно разрабатывают новые, бо-

лее изощренные схемы, адаптируясь к совершенствованию законодательства и методов контроля.

Современные схемы уклонения от налогов часто маскируются под легальные финансовые операции, используя сложные юридические конструкции с множеством цепочек и каналов, зачастую встраиваются в международные финансовые потоки для отмывания доходов полученных преступным путем. Очевидно, что в будущем потребуется более глубокий анализ специальных финансовых документов и применение специализированных знаний и методов, в том числе и исскуственного интеллекта, для раскрытия налоговых преступлений, а для этого нужно шире привлекать экспертное сообщество и расширять международное сотрудничество и взаимодействие в этой области.

Следует отметить еще и недостаточную эффективность правоприменительной практики в стране. Здесь сам процесс доказывания в налоговых преступлениях зачастую сложен и длителен. Нередко отсутствует достаточное количество доказательных баз, что приводит к оправдательным приговорам или незначительным мерам наказаний, что не является сдерживающим фактором для потенциальных преступников. Имеющиеся факты коррупции в налоговых органах также значительно осложняют борьбу с налоговыми преступлениями. Взяточничество и сговор с налогоплательщиками также позволяют преступникам избегать наказания и продолжать незаконную деятельность.

Сохраняется ситуация недостатка ресурсов. Борьба с крупными налоговыми преступлениями требует значительных финансовых и кадровых ресурсов, которые не всегда доступны налоговым органам. Необходимы инвестиции в современные технологии, обучение специалистов и расширение международного сотрудничества.

Углубляется отсутствие международного сотрудничества, разрыв уже налаженного взаимодействия стран партнеров. Транснациональные налоговые преступления требуют эффективного международного сотрудничества для обмена информацией и расследования преступной деятельности за рубежом. Однако отсутствие единых стандартов и сопоставимости норм финансового, налогового, таможенного законодательства осложняет весь этот процесс.

Что касается Костромской области, сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД России по Костромской области совместно со Следственным управлением СК региона выявлен факт уклонения руководством одного местного промышленного предприятия от уплаты налогов. Предварительно установлено, что только в 2016 и 2017 годах злоумышленники через «фирмы-однодневки» заключили фиктивные договоры о покупке расходных материалов, якобы необходимых для улучшения работы оборудования. В дальнейшем на основании этих документов в инспекцию Федеральной налоговой службы по г. Костроме были предоставлены недостоверные сведения, на основании которых была занижена подлежащая уплате сумма НДС. Таким образом, ущерб бюджетной системе Российской Федерации составил порядка 54 млн руб. На основании собранных материалов Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ [3].

Мы предлагаем некоторые пути решения этой проблемы, а именно, через усиление, укрепление норм отечественного законодательства. Считаем, что необходимо дальнейшее реформирование и совершенствование налогового законодательства, ужесточение мер ответственности и санкций за налоговые преступления, введение упрощенных процедур доказывания в судебных процессах [6].

Необходимо осуществлять дальнейшее и широкое применение и развитие информационных технологий. Внедрять современные информационные системы и применять аналитические инструменты, что позволит эффективнее выявлять и расследовать налоговые преступления.

Проводить регулярное и углубленное повышение квалификации специалистов. Здесь необходимо постоянное повышение квалификации сотрудников налоговых органов в области финансового анализа и расследования налоговых преступлений. Речь идет о сотрудничестве со специалистами финансовых и правоохранительных структур и привлечении независимых экспертов для включения их в различные комиссии для аттестации и аккредитации специалистов и оценки их профессиональной деятельности. Это еще более значимо в связи с тем, что в недавнее время в Российской Федерации наблюдалось снижение уровня доверия к власти, обусловленное процессом колоссальной дифференцированности доходов населения и существующему только в теории принципу экономии, или равенству перед законом, что приводило к правовому нигилизму и отказу от исполнения обязанностей граждан, в том числе предусмотренных Конституцией Российской Федерации [1; 5].

Необходимо активизировать, усиливать, укреплять, международное сотрудничество в области борьбы с налоговыми преступлениями, проводить обмен юридически значимой информацией и проводить совместные комплексные расследования.

Применять, осуществлять и использовать превентивные меры и проводить предупредительные мероприятия. Организовывать публичную пропаганду налоговой культуры, усиливать прозрачность деятельности государственных фискальных и правоохранительных органов. Усиление контроля за движением финансовых потоков, по нашему мнению, поможет снизить уровень налоговых преступлений в стране. Предлагаем внести изменения в ст. 75, 122, 127 Налогового кодекса Российской Федерации. Так, за крупные нарушения, такие как необоснованное освобождение и уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах, умышленное занижение или сокрытие доходов, или их части могут быть предусмотрены существенно более высокие санкции – штрафы, пропорционально размеру нарушения. В некоторых случаях, при более значимых, крупных сумм уклонениях от уплаты налогов, или их повторных случаях может быть предусмотрена конфискация всего имущества, нажитого преступным путем. Необходимо предусмотреть в нормах и сокращение сроков давности для привлечения к ответственности за подобные крупные налоговые преступления. Считаем, что сегодня требуется, незамедлительное усиление мер административного воздействия, более жесткие меры по приостановке деятельности организаций, привлечению к персональной ответственности должностных лиц, раз-

работка и внедрение систем мониторинга финансово-хозяйственной деятельности организаций с целью выявления и пресечения крупных нарушений.

Эффективность борьбы с налоговыми преступлениями в значительной степени зависит от слаженности и взаимодействия всех звеньев системы, обеспечивающей экономическую безопасность государства, в первую очередь налоговых органов и подразделений МВД, занимающихся расследованием налоговых преступлений. Мы считаем, необходимость усиления и поиска новых форм взаимодействия правоохранительных и контрольных, в том числе финансовых органов. Это подкрепляется также и тем, что передача службам МВД, в свое время, ряда дополнительных функций и компетенций от упраздненной структуры органов налоговой полиции усилила в действиях по выявлению и расследованию экономических преступлений большую экономическую составляющую это процесса.

Хочется отметить, что, несмотря на сотрудничество субъектов по предупреждения и борьбы с налоговыми преступлениями, большинство из них практически не осуществляют конкретного взаимодействия между собой (например, суды общей юрисдикции, арбитражные суды, таможенные органы и др.).

Таким образом, в заключение, подводя итог, утверждаем и подчеркиваем, что борьба с крупными налоговыми преступлениями является сложной и многогранной задачей, требующей строго комплексного подхода и совместных усилий государства, правоохранительных органов, экспертного и международного сообщества. Только при слаженном взаимодействии всех сторон можно достичь значимых эффективных результатов в этой важной области – снизить или даже побороть налоговые преступления в Российской Федерации в короткие сроки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 23.11.2024)

2. Корабельникова Ю. И. Налоговые преступления: понятие и место в структуре российского уголовного законодательства // Налоговое администрирование и профессиональное развитие государственных служащих как инвестиции в будущее : материалы науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 23 мая 2024 года). Нижний Новгород : Акад. лидерства и администрирования бизнес-процессов ФНС России. Волга (Нижний Новгород), 2024. С. 153–157.

3. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 23.11.2024).

4. Официальный сайт Управления МВД России по Костромской области. URL: https://44.мвд.рф/news/item/22054257/

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

6. Сизов Д. М., Никитин В. В. Правовые проблемы применения специального налогового режима «налог на профессиональный доход» // Актуальные

вопросы теории и практики судопроизводства (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации и юбилейному, X Всероссийскому съезду судей) : сб. тр. XIX Всерос. декабрьских юрид. чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф. (8–9 декабря 2022 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин, Л. А. Хлестакова ; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Электрон. текст., граф. дан. (3,72 МБ). Кострома : Костром. гос. ун-т, 2023. С. 354.

7. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

УДК 347.9

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Melnikk44@gmail.com

Гарбер Элеонора Андреевна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
Garber.Elya@yandex.ru

Отдельные вопросы организации судебных заседаний в арбитражных судах Российской Федерации с использованием видео-конференц-связи

В статье рассматривается вопросы организации заседаний в арбитражных судах Российской Федерации с использованием видео-конференц-связи и необходимость определения сроков подачи ходатайств на проведение заседаний с использованием этого инструмента. Технологические новшества в виде видеоконференций позволяют ускорить рассмотрение дел, сэкономить ресурсы и повысить доступность правосудия. В статье анализируются правовые основания применения видео-конференц-связи в арбитражных судах Российской Федерации, приводится обзор норм, регулирующих этот процесс, а также рассматриваются основания для отказа в проведении заседаний в формате ВКС. На основе анализа существующих правовых норм предлагаются изменения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации для определения сроков подачи ходатайств, что позволит повысить эффективность арбитражных процессов и снизить риски злоупотребления процессуальными правами.

***Ключевые слова**: арбитражный процесс, видео-конференц-связь, ходатайство, организация заседаний, сроки подачи.*

© Мельников И. Н., Гарбер Э. А., 2025

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Eleonora Andreevna Garber,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Certain issues of organizing court hearings in arbitration courts of the Russian Federation using video conferencing

The article considers the issues of organizing hearings in arbitration courts of the Russian Federation using videoconferencing and the need to determine the deadlines for filing motions to hold hearings using this tool. Technological innovations in the form of videoconferencing allow for faster consideration of cases, saving resources and increasing the accessibility of justice. The article analyzes the legal grounds for using videoconferencing in arbitration courts of the Russian Federation, provides an overview of the rules governing this process, and considers the grounds for refusing to hold hearings in the VKS format. Based on the analysis of existing legal norms, amendments are proposed to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation to determine the deadlines for filing motions, which will improve the efficiency of arbitration proceedings and reduce the risks of abuse of procedural rights.

***Keywords**: arbitration process, videoconferencing, motion, organization of hearings, filing time limits.*

Организация арбитражного процесса играет ключевую роль в обеспечении его эффективности и справедливости. На практике возникают вопросы, требующие уточнения и регулирования процедур. Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации правил арбитражного процесса к современным условиям и экономическим реалиям России.

Видео-конференц-связь в арбитражных судах РФ – это технологическое решение, позволяющее проводить заседания в режиме реального времени, обеспечивая присутствие участников через аудио- и видеосвязь. Этот инструмент уже широко используется в судебной практике и имеет правовое основание. Согласно ст. 46 Федерального закона «Об арбитражных судах в РФ», суды имеют право использовать видеоконференцию для проведения заседаний.

Использование видео-конференц-связи не нарушает принципов правосудия, таких как равенство сторон и право на защиту. Она обеспечивает эффективное взаимодействие участников процесса, соблюдая требования публичности и открытости [3]. Применение данной технологии способствует экономии времени и ресурсов, повышает удобство для сторон, гарантирует безопасность и соответствует современным технологическим стандартам. В соответствии с ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ, видео-конференц-связь организуется в суде в двух случаях: при удовлетворении судьей соответствующего ходатайства стороны или при исполнении судебного поручения другого арбитражного суда или суда общей юрисдикции об обеспечении организации ВКС.

Для разрешения вопроса удовлетворения ходатайства на проведение видео-конференц-связи законодатель обозначил условия, когда суд может отказать в проведении ВКС:

1) отсутствует техническая возможность для участия в судебном заседании с использованием систем видео-конференц-связи;

2) разбирательство дела осуществляется в закрытом судебном заседании.

Вышеуказанные основания для отказа внесены в ч. 5 ст. 153.1 АПК РФ [1], но вопрос о том, является ли список оснований для отказа исчерпывающим в научной литературе, дискуссионный.

Объективная возможность осуществления ВКС – это один из элементов технической возможности в соответствии с п. 8.1.5 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 [2].

На наш взгляд, данный факт не корректный, так как, представляется, что термин «объективная возможность» шире термина «техническая возможность».

На практике арбитражные суды часто ссылаются на ч. 5 ст. 159 АПК РФ для обоснования отказа в удовлетворении ходатайства именно об участии в судебном заседании посредством ВКС.

В соответствии с ч. 5 ст. 159 АПК РФ [1], арбитражный суд вправе отказать в удовлетворении заявления или ходатайства в случае, если они не были своевременно поданы лицом, участвующим в деле, вследствие злоупотребления своим процессуальным правом и явно направлены на срыв судебного заседания, затягивание судебного процесса, воспрепятствование рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта, за исключением случая, если заявитель не имел возможности подать такое заявление или такое ходатайство ранее по объективным причинам. В равной степени подобное имеет отношение и к несоблюдению заявителем разумности срока обращения с таким ходатайством: если ходатайство поступило в суд за день-два до заседания, вряд ли суды в состоянии организовать видеоконференцию в столь сокращенные сроки.

Таким образом, мы видим, что есть основание отказа в удовлетворении ходатайства, но нет четких рамок, которые позволяют лицу определить день подачи заявления на проведение ВКС. На наш взгляд, данное обстоятельство является неблагоприятным, как с точки зрения возможной реализации прав гражданина, так и единообразия судебной практики.

Поэтому для решения данной проблемы мы предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 153.1 АПК РФ [1], изложив ее в следующей редакции: «Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи при условии заявления ими ходатайства об этом в срок не менее трех дней до начала судебного заседания и при наличии в арбитражных судах или судах общей юрисдикции технической возможности осуществления видео-конференц-связи».

Кроме этого, дополнить ч. 5 ст. 153.1 АПК РФ новым пунктом, который следует изложить в следующей редакции: «нарушен срок подачи ходатайства на проведение судебного заседания с использованием видео-конференц-связи».

Установление сроков для подачи ходатайства о проведении заседания посредством ВКС в арбитражных судах имеет несколько положительных аспектов.

Во-первых, это способствует эффективной организации судебного процесса. Определенные сроки обеспечивают более предсказуемое расписание заседаний и позволяют сторонам и судам лучше планировать свое время.

Во-вторых, это улучшает управление делами, помогает избежать задержек и снижает неопределенность, связанную с назначением и проведением заседаний.

Таким образом, внедрение современных технологий в арбитражные суды, а также установление определенных сроков для ходатайства о проведении заседания посредством ВКС, способствует повышению эффективности и доступности правосудия. Это улучшает коммуникацию и управление процессами в судебных делах, сокращает временные затраты и экономические расходы для сторон, а также способствует более справедливому и эффективному разрешению споров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) : принят Государственной Думой 14 июня 2002 года : одобр. Советом Федерации 10 июля 2002 года. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2024).

2. Постановление Пленума Верховного Арбитражного Суда РФ 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» (ред. от 11.07.2014). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.10.2024).

3. Решетникова И. В., Куликова М. А., Царегородцева Е. А. Арбитражный процесс. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. 368 с.

УДК 343.2

Назаров Илья Александрович,
председатель Димитровского районного суда г. Костромы
Кострома, Российская Федерация
dimitrovsky.kst@sudrf.ru

Вопросы и проблемы применения части 2 статьи 14 Уголовного кодекса Российской Федерации – малозначительности деяния, запрещенного уголовным законом

В статье исследуется понятие малозначительности в уголовном праве. Проведен сравнительно-правовой анализ закрепления данного понятия в советский период, в современном уголовном законодательстве. Отдельное внимание уделено разъяснениям применения малозначительности в судебной практике.

Ключевые слова: *малозначительность деяния, общественная опасность, последствия.*

© Назаров И. А., 2025

Nazarov Ilya Aleksandrovich,
chairman of the Dimitrovsky district court of Kostroma,
Kostroma, Russian Federation

Questions and problems of application of Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation, insignificance of an act prohibited by criminal law

The article examines the concept of insignificance in criminal law. A comparative legal analysis of the consolidation of this concept in the Soviet period, in modern criminal legislation is carried out. Special attention is paid to explanations of the application of insignificance in judicial practice.

Keywords: *insignificance of an act, social danger, consequences.*

Согласно ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Понятие малозначительности содержалось и в прежних уголовных законах 1926, 1960 годов. Но впервые оно было введено еще в УПК 1923 года с 9 февраля 1925 года и определялось так: «Сверх того, прокурор и суд имеют право отказать в возбуждении уголовного преследования, а равно прекратить производством уголовное дело в тех случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержит в себе признаки преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ, но не может признаваться общественно опасным вследствие своей незначительности, маловажности и ничтожности своих последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования или дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным».

В УК 1926 года, который введен в действие с 01 января 1927 года, т. е. спустя менее двух лет, законодатель окончательно отказался от принципа целесообразности уголовного преследования, который присущ европейскому уголовному законодательству, и сформулировал позицию следующим образом: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно-опасного».

В УК РСФСР 1960 года отсутствуют понятия явной малозначительности и вредных последствий.

Таким образом, историческая трансформация показывает, как методично законодатель сужал критерии, сначала он превратил незначительность в малозначительность, убрал полностью маловажность и ничтожность последствий, а также целесообразность уголовного преследования. Потом исключил признак явности в малозначительности и отсутствие вредных последствий, и на сегодня

мы имеем очень лаконичную норму, которую мало кто знает, когда и к кому применять правильно.

Если очень немногочисленные теоретические наработки по этой теме можно найти в правовых базах, литературе, то практика применения данной нормы очень скудная.

В связи с обозначенным Верховным Судом РФ вектором, направленным на гуманизацию судебной практики по уголовным делам, данный вопрос представляется набирающим актуальность и интерес у правоприменителей, но в тоже время и вызывающий массу проблем.

Статистические данные позволяют сделать вывод о том, что институт малозначительности фактически «мертвый» и на это есть, как представляется, определенные причины.

Во-первых, не изжил себя обвинительный уклон правоохранительной системы и надзирающей за ней прокуратуры. Из устоявшихся десятилетиями их подходов любое деяние, запрещенное уголовным законом, надлежит через возбуждение уголовного дела довести до суда и добиться обвинительного приговора или как минимум прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию. Все иное влечет брак в их работе, ухудшение статистических показателей с различного вида последствиями для ответственных сотрудников. Правоохранители исходят из следующего – раз были потрачены материальные и кадровые ресурсы на дела, значит, они должны обязательно иметь судебную перспективу. Ни разу не приходилось видеть вживую постановление об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления ввиду малозначительности деяния. Понятно, что по лицевым делам в угоду статистики, а не принципу справедливости, интереснее возбудить раскрытое уголовное дело и направить его в суд, чем проанализировать иногда очевидные признаки, указывающие на возможную малозначительность совершенного деяния.

Во-вторых, суды первой инстанции в своей практике, проще говоря, опасаются применять данную норму, поскольку на понятном уровне не урегулированы критерии оценки деяния на предмет малозначительности, и всегда есть вероятность отмены судебного решения, так как малозначительность или ее отсутствие может очень широко толковаться вышестоящими инстанциями.

Как было отмечено ранее, прокуратура никогда не согласится с таким судебным решением, поскольку оно влечет реабилитацию, что является негативным показателем в работе надзорного ведомства.

Помимо статистической причины приводятся и иные обоснования не применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, в основном связанные с необходимостью неотвратимости наказания и превентивности мер реагирования на деликтное поведение. Довод, с точки зрения соблюдения принципа неотвратимости наказания, весомый, но противоречащий принципу справедливости.

В Димитровском районном суде г. Костромы за последние двенадцать лет малозначительность не применялась.

Проведенный анализ судебной практики по Костромской области, в которой действуют 49 судебных участков мировых судей, 17 районных судов, а это

всего около 150 судей, показал, что за последние пять лет норма о малозначительности применялась только шесть раз: один мировой судья в один и тот же день применил норму о малозначительности при рассмотрении двух однотипных дел по ст. 322.2 УК РФ (фиктивная регистрация); один судья районного суда в 2024 году применил малозначительность при рассмотрении уголовного дела по ч. 3 ст. 160 УК РФ; еще один судья районного суда в 2022 году применил малозначительность по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ; а также областной суд дважды применил малозначительность при рассмотрении дел.

Как представляется, вопросу применения малозначительности не уделяется необходимого внимания со стороны Верховного Суда РФ, который в своих разъяснениях мог бы сориентировать суды на правильное и понятное применение ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Проанализировав действующие постановления Пленума Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что положения, касающиеся малозначительности, зачастую носят абстрактный характер.

Так, в пункте 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [5] указано, что если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Аналогичное разъяснение содержит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [6], а именно: при правовой оценке действий, связанных с нарушением порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности, судам необходимо принимать во внимание положения ч. 2 ст. 14 УК РФ о том, что не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Возникает вопрос, что реального дают для правоприменителя такие разъяснения – фактически переписанная норма из УК РФ? Представляется, что ничего.

Схожая разъяснительная бедность содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3], в котором снова переписана ч. 2 ст. 14 УК РФ с добавлением ссылки на количественные и качественные характеристики предмета преступления, мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), обстоятельства, способствовавшие совершению деяния, и, обращаю внимание – «др.», а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» [4], где после копирования ч. 2 ст. 14 УК РФ указано

на мотив и цель, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), его отношения с лицом, в связи с которым были нарушены положения миграционного законодательства (например, при фиктивной регистрации близкого родственника по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации). Вот, что Верховный Суд РФ имел под понятием «др.», т. е. другое, остается только догадываться.

Побольше внимания малозначительности, но опять с элементами абстрактности уделено в постановлениях, касающихся неуплаты алиментов (здесь уже указано на размер неуплаченных сумм, длительность периода, за который уплата алиментов осуществлена не полностью, мотивы, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), и иные обстоятельства дела), касающихся кражи (здесь судам необходимо учитывать совокупность таких обстоятельств, как степень реализации преступных намерений, размер похищенного, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, характер обстоятельств, способствовавших совершению деяния, и опять «др.», то есть другое.)

Уже более конкретней, но все же очень сужено указано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [7]. При решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, то есть не представляющим общественной опасности, судам необходимо учитывать, в частности, размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество просмотров информации, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию. А ведь нам известно, что проявления экстремистской направленности не ограничиваются только оценкой аудитории.

Единственное разъяснение, которое, как представляется, дает хоть какие-то четкие практические ориентиры по применению ч. 2 ст. 14 УК РФ, содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [10]. В нем указано, что при решении вопроса о том, является ли деяние малозначительным, судам необходимо учитывать, например, совокупность таких обстоятельств, как количественные характеристики (хранение нескольких патронов) и качественные показатели предмета, мотив и цель, которыми руководствовалось лицо, поведение, предшествующее совершению деяния и (или) в период совершения деяния.

Также можно увидеть конкретику еще в одном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (ч. 2 ст. 253, ст. 256, 258.1 УК РФ)» [8], где сказано о том, что основанием для признания действий подсудимого малозначительными могут служить, например, незначительные количество и стоимость выловленной рыбы, отсутствие вредных последствий для окружающей среды, а также используемый способ добычи, который не являлся опасным для биологических, в том числе и рыбных, ресурсов.

Обращает на себя внимание с положительной точки зрения не профильное для судов общей юрисдикции постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [2], в котором более детально разъяснено применение малозначительности. В пункте 5 указано, что судам следует иметь в виду, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 14 УК РФ малозначительным является деяние, хотя формально и содержащее признаки состава преступления против военной службы, но с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств не представляющее общественной опасности. Обстоятельства, относящиеся к личности и постпреступному поведению, например оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и компенсация морального вреда, если ущерб и вред причинены в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, не являются обстоятельствами, характеризующими малозначительность правонарушения, они могут учитываться при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности или при назначении уголовного наказания.

Положения указанного выше постановления содержатся в применяемом при рассмотрении дел об административных правонарушениях Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [9].

Стоит также обратить внимание и на практику Конституционного Суда РФ в этой сфере. Например, в Определении от 16.07.2013 № 1162-О мы можем увидеть ссылки на те же формулировки о размере вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способе совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличии в содеянном обстоятельств, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части УК РФ. Этим не исключается учет при оценке степени общественной опасности деяния значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства.

Конституционный Суд РФ лишь в общем ориентирует на необходимость установить совокупность таких критериев, которые должны свидетельствовать о явной ничтожности антисоциальной направленности проступка и в итоге формировать у правоприменителя убеждение об отсутствии оснований уголовной ответственности, крайней несерьезности нарушения уголовно-правового запрета.

Принимая во внимание значительный процент рассматриваемых судами уголовных дел, связанных с хищениями, хотел бы остановиться на проблеме применения ч. 2 ст. 14 УК РФ в этой части подробнее.

Как отмечалось ранее, Верховный Суд РФ разъяснил необходимость учета размера похищенного при применении ч. 2 ст. 14 УК РФ. Речь идет о стоимости

похищенного. В частности, эти положения содержатся в Уголовном кодексе РФ и КоАП РФ: не более 1000 руб. – ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ, от 1000 до 2500 руб. – часть 2; свыше 2500 руб. – преступление.

Представляется, что Верховный Суд РФ, а также Конституционный Суд РФ, высказавшийся о значимости для потерпевшего того или иного блага, выступавшего в качестве объекта посягательства, имели в виду соотношение стоимости похищенного с имущественным положением потерпевшего. В этой связи возникает ряд вопросов.

Для примера можно взять кражу из магазинов продуктов питания, которые принадлежат крупным ритейлам или газа, бензина в небольших объемах у монополистов в этой отрасли.

Из общедоступных источников следует, что годовые обороты, доходы таких ритейлов, монополистов достигают сотни миллиардов, нескольких триллионов рублей. И это без учета стоимости всех их активов.

Если лицо украло в таком магазине продукты на сумму 5000, будет ли в таком случае малозначительность?

Если исходить из соотношения стоимости похищенного с имущественным положением потерпевшего, то ответ будет положительным. Однако ни в одном уголовном деле нет запросов на предмет имущественного положения крупных ритейлов. Лицевое раскрытое дело с направлением его в суд – отличный показатель работы правоохранительной системы. Суд в особом порядке выносит обвинительный приговор, который никто не обжалует – тоже хороший статистический показатель.

Но вот если вдруг суд позволит углубиться в проблематику малозначительности и признает отсутствие состава преступления, а малозначительность влечет именно это реабилитирующее основание, вот тут и начинается самое интересное.

Первым, кто не соглашается с таким решением, является надзорный орган, поскольку это крайне отрицательная статистика в работе. Принцип справедливости отодвигается на второй план и направленные в вышестоящие инстанции представления имеют большие шансы на удовлетворение, поскольку по таким широко оценочным делам причины для отмены судебного решения найдутся быстро. Могут придраться к ненадлежащей оценке характера похищенного, например, спиртное с закуской, к ненадлежащей оценке личности подсудимого, который якобы сам по себе опасен для общества, исходя из его характеризующего материала в отличие от совершившей тоже самое, например, бабушки-пенсионерки и т. д.

Поэтому суды первой инстанции не хотят нести риски отмены своего решения, и не примеряют малозначительность.

Однако, как было отмечено выше, существуют примеры, когда суды первой инстанции применяют малозначительность. Речь идет о случаях, когда мировым судьей прекращены уголовные дела по ст. 322.2 УК РФ, и о решениях районного суда по ч.3 ст.160 УК РФ.

Мировой судья мотивировал решения тем, что корыстный мотив или иная личная заинтересованность у подсудимой отсутствовали, так как денежных

средств за регистрацию она не получала. Регистрацию произвела в интересах малолетней дочери зарегистрированного лица для получения детских пособий, при этом с этим лицом подсудимая состоит в родственных отношениях. Случай у нее этот единичный. Она инициативно сняла лицо с регистрационного учета. Исходя из этого, сделан вывод о том, что нет доказательств причинения существенного вреда общественным отношениям и деяние является малозначительным. Во втором случае мотивировка аналогичная, только там регистрация тоже родственника произведена с целью его трудоустройства.

Прокуратура последовательно и упорно добивалась отмены решений мирового судьи, повлекших реабилитацию, но районный суд и кассационная инстанция, к разочарованию надзорного ведомства, поддержали решение суда первой инстанции.

Интересен и другой случай, когда в 2024 году судья районного суда прекратил уголовное дело за отсутствием состава преступления в отношении главного врача районной больницы, которая разрешила своей знакомой разобрать разрушающееся бревенчатое здание фельдшерско-акушерского пункта в одном из сел и забрать себе разобранные бревна. Рыночная стоимость ФАПа была установлена следователем в размере 218 838 руб. Суд мотивировал свое решение тем, что мотивом растраты было чувство сострадания, желание помощь многодетной матери (4 ребенка), оставшейся без жилья в результате пожара. Само здание ФАПа 1963 года постройки, восстановлению как объект недвижимости не подлежало, его балансовая стоимость 15 600 руб., остаточная – 0 руб. По сути, знакомая врача забрала остатки сруба рыночной стоимостью 60 694 руб. Здание ФАПа никем не востребовано, оно полностью утратило свое предназначение, его никто не захотел приобрести даже бесплатно, нуждаемости в нем с медицинской точки зрения нет, так как есть мобильный передвижной ФАП. Объект не нужен собственнику, который его не обслуживал. Более того, его разрушенное состояние угрожало гражданам. При таких обстоятельствах деяние было признано малозначительным и не дотягивающим до криминального уровня общественной опасности.

Прокурор обжаловал такое решение, поскольку признано право на реабилитацию, а он предъявил гражданский иск на 188 000 руб., добился ареста на дом и земельный участок врача.

Примером успеха прокуратуры в борьбе с малозначительностью является отмененное областным судом постановление районного суда о прекращении уголовного дела в отношении обвиняемого в краже денег в сумме 1033 руб. 97 коп. с банковского счета путем оплаты товаров. Главным и единственным доводом суда первой инстанции был небольшой размер похищенного и отношение потерпевшего к ущербу. Областной суд, отменяя постановление, указал, что суд в своих рассуждениях вошел в противоречие с уголовным законом, который отнес преступление к категории тяжких, что уже никак нельзя считать по степени общественной опасности малозначительным. Суд не учел образ жизни подсудимого, приобретение тем на похищенные деньги спиртного, сигарет, которые не относятся к предметам первой необходимости.

Касательно уже упомянутых двух случаев положительного применения областным судом как апелляционной инстанцией за последние 5 лет данной нормы, то здесь в первом случае женщина была признана виновной и осуждена в том числе по ч. 1 ст. 303 УК РФ за фальсификацию двух расписок на 2 000 руб. каждая от имени другой на оплату оказанных ей транспортных услуг для поездок по медицинским учреждениям, представив их в качестве доказательств при рассмотрении ее искового заявления о возмещении материального и морального вреда, причиненного преступлением. В этой части обвинительный приговор апелляционной судебной инстанцией был отменен, а дело прекращено на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ – в связи с малозначительностью содеянного, поскольку она действительно посещала медицинские учреждения в дни, на которые составлены расписки, и фактически понесла эти расходы, существенного вреда общественным отношениям действия осужденной не причинили, каких-либо общественно опасных последствий не повлекли.

Во втором случае С. был признан районным судом виновным в растрате с использованием своего служебного положения, а именно за то, что работая руководителем бюджетного учреждения, он был привлечен к административной ответственности и оштрафован на 20 000 руб. Штраф в размере 50 % от назначенной суммы был оплачен за счет бюджетных муниципальных средств, выделенных учреждению, а не из его личных денежных средств.

Отменяя обвинительный приговор и вынося оправдательный приговор, судебная коллегия указала, что небольшой размер причиненного материального ущерба, отсутствие в деле доказательств того, что деяние причинило существенный вред интересам администрации муниципального района, полное возмещение ущерба, не позволяют сделать вывод о том, что содеянное обладает признаками достаточной общественной опасности, которая позволила бы признать содеянное преступлением. Сам по себе способ растраты с использованием служебного положения, который является квалифицирующим признаком, без учета конкретных обстоятельств не может быть признан основанием, свидетельствующим о невозможности признания деяния малозначительным.

Два случая, связанные с оценкой суда апелляционной инстанции, один с отменой постановления о прекращении уголовного дела, второй с отменой обвинительного приговора, как раз демонстрируют шаткость мотивировок судов первой инстанции, которые не понимают в силу отсутствия разъяснений ориентиры применения ч. 2 ст. 14 УК РФ. В обоих случаях преступления были отнесены к категории тяжких. В одном случае уже только это, по мнению суда второй инстанции, не позволяет признать деяние малозначительным, а во втором случае сделан обратный вывод о том, что закон не препятствует распространять малозначительность на квалифицированные тяжкие составы.

Случаи с должностными лицами, на наш взгляд, говорят о целесообразности и актуальности включения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации позиций, касающихся рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, и разъяснения о порядке применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, в том числе о том, какие критерии по-

зволяют признать деяние малозначительным, в отношении каких субъектов преступления может применяться данная правовая норма.

Например, наряду с указанным случаем, нередки ситуации, когда вменяются размеры выписанных должностными лицами себе премий в незначительных суммах до 10 000 руб. или иных коррупционных хищений в таких же размерах. У судей возникает вопрос – можно ли применить малозначительность в таких случаях? Учитывая повышенный интерес к таким делам, общественный резонанс, иногда доходящий до ажиотажа, контроль за такими делами, при отсутствии разъяснений высшей судебной инстанции судьи первой инстанции просто бояться даже думать о признании коррупционного деяния малозначительным.

Хотелось бы обратить внимание на проблему с малозначительными хищениями, растратами при наличии квалифицирующих признаков.

Например, в стране имели место дела с кражей гуся на сумму 750 руб. группой лиц по предварительному сговору; кражей двух мешков с зерном на сумму 600 руб. группой лиц по предварительному сговору; кражей бензина на сумму 267 руб. 50 коп. с незаконным проникновением в хранилище; кражей сетки лука весом 35 кг группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в помещение; кражей имущества на сумму 433 руб. 50 коп. группой лиц по предварительному сговору; покушение на кражу из магазина алкогольной продукции и продуктов питания на общую сумму 155 руб. 80 коп. группой лиц по предварительному сговору; совершенная группой с незаконным проникновением в помещение кражей просроченной молочной продукции на сумму 2 339 руб. 20 коп..

В данных случаях, как и в нашем случае с банковской картой, малозначительность не применялась, поскольку было признано, что имела место именно криминальная общественная опасность, уровень которой был повышен за счет квалифицирующего признака.

Правильно это или нет – вопрос дискуссионный, и ответить на него необходимо в разъяснениях ВС РФ.

Хотя в практике встречаются его отдельные прецеденты на этот счет.

В качестве примера можно привести определение Верховного Суда РФ (от 26.06.2008 № 9-Дп08-11) из которого следует, что суд первой инстанции, признав Н. виновным в том, что он ночью незаконно проникнув в библиотеку, похитил принадлежавшие Р. 2 пары ножниц, не представлявших материальной ценности, квалифицировал эти его действия по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в помещение.

Однако из положенных в основу приговора показаний осужденного усматривается, что он проник в помещение библиотеки с целью хищения какой-либо оргтехники, но, не обнаружив ничего ценного, взял с собой найденные в ящике ножницы, которые позже выбросил.

В соответствии с действующим законодательством чужим имуществом как предметом хищения признаются вещи, по поводу которых существуют отношения собственности, обладающие ценностью и стоимостью.

Как установлено судом в приговоре похищенные осужденным ножницы не представляют материальной ценности.

При таких обстоятельствах, когда Н. приговором суда первой инстанции не был осужден за хищение оргтехники, его действия в части хищения из библиотеки, вопреки доводам надзорного представления, не могут быть квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как совершенное с проникновением в помещение покушение на тайное хищение чужого имущества, а материалы дела в этой части подлежат прекращению на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – ввиду отсутствия состава преступления.

Как было отмечено выше, областной и районный суды также в своих решениях указали на то, что квалифицирующий признак растраты не препятствует признанию деяния малозначительным.

Такой вывод, вероятно, базируется на позициях, изложенных в Кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2024 № 51-УД24-10-К8. В нем указано, что директор муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования внес в табель учета рабочего времени сведения о работе работника, который фактически на работу не выходил. Зарплата тому была необоснованно начислена в размере 16 391 руб. 71 коп.

Верховный Суд РФ указал, что отсутствие в материалах дела доказательств того, что вмененное деяние причинило существенный вред интересам муниципального образования, не позволяет сделать однозначный вывод о том, что данное деяние обладает признаками достаточной общественной опасности, необходимой для признания содеянного им преступлением. Сам по себе способ совершения растраты с использованием служебного положения, который является квалифицирующим признаком вмененного ему в вину деяния, без учета конкретных обстоятельств дела, не может быть признан основанием, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Однако принимая во внимание то, что право у нас не прецедентное, такой вывод про квалифицирующие признаки необходимо закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Касательно грабежа и разбоя, то здесь и Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ солидарны во мнениях и четко выразили свои позиции о том, что незначительность стоимости похищенного имущества не может повлечь признание малозначительности содеянного, поскольку при таких способах хищения, как грабеж, разбой, незначительность размера похищаемого имущества не может служить основанием для признания деяния малозначительным в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ (Надзорное определение Верховного Суда РФ от 23 декабря 2009 года по делу № 22-Д09-6, Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2019 № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Исмакаева Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 161 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 401.8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Отдельные судебные решения показывают, что учет конкретных мотивов преступлений при признании малозначительности деяния могут быть действительно важным критерием оценки.

Так, например, хищение газа поваром при приготовлении пищи, которую она раздала бесплатно верующим и рабочим религиозного учреждения, было признано малозначительным.

Вызывает затруднения и оценка таких дополнительных мотивов хищений как из мести, из ревности («возврат» подарка из-за измены), с целью удовлетворения половой потребности (кража интимного белья), из жалости (передача чужого имущества в пользу бедных).

Считаем, что при выборе ориентира на гуманизацию применения уголовного законодательства назрела необходимость разработки отдельного постановления Пленума Верховного Суда по применению ч. 2 ст. 14 УК РФ, поскольку определить содержание малозначительности деяния исчерпывающим образом невозможно, но можно и нужно конкретизировать это понятие, уточнить его объем.

В данном постановлении необходимо также осветить такую проблему применения ч. 2 ст. 14 УК РФ, как выбор основания, который предусмотрен ст. 24 УПК РФ.

Законодатель прямо не урегулировал вопрос, по какому из оснований должен происходить отказ в возбуждении уголовного дела или его прекращение в связи с признанием деяния малозначительным, в связи с чем на практике встречаются различные случаи.

В практике применяются два основания: п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие события преступления и п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие состава преступления.

Первый зачастую применяется по нелицевым делам, второй по лицевым, да и в целом в большинстве случаев. Использование основания п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (в связи с отсутствием события преступления) обусловливается прямым запретом, содержащимся в ч. 1 ст. 148 УПК РФ, согласно которому отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (то есть за отсутствием в деянии состава преступления), допускается лишь в отношении конкретного лица.

Представляется, что оба мнения имеют право на существование, поскольку факт малозначительности деяния не означает отсутствия в деянии состава преступления, поскольку деяние должно содержать все признаки состава преступления, иначе уголовное преследование подлежит прекращению уже по иному основанию. На это указывает и сам законодатель, говоря о деянии, «формально содержащем признаки преступления».

Если мы говорим об отсутствии состава преступления в деянии конкретного лица, то это означает, что нет какого-либо элемента или признака состава преступления. Однако при малозначительности этого нет, поскольку формально признаки противоправного деяния все-таки имеют место, а общественная опасность не является элементом или признаком состава преступления. Иначе говоря, при малозначительности в содеянном всегда есть состав преступления. Если

же состава преступления нет, то такое деяние не может быть преступным и обязанности нести уголовную ответственность не возникает.

Получается интересная ситуация. По сути, в малозначительном деянии нет общественной опасности, присущей преступлению. Но так как общественная опасность – это признак не состава преступления, а самого преступления, то выходит, что с материальной точки зрения состав преступления присутствует, но при прекращении уголовного дела, с процессуальной точки зрения, признаков состава преступления нет.

Зачастую происходит констатация факта того, что общественная опасность хоть и есть, но она не дотягивает до уровня криминальной, и может ограничиться уровнем наказуемым административным законодательством. При малозначительности нет состава преступления, но это не означает, что в таком деянии также нет состава административного правонарушения.

Большая доля случаев применения п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ обусловлена тем, что, из процитированных ранее разъяснений Верховного Суда РФ следует, что незначительная общественная опасность может проявляться в способе преступного посягательства, его интенсивности, степени вины и ее выраженности, мотиве совершения преступления и т. д. Все это указывает на то, что при малозначительности отдельные признаки состава преступления могут по степени общественной опасности не дотягивать до уровня преступления, поэтому и приходится делать вывод, что нет признаков состава преступления.

Но все-таки полагаю, что при таких обстоятельствах имеет право на жизнь и мнение об использовании отдельной ссылки на специальное материально-правовое основание, то есть на саму ч. 2 ст. 14 УК РФ. Но пока реально по закону это не основание, а условие, хотя Верховный суд в уже упомянутых постановлениях Пленума № 48 и № 26 указал, что суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, несмотря на то, что ст. 24 УПК РФ такого основания не содержит.

При подготовке к круглому столу обратил на себя внимание опыт наших коллег из Республики Беларусь. У них есть п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь, предусматривающий такое обстоятельство, как отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, которое исключает производство по уголовному делу. То есть в признаках деяния нет общественно опасного действия или бездействия, по поводу которого могло быть начато производство по делу.

Еще один вопрос, который возник и требует разъяснения – какое решение суд должен принять по результатам применения ч. 2 ст. 14 УК РФ – прекратить уголовное дело или вынести оправдательный приговор?

Практика противоречивая.

Как было отмечено ранее, в постановлениях Пленума № 48 и № 26 Верховный Суд РФ указал, что суд прекращает уголовное дело. Наш областной суд, применив ч. 2 ст. 14 УК РФ, вынес оправдательный приговор за отсутствием состава преступления. Мировой судья и районный суд прекратили уголовные дела. Президиум Верховного Суда РФ одного из регионов, пересматривая решения нижестоящих судов по делу, указал: «Решение об отсутствии в действиях

подсудимых состава преступления, в том числе в связи с малозначительностью деяния, суд вправе принять не иначе как при постановлении оправдательного приговора». Иное мнение выразил суд в другом регионе, который, прекращая уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, в ответ на ходатайство стороны защиты об оправдании подсудимого указал: «Однако в действиях формально содержатся признаки деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, в связи с чем оснований для оправдания по предъявленному обвинению не имеется».

Представляется, что рассматриваемая тема интересна, актуальна и требует дальнейшего обсуждения с принятием практических решений проанализированных проблем.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. 2023. № 120.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. № 296.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» // Российская газета. 2020. № 156.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. 2017. № 280.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Российская газета. 2016. № 266.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» // Российская газета. 2010. № 271.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Российская газета. 2005. № 80.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Российская газета. 2002. № 48.

УДК 343.14

Салин Сергей Юрьевич,
студент, Владивостокский государственный университет
г. Владивосток, Российская Федерация
salin48company@mail.ru

Реализация процедуры допроса в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Казахстан: сравнительно-правовой анализ

В статье проводится сравнительно-правовой анализ реализации процедуры допроса в таких странах, как Россия и Республика Казахстан. Во внимание берутся отдельные элементы допроса и рассматривается их правовое регулирование в одной и другой стране. В ходе сравнительного анализа критически осмысливаются законодательные решения, подчеркиваются более удачные и оправданные подходы к нормативному регулированию указанного следственного действия. По результатам исследования вносится предложение о включении в уголовно-процессуальное законодательство России отдельных положений, содержащихся в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан.

Ключевые слова: *уголовный процесс, следственные действия, допрос, регулирование, сравнительный анализ.*

Salin Segey Urievich,
student, Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation

Implementation of interrogation procedure in criminal procedure legislation of Russia and the Republic of Kazakhstan: a comparative legal analysis

The article conducts a comparative legal analysis of the implementation of the interrogation procedure in countries such as Russia and the Republic of Kazakhstan. Certain elements of interrogation are taken into account, and their legal regulation in both countries is considered. In the course of the comparative analysis, legislative decisions are critically examined, emphasizing more successful and justified approaches to the normative regulation of the mentioned investigative action. As a result of the research, a proposal is made to include in the criminal procedure legislation of Russia certain provisions contained in the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *criminal process, investigative actions, interrogation, regulation, comparative analysis.*

© Салин С. Ю., 2025

Среди всего арсенала следственных действий, закрепленных в уголовно-процессуальном законодательстве России, допрос является наиболее эффективным и чаще всего применяемым [1, с. 118].

Процедура допроса в уголовно-процессуальном законодательстве России не является идеальной. К сожалению, законодатель не в полной мере учел опыт, накопленный уголовно-процессуальной наукой и практикой в этом плане, не учел все то ценное, что обсуждалось в научных дискуссиях, не обобщил опыт практики реализации производства допросов лиц.

Вместе с тем нельзя забывать о накопленном опыте других стран при регулировании процедуры допроса. Ближе всего к уголовно-процессуальному законодательству РФ – законодательство стран постсоветского пространства, поскольку оно возникло из единой правовой системы – правовой системы СССР. Казахстан является одним из примеров таких стран. С целью исследования действующих уголовно-процессуальных норм российского законодательства, поиска наиболее удачных решений, направленных на развитие процедуры допроса в РФ мы решили провести сравнительно-правовой анализ реализации данного следственного действия в уголовно-процессуальном законодательстве России и Республики Казахстан.

Методологическую основу статьи составила совокупность методов научного исследования. Использовались общефилософские методы, такие как индукция, дедукция, синтез, анализ, аналогия и др. на всех этапах исследования. Наряду с ними широко применялись специально-юридические методы, среди которых стоит отметить формально-юридический. Особенно широко в процессе исследования мы использовали сравнительно-правовой метод.

Процедура допроса довольно подробно регламентируется в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.

Уголовно-процессуальные кодексы России и Республики Казахстан (далее – УПК РФ, УПК РК) содержат множество схожих моментов, которые регламентируют порядок и процедуру допроса. В то же время, отмечаются значительные различия в детализации порядка его проведения.

Порядок вызова на допрос регламентируется в уголовно-процессуальном законодательстве двух государств в принципе аналогично. Так, лица вызываются на допрос с помощью повестки; лицо, вызываемое на допрос, обязано явиться в назначенный срок либо заранее уведомить следователя о причинах неявки [3, с. 4]. В случае неявки без уважительных причин лицо, вызываемое на допрос, может быть подвергнуто приводу либо к нему могут быть применены иные меры процессуального принуждения (ч. 3 ст. 188 УПК РФ) [5].

Категории лиц, для которых предусмотрен специальный порядок вызова на допрос также совпадает в процессуальном законодательстве рассматриваемых стран. К таким лицам относятся несовершеннолетние и военнослужащие. Например, российское уголовно-процессуальное законодательство закрепляет положение, что лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей либо через администрацию по месту его работы или учебы (ч. 4 ст. 188 УПК РФ) [5]. Военнослужащий вызывается на допрос через командование воинской части (ч. 5 ст. 188 УПК РФ) [5].

Если обратить внимание на общие требования к процедуре допроса, то становятся заметны различия в правовом регулировании двух стран. Основным фактором, обуславливающим эффективность проведения рассматриваемого следственного действия, будет являться объем полномочий лица, ведущего допрос. Согласно ч. 2 ст. 189 УПК РФ задавать наводящие вопросы запрещается [5]. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса. Иной подход закрепляется в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Казахстан. Допрос начинается с предложения рассказать об известных допрашиваемому лицу обстоятельствах дела. Если допрашиваемый говорит об обстоятельствах, явно не относящихся к делу, ему должно быть указано на это. По окончании свободного рассказа допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение показаний. Задавать наводящие вопросы запрещается (ст. 210 УПК РК) [2, с. 53]. На наш взгляд, более удачный подход содержится в УПК РФ. Благодаря такому подходу лицо, ведущее допрос, самостоятельно может определять тактику и порядок проведения данного следственного действия. В зависимости от ситуации оно способно учитывать обстоятельства конкретного дела и проводить допрос с учетом всех таких особенностей. Напротив, уголовно-процессуальное законодательства Казахстана предлагает определенную тактику, которая хоть и абсолютно логична, но все же в некоторых ситуациях ограничивает возможности следователя (дознавателя). В связи с этим снижается эффективность допроса.

Интересно также обратить внимание на то, для каких категорий граждан законодатель устанавливает специальные, так называемые льготные положения в ходе проведения допроса. Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству к таким гражданам относятся несовершеннолетние. При проведении допроса с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ст. 191 УПК РФ) [5].

Однако на контрасте с этим более удачно смотрится уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, где к таким категориям граждан помимо несовершеннолетних относятся также беременные женщины или женщины, имеющие на иждивении малолетнего ребенка, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, а также мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет. Так, в соответствии с п. 3-1 ст. 209 УПК РК непре-

рывный допрос не должен превышать трех часов, а общая продолжительность допроса – пяти часов:

1) беременной женщины либо женщины, имеющей на иждивении малолетнего ребенка;

2) женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет;

3) мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет [4].

Допрос несовершеннолетнего лица производится в дневное время суток и не может продолжаться без перерыва более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. В случае явного утомления несовершеннолетнего допрос должен быть прерван и до истечения этого времени (п. 4 ст. 109 УПК РК) [4].

Указанные положение, содержащиеся в УПК РК, на наш взгляд, служат цели повышения обеспечения защиты прав и законных интересов допрашиваемых лиц в уголовном процессе. В связи с этим мы предлагаем включить такое положение в уголовно-процессуальное законодательство России.

Таким образом, по результатам всестороннего анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Уголовно-процессуальное законодательство России и Республики Казахстан в части регламентации процедуры допроса содержит довольно много общих моментов.

2. Некоторое положения более удачно сформулированы в УПК РФ, что хорошо заметно при сравнительном анализе. Например, формулировка ч. 2 ст. 189 УПК РФ, предоставляющая ведущему допрос лицу, свободу в выборе тактики, более удачна, чем аналогичная норма УПК РК, устанавливающая определенный порядок проведения следственного действия, ограничивая тем самым полномочия следователя. Результатом такого ограничения является снижение эффективности процедуры допроса [5; 4].

3. Отдельные положения, регламентированные в УПК РК, представляют интерес и могут быть включены в УПК РФ. Например, в УПК РК удачно сформулированы нормы, устанавливающие специальные правила при проведении допроса таких категорий граждан как беременные женщины или женщины, имеющие на иждивении малолетнего ребенка, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, а также мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет [4]. Считаем, что включение такой нормы в процессуальное законодательство России позволит обеспечить защиту интересов лиц, которые в силу объективных причин нуждаются в более мягких условиях во время проведения допроса по сравнению с остальными категориями граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алтынбек А. Д. Совершенствование института допроса по уголовно-процессуальному законодательству Казахстана и России // Закон и право. 2019. № 7. С. 118–121.

2. Длимов А. А. Понимание регламентации досудебных допросов в уголовно-процессуальном праве Казахстана и России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3(79). С. 49–54.

3. Сабырбаев С. А. Допрос как следственное действие: сравнительно-правовой анализ по уголовно-процессуальным законодательствам Российской Федерации и Республики Казахстан. URL: http://e-koncept.ru/2016/86400.htm. (дата обращения: 14.11.2024).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 года № 231-V ЗРК. URL: https://online.zakon.kz/Document/ ?doc_id=31575852 (дата обращения: 14.11.2024).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 № 174-ФЗ : в ред. от 09.11.2024. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 12.11.2024).

УДК 347.921

Серобаба Илья Александрович,
судья, заместитель председателя суда,
Свердловский районный суд города Костромы,
г. Кострома, Российская Федерация
seil_kit@rambler.ru

Заключение прокурора в гражданском процессе: новое содержание и изменения в законодательстве

Статья посвящена анализу актуальных законодательных изменений в процессуальных полномочиях прокурора в гражданском процессе.

Ключевые слова: *гражданский процесс, прокурор, прокурорский надзор, прокурорская деятельность, судебная реформа 1964 года.*

Serobaba Ilya Alexandrovich,
judge, deputy chairman of the court,
Sverdlovskiy District Court of Kostroma,
Kostroma, Russian Federation

Conclusion of the prosecutor in civil proceedings: new content and changes in legislation

The article is devoted to the analysis of current changes in the law on the procedural status of the prosecutor in civil proceedings.

Keywords: *civil procedure, prosecutor, prosecutor's supervision, prosecutorial activity, Judicial reform in 1864.*

Заключение прокурора в гражданском процессе как правовая категория была введена в оборот Уставом гражданского судопроизводства (далее – УГС) [3], этим же нормативным актом определены категории дел, в которых прокурор дает заключения, а также компетенция обер-прокурора в Сенате при слушании гражданских дел.

© Серобаба И. А., 2025

Безусловно, деятельность прокурора в отношении гражданских дел в присутственных местах и Сенате имела место и ранее, но говорить о формах участия прокурора в гражданском процессе и гражданском процессе как отрасли права до судебной реформы 1864 года можно только условно.

С учетом практики реализации данной формы прокурорской деятельности, критиковавшейся современниками ввиду ее формальности [1; 2], в 1911 году в ст. 343 УГС внесены изменения, существенно ограничившие количество категорий гражданских дел, в которых прокурор дает заключение.

После 1917 года участие прокурора в гражданских делах определялось по формуле «в случаях предусмотренных законом и признания необходимым», что было заложено в циркуляре НКЮ от 29.07.1922 № 67 «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокуроров» [4]. Собственно, последующее развитие процессуального законодательства на этом историческом этапе осуществлялось в данном ключе и в контексте доктрины установления объективной истины по гражданскому делу.

На современном этапе развития гражданского процессуального законодательства (ч. 3 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее – ГПК РФ) полномочия прокурора на вступление в процесс для дачи заключения определялись указанием законодателя на конкретные категории гражданских дел с бланкетной оговоркой на возможность участия прокурора в данной процессуальной форме и в иных случаях, предусмотренных законом. Какая-либо дискреционная составляющая на вступление прокурора в процесс, поставленная в зависимость от волеизъявления суда или прокурора, нормативно исключалась.

Стоит отметить стабильность процессуального закона в данной части вплоть до 2022 года. Новые категории дел, предусматривающие участие прокурора, относились к сфере административного судопроизводства и были выведены в самостоятельную отрасль процессуальных отношений принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Федеральным законом от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» положения процессуального закона претерпели значимые изменения.

В целях обеспечения законности прокурор по своей инициативе или инициативе суда вступает в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса для дачи заключения:

1) о признании недействительными сделок, совершенных с нарушением законодательства, устанавливающего специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств;

2) при рассмотрении судом заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения;

3) в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях ук-

лонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, а также законодательством, устанавливающим специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в указанных целях.

Фактически законодатель разграничил заключения прокурора по гражданским делам на две категории в зависимости от целей участия и диспозитивности условия вступления в процесс.

Применительно к ч. 3 ст. 45 ГПК РФ идет речь о вступлении прокурора в процесс «в целях осуществления возложенных на него полномочий», а в части ч. 4 ст. 45 ГПК РФ – «в целях обеспечения законности» при положительном на то это усмотрении суда или прокурора.

Категории, при формально-юридическом подходе, тождественны, при этом можно заключить о шаге назад к упомянутым во Временной инструкции Наркомюста основаниям вступления прокурора в процесс.

Но различия есть, и их понимание лежит на основе изучения тенденций в судебной практике, связанных с применением положений п. 2 ст. 10 ГК РФ в качестве санкций за установленные в ходе судебного разбирательства признаки злоупотребления правом.

К определенному периоду правоприменения, который можно соотнести к моменту начала функционирования института банкротства физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями (т. е. 2015–2016 годы), критическая масса злоупотреблений, обусловленных уходом от налоговой ответственности, укрытием активов от взыскания, «размыванием» реальных долгов «дружественной» задолженностью в сводном исполнительном производстве либо в деле о банкротстве, превысила условные значения, при которых оставление их без внимания по формальным доводам обеспечения принципов независимости суда и состязательности сторон в фактических условиях признания исковых требований, безупречности материально-правовых оснований и доказательств, стало невозможным, правосудие стало использоваться как средство злоупотребления правом.

Перед законодателем встала задача обеспечения состязательности процесса, когда поведение его участников не преследовало ординарные цели судебной защиты, а фактически было направлено на злоупотребление правом и причинение вреда добросовестном участникам гражданского оборота, не являющихся непосредственными участниками процесса (процессуального правоотношения) и не имеющих возможности процессуально противодействовать своим оппонентам.

Несколько ранее противодействием злоупотреблению правом стали разъяснения Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмот-

рением дел о банкротстве», в частности в пункте 26 сформулирован предмет доказывания по требованиям кредиторов к должнику:

– проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий;

– не подлежит применению общее состязательное правило (обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств);

– при оценке достоверности факта наличия требования, основанного на передаче должнику наличных денежных средств, суду надлежит учитывать дополнительные обстоятельства: финансовая возможность предоставления средств, обстоятельства расходования этих средств должником, давность изготовления подтверждающих долг документов и др.

Для преодоления разъяснений высшей судебной инстанции недобросовестные участники стали переходить в сферу искового производства в гражданском и арбитражном процессе, чтобы в условиях исковой состязательности при фактическом признании долга и в отсутствие реальных оппонентов в материальном правоотношении получить судебный акт, подтверждающий долг или иной юридический факт, а затем использовать свойства его преюдициальности в других процессуальных отношениях.

В таких условиях суд должен был иметь процессуальные основания противодействия недобросовестному поведению, не искажая принцип независимости суда и обеспечить состязательность сторон.

Постепенно «банкротные» стандарты доказывания стали переходить в исковое производство, независимые кредиторы стали вступать в исковой процесс в процессуальном статусе третьих лиц и представлять доказательства злоупотребления правом, допускались к обжалованию состоявшихся ранее без их участия судебных актов.

Такая практика сложилась не сразу, сопровождалась заявлением отводов судьям по мотиву пренебрежения принципом состязательности и независимости, создания преференций сторонам в отсутствие формальных условий для вступления в процесс третьих лиц, внепроцессуальными жалобами на судей.

Одновременно с делами о несостоятельности похожие деликтные механизмы использовались в целях отмывания доходов, полученных преступным путем, уклонения от уплаты обязательных платежей.

Необходим был именно нормативный процессуальный механизм, позволяющий при выявлении судом признаков злоупотребления правом противодействовать недобросовестному поведению, который бы не ставил под сомнение независимость суда, не ущемлял принцип состязательности и одновременно обеспечивал бы возможность раскрытия суду реальных фактических обстоятельств спора, в первую очередь – для привлечения в процесс всех заинтересованных лиц, т. е. обеспечения реальной состязательности.

Представляется, что именно такой механизм и был сформулирован законодателем в ч. 4 ст. 45 ГПК РФ. При этом в данном случае имеет место не установление судом объективной истины по гражданскому делу при содействии прокурора, а противодействие недобросовестному поведению участников про-

цессуальных отношений в условиях независимости суда и обеспечения принципа состязательности.

Именно противодействие недобросовестному поведению следует понимать под использованной в ч. 4 ст. 45 ГПК РФ формулировкой «в целях обеспечения законности».

Теперь же перед законодателем и правоприменителями в повестке дня стоит вопрос научного осмысления таких полномочий прокурора, структурирования этой деятельности и организационно-методического обеспечения.

Данный механизм не должен использоваться формально, создавать необоснованную нагрузку на прокуроров, способствовать затягиванию сроков рассмотрения гражданских дел. При этом он должен предполагать в необходимых случаях организацию и проведение параллельно с гражданским процессом надзорных мероприятий для установления необходимых для дачи заключения юридических фактов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуев А. Г. Прокурор в гражданском суде // Журнал Министерства юстиции. 1911. № 1. С. 73–98.

2. Исаченко В. Л. Гражданский процесс: Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1909. Т. 1. 916 с.

3. Россия, Законы и постановления. Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Устав гражданского судопроизводства, [1864]. VII, 165, 33 с.

4. Циркуляр НКЮ от 29 июля 1922 г. № 67 «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора» // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 28 (31 июля). С. 14–16.

УДК 347.61

Соловьева Ангелина Дмитриевна,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
gelkasol77@mail.ru

Кузьмина Екатерина Николаевна
помощник судьи, Костромской областной суд
г. Кострома, Российская Федерация
ek.kyzmina@mail.ru

Актуальные проблемы разрешения споров родителей о детях

Статья посвящена изучению проблем разрешения споров родителей о детях. Авторами приводится судебная и иная статистика, которая подтверждает актуальность изучения вопросов, связанных с рассмотрением судебных споров родителей о детях;

© Соловьева А. Д., Кузьмина Е. Н., 2025

анализируются проблемы, возникающие при рассмотрении данной категории дел, предложены возможные способы их разрешения.

Ключевые слова: *ребенок, суд, родители, семейные споры, споры о детях, порядок общения с ребенком, права родителей.*

Solovieva Angelina Dmitrievna,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Ekaterina Nikolaevna,
assistant judge, Kostroma regional court
Kostroma, Russian Federation

Actual problems of resolving disputes between parents about children

This article is devoted to the study of the problems of resolving parental disputes. The authors provide judicial and other statistics that confirm the relevance of studying issues related to the consideration of legal disputes between parents about children, analyze the problems that arise when considering this category of cases, suggest possible ways to resolve them.

Keywords: *child, court, parents, family disputes, disputes about children, the order of communication with the child, the rights of parents.*

В Российской Федерации семья, материнство и детство находятся под защитой государства, что закреплено в Конституции РФ [1]. 2024 год в России был годом семьи [3], что еще раз подтверждает особую роль данного института. Важнейшей составной частью правовой защиты семейных прав в России является защита прав детей, с одной стороны, и прав родителей, с другой. Анализ отечественной судебной практики говорит о том, что в последние годы число судебных споров родителей о детях не уменьшается, а, наоборот, растет: согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2020 году в российские суды поступило 27,7 тыс. дел данной категории, в 2021 – 31,4 тыс., 2022 – 32,2 тыс., 2023 – 35,6 тыс. [6].

Споры родителей о детях чаще всего носят конфликтный характер и имеют целый ряд особенностей, которые отличают их от иных гражданских дел. Согласно статистике только 10 % родителей способны отделять нужды ребенка от своих собственных; признают важность его общения с другим родителем; считают другого родителя достаточно компетентным в вопросах воспитания и способны к взаимодействию с ним; контролируют негативные эмоции друг к другу и решают конфликт с использованием социально приемлемых способов выражения недовольства [5]. В соответствии со ст. 61 Семейного кодекса Российской Федерации [2] родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей, однако в 75 % споров родители настраивают ребенка друг против друга, совместно проживающий родитель пытается всеми возможными и доступными способами ограничить его общение с другим родителем [5]. Таким образом, ребенок невольно оказывается вовлеченным в конфликт родителей, в котором они реализуют свои права без учета и даже в нарушение прав ребенка.

Судебная система играет ключевую роль в реализации государственной семейной политики, выступая гарантом защиты прав и законных интересов всех участников семейных правоотношений, особенно в контексте споров, связанных с определением места жительства детей и т. д.

Разрешая спор о ребенке, суд защищает законные интересы всех участников семейных отношений, связанных с воспитанием детей, характеризующихся равенством прав родителей, учит правильно строить такие отношения, соблюдать права и точно исполнять обязанности по воспитанию.

Судебные споры по поводу определения порядка общения с несовершеннолетним ребенком возникает именно по той причине, что родители не могут договориться об этом по взаимному согласию. Поэтому решение суда с указанием «по согласованию с другим родителем» или «по договоренности с другим родителем» не разрешает спор по существу, напротив, порождает многочисленные сложности на этапе его исполнения. Решения, не устанавливающие конкретного графика встреч (например, не более двух дней в неделю, не менее двух недель летом), фактически оставляют стороны один на один с той же проблемой, которая привела к суду. Если родители не смогли договориться до суда, вряд ли они найдут общий язык после.

В соответствии с п. 8 Постановления Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [4] указано, что суду с учетом обстоятельств каждого конкретного дела следует определить время, место, продолжительность общения и т. п., изложив его в резолютивной части решения, исходя из права родителя, проживающего с ним, а также из необходимости защиты прав и интересов несовершеннолетнего при его общении с этим родителем. Это также подтверждает необходимость формулирования резолютивной части решения по данной категории как можно более четко. На основании изложенного, предлагается внести изменения в Постановление Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [4], дополнить п. 8 следующим абзацем: «Суды должны указывать в резолютивной части решения точные временные рамки и формулировки, не допускающие иного толкования или разрешения вопроса исключительно по согласованию между родителями (например, «по согласованию с другим родителем», «по договоренности с другим родителем», «не более…», «не менее…»). Такие изменения позволят снизить количество оспариваемых решений.

В отдельных случаях суд, определяя порядок общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от ребенка, определял возможность такого общения в присутствии другого родителя. Практически всегда такое указание является обоснованным, например, в силу возраста, состояния здоровья ребенка или если он никогда не виделся с другим родителем. Однако бывают и случаи, когда такое решение не обосновано, например, при наличии жесткого влияния другого родителя на ребенка. Его присутствие может оказывать воздействие и на ребенка, и на сам процесс общения, поскольку ребенок будет испытывать психологический дискомфорт, тогда общение ребенка будет происходить с оглядкой на реакцию этого родителя.

В связи с этим авторами предлагается внести изменения в Постановление Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [4], добавив пункт в следующей формулировке: «определение общения ребенка с родителем, проживающим отдельно от ребенка, только в присутствии другого родителя может быть только при наличии необходимых оснований, например, если есть угроза для жизни или здоровья ребенка».

Есть случаи, когда суд без достаточных оснований определял место общения родителя с ребенком только по месту жительства ребенка. Это ограничивает общение родителя с ребенком, так как участие в воспитании предполагает не только общение в жилом помещении, но и возможность совместных прогулок, посещения кинотеатров, культурно-массовых мероприятий, с тем, чтобы родитель мог в полной мере осуществлять свои родительские права и выполнять обязанности по обеспечению духовного и нравственного развития ребенка.

Авторы предлагают внести изменения в Постановление Пленума № 10 от 27.05.1998 года «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [4], добавив пункт в следующей формулировке: «определение места общения родителя с ребенком только по месту жительства ребенка может быть только при наличии необходимых оснований».

Таким образом, несмотря на множество проблем в разрешении споров родителей о детях, которые по природе является весьма чувствительным для всех участвующих в нем лиц, существуют и различные способы их решения, в том числе в судебном порядке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.11.2024).

2. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023) : принят Государственной Думой 8 декабря 1995 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

3. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

5. Дергунова В. А., Прокопова А. Д. Анализ правового регулирования и судебной практики разрешения споров родителей о детях : монография. М. : ИНФА-М, 2024. С. 21.

6. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2020, 2021, 2022, 2023 годы. URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 01.09.2024).

УДК 347.08

Сотников Эдуард Анатольевич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
edward.sotnikov.20022@mail.ru

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
i_melnikova@kosgos.ru

Отдельные вопросы компенсации судебных расходов в приказном производстве

Актуальность исследуемой темы подчеркивается тем, что, несмотря на систематические изменения, вносимые в положения гражданского процессуального законодательства, порядок возмещения и распределения судебных расходов в настоящее время продолжает иметь ряд практических проблем, одну из которых мы рассмотрим в данной работе. В статье мы анализируем правовые аспекты данной проблемы, предлагая возможный путь ее решения. Исследование придает особую значимость теме, подчеркивая необходимость реформирования приказного производства для обеспечения справедливости и доступности правосудия.

Ключевые слова: *судебные расходы, компенсация, приказное производство, гражданское процессуальное право.*

Sotnikov Eduard Anatolyevich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Certain issues of compensation of legal costs in summary proceedings

The relevance of the topic under study is emphasized by the fact that, despite the systematic changes made to the provisions of civil procedural legislation, the procedure for reimbursement and distribution of legal costs currently continues to have a number of practical problems, one of which we will consider in this paper. In the article, we analyze the legal aspects of this problem, proposing

© Сотников Э. А., Мельников И. Н., 2025

a possible way to solve it. The study attaches particular importance to the topic, emphasizing the need to reform the order procedure to ensure fairness and accessibility of justice.
Keywords: *legal costs, compensation, summary proceedings, civil procedural law.*

Приказное производство играет важную роль в судебной системе, освобождая суды от сложной процедуры искового производства в простых делах. В России количество приказных производств постоянно растет: в 2023 году в порядке приказного производства рассмотрено 23,5 млн дел против 21,2 млн судебных приказов, выданных судами в 2022 году [1]. Таким образом, тема приказного производства становится все более актуальной, затрагивая значительное количество участников правоотношений. Однако, несмотря на упрощенную процедуру, приказное производство сталкивается с серьезной проблемой – отсутствием возможности компенсации судебных расходов. В отличие от искового производства, где стороны могут требовать возмещения понесенных судебных издержек, приказное производство не предусматривает такой возможности. Это создает значительные финансовые барьеры для участников процесса, особенно для тех, кто сталкивается с необходимостью обращения в суд для защиты своих прав.

Дефиниция понятия «государственная пошлина» содержится в ст. 333.16 Налогового кодекса Российской Федерации [5], при этом под ней понимается сбор, взимаемый за совершение государственными органами и их должностными лицами юридически значимых действий. Таким образом, применительно к данному случаю государственная пошлина выступает своего рода платой за правосудие, дает возможность лицу обратиться в суд, реализовав свое конституционное право на судебную защиту. Непосредственное регулирование института государственной пошлины, включая вопросы определения ее размера, льгот, случаев освобождении от ее оплаты и другие вопросы, регулируется нормами Налогового кодекса РФ, что позволяет сделать вывод о публично-правовой природе данного института.

Судебным расходам посвящена глава 7 ГПК РФ [4]. В ней подробно говорится о составе судебных расходах, определении цены иска, о доплате государственной пошлины при увеличении цены иска, а также дается открытый перечень издержек, связанных с рассмотрением дела, лиц, которым они выплачиваются и условий выплаты, распределение и возмещение судебных расходов. Все остальные нормы, содержащиеся в этой главе, являются отсылочными и перенаправляют к Налоговому кодексу РФ.

Что касается института судебных издержек в гражданском процессе, то их неисчерпывающий перечень приведен в ст. 94 ГПК РФ. Как правило, к судебных расходам, требуемым для рассмотрения дела, относятся:

– расходы на оплату услуг представителей, что является практически неотъемлемым условием качества отстаивания тех или иных интересов на любой стадии судебного процесса;

– суммы, подлежащие выплате свидетелям, экспертам, специалистам, переводчикам, нотариусам;

– расходы на проезд и проживание сторон и третьих лиц, понесенные ими в связи с явкой в суд;

– компенсация за фактическую потерю времени;

– связанные с рассмотрением дела почтовые и иные, признанные необходимыми судом расходы.

Таким образом, если рассматривать данный перечень судебных издержек в целом, то можно отметить, что практически все они неразрывно связаны с процессом доказывания.

В этом ключе, с одной стороны, выглядит вполне логичной позиция законодателя о том, что в приказном производстве возможность взыскания понесенных судебных расходов ограничена только возможностью компенсации расходов на оплату госпошлины. Это связано с тем, что как такового процесса доказывания в условиях состязательности сторон в приказном судопроизводстве не происходит – судья единолично рассматривает заявление взыскателя со всеми приложенными к нему документами по бесспорным требованиям без вызова взыскателя, должника и проведения судебного заседания (гл. 11 ГПК РФ).

Конституционный Суд РФ в своем Определении от 28.02.2017 № 378-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 ГПК РФ» [2] подтвердил невозможность взыскания в приказном производстве понесенных по делу расходов на услуги представителя, поскольку, по мнению органа высшего конституционного контроля, распределение между сторонами судебных расходов через судебный приказ не представляется возможным.

Однако, с другой стороны, следует, по нашему мнению, обратить внимание на несколько важных моментов. Во-первых, хотя приказное производство происходит без вызова сторон, тем не менее, отрицать отсутствие процесса доказывания со стороны взыскателя невозможно, поскольку он должен доказать судье в письменном виде законность своих требований. И как отмечается в юридической литературе, грамотное составление заявления о выдаче судебного приказа требует наличия хотя бы базового понимания основ законодательства «с целью юридически верного и точного изложения сути и содержания своих требований» [6, с. 57].

Таким образом, в большинстве случаев взыскателю в приказном производстве без обращения за юридической помощью обойтись практически невозможно. Во-вторых, по некоторым видам споров у лица просто нет альтернативы обратиться с данным заявлением в порядке искового производства, в противном случае в принятии искового заявления будет отказано (ст. 122, п. 1.1. ч. 1 ст. 135 ГПК РФ [4]).

При наличии законодательно установленного права лица на компенсацию всех судебных расходов, понесенных по делу, с другой, проигравшей стороны, невозможность их получения по делам приказного производства выглядит весьма неубедительно и противоречиво.

Таким образом, полагаем, что истец в исковом и заявитель в приказном производстве поставлены в заведомо неравное положение относительно возможности в дальнейшем компенсировать свои расходы на услуги представите-

ля, несмотря на то, что оба реализуют свое конституционное право на судебную защиту. Это ставит вопрос и о гарантиях прав на судебную защиту лица, обращающегося в суд с заявлением о выдаче судебного приказа.

В исковом производстве к судебным расходам, которые носят процессуальную природу и взыскиваются в упрощенном порядке именно как «судебные расходы по делу», не относятся, по общему правилу, те, которые предшествовали обращению в суд (например, при необязательном претензионном порядке), т. е. были за рамками судопроизводства. Но и в этом случае Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении [3] отметил, что перечень судебных расходов не носит исчерпывающего характера, и если у заявителя отсутствовала возможность реализовать свое право на обращение в суд без несения таких издержек, то они признаются судебными издержками со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это касается, в том числе, и досудебных издержек, но только в рамках искового производства.

Для решения данной проблемы мы считаем необходимым дополнить п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», возможностью взыскания судебных расходов лицом, которое их понесло, в случае рассмотрения судом дела в порядке приказного судопроизводства, в целях обеспечения доступа к правосудию, защите прав и интересов граждан.

На основании вышеизложенного, полагаем, что издержки взыскателя, понесенные им в целях составления юридически грамотного заявления о выдаче судебного приказа, по своей правовой природе носят именно процессуальный, а не материальный характер. Следовательно, они должны взыскиваться именно как «судебные расходы», а не как убытки в гражданско-правовом аспекте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2023-g-v-sudy-postupilo-bolshe-grazhdanskikh-del/ (дата обращения: 18.11.2024).

2. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2017 № 378-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шабанова Ивана Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 98 ГПК РФ». URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28022017-n-378-o/ (дата обращения: 18.11.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.06.2023, с изм. от 20.07.2023). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.11.2024).

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.11.2024).

6. Титаренко М. В. О доступности судебной защиты нарушенных прав граждан в Российской Федерации и за рубежом // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2020. № 18. С. 57–58.

УДК 343.1

Спирин Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент**,**
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
a_v_spirin@bk.ru

О заключении прокурора в судебном производстве по уголовным делам

Автор обращается к проблеме совершенствования правового регулирования участия прокурора в судебном производстве по уголовным делам. Внимание автора обращено на отсутствие правовой определенности в наименовании обращения прокурора к суду по отдельным вопросам судебного разбирательства, например, по поводу отказа от обвинения или изменения обвинения. Обращаясь к историческому опыту регулирования уголовно-процессуальных отношений, а также рассматривая формы взаимодействия суда и прокурора в гражданском процессе, автор обосновывает предложение о возможности возвращения в арсенал прокурора заключения.

Ключевые слова: *прокурор, полномочия прокурора, заключение прокурора, суд, уголовное судопроизводство, отказ от обвинения.*

Spirin Alexander Vladimirovich,
candidate of law, associate professor,
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia,
Yekaterinburg, Russian Federation

On the conclusion of the prosecutor in criminal proceedings

The author refers to the problem of improving the legal regulation of the participation of the prosecutor in criminal proceedings. The author's attention is drawn to the lack of legal certainty in the name of the prosecutor's appeal to the court on certain issues of the trial, for example, on the refusal of the prosecution or a change in the prosecution. Turning to the historical experience of regulating criminal procedure relations, as well as considering the forms of interaction between the court and the prosecutor in civil proceedings, the author justifies the proposal on the possibility of returning the conclusion to the prosecutor's arsenal.

Keywords: *prosecutor, powers of the prosecutor conclusion of the prosecutor, court, criminal proceedings, refusal to charge.*

© Спирин А. В., 2025

Процессуальный статус прокурора в судебном производстве по уголовным делам урегулирован действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) достаточно полно и непротиворечиво, если проводить сравнение с правовым положением прокурора в досудебных стадиях. Тем не менее наличие некоторых пробелов признать следует. Одним из них следует считать умолчание законодателя относительно процессуальной формы отказа государственного обвинителя от обвинения или изменения обвинения. В соответствующих нормах ст. 246 УПК РФ говорится о том, что государственный обвинитель при наличии предусмотренных законом оснований отказывается от обвинения полностью или частично, изложив суду мотивы отказа, а также может изменить обвинение в сторону его смягчения, представив суду свою позицию в письменной форме. При этом какой именно процессуальный документ должен использоваться, не ясно.

Изучение опубликованной практики показывает, что она носит не устоявшийся характер, государственные обвинители в подобных ситуациях прибегают к составлению «заявлений» или «рапортов», которые приобщаются к материалам дела.

В научной литературе по данному вопросу высказаны различные мнения.

В частности, предлагается возложить на прокурора обязанность при отказе от обвинения выносить отдельное постановление, императивно изменяющее пределы судебного разбирательства [8, с. 189]. С этой точкой зрения согласиться сложно, поскольку выносить постановление по уголовному делу может лишь то должностное лицо (орган), в производстве которого это дело находится, либо осуществляющее по делу властные контрольно-надзорные полномочия. Путем вынесения подобного постановления прокурор может реализовать положения ч. 4 ст. 37 УПК РФ, отказавшись от уголовного преследования, но только в досудебном производстве.

Оценивая различные варианты разрешения проблемной ситуации, целесообразно, на наш взгляд, внимательно рассмотреть предложение В. А. Азарова и А. А. Терехина, которые в качестве одного из правовых средств прокурора в судебных стадиях рассматривают заключение государственного обвинителя о полном или частичном отказе от обвинения, утвержденное прокурором [1, с. 125].

Аргументы в пользу использования заключения прокурора как средства уголовно-процессуальной деятельности (как при отказе от обвинения или изменении обвинения, так и в некоторых других процессуальных ситуациях) можно сформулировать, обратившись к историческому опыту функционирования российской прокуратуры, а также проанализировав полномочия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве.

С рассматриваемым правовым средством прокурора мы встречаемся уже на ранних исторических этапах развития отечественной прокуратуры, как особого государственного органа. В уголовном судопроизводстве Российской империи конца XIX века заключение (письменное или словесное, но обязательно обращенное к суду) являлось одной из четырех форм прокурорской деятельности, наряду с предложением (следователю или полиции), личным присутствием

(участием) и канцелярским производством [4, с. 468, 507].

Известный российский ученый конца XIX – начала XX века обращал внимание на то, что в уголовном судопроизводстве участие прокурора путем дачи заключения иногда совершенно поглощает ее обвинительную функцию. Например, так происходило в кассационном производстве, «где прокуратура произносит заключения, а не речи, выступает исключительно как юрисконсульт, а не обвинитель» [7, с. 112].

Уголовно-процессуальное законодательство советского периода и практика его применения довольно активно использовали соответствующее понятие. В соответствии со ст. 248 УПК РСФСР 1960 года, прокурор в судебном разбирательстве по уголовному делу давал заключения по возникающим вопросам. В заключениях по поводу заявленных ходатайств по вопросам о возможности слушания дела либо по иным вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, прокурор исходил из необходимости установления истины по делу и интересов участвующих в деле лиц [5, с. 297].

Отказ современного российского законодателя от использования в судебных стадиях уголовного судопроизводства такого инструмента, как заключение прокурора объясняется внедрением в процесс состязательного начала, равенством правовых возможностей сторон перед судом и невозможностью наделения одной из сторон (прокурора) «несимметричным» (в сравнении со стороной защиты) полномочием. Авторы Концепции судебной реформы 1992 года критически оценивали процессуальное законодательство советского периода в данной части, они полагали, что беспристрастный суд не нуждается в содействии (носящем характер процессуального надзора) со стороны прокурора [3].

Но насколько состязательное построение процесса действительно препятствует использованию обсуждаемого правового средства? Обратимся к современному гражданскому и административному судопроизводству, где вопрос о полномочиях прокурора решен иначе. Как известно, в соответствии с ч. 4 ст. 45 ГПК РФ в целях обеспечения законности прокурор правомочен вступить в рассматриваемое судом гражданское дело для дачи заключения. Норма аналогичного характера содержится и КАС РФ. Состязательность и равноправие сторон, на основе которых осуществляется судопроизводство не только по уголовным делам (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ), не служит препятствием для использования в правовом регулировании «спорного» правового средства прокурора. Особо подчеркнем: суды не видят в этом средстве угрозы своей независимости в рамках гражданского и административного судопроизводства.

В исследованиях, посвященных вопросам участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве, уделяется значительное внимание проблематике заключения прокурора. Под таковым понимается обоснованное нормами материального и процессуального права, а также анализом фактических обстоятельств дела мнение прокурора о разрешении дела по существу [6, с. 123–124]. Ученые называют важные признаки (свойства) заключения прокурора, например:

– это ненадзорное средство прокурорского реагирования;

– оно может быть выражено в устной или письменной форме;

– оно обусловлено обязанностью прокурора по защите публичных интересов;

– оно содействует суду в правильном рассмотрении дела;

– его содержание составляет мотивированная позиция прокурора об обстоятельствах дела, мнение о подлежащем применению материальном и процессуальном праве;

– заключение не носит для суда обязательного характера [2, с. 86–97].

Обращение к историческому опыту отечественной прокуратуры, изучение практики участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве позволяет сформулировать следующее предложение.

Препятствий для возвращения заключения прокурора в систему правовых средств уголовно-процессуальной деятельности данного участника в судебных стадиях уголовного судопроизводства нет. При этом под заключением прокурора предлагается понимать его обращение к суду, облеченное, как в письменную, так и в устную форму, непосредственно в ходе судебного заседания и содержащее мотивированную нормами материального и процессуального права позицию прокурора по тому или иному правовому вопросу. Представляется, что сама по себе состязательность не является препятствием для использования прокурором рассматриваемого правового средства. Дело в том, что на прокуроре, как участнике со стороны обвинения, лежит обязанность при поддержании государственного обвинения обеспечивать его законность и обоснованность (ч. 3 ст. 37 УПК РФ), что предполагает объективность и беспристрастность оценки обстоятельств дела при решении любых возникающих вопросов.

Достоинства выдвигаемого предложения состоят, на наш взгляд, в том, что оно позволит внести дополнительную определенность в процессуальных отношениях прокурора и суда, до определенной степени упорядочив (путем придания более строгой формы) обращения прокурора к суду. Письменное заключение прокурора, мотивированное надлежащим образом, придаст позиции прокурора должную весомость и определенность. С другой стороны, поскольку заключение прокурора не является и не может являться для суда обязательным, то какого-либо ущерба для независимости суда (ст. 120 Конституции РФ), это предложение не несет. Заметим, что обсуждаемые изменения полностью лежат в русле многолетней традиции отечественного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азаров В. А., Терехин А. А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве : монография. М., 2014. 200 с.

2. Головко И. И. Актуальные вопросы участия прокурора в гражданском и административном судопроизводстве для дачи заключения // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сб. науч. ст. Пенза, 2018. С. 86–97.

3. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М. : Республика, 1992. 111 с.

4. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. Т. 1. Прокуратура на Западе и в России. М., 1889. 554 с.

5. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. Д. С. Карева. М. : Юрид. лит., 1975. 568 с.

6. К вопросу об участии прокурора в гражданском процессе / И. В. Тищенко, Л. Н. Меняйло, О. В. Панфилова, В. Л. Михайликов, М. М. Старосельцева // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 123–124.

7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1996. 607 с.

8. Ярцев Р. В. Трансформация принципов правовой определенности и состязательности в системе проверки и пересмотра приговоров // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2019. № 4. С. 178–191.

УДК 343.1

Толкачёва Владлена Станиславовна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
tolkachevavlad@mail.ru

О допустимости сбора экспертом объектов экспертизы в уголовном судопроизводстве

Статья посвящена анализу вопроса о допустимости сбора экспертом объектов экспертизы в уголовном судопроизводстве. Установлена целесообразность использования в уголовно-процессуальном законодательстве понятия «объект экспертизы», как следствие, предложены соответствующие изменения ст. 57, 195 и 204 УПК РФ. Кроме того, определена необходимость предоставления возможности эксперту самостоятельно собирать объекты экспертизы при сохранении допустимости доказательств органами или лицами, назначившими экспертизу.

Ключевые слова: *эксперт, экспертиза, объект исследования, объект экспертизы, уголовное судопроизводство.*

Tolkacheva Vladlena Stanislavovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the admissibility of expert collection of expert objects in criminal proceedings

The article is devoted to the analysis of the issue of admissibility of collection of expert examination objects by an expert in criminal proceedings. The expediency of using the concept of "object of expertise" in the criminal procedure legislation is established, and as a consequence, the

© Толкачёва В. С., 2025

corresponding amendments to Articles 57, 195 and 204 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed. 195 and 204 of the Criminal Procedural Code of the RF. In addition, the necessity of providing the expert with the opportunity to independently collect the objects of expertise while preserving the admissibility of evidence by the bodies that appointed the expertise is determined.

Keywords: *expert, expert examination, object of research, object of expertise, criminal proceedings.*

С увеличением количества и повышением сложности уголовных дел современное судопроизводство нельзя представить без использования специальных знаний. В уголовном судопроизводстве эксперт является одним из важных лиц, поскольку именно его заключение может оказать решающее влияние на исход дела. Заключение эксперта в уголовном процессе имеет высокую ценность и значимость, поскольку позволяет устранять возникающие противоречия при производстве следственных действий [2].

Согласно ст. 57 УПК РФ экспертом является лицо, назначенное для проведения судебной экспертизы и дачи заключения, обладающее специальными знаниями [6]. В свою очередь, Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ (далее – Федеральный закон о судебно-экспертной деятельности) дополняет определение эксперта в УПК РФ, раскрывая и подчеркивая важность специальных знаний [3].

Общие права и обязанности эксперта регламентированы в Федеральном законе о судебно-экспертной деятельности, его процессуальный статус в уголовном процессе – в ст. 57 УПК РФ. Специфика процессуального статуса эксперта заключается в четком соблюдении требований законодательства, в выполнении независимой и объективной работы и представлении достоверной информации.

Согласно п. 1 ч. 3 ст. 57 УПК РФ эксперт вправе знакомиться с материалами дела, но данное право ограничено законодателем материалами, относящимися к предмету экспертизы [6]. В свою очередь в ст. 16 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности говорится, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для судебной экспертизы [3]. Однако бывает, что материалы, которое необходимы для проведения экспертизы, недоступны или их недостаточно. Следовательно, эксперт при производстве экспертизы сталкивается с ограничением в ее проведении. Вопрос о возможности сбора экспертом объектов экспертизы является дискуссионным.

В теории уголовно-процессуального права и судебной экспертизы существует понятие «объект экспертизы». Под объектом экспертизы следует понимать предметы материального мира, подлежащие экспертному исследованию в целях установления сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Объектами экспертизы могут быть вещественные доказательства, документы (как вид доказательства), образцы для сравнительного исследования [7].

При анализе статей УПК РФ, которые содержат в себе объекты экспертизы, можно сделать вывод, что в конструкциях норм используется различная терминология:

– в ст. 57 УПК РФ – «материалы для экспертного исследования»;

– в ст. 195 УПК РФ – «материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта»;

– в ст. 202 УПК РФ – «образцы для сравнительного исследования»;

– в ст. 204 УПК РФ – «объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы» [6].

В свою очередь ст. 10 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности раскрывает содержание понятия «объекты исследований», а именно объектами исследования являются вещественные доказательства, документы, предметы, животные, трупы и их части, образцы для сравнительного исследования, а также материалы дела, по которому производится судебная экспертиза [3].

Из вышеуказанного следует, что понятие «объект экспертизы» является более узким, чем «объект исследований», поскольку последнее включает, в том числе и материалы уголовного дела (протоколы осмотра места происшествия, экспериментов, обысков и др.).

Установленные выше факты позволяют признать целесообразной замену в п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ слов «материалы для экспертного исследования» словами «объекты экспертизы».

Кроме того, в п. 4 ч. 1 ст. 195 законодатель не определил, что необходимо рассматривать в качестве «материалов, представляемых в распоряжение эксперта» при назначении судебной экспертизы. Правоприменителем данное положение может быть истолковано двояко. С одной стороны, таковыми могут считаться все материалы уголовного дела, относящиеся к предмету судебной экспертизы, с которыми знакомится эксперт, а также и объекты экспертизы. С другой стороны, под «материалами» могут пониматься имеющиеся в уголовном деле доказательства, за исключением тех, которые являются непосредственными объектами судебной экспертизы. Следовательно, единообразное понимание нормы будет обеспечено изменением в п. 4 ч. 1 ст. 195 УПК РФ слов «материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта» словами «объекты экспертизы и материалы уголовного дела, представляемые для производства судебной экспертизы».

Также в ст. 204 УПК РФ встречается уже новый вариант обозначения объектов экспертизы, а именно: «объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы». Если предположить, что термин «объекты исследований» употреблен в значении, определенном ст. 10 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности, то возникает вопрос, какие еще материалы могут быть представлены эксперту, поскольку материалы уголовного дела входят в понятие «объекты исследований». Никакие иные материалы не могут быть представлены эксперту, поэтому обоснованным является изложение п. 7 ч. 1 ст. 204 УПК РФ в следующей редакции: «…объекты экспертизы и материалы уголовного дела, представленные для производства судебной экспертизы».

Важным для правоприменительной практики является и вопрос о том, вправе ли эксперт собирать объекты экспертизы. На практике нередки случаи, когда в распоряжение эксперта представляется все многотомное дело и эксперт, изучая его, подменяет собой субъектов, назначивших экспертизы, и занимается анализом материалов дела, собирая доказательства, выбирая, что ему исследовать [5, с. 18]. Н. Н. Егоров в своих работах настаивает на законодательном разрешении эксперту собирать материалы для экспертного исследования, считая существующую в законе позицию неудачной [1, с. 225]. Возражая против такого варианта разрешения данной проблемы, Л. В. Виницкий предупреждает, что «наделение эксперта правом собирать доказательства должно неминуемо отразиться на его статусе. Он должен быть в таком случае переведен в группу участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или со стороны защиты. Но в этом случае не будет основания говорить, что он лично, прямо или косвенно не заинтересован в исходе конкретного уголовного дела» [4]. По нашему мнению, необходимо внести изменения в ст. 17 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности, которые давали бы возможность эксперту самостоятельно собирать необходимые объекты экспертизы. В свою очередь допустимость этих доказательств будет определяться органами или лицами, назначившими экспертизу. И, как следствие, нужно упразднить в ст. 16 Федерального закона о судебно-экспертной деятельности и в ст. 57 УПК РФ следующий текст «Эксперт не вправе… самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы». Данные изменения положительно повлияют на качество и эффективность результатов экспертизы. Важно отметить, что законодателем уже сделан шаг в этом направлении. В ч. 4 ст. 202 УПК РФ установлено, что если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом [6].

Таким образом, при анализе вопроса о допустимости сбора экспертом объектов экспертизы в уголовном судопроизводстве установлена целесообразность использования в уголовно-процессуальном законодательстве понятия «объект экспертизы», как следствие, предложены соответствующие изменения ст. 57, 195 и 204 УПК РФ. Кроме того, определена необходимость предоставления возможности эксперту самостоятельно собирать объекты экспертизы при сохранении допустимости доказательств органами или лицами, назначившими экспертизу. Данные изменения обеспечат более высокую степень объективности и достоверности судебной экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Егоров Н. Н. Собирание вещественных доказательств экспертом // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2007. С. 222–227.

2. Костенко Р. В., Немира С. В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 152.

3. О государственной судебно-экспертной деятельности : Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) : принят Государственной

Думой 5 апреля 2001 года : одобр. Советом Федерации 16 мая 2001 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения : 13.09.2024).

4. О судебной экспертизе по уголовным делам (анализ положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ). URL: https://smo.vkks.ru/publication/8767/ (дата обращения: 25.10.2024).

5. Россинская Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7(47). С. 15–24.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : с изм. и доп. на 15 мая 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобр. Советом Федерации 5 декабря 2024 года. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 12.10.2024).

7. Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. 24 с.

УДК 343.1

Толкачёва Владлена Станиславовна,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
tolkachevavlad@mail.ru

Кузьмина Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
kuzmina.nat@yandex.ru

Правовой опыт производства судебной экспертизы в уголовном процессе России и зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект

В данной статье проведен сравнительно-правовой анализ организационных особенностей производства судебной экспертизы в уголовном процессе Германии, Франции и России, по результатам которого были выявлены сходства, различия и особенности правового регулирования института судебной экспертизы. Кроме того, были рассмотрены проблемы судебно-экспертной деятельности общие для России и других зарубежных стран, исходя из которых можно утверждать, что выявленные проблемы носят глобальный характер и не зависят ни от правовой системы и особенностей национального судопроизводства, ни от уровня экономического развития.

Ключевые слова: *сравнительно-правовой анализ, институт судебной экспертизы, уголовный процесс Германии, Франции и России.*

© Толкачёва В. С., Кузьмина Н. В., 2025

Tolkacheva Vladlena Stanislavovna,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Kuzmina Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Legal Experience of Forensic Expertise in Criminal Proceedings of Russia and Foreign Countries: Comparative Legal Aspects

In this article a comparative legal analysis of organizational features of forensic examination in criminal proceedings in Germany, France and Russia was carried out, the results of which revealed similarities, differences and peculiarities of legal regulation of the institute of forensic examination. In addition, the problems of forensic activity common to Russia and other foreign countries were considered, based on which it can be argued that the identified problems are global in nature and do not depend on the legal system and peculiarities of national proceedings, nor on the level of economic development.

Keywords: *comparative legal analysis, institute of forensic expertise, criminal procedure of Germany, France and Russia.*

Одним из инструментов борьбы с уголовными преступлениями как в России, так и в других странах, является институт судебной экспертизы. Именно поэтому целесообразно рассмотреть правовую регламентацию производства судебных экспертиз в зарубежных странах и сравнить с практикой проведения в Российской Федерации.

Рассмотрим сходства и отличия организационных особенностей осуществления судебных экспертиз в Германии, Франции и России. Следует учесть, что изучаемые страны принадлежат к одной правовой семье – романо-германской правовой системе. По данным таблицы можно сказать, что в рассматриваемых зарубежных странах нет единой законодательной нормы, которая бы регламентировала организацию, порядок назначения и производства судебных экспертиз. Во всех странах существует уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее институт судебной экспертизы. Однако, что касается России, то экспертная деятельность нашла законодательное отражение еще и в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», что показывает более высокий уровень правовой базы касаемо института экспертизы.

Общим для стран Германии и Франции выступает то, что судебные экспертные учреждения входят в состав органов полиции. Следовательно, судебную экспертную деятельность в данных странах осуществляют высококвалифицированные и обученные специалисты. Однако правоохранительные органы иногда прибегают к помощи частных экспертов. В России государственные судебно-экспертные учреждения входят в состав Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, Следственного комитета РФ, а также Федеральной службы безопасности и других министерств. Кроме того, в Российской Фе-

дерации осуществляют свою деятельность и негосударственные экспертные учреждения.

Таблица

Сравнение организационных особенностей производства судебной экспертизы в уголовном процессе Германии, Франции и России (составлено авторами на основе источников [6, 8, 9])

Сравнительный признак	Германия	Франция	Россия
1. Организация государственных судебно-экспертных учреждений	Судебный экспертные учреждения входят в состав органов полиции		Судебные экспертные учреждения входят в состав МВД, СК, Минюста России и других ведомств
2. Правовая основа производства судебной экспертизы	УПК ФРГ	УПК Франции	ФЗ № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», УПК РФ
3. Процессуальное положение эксперта	Эксперт выступает в качестве помощника судьи	Эксперт является признанным профессионалом в своей сфере	Эксперт имеет полноценный процессуальный статус
4. Основание назначения экспертизы	По инициативе суда на основании специального определения или по ходатайству сторон	По инициативе суда на основании решения или распоряжения	Определение суда, ходатайство сторон, постановление следователя или дознавателя
5. Заключение эксперта	В УПК ФРГ отсутствует перечень доказательств по уголовному делу	Заключение эксперта выступает в суде как доказательство по делу	

Существенным отличием в изучаемых странах является процессуальное положение эксперта. Во Франции эксперт является не экспертом по профессии, а профессионалом в своей дисциплине, который рассматривается как случайный сотрудник службы юстиции. Для привлечения эксперта к производству судебной экспертизы судья выбирает его из списка и направляет задание. Такой список составляется судами ежегодно. В Германии же эксперт традиционно выступает в качестве помощника судьи. В России в отличие от рассматриваемых стран эксперт имеет полноценный процессуальный статус.

Кроме того, Францию и Россию сближает то, что в рамках уголовно-процессуального законодательства экспертное заключение выступает в суде как доказательство по делу. В то время как в Германии в УПК отсутствует перечень доказательств по уголовному делу.

Отдельно стоит рассмотреть проблемы судебно-экспертной деятельности общие для Российской Федерации и других стран мира.

Анализ российских и зарубежных публикаций позволяет утверждать, что проблемы института судебной экспертизы носят глобальный характер и не зависят ни от правовой системы и особенностей национального судопроизводства, ни от уровня экономического развития. Например, обобщая данные по США, Великобритании, Австралии и Швейцарии, к проблемам в области судебно-экспертной деятельности следует отнести: отсутствие стандартов и аккредитации лабораторий; отсутствие единой терминологии и унифицированных подходов к формам выводов; пробелы в образовании судебных экспертов; неполнота изложения хода и результатов исследования в заключении эксперта; недостаточное финансирование и контроль [4, с. 172].

Если проводить параллель с Россией, то российское экспертное сообщество беспокоят те же проблемы, а именно: унификация терминологии и методик, стандартизация и аккредитация; обучение судебных экспертов [1, с. 9–12] и лицензирования их деятельности [2, с. 156]; форма выводов; контроль и взаимодействие [7, с. 354–357].

Другой немаловажной проблемой в области судебно-экспертной деятельности, носящей универсальный характер, является проблема выбора между государственными и негосударственными экспертными учреждениями. К примеру, в Великобритании, так же как и в России, традиционно отдают предпочтение государственным экспертным учреждениям, поскольку они лучше оснащены, лучше контролируются, их сотрудники проходят периодические переаттестации, при этом привлечение как государственных, так и негосударственных экспертных учреждений вызывает сомнение в независимости и соблюдении принципа состязательности сторон – государственные экспертные учреждения аффилированы стороне обвинения, а негосударственные зависят от денег заказчика [3, с. 173].

Все вышеперечисленные проблемы влияют на качество предоставляемых экспертных услуг, которое определяется совокупностью трех критериев: сроком проведения экспертизы, стоимостью и достоверностью выводов. В целом набор проблем института судебной экспертизы действительно представляется универсальным, не смотря на различия в истории становления судебно-экспертных учреждений и системы правосудия, правовых систем, политической и экономической обстановки. В связи со схожими проблемами государствам необходимо изучать и перенимать положительный опыт друг друга в части организации, регламентации и регулирования судебно-экспертной деятельности в целях сокращения уровня уголовных преступлений как внутри страны, так и на мировом уровне.

Кроме того, схожим выглядят и решения проблем института судебной экспертизы в разных странах. Например, в Великобритании уже более десяти лет действует Судебно-экспертный регулятор – организация, не подконтрольная, но частично финансируемая за счет средств Министерства внутренних дел. В ее задачи входит разработка методических рекомендаций организационного и экономического характера и стандартов в области судебной экспертизы. Дея-

тельность этой организации оценивается как весьма успешная, однако ее эффективность имеет существенные ограничения, поскольку издаваемые ею документы имеют рекомендательный, а не обязательный характер, и несмотря на обещания государственных органов поддерживать инициативы этого Регулятора, ситуация пока существенно не меняется [3, с. 177]. В Российской Федерации разработкой стандартов занимается созданный в 2015 году Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» [5].

Кроме того, Постановлением Правительства РФ от 08.12.2018 № 1502 «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» был создан координирующий орган судебно-экспертной деятельности [4]. Цель его создания – совершенствование судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Таким образом, по результатам сравнительно-правового анализа организационных особенностей производства судебной экспертизы в уголовном процессе Германии, Франции и России были выявлены сходства, различия и особенности правового регулирования института судебной экспертизы. Интересным является то, что Францию и Россию в рамках уголовно-процессуального законодательства сближает статус экспертного заключения, которое выступает в суде как доказательство по делу. В то время как в Германии в УПК вообще отсутствует перечень доказательств по уголовному делу. Также были рассмотрены проблемы судебно-экспертной деятельности общие для России и других зарубежных стран, исходя из которых можно утверждать, что выявленные проблемы носят глобальный характер и не зависят ни от правовой системы и особенностей национального судопроизводства, ни от уровня экономического развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аминев Ф. Б. О проблеме качества судебно-экспертных исследований и путях ее решения // Вопросы экспертной практики. М., 2017. С. 9–14.

2. Комиссарова Я. В. К вопросу о нормативном регулировании судебно-экспертной деятельности и профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации // Вопросы экспертной практики. М., 2017. С. 151–156.

3. Пискунова Е. В. Проблемы судебно-экспертной деятельности, общие для России и других стран мира (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2019. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/2019-02-041-e-v-piskunova-problemy-sudebno-ekspertnoy-deyatelnosti-obschie-dlya-rossii-i-drugih-stran-mira-obzor (дата обращения: 28.10.2024).

4. Постановление Правительства РФ от 08.12.2018 № 1502 (ред. от 17.07.2019) «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 25.10.2024).

5. Стандартизация судебно-экспертной деятельности. URL: http://www.sudexpert.ru/standards/ (дата обращения: 25.10.2024).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ : УПК : с изм. и доп. на 15 мая 2024 года : принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года : одобр. Советом Федерации 5 декабря 2024 года. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942 (дата обращения: 01.10.2024).

7. Хрусталев В. Н. Заинтересованность экспертов в деле – основная проблема судебной экспертизы на постсоветском пространстве // Вопросы экспертной практики. М., 2017. С. 353–358.

8. Code penal en vigueur depuis le 01 septembre 1990, dernière mise à jour des données de ce code : 23 mai 2024 // Le service public de la diffusion du droit. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719 (дата обращения: 02.10.2024).

9. Strafprozeßordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987 (BGBl. I S. 1074, 1319), die zuletzt durch Artikel 16 des Gesetzes vom 6. Mai 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 149) geändert worden ist. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 03.10.2024).

УДК 343.336.

Ушаков Сергей Дмитриевич,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
s.ushakov01@mail.ru

Противодействие экономическим преступлениям в сфере налогообложения

В представленной статье рассматриваются наиболее актуальные проблемы, которые возникают в процессе профилактики и предотвращения экономических преступлений в сфере налогообложения в Российской Федерации. Также рассматриваются вопросы правового регулирования и нормативного закрепления отдельных аспектов процедуры налогообложения. Выработана правовая позиция по решению выявленной проблематики.

Ключевые слова: *налог, налоговое право, налоговый спор, правонарушение, преступление, законодательство, профилактика налоговых преступлений, предупреждение совершения преступлений.*

Ushakov Sergey Dmitrievich,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Prevention and prevention of economic crimes in the sphere of taxation

The presented article considers the most relevant problems that arise in the process of prevention and prevention of economic crimes in the field of taxation in the Russian Federation. It also

© Ушаков С. Д., 2025

considers the issues of legal regulation and normative fixation of certain aspects of the taxation procedure. The legal position on the solution of the identified problems is developed.

Keywords: *tax, tax law, tax dispute, offence, offence, legislation, prevention of tax crimes, prevention of committing offences.*

«Российская Федерация уже на протяжении достаточно длительного времени борется за право аксиоматично считать себя правовым государством, т. е. государством, в котором закон верховенствует и значительно преобладает над иными более примитивными по своей сущности формами регулирования общественных отношений. Одним из неоспоримых критериев оценки государства как правового является степень эффективности работы института налогообложения» [6].

Конституция Российской Федерации в ст. 57 закрепляет за каждым гражданином обязанность «платить законно установленные налоги и сборы» [1]. Однако данная обязанность нередко нарушается, о чем свидетельствуют многочисленные статистические данные.

Так, профессор В. М. Лебедев (председатель Верховного Суда Российской Федерации с 1989 по 2024 год) озвучил, что по данным судебной статистики за девять месяцев 2023 года судами первой инстанции было рассмотрено 28 млн 286 тыс. дел разных категорий, из которых более 1 млн дел прямо или косвенно связаны с взысканием с граждан налогов и сборов, а также с совершением преступлений в сфере налогообложения, что составило порядка 4,5 %.

По данным МВД России, в 2019 году ущерб от экономических преступлений, к которым относятся правонарушения в сфере налогообложения, составил 447,2 млрд руб., в 2023 году сумма выросла до 642 млрд руб. Осуществив расчеты, можно сделать вывод, что за вычетом усредненной за период с 2020 по 2023 года инфляции (8,6 %) ущерб вырос на 156,3 млрд руб. – более чем на 20 %.

Институт налогообложения, ввиду быстроменяющихся экономических моделей, а также ввиду необходимости наращивания темпов развития экономики, является приоритетным в Российской Федерации. Любая система, в том числе и налоговая, лишена возможности полноценного функционирования, если в ней присутствует преступность, темпы которой стремительно растут. Ввиду вышесказанного, логично выделить профилактику и предотвращение налоговых преступлений как приоритетное направление работы органов исполнительной власти Российской Федерации и общества в целом.

В Российской Федерации наказание за налоговые преступления предусмотрены ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ [2].

Согласно Федеральному закону от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», профилактика правонарушений (включая преступления) – это «совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на

лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [4].

Нельзя не согласиться с мнением А. В. Мозиной [5], которая на основе совокупного анализа внутренних нормативно-правовых актов МВД сформулировала основные требования к профилактике и предотвращению преступности для органов исполнительной власти:

1. Должны быть установлены причины проявления преступной деятельности, факторы ей способствующие. Должен быть проведен их анализ и приняты меры по их устранению и последующему недопущению.

2. Необходимо проводить деятельность по выявлению лиц, склонных к осуществлению противоправной деятельности. Следует проводить их после дующий учет.

3. В случае обнаружения фактов приготовления к преступлению, должен проводиться весь комплекс мер по пресечению и недопущению преступной деятельности.

4. Необходимо проводить работу по как можно более широкому привлечению физических и юридических лиц к деятельности, направленной на предупреждение преступности.

5. Важное направление имеет работа по предупреждению безнадзорности и преступной деятельности несовершеннолетних лиц.

6. Реализация контрольной и надзорной деятельности.

Также целесообразно дополнить вышеуказанный список следующими пунктами:

– выявление и антикриминогенное воздействие на лиц, от которых можно ожидать совершения противоправного деяний;

– минимизация криминальной виктимности отдельных лиц и населения в целом;

– информирование граждан о деятельности ОВД (полиции) по предупреждению преступлений и административных правонарушений;

– взаимодействие в предупредительной деятельности с другими специализированными и неспециализированными субъектами;

– разработка и совершенствование нормативной правовой основы предупреждения преступлений и административных правонарушений.

Однако профилактика и предотвращение налоговых преступлений имеет ряд особенностей, отличных от общих принципов. Целесообразно выделить следующие группы мер по профилактике и предотвращению экономических преступлений в сфере налогообложения:

1. Административно-технические. Необходимо улучшать автоматизацию систем расчета, а также уплаты налогов и сборов для физических и юридических лиц. Упрощение процедуры уплаты налога и декларирования доходов однозначно понизит процент налоговых преступлений и правонарушений.

2. Социально-просветительские. Прежде всего, необходимо формировать нетерпимость к преступности в сфере налогообложения путем личного примера лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, а также

информацией, транслируемой в средствах массовой информации. Отсюда вытекает необходимость повышения уровня доверия к государственным и муниципальным органам власти. Также нет сомнений в том, что государство, в лице органов власти, должностных лиц, должно неукоснительно следовать принятым законам – законодательство в сфере налогообложения не должно быть противоречивым, а налоговая система в целом должна быть справедливой. Термин «справедливость» не столь относителен, как кажется на первый взгляд. Так, ввиду вышесказанного, концепция «справедливости налогообложения» может проявляться в виде отмены так называемых «налогов на роскошь», которые не имеют практического обоснования, и «повторных налогов» – прежде всего речь идет о налоге на банковские вклады в рублях.

3. Правовые.

Во-первых, стоит отметить, что криминализация деяний, связанных с неуплатой налогов и сборов, в первую очередь, обусловлена необходимостью возмещения ущерба, нанесенного бюджету Российской Федерации. Преступления в сфере налогообложения (ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ) – уникальные нормы УК РФ, имеющие исключительные условия прекращения уголовного преследования, состоящие в льготных требованиях к возмещению ущерба, причиненного бюджетной системе (ч. 1 и 2 ст. 28.1 УПК РФ). Целесообразным представляется исключить из ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ [3] ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ и рассматривать возмещение ущерба, причиненного бюджету Российской Федерации, не как основание, для прекращения уголовного преследования, а как смягчающее обстоятельство на усмотрение суда. Вероятно, количество возмещенных денежных масс незначительно уменьшится ввиду отсутствия стимула у подозреваемого (обвиняемого) в виде прекращения уголовного преследования, однако это также и значительно понизит уровень совершения преступлений в сфере налогообложения, поскольку повысит уровень неотвратимости реального наказания.

Во-вторых, для соразмерности судебного штрафа реально нанесенному ущербу, а также повышению уровня косвенного возмещения денежных средств бюджетной системе Российской Федерации, представляется целесообразным внести изменения в санкции ст. 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, заменив установленные суммы судебных штрафов на штраф в размере одной четвертой от суммы совершенного преступления для ст. 198, 199 УК РФ и одной третьей для ст. 199.1 и 199.2 УК РФ соответственно.

Таким образом, путем частичной модернизации административно-технических, социальных и правовых аспектов получится добиться положительного эффекта в области профилактики и предотвращения экономических преступлений в сфере налогообложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.12.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.12.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.11.2024). URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.12.2024).

4. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (посл. ред.). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 10.12.2024).

5. Мозина А. В. Органы внутренних дел в системе предупреждения преступлений и иных правонарушений // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сб. тр. Всерос. (с междунар. участием) конф. (г. Кострома , 22–23 апреля 2022 года) / сост. Н. В. Ганжа, Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев [и др.] ; отв. ред. В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2022. С. 131–132.

6. Ушаков С. Д., Никитин В. В. Актуальные проблемы доказывания в налоговых спорах // Конституция Российской Федерации – правовая основа устойчивого развития законодательства и российской государственности (к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тр. XX Всерос. декабрьских юрид. чтений в Костроме. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Кострома, 7–8 декабря 2023 г.) / сост. Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина, И. Н. Мельников [и др.] ; отв. ред. Г. Г. Бриль. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2023. С. 154–158.

УДК 343.262

Шигарев Сергей Юрьевич,
судья Свердловского районного суда г. Костромы
г. Кострома, Российская Федерация
shigarev_s89@mail.ru

К вопросу о назначении наказания в виде принудительных работ

В статье рассматриваются отдельные вопросы назначения наказания в виде принудительных работ с учетом имеющихся проблем правоприменения и планируемых изменений в законодательство

Ключевые слова: *уголовный процесс, наказание, лишение свободы, принудительные работы.*

Shigarev Sergey Yurievich,
judge of the Sverdlovskiy district court of Kostroma
Kostroma, Russian Federation

On the issue of sentencing in the form of forced labor

The article discusses some issues of sentencing in the form of forced labor, taking into account the existing problems of law enforcement and planned changes to the legislation.

© Шигарев С. Ю., 2025

Keywords: *criminal proceedings, punishment, imprisonment, forced labor.*

Конституция Российской Федерации [1] декларирует принципы гуманизма, справедливости и индивидуализации ответственности, в том числе, провозглашая право каждого осужденного за преступление просить о смягчении наказания. Эти же принципы отражены и в положениях ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2], из которых следует, что наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, а также ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) [3] где установлено, что назначению уголовного судопроизводства отвечает, в том числе назначение виновным справедливого наказания. Одним из средств, позволяющих реализовать указанные принципы, является назначение наказания в виде принудительных работ.

Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ УК РФ дополнен ста. 53.1, устанавливающей, что принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые и заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем, несмотря на значительный срок (13 лет) после введения в действие ст. 53.1, Уголовным кодексом РФ [2] вопрос назначения данного вида наказания однозначно не урегулирован, что порождает определенные проблемы, в том числе при назначении наказания. Научное сообщество отмечает противоречия нормативного регулирования рассматриваемого вопроса.

К примеру, как указывает В. Ф. Лапшин, принудительные работы являются одной из мер государственного принуждения, которая может применяться только в качестве основного вида наказания, но в то же время принудительные работы это единственный вид уголовного наказания, являющийся альтернативой лишению свободы на определенный срок. Таким образом, принудительные работы имеют зависимо-заменяемый правовой характер: изначально суд должен назначать наказание в виде лишения свободы, после чего рассматривать возможность его замены альтернативным наказанием – принудительными работами [5].

В настоящее время порядок назначения наказания в виде принудительных работ строится на основе правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации. Так, из разъяснений п.22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [4] вытекает, что исходя из положений ч. 1 ст. 53.1 УК РФ при назначении наказания принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы лишь в случаях, когда совершено преступление небольшой или средней тяжести либо впервые тяжкое преступление и только когда данный вид наказания наряду с лишением свободы прямо предусмотрен санкциями соответствующих статей Особенной части УК РФ. Судам следует

иметь в виду, что в тех случаях, когда в силу требований закона осужденному не может быть назначено наказание в виде лишения свободы (например, ч. 1 ст. 56 УК РФ), принудительные работы не назначаются.

Однако указанное разъяснение не является исчерпывающим. В частности, возникают вопросы: как назначить принудительные работы в случае, когда они предусмотрены в санкции статьи в качестве максимально строгого наказания без лишения свободы? Как действовать, если санкцией статьи срок принудительных работ превышает срок лишения свободы?

К примеру, ч. 2 ст. 121 УК РФ предусматривает наказание за заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, совершенное в отношении двух или более лиц либо в отношении несовершеннолетнего в виде принудительных работ на срок до пяти лет, либо лишение свободы, но на срок до двух лет. Часть 1 ст. 207 УК РФ за заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное из хулиганских побуждений предусматривает в том числе наказание в виде принудительных работ на срок от двух до трех лет и не предусматривает при этом наказания в виде лишения свободы.

В научном сообществе отмечается и внутреннее противоречие, заложенное в ст. 53.1 УК РФ и вышеуказанном Постановлении Пленума ВС РФ.

Так, А. В. Бриллиантов указывает, что суд вначале должен прийти к выводу о необходимости назначить осужденному наиболее строгое наказание в виде лишения свободы (не учитывая при этом принудительные работы), а после этого, обсудив вопрос о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, принять решение о замене осужденному назначенного наказания в виде лишения свободы принудительными работами. То есть сначала суд обоснованно должен прийти к выводу о том, что подсудимому следует назначить только лишение свободы, а затем переубедить себя и решить, что может быть назначено и более мягкое наказание. При этом такая нелогичность вытекает не из позиции суда (он вынужден поступать именно таким образом), а из требований закона [6]. Этим же ученым сделан вывод, что решению проблем, связанных с назначением принудительных работ, способствовало бы признание их самостоятельности, для чего имеются все правовые основания.

В настоящее время в Государственную думу Российской Федерации на рассмотрение внесен законопроект № 585548-8, предусматривающий внесение изменений в ст. 53.1 УК РФ. Согласно тексту проекта изменений, ч. 1 и 2 ст. 53.1 предлагается изложить в следующей редакции: принудительные работы заключаются в содержании осужденного в учреждении уголовно-исполнительной системы и привлечении его к труду в местах, определяемых учреждением уголовно-исполнительной системы (ч. 1). Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления

впервые, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со ст. 80 настоящего Кодекса (ч. 2).

Решает ли проект данных изменений все обозначенные проблемы?

Представляется, что не в полной мере. Так, законодатель планирует уйти от определения принудительных работ как альтернативы лишению свободы. Вместе с тем, исходя из текста ч. 4 ст. 53.1 УК РФ в редакции, предлагаемой законопроектом, по прежнему предлагается заменять принудительные работы в случае уклонения осужденного от их отбывания лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ. Можно заключить, что отчасти законодатель продолжает считать их фактической альтернативой лишению свободы. Одновременно с этим, размер наказания в виде принудительных работ в отдельных статьях УК РФ продолжает оставаться не уравненным. К примеру, вышеуказанная норма ч. 2 ст. 121 УК РФ согласно тексту законопроекта остается без изменений. При этом в случае замены наказания в виде принудительных работ лицу, уклоняющемуся от их отбывания, срок лишения свободы может составить больше срока, указанного в санкции статьи.

Вместе с тем, с учетом планируемых изменений разрешается проблема возможности назначения наказания в виде принудительных работ по совокупности преступлений, в случае если за отдельные из преступлений наказание в виде лишения свободы не назначалось и принудительными работами не заменялось.

Рассмотренные в настоящей статье вопросы в обозримой перспективе не потеряют актуальности, поскольку продолжает отмечаться тенденция к гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики [7], а количество уголовных дел, рассмотренных с назначением указанного наказания, а также рассмотренных вопросов в порядке исполнения приговора остается значительным.

В частности, в 2023 году Свердловским районным судом г. Костромы рассмотрено с вынесением обвинительного приговора и назначением наказания в виде принудительных работ 40 уголовных дел и 150 материалов в порядке рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора; а в истекшем периоде 2024 года с вынесением обвинительного приговора и назначением наказания в виде принудительных работ уже 41 уголовное дело, а также 82 материала в порядке рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации : (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 17.11.2024).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 10.11.2024).

5. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 55–67.

6. Бриллиантов А. В. Принудительные работы // Уголовное право. 2023. № 8. С. 21–27.

7. Публикация о выступлении Председателя ВС РФ И. Л. Подносовой. URL: https://rg.ru/2024/12/03/sudim-miagche.html (дата обращения: 10.11.2024).

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (К 25-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

УДК 378.147

Виндилович Елена Александровна,
старший преподаватель, Донецкий государственный университет
г. Донецк, Российская Федерация
e.vindilovich.donnu.jur@mail.ru

Проблемы и тенденции в юридическом образовании сегодня

В статье рассматриваются актуальные проблемы юридического образования, начиная с исторического аспекта, включая недостаточную практическую направленность учебных программ, вопросы качества подготовки преподавателей, а также необходимость адаптации учебных планов к изменяющимся требованиям рынка труда и правовой системы. Обсуждается значимость практического опыта и стажировок для студентов. Примеры успешных программ стажировок и их влияние на трудоустройство выпускников. Сделаны выводы *о необходимости реформирования системы юридического образования, повышения качества преподавания и практической подготовки студентов. Рекомендации по улучшению образовательных программ.*

Ключевые слова: *юридическое образование, практическая направленность, качество образования, преподаватели, адаптация учебных планов.*

Vindilovich Elena Alexandrovna,
senior lecturer, Donetsk State University
Donetsk, Russian Federation

Problems and trends in legal education today

The article examines the current problems of legal education starting from the historical aspect, including the lack of practical orientation of curricula, the quality of teacher training, as well as the need to adapt curricula to the changing requirements of the labor market and the legal system. The importance of practical experience and internships for students is discussed. Examples of successful internship programs and their impact on graduate employment. Conclusions are drawn about the need to reform the system of legal education, improve the quality of teaching and practical training of students. Recommendations for improving educational programs.

Keywords: *legal education, practical orientation, quality of education, teachers, adaptation of curricula.*

© Виндилович Е. А., 2025

Юридическое образование занимает ключевую роль в формировании правовой системы и правового государства. В современных условиях, когда общество сталкивается с новыми вызовами, такими как глобализация, цифровизация и изменение социально-экономических реалий, необходимо переосмысление подходов к юридическому образованию в России. Актуальность данной темы обусловлена потребностью в высококвалифицированных специалистах, способных эффективно защищать права граждан, обеспечивать правопорядок и развивать правовую систему.

Качество юридического образования напрямую влияет на способность юристов выполнять свои обязанности, защищать права и законные интересы граждан, а также обеспечивать стабильность и развитие правового государства. В условиях быстрого изменения законодательства, появления новых правовых институтов и норм, особенно в сфере информационных технологий и защиты прав человека, возникает необходимость в постоянном обновлении учебных программ и методов обучения. Необходимо выявить основные проблемы и тенденции в юридическом образовании, проанализировать существующие подходы к обучению юристов, а также предложить рекомендации по улучшению качества юридического образования.

Система юридического образования восходит к Древнему Риму, там были известны школы риторики и философии, где преподавались основы права, но это не были специализированные юридические учебные заведения, в них обучали ораторскому мастерству и правоведению. Ключевую роль римское правоведение играло в формировании концепций права, применяемых в последующие века. В Средние века юридическое образование стало более формализованным с возникновением университетов. Например, Университет Болоньи, основанный в 1088 году, стал одним из первых университетов, где преподавались юридические науки. В это время закон стал рассматриваться как система, требующая глубокого изучения и понимания [5, с. 47].

В Российской империи впервые создается факультет права в Московском университете в 1755 году. В 20 веке юридическое образование продолжало эволюционировать под влиянием социальных, политических и экономических факторов. В 1917 году после Октябрьской революции в России произошли значительные изменения в системе образования, включая юридическое. В это время акцент был сделан на подготовку специалистов, способных работать в новых условиях правового порядка. С конца 20 века наблюдается глобализация юридического образования, что приводит к необходимости адаптации учебных программ к международным стандартам. Важным этапом стало введение Болонского процесса в 1999 году, который способствовал унификации образовательных стандартов в Европе. В России этот процесс начался в начале 2000-х годов, что привело к изменениям в структуре юридического образования и внедрению новой системы управления качеством [4, с. 78–79].

Развитие информационных технологий оказало значительное влияние на юридическое образование. Ведущие университеты, такие как Йельский университет, внедряют онлайн-курсы и дистанционное обучение, что делает образование доступным для большего числа студентов. Важным аспектом стал переход

к международным стандартам подготовки юристов. Например, в рамках программы Erasmus студенты могут проходить стажировки в юридических учреждениях других стран, что обогащает их опыт и расширяет профессиональные горизонты.

Проблема практической направленности в юридическом образовании остается одной из наиболее актуальных в современных условиях. Несмотря на наличие теоретической базы, многие студенты юридических вузов сталкиваются с недостатком практических навыков, необходимых для успешной карьеры в юридической профессии. Одной из основных проблем является недостаток практической подготовки в учебных планах. Согласно исследованию, проведенному в 2023 году, более 65 % выпускников юридических факультетов заявили, что не чувствуют себя готовыми к практической деятельности после окончания учебы. Это связано с недостаточным количеством практических занятий, стажировок и клинического обучения в программе обучения [3, с. 116].

Многие учебные заведения по-прежнему фокусируются на теоретических аспектах права, что приводит к расхождению между ожиданиями работодателей и уровнем подготовки выпускников. Программы обучения часто не включают актуальные дисциплины, такие как правовые технологии, управление рисками и альтернативное разрешение споров.

Отсутствие систематических стажировок и практики в юридических вузах также является серьезной проблемой. Многие студенты не проходят обязательные стажировки, или их стажировки не связаны с юридической практикой [7, с. 200].

Несмотря на существующие проблемы, некоторые университеты внедряют успешные программы, направленные на улучшение практической подготовки студентов. Например, во многих вузах РФ сейчас активно работают юридические клиники, где студенты работают с реальными делами под руководством опытных юристов. Это позволяет студентам получить практический опыт и развить важные навыки, такие как коммуникация с клиентами и ведение дел.

Качество подготовки преподавателей является одним из определяющих факторов успешности юридического образования. Они играют ключевую роль в формировании знаний и навыков студентов, и их квалификация напрямую влияет на уровень подготовки будущих юристов. На сегодня большинство преподавателей юридических вузов не имеют практического опыта работы в юридической сфере, что негативно сказывается на качестве их преподавания. Это приводит к тому, что многие лекции и семинары остаются теоретическими, и студенты не получают необходимых практических знаний. Качество преподавания имеет прямое влияние на уровень знаний студентов. Студенты, обучающиеся у квалифицированных преподавателей с практическим опытом, показывают более высокие результаты на экзаменах и лучше подготовлены к реальной практике. Необходимость повышения квалификации преподавателей становится все более актуальной в условиях быстро меняющегося правового поля. Важно, чтобы преподаватели были в курсе последних изменений в законодательстве и новых тенденций в юридической практике. Некоторые университеты уже внедряют программы повышения квалификации для своих преподавателей [8, с. 225].

Адаптация учебных планов юридических вузов к изменяющимся требованиям рынка труда и правовой системы является ключевым аспектом повышения качества юридического образования. Одним из основных направлений адаптации учебных планов является внедрение новых дисциплин. Например, в ответ на растущую значимость информационных технологий в праве, ряд российских университетов начали предлагать курсы по правовым аспектам IT. Например, внедрение курса «Право и технологии», который охватывает вопросы регулирования интернет-пространства и защиты данных [6, с. 270].

Другим важным направлением является изучение прав человека. В рамках этой инициативы, многие университеты начали внедрять клинические программы, которые позволяют студентам работать над реальными делами, связанными с защитой прав человека.

Многие университеты начали пересматривать свои учебные планы, чтобы соответствовать международным стандартам и обеспечить мобильность студентов между различными странами.

Практический опыт и стажировки играют ключевую роль в подготовке студентов юридических вузов к реальной профессиональной деятельности. Наличие практического опыта помогает студентам не только закрепить теоретические знания, но и развить необходимые навыки и компетенции, которые ценятся работодателями [2, с. 51].

Наличие практического опыта также значительно увеличивает шансы на трудоустройство выпускников. Работодатели отмечают, что наличие стажировок является важным критерием при отборе кандидатов на юридические позиции. Более того, выпускники, имеющие опыт стажировок, получают предложения о работе на чаще, чем их сверстники без такого опыта. Многие юридические вузы внедряют программы стажировок, которые помогают студентам получить практический опыт. Например, стоит внедрять программу «Стажировки в юридических фирмах», где студенты смогут проходить стажировки в крупных юридических компаниях и государственных органах. Стажировки не только помогают студентам получить опыт, но и существенно влияют на их карьерный рост [1, с. 41].

В заключение исследование проблем и тенденций в юридическом образовании является важной задачей для повышения качества подготовки юристов и развития правовой системы в целом. Качественное юридическое образование – это не только инвестиция в будущее профессионалов, но и вклад в становление правового государства, где права и свободы граждан защищены и соблюдаются.

Таким образом, проблемы практической направленности в юридическом образовании требуют внимательного анализа и активных действий со стороны образовательных учреждений. Необходимы изменения в учебных планах, внедрение практических программ и стажировок, а также сотрудничество с юридическими практиками для повышения качества подготовки студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеева П. М. Тенденции развития преподавательской деятельности в современном вузе // Закон. Право. Государство. 2021. № 1(29). С. 40–45.

2. Борисов А. В., Корнев А. В., Петручак Л. А. Юридическое образование в России: история, современность, перспективы развития : монография. М. : Юр. норма, 2018. 78 с.

3. Зайцева А. В. Проблемы и перспективы практической подготовки юристов в России // Журнал правовых исследований. 2021. № 10(3). С. 112–118.

4. Кривенко А. В. Современные тенденции юридического образования в условиях глобализации // Юридическая наука и практика. 2019. № 12(2). С. 78–82.

5. Кузнецова Е. В. История юридического образования в России: от древности до современности // Право и образование. 2020. № 3(1). С. 45–50.

6. Левитан К.М. Юридическая педагогика : учебник. М. : Норма, 2011. С. 251–283.

7. Пашнева В. А. Современные тенденции развития юридического образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 65(1). С. 199–201.

8. Харин А. З. Проблемы и перспективы профессионального образования // Восток. Владивосток : Изд-во Дальневост. техн. ун-та, 2008. С. 22–26.

УДК 378.147

Жидкова Елена Степановна,
кандидат юридических наук, доцент,
Луганский филиал Воронежского института МВД России,
г. Луганск, Российская Федерация
20privat20@bk.ru

Емельянов Антон Александрович,
старший преподаватель,
Луганский филиал Воронежского института МВД России,
г. Луганск, Российская Федерация
aayemelianov@mail.ru

Решение юридических казусов как один из методов совершенствования навыков аргументации у курсантов высших учебных заведений системы МВД в процессе проведения практических занятий по учебной дисциплине «Гражданское право»

Статья посвящена анализу совершенствования способности аргументации у курсантов высших учебных заведений системы МВД посредством активного применения в рамках практических занятий решения юридических казусов как одного из ключевых методов обучения. Юридическое образование, как и любое профессиональное образование, преследует цель обеспечения соискателя инструментарием, необходимым для качественной практической деятельности, в частности умением применять приобретенные теоретические знания к конкретным жизненным ситуациям и способностью ясно, грамотно и понятно выражать

© Жидкова Е. С., Емельянов А. А., 2025

свои мысли (как в письменной форме, так и в устной). Иными словами, одним из ключевых навыков, которым должен овладеть будущий специалист в области юриспруденции – это способность аргументации.

Ключевые слова: *юридическая аргументация, юридический казус, казусные задания, юридическая практика, практические занятия.*

Zhidkova Elena Stepanovna,
candidate of law, associate professor,
Lugansk branch of Voronezh Institute of the Russian MIA,
Lugansk, Russian Federation

Emelyanov Anton Aleksandrovich,
Senior Lecturer, Lugansk branch of Voronezh Institute of the Russian MIA,
Lugansk, Russian Federation

Solving legal incidents as one of the methods of improving argumentation skills among cadets of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs in the process of conducting practical classes on the academic discipline “Civil Law”

The article is devoted to the analysis of improving the argumentation abilities of cadets of higher educational institutions of the Ministry of Internal Affairs through the active use of solving legal cases as one of the key teaching methods in practical training. Legal education, like any professional education, aims to provide the applicant with the tools necessary for high-quality practical activity, in particular the ability to apply acquired theoretical knowledge to specific life situations and the ability to express their thoughts clearly, competently and clearly (both in writing and orally). In other words, one of the key skills that a future specialist in the field of jurisprudence should master is the ability to argue.

Keywords: *legal argumentation, legal case, case studies, legal practice, practical exercises.*

Еще в 1903 году И. И. Янжул обратил внимание на неэффективность лекционного процесса на юридических факультетах и констатировал необходимость обязательного внедрения практических занятий. Под такими занятиями он понимал приемы активного преподавания, заключающиеся в применении положений теоретической науки к случаям или казусам, взятым из реальной жизни или специально придуманным. Целью таких занятий И. И. Янжул определил эффективное усвоение лекционного материала, формирование у обучающихся навыков самостоятельного мышления и изучение практической составляющей юриспруденции [5, с. 1–2].

Совершенствование навыков аргументации осуществляется с использованием различных методов обучения. Полагаем, что наиболее эффективным будет именно решение юридических казусов, под которыми следует понимать ситуации из реальной действительности, адаптированные для практического усвоения одного или нескольких юридических вопросов. Казус описывает событие на юридическом языке и обычно содержит наряду с необходимой для его решения информацией дополнительную, не имеющую юридического значения и которую обучаемый должен оставить без внимания.

Решение юридических казусов по учебной дисциплине «Гражданское право» направлено на формирование у обучающихся практических навыков применения правовых предписаний к различным жизненным ситуациям, что связано с необходимостью отрабатывать определенные компетенции, например, способность проводить логический анализ, толковать правовые нормы, формулировать выводы и т. д.

Учитывая приведенное, представляется целесообразным применение следующего алгоритма решения практических задач (казусов).

1. Ознакомление с условием казуса и изложение фактических обстоятельств. Задачей этого этапа является выяснение существенных обстоятельств, выделение и разграничение тех, которые имеют или не имеют отношения к делу. Качественное обоснование не сводится к ответу на все доводы сторон спора.

Необходимо отметить, что при решении практических заданий по гражданскому праву в учебном процессе все фактические обстоятельства рассматриваются как уже установленные и не требующие доказывания (в процессуальном аспекте). То есть при решении казуса аудитория выполняет роль суда кассационной инстанции, разъясняющего содержание закона и его применения, однако не рассматривает дело по существу. Курсанты должны предоставить правовую квалификацию спорного правоотношения без его правовой оценки (например, между сторонами был заключен договор купли-продажи, владелец потерял контроль над вещью и т. п.).

2. Определение и анализ нарушенного права, права требования и статуса субъекта этого права. Под правом требования понимается право одного лица требовать от другого совершения определенного действия или воздержания от такого действия. Как отмечал Я. Шапп, еще Б. Виндшейд обратил внимание на то, что в основе каждого иска должно лежать материально-правовое требование. Собственно иск является только инструментом реализации права требования. Именно на этом основании, по мнению автора, можно разграничить материальное и процессуальное право [4, с. 44].

Анализ условия казуса позволяет определить субъекта права требования, а вопрос, который ставится в казусе, – выяснить, какое право требования принадлежит этому лицу. В частности, это может быть право требовать возврата вещи из чужого незаконного владения, право получить стоимость переданной вещи, право получить стоимость работы, право возвратить некачественную вещь продавцу, право получить материальную и (или) моральную компенсацию ущерба, причиненного деликтом, и т. д.

Определение и анализ права требования в решении юридической задачи осуществляется с целью поиска соответствующей правовой нормы, поскольку именно они дают возможность найти соответствующую норму права, а не наоборот. Проверяя право требования, обучающемуся необходимо найти ответы на следующие вопросы:

1. Кто является субъектом права требования?
2. Что составляет содержание права требования?
3. От кого субъект имеет право требовать?
4. На основании чего вправе требовать?

В процессе решения юридического казуса обучающиеся должны соблюдать последовательность проверки оснований права требования. Определенное право требования подлежит проверке, в ходе проведения которой необходимо учитывать особенности, которые характеризуют право требования [2]. Так, при проверке права требования, выдвигаемого из договора, необходимо сначала провести анализ самого договора как надлежащего юридического факта (был ли он заключен, является ли действительным и т. п.). Далее следует обратиться к выяснению вопроса действительности самого права требования с позиции выявления возможности его погашения (выполнение, увольнение кредитора) или остановки (отсрочки, моратория и т. п.).

3. Поиск правовой нормы и ее анализ. В случае существования доктринальных дискуссий по применению нормы, случаев неодинакового применения нормы судами кассационной инстанции или при других обстоятельствах, «отягчающих» правовое основание, курсант должен указать это как факторы, которые необходимо учитывать в правовой оценке фактических обстоятельств казуса.

При наличии разных научных оценок приводятся разные доктринальные подходы. Если в результате применения нормы сформировалась судебная практика, в первую очередь Верховного Суда РФ, ее также необходимо применять.

В процессе установления содержания правовой нормы обучающийся обязан учесть ее структуру. Как правило, правовые нормы содержат состав и правовое последствие. Состав правовой нормы фиксирует предпосылки, при наличии которых должно наступить правовое последствие. К примеру, ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) в формулировке «Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления» содержит состав, а формулировка «подлежит возмещению» предусматривает правовое последствие. Формулировка «Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования» содержит уточнение, которое в данном случае касается источника, из которого причиненный вред будет возмещаться.

Состав правовой нормы в большинстве случаев охватывает несколько так называемых признаков состава. При этом речь идет о самостоятельных частях предложения, которые в контексте правовой нормы имеют самостоятельное содержание. К примеру, в ст. 1069 ГК РФ содержатся следующие признаки состава: 1) наличие имущественного вреда; 2) противоправность этого посягательства; 3) причинно-следственная связь между причиненным вредом и противоправным поведением; 4) вины. Это позволяет всесторонне проверить неразрешенность действия и таким образом найти качественное обоснование обязанности по возмещению вреда [3].

4. Сопоставление фактических обстоятельств дела по основным признакам правового основания. Этот этап является стадией юридической аргументации, где обучающийся должен предоставить надлежащую правовую оценку об-

стоятельств дела [1, с. 178]. На этом этапе курсант проверяет, совпадают ли правовые предпосылки (правовые основания) и фактические обстоятельства и в результате дает правовую оценку (квалификацию) фактических действий.

5. Формулировка результата. На этом этапе обучающийся отвечает на заданный в казусе вопрос (в обобщенном виде – на вопрос о том, подлежит ли требование истца удовлетворению).

Следует отметить, что каждый из предложенных этапов решения юридического казуса предусматривает важные моменты, которые курсант не должен оставить без внимания. Для получения положительной оценки необходимо не только дать правильный ответ, но и последовательно и качественно аргументировать ход решения казуса.

Заключение. Решение казусных заданий на практических занятиях по гражданскому праву имеет важное значение для обучающихся по следующим основаниям:

1. Применение теории в правоприменительной практике: в процессе решения казусных заданий идет непосредственное применение ранее усвоенных теоретических знаний к конкретным ситуациям из реальной практики, что способствует лучшему усвоению и пониманию материала.

2. Развитие навыков анализа и решения проблем: решение казусов способствует развитию аналитических и проблемно-ориентированных навыков, необходимых для успешной работы в структуре МВД.

3. Работа с казусами способствует приобретению навыков разрешения юридических конфликтов, составления документов, аргументации позиции, что является подготовкой к будущей практической деятельности.

4. Стимулирование самостоятельного мышления и творческого подхода: в процессе выполнения казусных заданий активно применяется логическое мышление, осуществляется поиск альтернативных способов разрешения поставленной проблемы, вследствие чего развивается креативность и способность к аргументации.

Таким образом, решение казусных заданий на практических занятиях по гражданскому праву играет важную роль в формировании профессиональных навыков у курсантов высших учебных заведений системы МВД и подготовке их к успешной практической деятельности в юридической сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданское право. Общая часть : учебник / Н. И. Беседкина, Н. А. Ефимова, С. А. Иванова [и др.] ; под ред. Г. Ф. Ручкиной. М. : КноРус, 2021. 704 с.

2. Земельное право. Государственное управление землепользованием : сб. студ. работ / ред. Ю. Крохина. М. : Студенческая наука, 2012. 1610 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=221590 (дата обращения: 03.11.2024).

3. Судебная практика : акты высших судебных органов по делам по экономическим спорам и другим делам, связанным с осуществлением

экономической деятельности. М. : Статут, 2015. Ч. 2. 912 с. URL: https://biblio club.ru/index.php?page=book&id=453308 (дата обращения: 03.11.2024).

4. Шапп Я. Система германского гражданского права : учебник / [пер. с нем. С. В. Королева]. М. : Международные отношения, 2006 (Смоленск : Смоленская обл. тип. им. В.И. Смирнова).

5. Янжул И. И. Отчет о практических занятиях на юридических факультетах восьми русских университетов. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1903. 121 с.

УДК 378.147

Руднов Иван Евгеньевич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
i.rudnov@bk.ru

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
l_kukushkina@kosgos.ru

Практико-ориентированный подход образовательного стандарта «Юриспруденция»

В статье раскрывается сущность и содержание практико-ориентированного подхода в образовательном стандарте «Юриспруденция» (уровень бакалавриат). Указываются качество и недостатки самого стандарта и пути их решения, а также задачи, которые стоят перед юридическим образованием в ближайшие годы, в том числе к переходу на уровень специалитета. Выделены основные проблемы в формировании практик и обучения студентов. Предложены варианты реализации практико-ориентированного подхода, возможные последствия, а также варианты изменения в законодательстве по данному вопросу с учетом мнения исследователей в данном направлении.

Ключевые слова: *практико-ориентированный подход, юридическое образование, специалист, образовательный процесс, учебный план, образовательный стандарт.*

© Руднов И. Е., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А., 2025

Rudnov Ivan Evgenievich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The practice-oriented approach of the law educational standard

The text of the article reveals the essence and content of the practice-oriented approach in the educational standard for jurisprudence (bachelor's degree level). The quality and disadvantages of the standard itself and the ways to solve them, as well as the challenges facing legal education in the coming years, including the transition to the specialist level, are indicated. The main problems in the formation of practices and training of students are highlighted. Options for the implementation of a practice-oriented approach, possible consequences, as well as options for changes in legislation on this issue, taking into account the opinions of researchers in this field, are proposed.

Keywords: *practice-oriented approach, legal education, specialist, educational process, curriculum, educational standard.*

Качество юридического образования и уровень подготовки студентов по данному направлению в вузах подвергается острой критике, как и в целом все российское образование. Недовольны юридическим образованием работодатели, представители власти и граждане.

В таких условиях, когда стране нужны кадры, квалифицированные и опытные, стоит изменить не только стандарты в обучении (т. е. сделать их простыми и понятными), но и ввести совершенно новые – например практико-ориентированный подход в обучении (когда студент одновременно учится и работает в сфере юриспруденции).

Предстоит довольно серьезная задача – переформатировать юридическое образование таким образом, чтобы в довольно короткий срок мы получали максимально обученного работника. Прошлые изменения не решили данную проблему с практической точки зрения, практика студентов осталась практикой на бумаге – т. е. формальностью.

Основные проблемы, которые стоят перед юридическим образованием условно можно разделить на несколько категорий [3, с. 266]:

– увеличение в учебных планах количества часов на практику не привели к существенным изменениям в подготовке кадров (как сами студенты, так и организации, в которых проводится практик, а считают, что это всего лишь формальность, следовательно, никакой смысловой нагрузки и каких-либо изменений не происходит);

– практики имеют строго направленный аспект, в то время как нужно учитывать все сферы юриспруденции (т. е. должно быть четкое деление практик, основанное на мотивации и потребности студента и общества);

– основным звеном в практико-ориентированном подходе сейчас служит юридическая клиника, что является недостатком в работе по подготовке студента к работе по профессии (именно в клинике отражается взаимосвязь теоретического и практического подхода в обучении, с помощью юридической клиники студент с личностной точки зрения выбирает ориентир, что ему интересно, а что ему не нужно, и если на данном этапе развития образования этого достаточно, то в будущем это будет замедлять реакцию на изменения в обществе).

Решить такую задачу по реформированию юридического образования возможного, для этого не нужно создавать и формировать какие-то другие механизмы по обучению кадров, достаточно настроить текущую модель и переориентировать образование на регион, в том числе путем введения практико-ориентированного подхода (т. е. приземлить студента, что решит проблему нехватки кадров на местах) [1, с. 267].

Каким образом можно реализовать практико-ориентированный подход, чтобы он принес результаты в полной мере? Необходимо провести ряд мероприятий, а именно:

1) улучшение материально-технического оснащения аудиторий (недостаток финансирования ведет к тому, что учебные заведения не в состоянии обеспечить нужное для образовательного процесса);

2) привлечение работодателей к образовательному процессу (помимо практики привлечь к аудиторным занятиям работодателя);

3) введение в образовательных программах и в образовательном процессе специализации по направлениям подготовки (сначала должно быть общее теоретическое обучение, а на старших курсах студент сам определяет кем он хочет быть и что ему учить, учитывая мнение работодателя и место практики);

4) в современных условиях нужно поменять подход к пониманию кто такой преподаватель (старая модель устарела, сейчас преподаватель не источник знаний, а лишь модулятор и в какой-то степени спикер образовательного процесса) [5, с. 151];

В научно-исследовательской литературе, например в статьях К. О. Ситникова, Н. В. Булдакова [4, с. 3] и С. С. Кузакбирдиева [3, с. 138], указывается на то, что практико-ориентированный подход необходим для формирования будущего юриста в рамках интегрированной системы обучения, заключающегося в формировании у обучающегося собственного практического опыта использования полученных знаний при решении профессиональных задач, в результате чего специалист способен использовать свои компетенции в профессиональной деятельности.

Исходя из вышеизложенного предлагается внести изменения следующего характера:

В пункта 2.6 федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция, утвержденного приказом Министерства науки и высшего об-

разования Российской Федерации от 13 августа 2020 года № 1011 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 7 сентября 2020 года) [2], с изменениями, внесенными приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 26 ноября 2020 года № 1456 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 27 мая 2021 года) и от 19 июля 2022 года № 662 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 7 октября 2022 года), строку «вправе установить дополнительный тип (типы) учебной и (или) производственной практик» заменить строкой «вправе самостоятельно установить дополнительный тип (типы) учебной и (или) производственной практик в рамках практико-ориентированного подхода» [3].

Данные изменения приведут к возможным планируемым результатам:

– будущий работодатель будет привлечен к обучению кадров в такой же равной степени, как и преподаватель, т. е. непосредственно с нуля формируя «своего работника»;

– студенты будут знать, что их ждет в своей профессии, непосредственно и постоянно контактируя с работодателями и организациями;

– отчасти будет решен вопрос дефицита кадров и работы со студентами в вопросе профориентации.

Таким образом, юридическое образование по своей сути не требует каких-то кардинальных реформ или изменений, т. е. вполне реализуемо и осуществимо. Нужно настроить взаимодействие учебных заведений и работодателя таким образом, чтобы студент был универсальным специалистом, изначально включенным в работу на предприятии или организации. Учет всех вышеизложенных проблем и путей их решения позволит в кратчайшие сроки восполнить нехватку кадров и создать прочную модель развития юридического образования на долгие годы с учетом потребностей и трансформации общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Диагностика готовности студентов юристов к профессиональной деятельности / Патаркацишвили Н. Ю., Александрова Л. И., Матонина О. Г., Коновалов А. С., Маслобоев Н. А., Щербаков Е. С. // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. СПб., 2021. № 10. С. 265–271. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-gotovnosti-studentov-yuristov-k-professionalnoydeyatelnosti (дата обращения: 28.01.2025).

2. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (зарег. в Минюсте России 07.09.2020 № 59673). URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011 (дата обращения: 28.01.2025).

3. Кузакбирдиев С. С. Проблемы реализации практико-ориентированного подхода в подготовке юристов и пути их решения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5, № 2. С. 137–154.

4. Ситникова К. О., Булдакова Н. В. Сущностные характеристики практико-ориентированной подготовки будущих юристов. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=30244 (дата обращения: 28.01.2025).

5. Худойкина Т. В. Технологии практико-ориентированного обучения студентов-юристов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-praktiko-orientirovannogo-obucheniya-studentovyuristov (дата обращения: 28.01.2025).

УДК 378.14

Скиба Ирина Геннадиевна,
кандидат филологических наук, доцент,
Луганский филиал Воронежского института МВД России,
г. Луганск, Российская Федерация
kafedra_uja@mail.ru

Ткачева Елена Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Луганский филиал Воронежского института МВД России,
г. Луганск, Российская Федерация
lena1234578@mail.ua

К вопросу трансформации высшего образования в условиях цифровизации

Статья посвящена одной из актуальных проблем – трансформации высшего образования в условиях цифровизации. В статье рассмотрены основные направления цифровой трансформации, которая радикально меняет экономику, образование и образ жизни в целом. Показано, что цифровые технологии для образовательного процесса – необходимое, но недостаточное условие для повышения результативности учебной работы. Востребованность способности к анализу систем, распространение идей и методов процессного управления, увеличение числа рабочих мест, где требуются умения ставить задачи и формализовать методы их решения, – все это заставляет переопределить традиционные образовательные результаты в ходе цифровой трансформации образования.

Ключевые слова: *система образования, учебная работа, высшее образование, цифровые технологии, цифровая трансформация.*

Skiba Irina Gennadievna,
candidate of philological sciences, associate professor,
Lugansk branch of Voronezh Institute of the Russian MIA,
Lugansk, Russian Federation

Tkacheva Elena Alexandrovna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Lugansk branch of Voronezh Institute of the Russian MIA,
Lugansk, Russian Federation

© Скиба И. Г., Ткачева Е. А., 2025

On the issue of transformation of higher education in the context of digitization

The article is devoted to one of the topical problems – transformation of higher education in the conditions of digitalization. The article discusses the main directions of digital transformation, which radically changes the economy, education and lifestyle in general. It's been shown that digital technologies are necessary for the educational process but not sufficient for increasing the effectiveness of academic work. The demand for the ability to analyze systems, dissemination of ideas and methods of process management, the increase in the number of workplaces where skills are required to set tasks and formalize methods for solving them – all these factors makes it necessary to redefine traditional educational results during the digital transformation of education.

Keywords: *digital technologies, education system, educational work, competencies, higher education.*

В современном мире все сферы жизнедеятельности общества интегрируются в одно единое цифровое пространство, что влечет за собой глобальные изменения и в отечественном образовательном пространстве, которое не мыслимо без современных цифровых технологий, ведь именно они позволяют создавать новые форматы обучения, улучшать возможности доступа к образованию, способствуют внедрению инновационных методов обучения и оценивания, обеспечивают глобальность и масштабируемость в образовательном процессе.

Остается актуальным понимание необходимости овладения современными цифровыми технологиями в образовательном процессе высшей школы, особой ответственность преподавателей при подготовке студентов к самореализации в цифровом пространстве, к применению цифровых технологий в дальнейшей практической деятельности. Необходимо изменение традиционного восприятия цифровых технологий как модного образовательного тренда, влекущего за собой поверхностное их внедрение (на уровне программного обеспечения, цифровой обработки данных, визуализации учебного материала и т. д.).

В научных исследованиях в сфере цифровых технологий в образовании, можно выделить два основных направления: представители первого рассматриваю многочисленные плюсы данного процесса, активно используют цифровые технологии в образовании (Г. Гейбл, Д. Седера, Т. Чан, Г. Гэскел, С. Гхош, Е. Мансур, А. Томшик, М.Веллер), представители другого ставят под сомнение активное использование цифровых технологий в образовании, считая, что оно имеет больше минусов, чем плюсов (Р.Мустафаоглы, Я. Алдхамди, Хэй Чу).

Бесспорно, цифровые технологии оказывают значительное влияние на образовательный процесс в высшем образовании, ведь они позволяют преподавателям и студентам использовать компьютерные программы, интернет-ресурсы, онлайн-курсы и другие средства для улучшения качества и эффективности обучения. Одним из преимуществ цифровых технологий в образовании является возможность доступа к обширным информационным ресурсам, в которых студенты могут самостоятельно искать и изучать актуальную информацию, находить учебные материалы, научные статьи и прочие ресурсы, не выходя из дома

или кампуса, что позволяет им быть более самостоятельными и расширять границы получения знаний [1, с. 84].

С помощью электронных платформ и социальных сетей происходит процесс общения, обмена информацией, актуализируется взаимная обратная связь, что усиливает коллективное обучение, сотрудничество и кооперацию между студентами, а также улучшает доступность преподавателей для консультаций и поддержки. Не менее важной особенностью цифровых технологий в высшем образовании является возможность улучшения процесса оценки и контроля успеваемости студентов.

В этом контексте рассмотрим несколько основных особенностей, которые делают цифровые технологии полезными в этом контексте:

1. Автоматизированная оценка (цифровые технологии позволяют автоматически оценивать и считать баллы за тесты, задания и другие формы работы студентов, что сокращает необходимость ручной работы преподавателей и уменьшает вероятность ошибок при подсчете оценок).

2. Интерактивные тесты и вебинары (цифровые платформы предоставляют возможность создания интерактивных тестов и вебинаров, где студенты могут проверить свои знания непосредственно во время учебного процесса, что помогает лучше понять материал и отслеживать свой прогресс).

3. Онлайн-тестирование (цифровые платформы позволяют проводить онлайн-тестирование, где студенты могут сдавать экзамены и выполнение заданий удаленно, что удобно для студентов, которые не имеют возможности непосредственного посещения лекций).

4. Аналитика успеваемости: Цифровые технологии позволяют создавать системы аналитики успеваемости, которые помогают преподавателям отслеживать прогресс студентов, выявлять слабые места и предоставлять индивидуальную поддержку тем, кто нуждается в дополнительном обучении.

5. Доступ к материалам и обратная связь (цифровые платформы обеспечивают доступ к учебному материалу, позволяют студентам получать обратную связь от преподавателей и оценивать их учебные достижения в режиме реального времени, что помогает студентам более эффективно учиться и более точно оценивать свои успехи).

Таким образом, цифровые технологии отличаются дидактическим потенциалом, что обеспечивает свободу поиска информации, ее персонализацию (ориентацию на потребности учащихся – разный уровень сложности, темп, подача материала), интерактивность, мультимедийность, субкультурность [2, с. 11].

К примеру, цифровизация образования в контексте изучения иностранного языка означает использование современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в процессе обучения, ведь целью цифровизации является улучшение качества образования, эффективности и результативности изучения иностранного языка. Приведем некоторые цели внедрения цифровизации на занятиях по иностранному языку со студентами, для которых изучение иностранного языка не является их специализацией:

1. Индивидуализация обучения (цифровые технологии предоставляют возможность создания персонализированного обучения, адаптированного к конкретным потребностям и способностям ученика; при помощи специальных программ и приложений можно оценивать предпочтения и уровень знаний каждого ученика и подбирать соответствующие учебные материалы).

2. Увлекательность и мотивация (использование цифровых технологий в учебном процессе делает обучение более интерактивным, увлекательным и привлекательным для учеников; при помощи видео, аудио, графики и интерактивных заданий можно создавать интересные и эффективные уроки, которые будут стимулировать мотивацию и улучшать результаты).

3. Развитие коммуникативных навыков (цифровые технологии позволяют создавать условия для активного использования иностранного языка на практике; с помощью онлайн-коммуникации и социальных медиа ученики могут взаимодействовать с носителями языка и другими учениками со всего мира, что способствует развитию навыков общения и понимания).

4. Формирование навыков работы с информацией (в современном мире критическое мышление и умение находить, оценивать и использовать информацию становятся все более важными; цифровые технологии позволяют ученикам эффективно и критически работать с различными источниками информации, а также развивать навыки поиска и анализа материалов).

Если рассматривать проблему цифровизации в целом, нельзя не согласиться с мнением ученых, что цифровизация образования, в частности, в изучении иностранного языка, не только расширяет доступ к образованию и повышает эффективность обучения, но также создает новые возможности и обогащает образовательный процесс.

Для объективности картины было проведено анкетирование, респондентами которого выступили – слушатели магистратуры, а также их преподаватели ЛФВИ МВД России, которым был предложен вопрос: «Используете ли вы цифровые технологии в своей работе?» Все 15 респондентов-магистрантов (100 %) ответили на вопрос положительно, указав при этом на отсутствие соответствующей специализированной подготовки, необходимость усовершенствования уровня овладения цифровыми технологиями, а также повышение уровня квалификации в этой сфере посредством, к примеру, спецтренингов.

При анкетировании преподавателей (15 респондентов) так же был получен утвердительный ответ на поставленный вопрос, было установлено, что все они понимают необходимость цифровизации образовательного процесса (100 %), однако на практике инновации используются неравномерно. Из наиболее часто называемых причин выделим следующие: во-первых, в значительной мере затрудняет полноценное использование цифровых технологий в образовании ограниченный доступ к цифровым устройствам и Интернету в не рабочее время (10 %); во-вторых, не все преподаватели обладают достаточными навыками работы с цифровыми технологиями и компьютерами, как правило, это преподаватели более старшего поколения, им требуется дополнительное обучение и соответствующая поддержка при использовании новых инструментов

и методов (20 %). Кроме того, некоторые преподаватели не принимают изменения и предпочитают использовать традиционные методы обучения, считают, что цифровые технологии отвлекают внимание обучающихся или не способны заменить классические методы обучения (3 %).

Несмотря на все преимущества цифрового образования, его внедрение попрежнему не является всеобъемлющим, часто носит поверхностный несистемный характер, встречает неосознанное сопротивление новым формам и методам. В то же время, в образовательной среде есть устойчивое понимание того, что внедрение цифровых технологий в образование неизбежно продолжается.

И преподаватели, и студенты осознают важность инноваций, ищут возможности для их использования. Процессы цифровизации требует от них, а также высших учебных заведений в целом гибкости и времени на адаптацию, технического обеспечения всеми необходимыми ресурсами и поддержкой для успешного применения цифровых инструментов в обучении. При соблюдении этих условий в дальнейшем может быть значительно улучшено качество образования с применением инновационных подходов к обучению студентов высшей школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минина В. Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, вып. 1. С. 84–101.

2. Sappey J. Dr., Relf St. Digital Technology Education and its Impact on Traditional Academic Roles and Practice // Journal of University Teaching & Learning Practice. 2010. № 7(1). P. 11.

СЕКЦИЯ 5

ЦИФРОВЫЕ ВЫЗОВЫ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ И ОБЩЕСТВЕ

УДК 34.09

Бриль Геннадий Геннадьевич,
доктор юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
g_bril@kosgos.ru

Цветков Глеб Юрьевич,
магистрант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
glebtsvetkov01@mail.ru

Отдельные проблемы правового регулирования цифровых платформ

В статье исследованы отдельные проблемы правового регулирования цифровых платформ. Несмотря на то, что цифровые платформы присутствуют во всех сферах жизнедеятельности, правовое регулирование в рассматриваемой области несовершенно. Авторы отмечают, что остаются вопросы, связанные с правовым статусом цифровых платформ. Исследована проблематика, связанная с обязанностями и ответственностью владельца агрегатора информации о товарах (услугах). Выявленные проблемы позволили определить правовые пути их решения.

Ключевые слова: *цифровизация, платформы, цифровые платформы, посредничество, цифровые технологии, агрегатор, владелец агрегатора, ответственность, защита прав потребителя.*

Bril Gennadii Gennadievich,
doctor of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Tsvetkov Gleb Yurievich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Selected problems of legal regulation of digital platforms

This article examines some of the problems of legal regulation of digital platforms. Despite the fact that digital platforms are present in all spheres of life, the legal regulation in this area is imperfect. The authors notes that there are still issues related to the legal status of digital platforms.

© Бриль Г. Г., Цветков Г. Ю., 2025

The problems related to the duties and responsibilities of the owner of the aggregator of information about goods (services) are investigated. The identified problems allowed us to determine the legal ways to solve them.

Keywords: *digitalization, platforms, digital platforms, mediation, digital technologies, aggregator, aggregator owner, responsibility, consumer protection.*

В жизни современного человека значительную роль играют цифровые технологии. Это связано с их активным развитием и внедрением цифровизации во все сферы социальной жизнедеятельности. Популярность цифровых платформ достаточно велика: каждый из нас пользуется интернет-магазинами, службой доставки, социальными сетями и т. д. Например, согласно исследованиям [9], такой маркетплейс как Wildberries пользуется спросом у женщин в возрасте от 25 до 35 лет, которые предпочитают покупать товары онлайн и следят за модными тенденциями. В России в целом рынок интернет-торговли расширялся быстрее, чем в других странах: в 2023 году сразу на 36 % [8]. Однако, развитие цифровых платформ порождает вызовы для права, требующие комплексного анализа и оптимизации законодательного регулирования.

Ключевой задачей в рассматриваемой теме является четкое определение правового статуса цифровых платформ. В действующем российском законодательстве отсутствует непосредственно определение понятия цифровых платформ. По нашему мнению, это связано с разнообразием видов (инструментальные, инфраструктурные, прикладные, отраслевые [7]) и форматов (от вертикально интегрированных сервисов до децентрализованных структур [6]) цифровых платформ. Кроме этого, разные платформы могут подлежать разным правовым режимам. К примеру, если цифровая платформа осуществляет функции посредника в электронной коммерции, то она может подпадать под правовое регулирование законодательства о торговле [2] и гражданского законодательства [1]. Если цифровая платформа осуществляет задачи, связанные с обработкой персональных данных, то правовое регулирование, будет соответствующее [4]. То есть экономическая сущность влияет на правовой статус цифровых платформ. Это обуславливает вопрос о создании специального нормативного правового акта, регулирующего правовой статус и основы деятельности цифровых платформ.

Исследуя цифровую платформу как владельца агрегатора информации о товарах (услугах) (далее – владелец агрегатора), необходимо отметить следующее. Права и обязанности владельца агрегатора установлены Законом РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [3].

Согласно п. 1.2 ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей», владелец агрегатора обязан предоставить потребителю информацию о своем фирменном наименовании (наименовании) и месте нахождения, режиме работы, государственном регистрационном номере, а также об изменениях в этой информации. Аналогичная информация должна быть доведена до сведения потребителей в отношении продавцов или исполнителей, реализующих товары или услуги через сервис агрегатора. Указанная информация должна быть размещена на

сайте и (или) странице сайта в сети Интернет, причем также возможно доведение информации до сведения путем размещения ссылки на сайт продавца или исполнителя.

Пунктом 1.3 ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей» установлено, что владелец агрегатора обязан вносить изменения в указанную информацию в течение одного рабочего дня с момента получения сведений об изменении указанной информации от продавца или исполнителя. Кроме того, ст. 41 корреспондирует обязанность владельца агрегатора предоставлять по требованию органа государственного надзора и его должностных лиц информацию, необходимую им для осуществления возложенных полномочий.

Таким образом, Закон РФ «О защите прав потребителей» по сути установил обязанность по размещению реквизитов агрегатора, а также продавцов и исполнителей и поддержанию данных реквизитов в достоверном, актуальном состоянии. По нашему мнению, данные обязанности являются слишком ограниченными. Фактически потребитель принимает решение о приобретении товара или услуги на основании информации, указанной на сайте агрегатора. В связи с этим целесообразно для агрегатора установить обязанность по предоставлению информации о товаре или услуге, а не только сведений о реквизитах агрегатора и продавца или исполнителя. Так, мы считаем, что необходимо внести изменения в п. 1.2. ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей», дополнив ее следующим образом: «Владелец агрегатора обязан довести до сведения потребителей информацию о товаре или услуге, предлагаемой продавцом, посредством ее размещения на своих сайте и (или) странице сайта в информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“».

Интересным представляется вопрос об ответственности в рассматриваемой области. Как мы уже отметили, цифровые платформы зачастую функционируют в качестве посредников, предоставляя услуги (например, Avito, Ozon, Wildberries), при этом, не берут на себя полную ответственность за информацию, размещаемую пользователями на платформе. Вопрос об ответственности в данной области остается дискуссионным до настоящего времени, в некоторых странах существуют законы, которые освобождают владельцев цифровых платформ от ответственности, если они не являются активными модераторами. В рамках традиционного регулирования, посредники (например, владельцы торговых площадок) не несут ответственности за действия сторон, если не осуществляют активное участие в деятельности пользователей. Однако в случае цифровых платформ, где алгоритмы и искусственный интеллект играют ключевую роль, а также учитывая огромные масштабы деятельности платформ, вопрос ответственности становится более сложным.

Положения об ответственности владельца агрегатора закреплены в ст. 12 Закона РФ «О защите прав потребителей» [3]. Так, в п. 2.1 ст. 12 установлена ответственность владельца агрегатора за предоставление неполной или недостоверной информации о товаре или услуге в случае, если потребителем на основании такой информации был заключен договор возмездной купли-продажи

или оказания услуг. Обязанность по возмещению убытков, причиненных предоставлением вышеуказанной информации, закреплена за владельцем агрегатора. Однако в случае, если владелец агрегатора не вносил изменения в информацию, предоставленную продавцом или исполнителем о товаре или услуге и содержащуюся в предложении о заключении договора возмездной купли-продажи или оказании услуг, то ответственность для владельца агрегатора не возникает.

Многочисленны в научной доктрине обсуждения вопроса о возможности привлечения оператора платформы к ответственности за неисполнение основного договора независимо от условий конкретного соглашения об использовании платформы [10]. Это связано с тем, что широкую известность получили судебные решения о возмещении причиненного пользователям недостатками товара, услуги вреда, вынесенных против операторов крупнейших платформ в сфере торговли и перевозок – Amazon и Uber. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» [5] выражается мнение о возможности привлечения агрегаторов такси к ответственности за вред, причиненный пассажирам при исполнении заказа перевозчиком (если агрегатор такси заключил договор от своего имени или у клиента сложилось мнение, что договор заключается именно с агрегатором). В пункте 18 указанного Постановления отмечено, что «лицо, к которому обращается клиент для заключения договора перевозки пассажиров и багажа, отвечает перед пассажиром за причиненный в процессе перевозки вред, если оно заключило договор перевозки от своего имени либо из обстоятельств заключения договора (например, рекламные вывески, информация на сайте в сети «Интернет», переписка сторон при заключении договора и т. п.) у добросовестного гражданина-потребителя могло сложиться мнение, что договор перевозки заключается непосредственно с этим лицом, а фактический перевозчик является его работником либо третьим лицом, привлеченным к исполнению обязательств по перевозке». На наш взгляд, роль владельца агрегатора должна быть прозрачной для потребителя как наиболее защищенного субъекта возникающих правоотношений. Мы считаем, что необходимо п. 1.2 ст. 9 Закона РФ «О защите прав потребителей» дополнить вторым абзацем в следующей редакции: «В случае, если договор заключается посредствам цифровой платформы, владелец агрегатора обязан до его заключения в письменной форме сообщить продавцу и покупателю о том, что он не является стороной этого договора. Неисполнение этой обязанности дает право покупателю предъявлять требования, связанные с нарушением основного договора продавцом, непосредственно к владельцу агрегатора». Это позволит достичь единообразия правоприменения, роль владельца агрегатора будет ясна и прозрачна, а также позволит конкретно обозначить, в каком случае наступает ответственность владельца агрегатора.

Таким образом, законодательное регулирование цифровых платформ несовершенно и имеет ряд проблемных аспектов. Поскольку цифровые платформы укрепились в жизни социума, а также твердо вошли в экономический уклад российского государства, необходимы комплексные подходы и эффективные механизмы правового регулирования, чтобы сбалансировать интересы цифровых платформ, пользователей и общества в целом. Нами были выявлены проблемы в рассматриваемой области и предложены пути решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

2. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

3. О защите прав потребителей : Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 08.08.2024)./ URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

4. О персональных данных : Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

5. О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 № 26. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

6. Бабкин А. В., Михайлов П. А. Цифровые платформы в экономике: понятие, сущность, классификация. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-ekonomike-ponyatie-suschnost-klassifikatsiya (дата обращения: 27.11.2025).

7. Гретченко А. А. Типы цифровых платформ и их содержание. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-tsifrovyh-platform-i-ih-soderzhanie (дата обращения: 27.11.2025).

8. Кинякина Е., Арялина М. Топ-10 маркетплейсов мира по числу посещений. URL: http://www.vedomosti.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

9. Королева В. Самые продаваемые товары на Wildberries в 2024. URL: http://www.moysklad.ru/ (дата обращения: 27.11.2025).

10. Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-status-operatorov-onlayn-platform-neopredelennoe-nastoyaschee-i-vozmozhnoe-buduschee-1 (дата обращения: 27.11.2025).

УДК 34.07, 347.998

Верхотуров Дмитрий Сергеевич,
студент, Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация
dimanych02@mail.ru

Метавселенная и ее правовое регулирование

В статье исследуется феномен метавселенных, их технологическая основа и перспективы правового регулирования. Рассматриваются концепции и подходы к определению метавселенной, включая ее экономическую и социальную значимость. Особое внимание уделяется вопросам виртуальной собственности, включая внутриигровые предметы и NFT, а также проблемам регулирования цифровых аватаров и защиты данных. Приводятся примеры судебной практики и анализируется роль пользовательских соглашений. Автор подчеркивает необходимость разработки централизованных подходов к регулированию метавселенных, учитывая их потенциальное влияние на право и общество. Работа акцентирует внимание на технологических и правовых вызовах, стоящих перед этим инновационным пространством.

Ключевые слова: *метавселенная, виртуальная собственность, цифровые аватары, правовое регулирование, NFT, пользовательские соглашения, кибербезопасность.*

Verkhoturov Dmitry Sergeevich,
student, Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation

The metaverse and its legal regulation

The article examines the phenomenon of metaverses, their technological basis and prospects for legal regulation. The concepts and approaches to the definition of the metaverse, including its economic and social significance, are considered. Special attention is paid to issues of virtual property, including in-game items and NFT, as well as issues of regulation of digital avatars and data protection. Examples of judicial practice are given and the role of user agreements is analyzed. The author emphasizes the need to develop centralized approaches to the regulation of metaverses, taking into account their potential impact on law and society. The work focuses on the technological and legal challenges facing this innovative space.

Keywords: *metaverse, virtual property, digital avatars, legal regulation, NFT, user agreements, cybersecurity.*

На сегодняшний день точного определения этого термина не существует: полноценные метавселенные еще только формируются, а их концепция остается на стадии эволюции [7; 8]. Тем не менее, интерес к явлению стремительно возрос после пандемии COVID-19, когда зависимость от цифрового пространства стала очевидной [15]. По данным Google Trends, пик популярности термина пришелся на 2021–2022 годы [1]. Однако сегодня упоминания о метавселенных становятся все реже, что объясняется неопределенностью их практической ценности.

© Верхотуров Д. С., 2025

Одни полагают, что метавселенные способны радикально изменить образ жизни человека: офисы исчезнут, живое общение уступит место виртуальным встречам, а реальный мир потеряет свое первенство. Но есть и альтернативное мнение: метавселенные останутся лишь формой развлечения, подобно видеоиграм, которые помогают отвлечься от рутины.

Что же ждет нас в будущем? Будет ли метавселенная революцией, которая изменит все аспекты нашей жизни, или останется инструментом досуга? Ответ на этот вопрос определит наше отношение к виртуальным мирам как к феномену современности.

В юридической науке цифровые миры воспринимаются как сложные объекты права. К. С. Евсиков выделяет технологические аспекты метавселенной, рассматривая ее как «информационную систему» [10], Э. И. Лескина акцентирует внимание на «социальной значимости» метавселенной [17], Н. Н. Ковалева подчеркивает «ее экономическую роль для государства и бизнеса» [16], а П. В. Ересько отмечает значимость внедрения виртуального пространства метавселенной в образовательный процесс вуза [12].

Более точно описывает исследователь метавселенных М. Болл который понимает «как масштабную сеть 3D-миров, взаимодействующих в реальном времени и доступных неограниченному числу пользователей с ощущением присутствия и сохранением данных, включая личность, права и платежи» [5, с. 6].

Исходя из проведенного анализа подходов к пониманию метавселенной, можно сказать, что для создания необходимы восемь технологий (сети, облачные хранилища, ИИ, компьютерное зрение, блокчейн, роботы, IoT, XR) и шесть экосистем, включая аватары, виртуальную экономику. Большую роль в метавселенных будет отводиться информационной безопасности, созданию правовых механизмов противодействия преступности в сфере it-технологий [14], предотвращению киберпреступлений [11]. Важным фактором становится доверие и принятие обществом понятия метавселенной.

Поскольку метавселенные до сих пор остаются концепцией, без полноценной «бета-версии», их прообразом можно считать видеоигры. Почему именно игры? В них мы погружаемся в виртуальные миры, создаем аватары, торгуем, отыгрываем различные роли, путешествуем, общаемся с миллионами людей по всему миру. Чем не метавселенная?

Первая проблема – виртуальная собственность и ее признание. Начнем с покупки игр. Независимо от того, приобретается ли физическое или цифровое издание, пользователи сталкиваются с тем, что игровые магазины, такие как Steam, Epic Games Store или PlayStation Store, продают не сами игры, а бессрочный доступ к ним. Например, в Steam эти покупки обозначены как «подписки». Покупатель платит реальные деньги, но фактически не получает права собственности на предметы или скины.

Почему так? Все связано с юридическими ограничениями. Если бы пользователь получал право собственности, он мог бы перепродавать игру, что невыгодно издателям. Чтобы сохранить контроль и прибыль, компании предлагают «вечную подписку», привязанную к аккаунту. Однако это не мешает некото-

рым платформам, например Steam, разрешать обмен скинами между пользователями [6].

Примером, выбивающимся из общей практики, стала игра Second Life (2003). В пользовательском соглашении разработчики указывали, что «игроки сохраняют право собственности («ownership») на созданный ими контент – текстуры, скрипты, объекты и другое». Однако это право действовало только в рамках платформы, и компания могла «заблокировать аккаунт за нарушение правил». Оспорить такое решение можно было лишь через службу поддержки [2]. Это подчеркивает правовую неопределенность виртуальной собственности.

Практика судов в этом вопросе тоже противоречa Санкт-Петербургский городской суд оставил без изменений решение первой инстанции, отклонив иск геймера FIFA-22 к компании Sony Interactive Entertainment. Истец требовал вернуть 783 825 руб., потраченных на виртуальную валюту FIFA points, аргументируя это невозможностью дальнейшего развития игрового аккаунта после введения санкций PlayStation Store в России.

Суд установил, что приобретенные функции игры остаются доступными, а уплаченная сумма представляет собой плату за использование лицензионного продукта. При создании аккаунта пользователь согласился с условиями обслуживания, которые позволяют компании изменять ассортимент товаров в одностороннем порядке. Апелляционная инстанция признала, что действия ответчика не нарушают прав истца, а закон «О защите прав потребителей» не применяется, так как спор касается объектов интеллектуальной собственности [19].

Из этого примера видно, что национальное законодательство не готово даже к урегулированию виртуальных аккаунтов пользователей, а применение норм об интеллектуальной собственности лишь усиливает правовую неопределенность и вызывает дополнительные вопросы. Очевидно, что без разработки и внедрения глобальных стандартов регулирования таких ситуаций с учетом появления метавселенных подобные споры будут становиться все более распространенными. Использование пользовательских соглашений, трактуемых в пользу компаний, способствует усилению децентрализации и юридической дисбалансировки в этой сфере.

Попыткой решить вопрос владения виртуальной собственностью стал выпуск NFT (невзаимозаменяемых токенов) в 2015 году. Они могли бы стать подтверждением права на цифровую собственность, но к 2023 году интерес к NFT упал. Причины – насыщение рынка, падение цен, мошенничество, сложности использования блокчейна и высокие комиссии [3]. В 2022 году Ubisoft представила серию NFT для Tom Clancy’s Ghost Recon Breakpoint, позволяя игрокам продавать игровые предметы за пределами платформы [4]. Однако негативная реакция пользователей привела к закрытию проекта спустя всего четыре месяца.

Даже современные технологии пока не обеспечат надежных гарантий владения и защиты виртуальной собственности в метавселенной. Это указывает на необходимость разработки правового регулирования.

Децентрализованный подход к метавселенным может порождать правовые коллизии для этого потребуется централизованный надзор со стороны государств, создание новых законов и специализированных органов для разрешения споров. Однако все зависит от того, как будет развиваться метавселенная. Если она останется лишь средством развлечения, правовое закрепление может быть минимальным, подобно Интернету, где сохраняется относительная анархия. Однако если метавселенная станет виртуальным аналогом реальной жизни, ее регулирование станет необходимым. Централизированная метавселенная активно обсуждается в Китае индустрия метавселенных рассматривается как ключевой этап эволюции цифровой экономики. В 2023 году принят трехлетний план, направленный на развитие к 2025 году пяти промышленных кластеров метавселенных с акцентом на социальные проекты, публичные услуги, торговлю и электронную коммерцию [20]. А Южная Корея технология метавселенной определена как национальный приоритет. Государство инвестирует в цифровую инфраструктуру, уделяя внимание взаимодействию граждан с властями, развитию виртуального туризма, устранению образовательного неравенства и повышению социальной мобильности. Реализация проекта намечена на 2026 год [9].

Важным аспектом метавселенных являются аватары – цифровые представления пользователей. Президент России Владимир Путин на конференции AI Journey 2021 отметил необходимость киберзащиты виртуальных двойников и их данных, подчеркнув, что государство должно защищать россиян в метавселенных [18]. Проблемой технической и правовой является использование для объектов метавселенной отечественного программного обеспечения [13]. Возможной реализацией такой защиты для входа в метавселенную использование биометрических персональных данных. Данный способ обеспечит минимальные способы подтверждения личности пользователя.

Метавселенная пока остается концепцией будущего, сравнимой с мобильным Интернетом, который появился в 1991 году, но стал массовым только с выходом iPhone 3G. Говорить о правовом регулировании еще сложнее, так как виртуальное пространство остается практически неурегулированным, а судебные прецеденты – редки и противоречивы.

Сейчас компании диктуют правила через пользовательские соглашения, которые необходимо принять для доступа к сервисам. Однако такие соглашения не защищают пользователей в случаях взлома аккаунтов или хищения виртуальной собственности. Это подчеркивает острую необходимость разработки прозрачного и эффективного механизма правовой защиты в цифровых пространствах будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Google Trends. URL: https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=metaverse (дата обращения: 24.11.2024).

2. Linden Lab. Условия и положения Second Life. URL: https://lindenlab.com/legal/second-life-terms-and-conditions (дата обращения: 21.11.2024).

3. NFT и почему о них все забыли. URL: https://www.ixbt.com/live/market/item/garantex/blog/72913.html (дата обращения: 22.11.2024).

4. Ubisoft quartz: новые энергоэффективные игровые NFT (невзаимозаменяемые токены). URL: https://www.ubisoft.com/ru-ru/game/ghost-recon/breakpoint/news-updates/1nGGpHbIuVQ80sskoTVIpy/ubisoft-quartz-nft (дата обращения: 22.11.2024).

5. Болл М. Метавселенная. Как она меняет наш мир : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2023. 362 с.

6. Верхотуров Д. С., Гвоздев Н. К. Наследование игровых аккаунтов // Ступеньки частного права : сб. науч. раб. Вып. 3. Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2024.

7. Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : монография по материалам 4.0 Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24–25 мая 2023 г.) / А. С. Анисимова, Е. А. Артамонова, Е. В. Архангельская [и др.]. Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2023. 501 с.

8. Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : монография по материалам 3.0 Междунар. науч.-практ. конф. / Е. Н. Абанина, М. А. Агаларова, Д. А. Агапов [и др.]. Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2022. 432 с.

9. Дубай и Сеул идут в метавселенную. URL: https://vc.ru/future/493250-dubai-i-seul-idut-v-metavselennuyu?ysclid=m3vsce5nvq285553586 (дата обращения: 23.11.2024).

10. Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности = Works on Intellectual Property. 2023. Т. 44. № 1. С. 47–57.

11. Ересько П. В. Киберпреступность как угроза информационной безопасности общества и государства // Труды XV Евразийского научного форума (Санкт-Петербург, 30 ноября – 1 декабря 2023 года). СПб. : Ун-т при МПА ЕврАзЭС, 2024. С. 77–81.

12. Ересько П. В. Правовые проблемы использования виртуального пространства метавселенной в образовательном процессе вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, № 4. С. 471–477.

13. Ересько П. В., Варламова Е. В. Правовое регулирование использования отечественного программного обеспечения в России // Информационное право. 2022. № 2. С. 17–20.

14. Ересько П. В., Ересько С. Д. Правовые механизмы противодействия преступности в сфере IT-технологий // Теория и практика расследования преступлений : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. (г. Краснодар, 14 апреля 2022 года) / редколл.: Э. С. Данильян, И. Г. Башинская, М. Ю. Лакомская [и др.]. Краснодар : Краснодар. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2022. С. 445–449.

15. Информационное право : учебник / И. И. Брянцев, Р. В. Амелин, О. В. Брянцева [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2024. 448 с.

16. Ковалева Н. Н. Правовые аспекты цифрового совершенствования метавселенных // Право.by. 2022. № 5(79). С. 81–84.

17. Лескина Э. И. Метавселенная и задачи в области правового регулирования данных // Юрист. 2023. № 3. С. 2–7.

18. Путин заявил о долге властей защищать аватары россиян в метавселенных. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/618ea97f9a794713ffa492fb (дата обращения: 24.11.2024).

19. Санкт-Петербургский городской суд. Апелляционное определение от 29 августа 2023 г. по делу № 33-13046/2023. УИД 78RS0001-01-2022-002212-92 // Офиц. сайт Санкт-Петерб. городского суда (дата обращения: 21.11.2024).

20. Трехлетний план действий по инновациям и развитию промышленного юаня Universe (2022–2025). URL: https://swt.fujian.gov.cn/xxgk/flfg/qtx/202211/t20221110_6043878.htm (дата обращения: 24.11.2024).

УДК 347.45

Воронина Ирина Олеговна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
voroninai2004@gmail.com

Гулиева Алина Фуадовна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
guliyeva.lina@inbox.ru

Лебедева Софья Максимовна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация,
sonalebedeva04@mal.ru

Проблемы и перспективы развития дистанционной работы юридических клиник в городе Кострома

В статье рассматриваются проблемы и перспективы развития дистанционной работы юридических клиник в городе Кострома. Авторы анализируют существующие модели дистанционного обслуживания, выявляет основные трудности, с которыми сталкиваются юридические клиники, такие как недостаток технической инфраструктуры, проблемы с доступом к информации и правовым ресурсам, а также вопросы обеспечения качества юридических услуг.

Ключевые слова: *дистанционная работа, юридические клиники, Кострома, правовые услуги, технологии.*

© Воронина И. О., Гулиева А. Ф., Лебедева С. М., 2025

Voronina Irina Olegovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Guliyeva Alina Fuadovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Lebedeva Sofya Maksimovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Problems and prospects for the development of remote work of legal clinics in the city of Kostroma

The article discusses the problems and prospects for the development of remote work of legal clinics in the city of Kostroma. The authors analyzes the existing models of remote service, identifies the main difficulties faced by legal clinics, such as a lack of technical infrastructure, problems with access to information and legal resources, as well as issues of ensuring the quality of legal services.

Keywords: *remote work, legal clinics, Kostroma, legal services, technologies.*

Дистанционная работа юридической клиники стала бы также решением проблем, для жителей из деревень и сел Костромской области. Очень много людей в возрасте не в силах покидать дом, но нужда в юридической помощи остается. Беспокойство детей и внуков за своих близких останется самой важной причиной для создания дистанционной клиники. Иногда, чтобы решить какой-то вопрос, необходимы документы, либо толкование действий на доступном для всех слоев населения языке. Таким образом, можно было бы решить проблему беспокойства и одной группы лиц и другой. Юридические клиники, предлагающие бесплатные юридические услуги гражданам, также оказались перед необходимостью перейти на удаленный формат работы. В этой статье анализируются проблемы и возможности развития дистанционной работы юридических клиник в городе Кострома.

В последние годы удаленная работа прочно вошла в профессиональную практику в различных областях, включая юриспруденцию. Это особенно важно для юридических клиник, которые предлагают бесплатные юридические услуги населению и одновременно служат учебной базой для студентов [5]. Город Кострома, как и многие другие регионы России, оказался перед необходимостью адаптироваться к новым условиям работы, вызванным пандемией COVID-19 и развитием цифровых технологий.

В этой статье рассматриваются проблемы и перспективы развития дистанционной работы юридических клиник в Костроме. В условиях ограничений, связанных с физическим присутствием, юридические клиники были вынуждены адаптировать свои методы предоставления услуг, что открыло как новые возможности, так и серьезные вызовы.

Цель данного исследования заключается в определении основных проблем, с которыми юридические клиники сталкиваются при переходе на удаленный формат работы, а также в анализе возможностей, которые открываются перед ними в условиях цифровизации. В статье обсуждаются вопросы эффективности онлайн-обучения студентов, качества предоставляемых услуг и взаимодействия с клиентами в цифровом формате.

Таким образом, цель исследования заключается в разработке рекомендаций по оптимизации функционирования юридических клиник в Костроме, что может способствовать улучшению доступа населения к юридическим услугам и повышению качества юридического образования.

Рассмотрим проблемы дистанционной работы юридических клиник.

Удаленная работа юридических клиник в Костроме, как и в других регионах России, сталкивается с рядом серьезных трудностей, которые мешают эффективному оказанию юридических услуг. Эти трудности можно классифицировать на несколько основных категорий, которые рассмотрим ниже.

Одной из главных проблем является нехватка технического оборудования как у юридических клиник, так и у их клиентов. Многие клиенты не располагают современными средствами связи и доступом к Интернету, что затрудняет получение консультаций и услуг в удаленном формате. Кроме того, низкий уровень квалификации сотрудников в сфере информационных технологий может привести к неэффективному использованию доступных инструментов для дистанционного взаимодействия.

Удаленная работа требует от сотрудников определенных навыков, таких как умение использовать цифровые технологии и платформы для видеоконференций. В Костроме наблюдается нехватка специалистов с такими компетенциями, что может негативно сказаться на качестве предоставляемых услуг и, в свою очередь, снизить доверие клиентов. Юридическим клиникам необходимо пересмотреть свои внутренние процессы и процедуры в связи с переходом на дистанционный формат работы [1]. Адаптация к новым условиям может вызвать сопротивление у сотрудников, привыкших к традиционным методам. Кроме того, возникает вопрос о распределении обязанностей и ответственности в условиях удаленной работы, что может привести к путанице и ухудшению качества услуг.

Юридические клиники часто имеют дело с конфиденциальной информацией, что требует соблюдения строгих мер безопасности. Работа в удаленном формате повышает риски утечки данных и нарушения конфиденциальности [2]. Многие клиенты могут не быть готовы делиться личной информацией в Интернете, что также сужает возможности дистанционного обслуживания.

Удаленная работа юридических клиник в Костроме открывает новые возможности для предоставления правовых услуг, что особенно важно в свете современных вызовов, таких как пандемия COVID-19 и быстрое развитие цифровых технологий. Перспективы этого направления можно оценить через несколько основных аспектов.

Прежде всего, использование современных информационных технологий и платформ для онлайн-консультаций существенно увеличивает доступность

юридических услуг для граждан [4]. Жители Костромы, особенно из отдаленных районов, имеют возможность получать квалифицированную помощь, не затрачивая время и деньги на поездки. Это открывает новые перспективы для юридических клиник, позволяя им привлекать клиентов из более обширного региона, что, в свою очередь, может способствовать увеличению клиентской базы.

Во-вторых, удаленная работа дает юридическим клиникам возможность улучшить свои внутренние процессы. Применение электронных документов, автоматизация повседневных задач и внедрение систем управления проектами способны увеличить продуктивность сотрудников.

В-третьих, удаленная работа создает новые перспективы для профессионального развития и обучения сотрудников. Юридические клиники могут проводить вебинары, онлайн-курсы и тренинги, что дает юристам возможность повышать свою квалификацию и изучать новые области права. Это не только улучшает качество оказываемых услуг, но и способствует увеличению конкурентоспособности клиник на рынке.

Кроме того, развитие удаленной работы может способствовать появлению новых форматов взаимодействия с клиентами. К примеру, юридические клиники могут внедрять системы обратной связи, проводить опросы и анализировать потребности клиентов, что позволит им более точно адаптировать свои услуги к запросам населения. Это, в свою очередь, может повысить уровень доверия и удовлетворенности клиентов [3, с. 5].

В заключение, следует подчеркнуть, что развитие удаленной работы в юридических клиниках может способствовать повышению правовой грамотности среди населения. Организуя онлайн-лекции, публикуя статьи и создавая информационные ресурсы, клиники могут активно участвовать в просвещении граждан, что в долгосрочной перспективе приведет к росту правосознания и правовой культуры в обществе.

Таким образом, будущее дистанционной работы юридических клиник в Костроме выглядит весьма обнадеживающе. Тем не менее, для достижения этой цели необходимо справиться с существующими проблемами и вызовами, такими как нехватка технической инфраструктуры и необходимость формирования доверия у клиентов. Комплексный подход к решению этих вопросов поможет юридическим клиникам не только адаптироваться к новым условиям, но и занять ведущие позиции на рынке правовых услуг.

В заключение следует подчеркнуть, что удаленная работа юридических клиник в Костроме является перспективной моделью оказания юридических услуг. Несмотря на имеющиеся трудности, она обладает значительным потенциалом для дальнейшего роста. Проблемы, такие как нехватка технической инфраструктуры, трудности с обеспечением конфиденциальности и безопасности данных, а также необходимость повышения квалификации сотрудников, требуют комплексного подхода к их решению.

Тем не менее, будущее дистанционной работы выглядит многообещающе. Расширение доступа к юридическим услугам для населения, возможность привлечения специалистов из других регионов и стран, а также оптимизация клиентского обслуживания создают новые возможности для юридических клиник.

Ключевым шагом в этом направлении является активное использование современных технологий, таких как видеоконференции, электронные документы и системы управления делами, что способствует улучшению качества обслуживания и повышению эффективности работы клиник.

Для успешного развития дистанционной работы юридических клиник в Костроме важно не только решить текущие проблемы, но и активно использовать новые возможности. Это, в свою очередь, приведет к улучшению доступа к юридическим услугам и повышению их качества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Л. С., Лядов В. В. Юридическая клиника: понятие, цели, перспективы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 4. С. 69–73.

2. Кулакова В. Ю., Маркова Т. Ю., Самсонова М. В. Юридические клиники в России: состояние и перспективы развития // Юридическое образование и наука. 2014. № 2. С. 8–11.

3. Навыки юриста : учеб. пособие / под ред. Е. Н. Доброхотовой. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 302 с.

4. Указ Президента РФ от 26 мая 2009 года № 552 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в РФ». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.12.2024).

5. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 21.12.2024).

УДК 347.77

Гиринович Ксения Евгеньевна,
аспирант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
heykseni@rambler.ru

Концептуальная основа объектов цифровых правоотношений

Научная статья посвящена анализу концептуальной основы объектов цифровых правоотношений. Автором раскрываются основные сущностные характеристики объектов цифровых правоотношений, включая понятие, сущность и отличительные признаки. Исследуется отечественная доктрина в данной области. В результате изучения на основе характерных черт объекта цифровых правоотношений сформулировано авторское определение раскрываемого понятия. Автором исследована концептуальная основа объектов цифровых правоотношений и выявлена их классификация. Итогом данной работы являются обозначенные перспективы развития правового регулирования объектов цифровых правоотношений.

© Гиринович К. Е., 2025

Ключевые слова: *цифровизация, диджитализация, информационные технологии, правоотношения, цифровые правоотношения, концептуальные основы, объекты, объекты цифровых правоотношений.*

Girinovich Kseniya Evgenievna,
graduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

The conceptual basis of the objects of digital legal relations

This scientific article is devoted to the analysis of the conceptual basis of objects of digital legal relations. The author reveals the main essential characteristics of objects of digital legal relations, including the concept, essence and distinctive features. The Russian doctrine in this area is being investigated. As a result of the study, the author's definition of the disclosed concept is formulated on the basis of the characteristic features of the object of digital legal relations. The author has investigated the conceptual basis of the objects of digital legal relations and identified their classification. The result of this work is the outlined prospects for the development of legal regulation of objects of digital legal relations.

Keywords: *digitalization, digitalization, information technologies, legal relations, digital legal relations, conceptual foundations, objects, objects of digital legal relations.*

Современный мир характеризуется обширной цифровизацией общества и экономики, что создает новые вызовы для правового регулирования. Цифровизация неизбежно привела к появлению новых видов правоотношений, связанных с информационными технологиями, интернет-ресурсами, а также с правами на цифровые объекты. Актуальность вопроса о правовом регулировании цифровых правоотношений в условиях технологической революции очевидна. От точного понимания сущности и видов объектов цифровых правоотношений зависит формирование правовых норм, регулирующих отношения в виртуальной и реальной средах, что отражает значимость рассматриваемого вопроса.

Анализ объектов цифровых правоотношений следует начинать с определения содержания непосредственно объекта. В традиционном смысле объектом правоотношений признается то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности участников правоотношений, что указывает на господство плюралистического подхода к пониманию объекта правоотношений [4, с. 44]. В условиях возникновения правоотношений в виртуальном пространстве объектами правоотношений становятся не только предметы материального мира, продукты духовной деятельности человека, личные нематериальные блага и т. д., но и нематериальные активы, такие как цифровые данные, программное обеспечение, цифровые товары и услуги. Это связано с тем, что цифровые правоотношения потенциально могут осуществляться исключительно в цифровой среде.

В научной доктрине относительно определения понятия «объекты цифровых правоотношений» отмечается следующее.

Д.З. Ганиева обуславливает цифровые объекты как «информацию в формате цифровых данных, информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, а также цифровые технологии» [2].

Д. А. Павлова под цифровыми объектами права подразумевает «самостоятельную правовую категорию, представляющую собой криптографический код, который дает владельцу цифрового объекта право осуществлять с ним любые действия: владеть, распоряжаться, отчуждать, совершать сделки и иные действия, не запрещенные законом» [5].

И. З. Аюшеева считает, что «чаще всего цифровые объекты по своей сути представляют собой информацию, записанную на электронном носителе в виде файла, кода, ключа доступа и т. п. При этом указанные объекты имеют определенную стоимость, обладают признаками товарности, оборотоспособности» [1, с. 36].

На наш взгляд, объекты цифровых правоотношений в юридическом контексте представляют собой разнообразные элементы, с которыми индивиды, организации и государственные органы вступают в правоотношения в рамках использования информационно-коммуникационных технологий. Эти объекты могут включать данные, программное обеспечение, интеллектуальную собственность, а также права и обязанности, возникающие в ходе взаимодействия пользователей в виртуальных пространствах (например, в социальных сетях или на цифровых платформах).

Сущность объектов цифровых правоотношений заключается в их способности быть предметом юридических прав и обязанностей, т. е. они могут быть защищены, переданы, отчуждены и использованы в различных правовых ситуациях. В связи с тем, что цифровые правоотношения могут охватывать различные сферы, включая защиту прав интеллектуальной собственности, обработку персональных данных, электронные сделки и другие, объекты таких правоотношений могут быть как материальными (например, цифровое оборудование), так и нематериальными (например, данные, программное обеспечение).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что объект цифровых правоотношений как юридическая категория обладает рядом специфических характеристик, отличающих его от традиционных объектов права. Ключевые особенности включают в себя следующее.

Во-первых, это нематериальность. Следует констатировать, что большое число объектов цифровых правоотношений не имеют физической формы. Например, программные продукты, цифровые изображения, файлы и данные существуют исключительно в цифровой форме, что ставит перед правом задачу охраны и защиты таких нематериальных объектов.

Во-вторых, объекты цифровых правоотношений удовлетворяют потребности, возникающие на определенном этапе развития социума, государства, т. е., могут быть обозначены как некоторое благо.

В-третьих, существование самого объекта и осуществление цифровых правоотношений возможно исключительно в информационной среде.

В-четвертых, объекты цифровых правоотношений характеризуются технической легкостью воспроизведения и распространения. Они могут быть легко

воспроизведены и переданы по сети «Интернет», что ставит перед законодателем задачи обеспечения контроля за использованием этих объектов, защиты авторских прав и предотвращения несанкционированного копирования.

В-пятых, их многофункциональность. Цифровые объекты могут быть использованы в различных контекстах, что придает им особую гибкость в правовых отношениях. Например, программное обеспечение может служить и товаром, и услугой, и интеллектуальной собственностью одновременно. Это вызывает необходимость адаптивности правового поля в данной области.

Исходя из этого, в-шестых, объекты цифровых правоотношений обладают такими признаками как обособляемость, непотребляемость, неистощаемость и количественная определенность. Эти свойства указывают на возможность самостоятельного участия цифровых данных в имущественном обороте и их оборотоспособность без посредства каких-либо носителей.

В-седьмых, трансграничность. Зачастую, цифровые объекты не привязаны к конкретной территории и могут быть использованы или переданы между юрисдикциями, что создает дополнительные сложности в регулировании и правовой защите таких объектов.

Таким образом, основополагающие черты объектов цифровых правоотношений позволяют говорить об их самостоятельности, ведь с их помощью формируется непосредственно цифровая среда.

Вопрос о концептуальной основе объектов цифровых правоотношений требует внимательного анализа, поскольку правовые нормы, регулирующие отношения в этой сфере, должны учитывать особенности цифровых технологий и возможности их применения в разных контекстах. Применение традиционных юридических понятий и институтов в контексте цифровых технологий часто требует адаптации.

Одним из ключевых понятий в данном аспекте является сама «цифровизация», которая выражается в переводе традиционных процессов в цифровую форму [3]. Это неизбежно приводит к созданию новых объектов возникших цифровых правоотношений, например, цифровых контрактов, электронных документов, а также новых форм прав собственности, таких как право на облачные данные или на программное обеспечение.

Конечно же, в условиях цифровой реальности особую значимость приобретает интеллектуальная собственность. В данном случае речь идет о защите прав на цифровые произведения, патенты на алгоритмы, право на базы данных, а также регулировании цифровых технологий с точки зрения соблюдения авторских прав и защиты от неправомерного копирования и использования.

Важной концептуальной основой современных цифровых правоотношений являются смарт-контракты и технологии блокчейн, которые также относятся к объектам. Смарт-контракты позволяют автоматизировать процесс исполнения обязательств, а блокчейн обеспечивает неизменность и прозрачность цифровых данных, что влияет на правовую природу таких объектов, как криптовалюты и цифровые активы.

В свете вышесказанного, значимой правовой проблемой является защита персональных данных, что предполагает необходимость разработки новых кон-

цептуальных подходов к правам на цифровую информацию, включая создание механизмов регулирования использования данных в Интернете, их защиты и передачи. Соответственно, появление цифровых объектов требует создания новых правовых механизмов защиты, включая кибербезопасность и защиту от киберпреступлений. Защита данных и прав на цифровые объекты является важным аспектом для обеспечения правопорядка в сети «Интернет».

На наш взгляд, объекты цифровых правоотношений можно классифицировать по различным признакам, учитывая общее концептуальное направление:

1) цифровые активы, которые включают криптовалюты, токены, NFT (невзаимозаменяемые токены): они представляют собой некоторые ценности, созданные и функционирующие в цифровой среде. Эти активы играют важную роль в новых формах сделок и контрактов;

2) информационные и интеллектуальные объекты: базы данных, алгоритмы, программное обеспечение и другие произведения интеллектуальной собственности, которые требуют защиты авторских прав, патентов и лицензий;

3) цифровые товары и услуги, которые приобретаются или предоставляются в цифровом формате, таких как электронные книги, музыкальные файлы, облачные сервисы и т. п. Эти объекты требуют новых форм правового регулирования, учитывающих их специфику;

4) цифровые инфраструктуры и платформы: интернет-платформы, системы онлайн-торговли, криптографические системы, которые становятся объектами правового регулирования в контексте защиты пользователей, регулирования сделок и обеспечения безопасности.

Таким образом, объекты цифровых правоотношений, как и сами правоотношения в цифровой среде, являются неотъемлемой частью современного правового поля. Понимание сущности этих объектов, их классификация и характерные черты играют ключевую роль в регулировании новых форм взаимодействия в информационном пространстве. Концептуальные основы объекта цифровых правоотношений охватывают широкий спектр новых объектов, требующих адаптации традиционных правовых категорий к условиям цифровой эпохи. Развитие правового регулирования в этой области должно учитывать особенности цифровых активов, интеллектуальной собственности и данных, а также решать вопросы трансграничной юридической практики и защиты прав участников цифровых отношений. В условиях быстрого развития технологий задача правового регулирования заключается в обеспечении баланса между инновациями и правами граждан, защиты интересов всех участников цифровых правоотношений и создания стабильной правовой среды для их функционирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica. 2021. № 74(7). С. 32–43.

2. Ганиева Д. З. Цифровые объекты и субъекты в праве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-obekty-i-subekty-v-prave (дата обращения: 11.12.2024).

3. Катрин Е. В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-nauchnye-podhody-k-opredeleniyu-termina (дата обращения: 11.12.2024).

4. Лановая Г. М., Правкина И. Н. Соотношение понятий «объект субъективного права» и «объект правоотношения» // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1(27). С. 43–46.

5. Павлова Д. А. Цифровые правоотношения. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-pravootnosheniya (дата обращения: 12.11.2024).

УДК 347.92

Калинина Екатерина Алексеевна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
Kalinina.kalin@icloud.com

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
i_melnikov@ksu.edu.ru

Проблемы использования электронных доказательств в процессе доказывания в гражданском процессе

В статье рассматриваются проблемы цифровизации правосудия, а именно необходимость использования электронных доказательств при оценивании доказательств в судебном разбирательстве. Электронный документооборот является инновацией настоящего времени. Электронное правосудие оказывает непосредственное влияние и на институт доказательств, а современная процессуальная наука предпринимает множественные усилия по определению места электронных доказательств в системе доказательств.

Ключевые слова: *электронные доказательства, электронная цифровая подпись, электронный договор, документы в электронном виде, электронный документооборот.*

Kalinina Ekaterina Alexeevna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

© Калинина Е. А., Мельников И. Н., 2025

The problems of using electronic evidence in the process of proving in civil proceedings

The article discusses the problems of digitalization of justice, namely the need to use electronic evidence in the disclosure of evidence in court proceedings. Electronic document management is an innovation of the present time. Electronic justice also has a direct impact on the institution of evidence, and modern procedural science is making multiple efforts to find its own special legislative niche for electronic evidence.

Keywords: *electronic evidence, electronic digital signature, electronic contract, electronic documents, electronic document management.*

Деятельность по доказыванию является неотъемлемой частью судебного процесса, предоставляющей суду возможность осуществлять применение норм материального и процессуального права к обстоятельствам дела, а также на основе полученных сведений в процессе доказывания, осуществляемого сторонами, определять такие обстоятельства, которые имеют особенно важное юридическое значение для разрешения дела по существу [3].

Институт «электронного правосудия» является достаточно объемным по своему содержанию и требует существенного совершения процессуального законодательства и одновременного совершенствования технических возможностей судов.

В соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 55 ГПК РФ «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов» [2].

В норме перечислены все виды доказательств, существующих в настоящее время и принимаемые судами во внимание при оценке и исследовании доказательств по делу.

Помимо письменных доказательств все чаще стороны прибегают к использованию электронных документов, чей статус в качестве доказательств на сегодняшний день не определен, что вызывает сложности в квалификации указанных доказательств и их допустимости.

В соответствии с п. 11.1. ст.2 Федерального закона № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [4]. Виды таких документов в настоящее время не определены российским законодательством.

Наиболее распространенным видом электронных доказательств в гражданском процессе выступает «электронный договор», который подписывается

ЭЦП (электронной цифровой подписью), тем самым подтверждая волеизъявление каждого участника электронного взаимодействия на подписание данного документа.

Несмотря на отсутствие понятия «электронного договора» законодатель косвенно указывает на существование электронного документооборота, закрепляя такие термины, как «ЭЦП», «участники электронного взаимодействия», а также электронный документ».

Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона № 63-ФЗ от 06.04.2011 «Об электронной подписи» под ЭЦП понимается «информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию» [5].

В соответствии с п. 11 ст. 2 ФЗ № 63 от 06.04.2011 к участникам электронного взаимодействия следует относить лиц, осуществляющих обмен информацией в электронной форме государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, индивидуальных предпринимателей, а также граждан [5].

Любые электронные документы, подписанные надлежащим образом, принимаются судами в качестве доказательств наравне с письменными документами (доказательствами). С электронными образами сложнее. К ним относятся как к копиям бумажных документов, но оценивают более придирчиво. Это связано с тем, что образ легче видоизменить полностью или частично с помощью графических редакторов [1].

В настоящее время наиболее часто используются такие электронные документы, как договоры и дополнительные соглашения; учетные и платежные документы; переписка сторон через Интернет с использованием электронной почты или мессенджеров; сканы и т. д. [6].

В соответствии с ч. 1 ст. 71 ГПК РФ судьи при оценке и исследовании доказательств относят электронные документы к категории письменных доказательств, поскольку в данной статье закрепляется определение письменных доказательств, указывающее на то, что письменными доказательствами по делу выступают документы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом [2].

По своему внутреннему убеждению, а также руководствуясь вышеуказанной статьей судьи на практике относят электронные документы к письменным доказательствам, что зачастую затрудняет современное правоприменение. Оценку и исследование письменных доказательств суд производит самостоятельно. Электронные доказательства находятся в сложных материальных форматах на электронных носителях информации, работа с ними осуществляется посредством привлечения специалистов, обладающих уникальными знаниями, навыками и умениями в сфере компьютерной информации и электронного до-

кументооборота. Например, некоторые электронные носители, такие как ЭЦП, содержащие доказательственную информацию, должны возвращаться их законному представителю после оценки и исследования доказательств. В таком случае суд не может принимать во внимание доказательства, полученные на индивидуальном электронном носителе в качестве письменного доказательства, поскольку само доказательство существует только в единственном электронном виде, и обязательно должно быть возвращено правообладателю после исследования судом доказательств.

Таким образом, следует обратиться к проблеме использования электронных доказательств в процессе доказывания в гражданском процессе. Сущность данной проблемы заключается в том, что процессуальное законодательство не содержит специально-определенных правил оценки электронных доказательств. В соответствии с этим суды оценивают электронные документы и образы на свое усмотрение в рамках общих правил оценки доказательств и письменных доказательств в отдельности.

Мы считаем, что «электронные документы» должны выступать в суде в качестве отдельного самостоятельного вида доказательств. Электронные доказательства по своей природе не могут быть приравнены к письменным доказательствам, поскольку они созданы и подписаны с помощью электронных ресурсов, существуют лишь в единственном экземпляре и обязательно должны находиться только у законного представителя.

В качестве примера необходимости совершенствования законодательства следует привести такой вид электронного документа как «электронный договор», который подписывается ЭЦП и направляется другой стороне по ЭДО. Данный договор создается при помощи компьютера с помощью текстового редактора (электронного ресурса), затем подписывается электронной цифровой подписью, имеющейся у сторон договора. В данном случае даже подписи лиц не являются рукописными, они подписывают договор при помощи уникальной последовательности символов, удостоверяющих личность подписанта.

Согласно п. 7 ст. 2 ФЗ № 63 от 06.04.2011 – ЭЦП подразумевает под собой некий ключ, получение которого подтверждается специальным субъектом, выполняющим функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей, а также иные функции, предусмотренные федеральным законом [5].

Электронный договор может быть направлен при помощи ЭДО (электронного документооборота). Так, например одна сторона договора при помощи специальной программы «Сбис» направляет другой стороне данный договор для его подписания.

Полученный итоговый договор стороны сохраняют на техническом устройстве (компьютере и пр.).

Естественно, стороны могут распечатать и сохранить в письменном (печатном) виде такой договор для своей безопасности, но первоначальная сущность электронного договора остается неизменной – он создан и подписан при помощи электронных ресурсов.

Таким образом, для устранения пробела в правовом регулировании, мы предлагаем дополнить перечень доказательств в гл. 6 ГПК РФ «Доказательства», а именно закрепить новую ст. 71.1 «Электронные доказательства», в которой будет раскрыто определение: «Электронные доказательства – это способ получения информации об обстоятельствах, пригодный для рассмотрения и разрешения дела по существу, в форме электронного носителя, удобный для хранения и передачи с помощью электронных средств связи, содержащий признаки и сведения, позволяющие идентифицировать полученную информацию в соответствии с процессуальным порядком собирания доказательств».

Также мы предлагаем дополнить абз. 2 ст. 55 ГПК РФ: «Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, *электронных доказательств*, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов».

Таким образом, внедрение новых технологий связано со сложностями не только технического, но и процессуального характера. Тем не менее все вышесказанное позволит обеспечить создание системы «электронного правосудия», достижения доступности и удобства как для участников процесса, так и для судей (аппарата суда). При этом внедрение электронных доказательств не станет препятствием, а наоборот укрепит традиционные принципы судебного процесса: законность, состязательность и равноправие сторон, диспозитивность, а также участие граждан в отправлении правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрашин А. А. Электронные доказательства как отдельное средство доказывания // Вестник СГЮА. 2022. № 3(146) С. 133–138.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : с изм. и доп. на 04 июня 2024 года : принят Государственной Думой 23 октября 2002 года : одобр. Советом Федерации 30 октября 2002 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

3. Замула Д. В. Понятие электронных доказательств // Вестник современных исследований. 2018. № 8. С. 189–191.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 года №149-ФЗ (ред. 09.11.2024) : принят Государственной Думой 08 июля 2006 года : одобр. Советом Федерации 14 июля 2006 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

5. Об электронной подписи : Федеральный закон от 06 апреля 2011 года №63-ФЗ (ред. 04.08.2023) : принят Государственной Думой 25 марта 2011 года : одобр. Советом Федерации 30 марта 2011 года. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

6. Рыжов К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе / под науч. ред. В. В. Яркова. СПб., 2018. 222 с.

УДК 347.12

Кистерева Юлия Евгеньевна,
студент, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
kistereva.yuli@gmail.com

Проблемы правового регулирования использования и охраны изображения гражданина в цифровой среде

Статья посвящена анализу правового регулирования использования и охраны изображения гражданина в цифровой среде. В статье рассматриваются отдельные проблемы, связанные с охраной изображения гражданина при его использовании в сети Интернет, в том числе проблема охраны изображения после смерти гражданина. Предложены пути решения проблем путем внесения изменений в гражданское законодательство.

Ключевые слова: *изображение гражданина, внешний облик, цифровой образ, охрана.*

Kistereva Yulia Evgenyevna,
student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

Problems of legal regulation of the use and protection of a citizen's image in the digital environment

The article is devoted to the analysis of the legal regulation of the use and protection of a citizen's image in the digital environment. The article discusses some problems related to the protection of a citizen's image when using it on the Internet, including the problem of image protection after the death of a citizen. The ways of solving problems by making changes to civil legislation are proposed.

Keywords: *image of a citizen, appearance, digital image, security.*

Цифровизация всех сфер общественной жизни привела к тому, что изображение гражданина стало неотъемлемой частью виртуальной реальности. Видеонаблюдение, социальные сети, онлайн-платформы и мобильные приложения ежедневно фиксируют и распространяют визуальные цифровые данные о людях. Однако отсутствие четких правовых механизмов, регулирующих использование и охрану таких данных, создает серьезные риски нарушения прав личности, включая право на частную жизнь, честь и достоинство. Разработано множество компьютерных программ для воспроизведения цифрового образа человека и создания виртуальной копии изображения, голоса, мимики и движений. Развитие цифровых технологий породило новые формы неправомерного использования изображения гражданина. Например, создание дипфейков, распространение фотографий без согласия лица, а также неправомерное использование изображений в коммерческих целях – все эти явления требуют эффектив-

© Кистерева Ю. Е., 2025

ной правовой защиты права человека на изображение. Дипфейк-технологии все чаще применяются для совершения мошеннических действий, для совершения преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности. Кроме того, возникают и этические вопросы использования цифровых аватаров и виртуальных копий человека после его смерти (концепция Death Tech или цифровое бессмертие). Таким образом, исследование проблем правового регулирования использования и охраны изображения гражданина в цифровой среде является актуальным и востребованным.

Нормативно определения понятий «изображение гражданина» и «внешний облик» не закреплены в гражданском законодательстве. При этом п. 1 ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к изображениям гражданина его фотографии, видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен. При этом данный перечень не является исчерпывающим. В юридической литературе отмечается, что «список явно неполный и чересчур упрощенный» [1, с. 48]. В словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова под «изображением» понимается предмет, рисунок, изображающий кого-либо или что-либо; зрительное воспроизведение чего-нибудь» [4]. В доктрине под «изображением гражданина» понимается визуальное представление личности, которое может быть зафиксировано на фотографии, видеозаписи или другом носителе. Это право связано как с защитой персональных данных, так и правами на личную жизнь человека и гражданина. Так, А. А. Николаева определяет изображение, как информацию доступную для визуального восприятия и содержащую неповторимые индивидуализирующие признаки внешности изображаемого физического лица [3]. На наш взгляд, дефиниция понятия «изображение гражданина» должна быть закреплена в Гражданском кодексе Российской Федерации в целях формирования единообразной практики применения положений об охране изображения гражданина. Легальное определение может быть сформулировано следующим образом: «под изображением гражданина понимается доступное для визуального восприятия воспроизведение индивидуализирующих признаков внешности изображаемого гражданина, зафиксированное на фотографии, видеозаписи, произведении изобразительного искусства или другом носителе, содержащем облик изображенного гражданина».

Информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет» стала новым источником обнародования изображений и информации. Но общедоступность какого-либо изображения (фото, видео) или голограммы не дают право на использование этого изображения без согласия изображенного человека на распространение, кроме предусмотренных законом случаев.

Много вопросов возникает в связи с участием несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных отношениях [2, с. 131]. В настоящее время широко распространено ведение блогов в сети «Интернет», которые содержат фото, видео с изображением детей блогеров, при этом данная деятельность направлена на получение дохода от размещения рекламы [5]. Законода-

тельство не содержит прямых указаний о механизме защиты интересов детей, изображения которых родители-блогеры публикуют на просторах Интернета. В соответствии со ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации родители обязаны защищать права несовершеннолетних в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, но возникает вопрос о контроле действий самих законных представителей. Считаем целесообразным по аналогии с трудовым законодательством установить правило о том, что если родитель, опекун или законный представитель получает прибыль от публикаций изображения ребенка, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, то на ведение соответствующих персональных страниц в социальных сетях и других Интернет-ресурсах требуется разрешение органа опеки и попечительства. По достижении четырнадцатилетнего возраста использование изображения несовершеннолетнего гражданина законными представителями (родителями, усыновителями, опекунами) возможно только с его согласия.

Изображение гражданина подлежит охране как при его жизни, так и после его смерти. Согласно п. 1 ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. При этом мнение самого гражданина, который не знает с какой целью и в каком формате может быть использовано его изображение после смерти, не учитывается. Представляется целесообразным предоставить гражданину право при жизни предусмотреть в завещании условие об запрете использования наследниками или другими лицами его изображения с целью извлечения прибыли.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях стремительного развития информационных технологий действующее законодательство, касающееся охраны права граждан на изображение, содержит некоторые пробелы и нуждается в совершенствовании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильютович Д. А. Юридическое содержание права гражданина на изображение // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 47–52.

2. Матанцев Д. А., Фурсова Е. Б. Совершенствование содержания права на использование изображения гражданина // Юридическая наука. 2022. № 3. С. 129–133.

3. Николаева А. А. Изображение гражданина проблемы правового регулирования, использования охраны и защиты : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 33 с.

4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., Азъ, 1994. 907 с.

5. Чилипенок Ю. Ю., Данилова Л. С. Женский блогинг как предпринимательская деятельность // Женщина в российском обществе. 2018. № 3(88). С. 74–84.

УДК 343

Клокова Карина Дмитриевна,
студент, Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского
г. Москва, Российская Федерация
Krrnklkv8@gmail.com

Мошеннические схемы в информационном поле и устранение неправомерных действий посредством информационной безопасности. Явление OSINT и иных инструментов в форензике

В статье рассматривается проблема мошенничества в информационном пространстве и деятельность по обеспечению информационной безопасности, а также деятельность по устранению последствий неправомерных действий в цифровой среде. Особое внимание сконцентрировано на OSINT как разведывательной дисциплине и ее инструментах, обеспечивающих поиск злоумышленников и привлечение их к ответственности. Согласно статистическим данным, с процессом компьютеризации количество преступлений в информационном поле увеличилось в разы. В их число входят неправомерные действия по распространению психотропных веществ и краже личных данных пользователей, что иллюстрирует острую необходимость в повышении наступательности при проведении оперативных и разведывательных мероприятий в анализируемой сфере. В статье также обсуждаются меры по организации более эффективной защиты пользователя в цифровой среде.

Ключевые слова: *киберкриминалистика, форензика, OSINT, информационная безопасность, инструменты форензики, инструменты OSINT, киберпреступления.*

Klokova Karina Dmitrievna,
student, V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations
Moscow, Russian Federation

Fraudulent schemes in the information field and elimination of illegal actions through Information Security. The phenomenon of OSINT and other tools in forensics

The article examines the problem of fraud in the information space and the activities of Information Security to eliminate illegal actions in the digital environment. Particular attention is focused on OSINT as an intelligence discipline and its tools that ensure the search for intruders and bring them to justice. According to statistics, with the process of computerization, the number of crimes in the information field has increased several times, including illegal actions to distribute psychotropic substances and steal personal data of users, which illustrates the urgent need to increase offensiveness in conducting operational and intelligence activities in the analyzed area. The article also discusses measures to organize more effective user protection in the digital environment.

Keywords: *cyber forensics, forensics, OSINT, information security, forensics tools, OSINT tools, cybercrimes.*

© Клокова К. Д., 2025

В современной действительности практически каждый человек имеет доступ к Всемирной паутине. Интернет стал неотъемлемой частью общества настолько, что виртуальные ресурсы начали использоваться почти повсеместно. Глобальная сеть объединяет людей, позволяет быстро и удобно находить информацию, необходимую для обучения, расширения собственного кругозора, развития необходимых в жизни навыков. Интернет стал инструментом не только для обыкновенных пользователей, но и для людей различных профессий и рода деятельности. Благодаря удобству и доступности физические и юридические лица, коммерческие, государственные организации приняли стремительный приход информатизации. Как известно, информатизация – процесс, в ходе которого информационные ресурсы, системы внедряются в общественную жизнь, удовлетворяя потребности своих пользователей.

Информатизация, несомненно, является верным решением для современного общества, однако, как и любой процесс, он нуждается в постоянном контроле. Из-за того, что информационное поле предоставляет каждому пользователю безграничное количество данных, возможность передавать информацию как от своего имени, так и сохраняя анонимность, в любую точку мира, вне зависимости от внешних факторов, появляется вполне ожидаемая угроза. Для стабилизации глобальной сети появились такие отрасли как Информационная безопасность, ФСБ, Роскомнадзор, призванные сделать пользование Интернетом комфортным и правомерным. Какие же опасности могут ждать любого человека в сети? Угрозу для пользователя несут следующие явления:

– Фишинг. Мошенники используют данную схему, чтобы завладеть данными пользователя, получить доступ к личной информации, такой как адреса, банковские счета и т. п. (рассылки вредоносного ПО, писем о помощи, подделка официальных аккаунтов и т. д.);

– Кардинг. Зачастую проявляется как атака на сайты интернет-магазинов или перехват данных банковских карт;

– Фарминг. Суть фарминга заключается в подделывании злоумышленниками сайтов банков и иных финансовых организаций.

– Социальная инженерия. Такой вид мошенничества происходит с помощью взлома личных аккаунтов пользователей мессенджеров и социальных сетей и вымогательства от лица другого человека.

На данном этапе, чаще всего фиксируется большое количество кибератак, которые относятся к ранее указанным фишингу и социальной инженерии [5, с. 6].

Данный список включает в себя лишь самые распространенные виды мошенничества в Интернете. Проблему неправомерных действий в цифровой среде изучает киберкриминалистика.

Киберкриминалистика – специальная область информационной безопасности, объектом которой является изучение, расследование, устранение неправомерных действий, совершенных в сети или с помощью сетевых устройств. Иначе она называется форензика.

Для контроля за безопасностью в информационном поле существуют представители Информационной безопасности. Благодаря работникам данной

сферы злоумышленники в сети обнаруживаются и наказываются. В сфере форензики существует такой инструмент как OSINT (Open source intelligence, что в переводе на русский означает «Разведка по открытым источникам»). Он несет функцию разведывательной дисциплины, которая изучает, ищет и анализирует данные о пользователе. Благодаря OSINT сотрудники Информационной безопасности могут совершать поиск злоумышленников и привлекать их к ответственности, соответствующей действующему законодательству стран, в которых были зарегистрированы злоумышленники. Помимо уже указанного выше, OSINT форензика для своих задач использует и другие инструменты:

– Access Data Forensic Toolkit;
– Encrypted Disk Detector;
– Browser Forensic Tool;
– The Sleuth Kit [6].

Данный перечень содержит в себе не все инструменты для обеспечения информационной безопасности, однако указанные являются самыми используемыми на сегодняшний день.

Положительных результатов удается добиться не только с помощью специализированных органов, но и нормативно правовых актов, предусматривающих наказания за правонарушения в информационном поле, а также регулирование поведения в Интернете. Рассмотрим Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». В данном документе описаны требования к безопасности в информационной сети. В ст. 4 «Принципы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры» отражены принципы работы обеспечения информационной безопасности:

Принципами обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры являются:

1) законность;

2) непрерывность и комплексность обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры;

3) приоритет предотвращения компьютерных атак [1, ст. 4].

Таким образом, информационное поле охраняется не только специализированными органами, но и регламентируется рядом нормативно правовых актов.

Правонарушения в сфере информационной безопасности имеют неутешительную динамику, качество, скорость и эффективность их раскрытия нельзя признать удовлетворительным. С помощью интернет-ресурсов злоумышленники могут не только присваивать денежные средства, личную информацию о жертве, но и распространять наркотики и психотропные вещества. Из этого следует, что следующим этапом в обеспечении безопасности пользователя должно стать тотальное отслеживание интернет-пространства на предмет рекламы наркотических, психотропных веществ, оружия. Необходимо повысить наступательность при проведении оперативных мероприятий в анализируемой сфере, также на постоянной основе необходимо проверять сообщества, дарксайты. Кроме того, стоит усовершенствовать программы для точного определения местонахождения преступников через IP-адрес, а также улучшить про-

граммы, которые будут автоматически находить в Интернете любую рекламу или сообщение о распространении подобного рода объектов и веществ [2, с. 1647].

Для улучшения эффективности противодействия киберпреступности необходимо:

– ужесточить меры пресечения правонарушений в Сети;

– создать больше специализированных учреждений для обучения и подготовки специалистов по вопросам информационной безопасности;

– привлекать молодежь и пожилых людей к изучению правил по пользованию Интернетом;

– увеличить нынешний штат специалистов информационной безопасности;

– повысить квалификацию нынешних специалистов информационной безопасности [4, с. 66].

Также можно сделать вывод о целесообразности существенного расширения полномочий прокуратуры в рассматриваемой области, так как совместные, правильно организованные и согласованные действия органов информационной безопасности, следствия, обвинения, суда и экспертов дают реальную возможность правильно оценить состав преступления, идентифицировать его участников и решить другие вопросы, позволяющие в конечном итоге раскрыть уголовные дела по факту совершения киберпреступлений. Вместе с тем необходимо организовать системность как применения имеющихся киберкриминалистических категорий в уголовном процессе, так и оперативное внедрение новых научно обоснованных рекомендаций, что обусловлено поступающими вызовами со стороны преступников, применяющих все более совершенные средства для осуществления своих деяний [3, с. 182].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 12 июля 2017 № 187-ФЗ (ред. от 10.07.2023 № 312-ФЗ). URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 16.11.2024).

2. Сафронский Г. Э. К вопросу необходимости системного криминалистического обеспечения уголовного преследования // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 2. С. 177–184.

3. Сафронский Г. Э., Егоров Д. Д., Цуварева А. О. К вопросу применения современных технологий расследования незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. науч. тр. II Ежегодной междунар. науч.-практ. конф. М. : Моск. психол.-соц. ун-т, 2024. С. 1642–1648.

4. Федосеев А. Э., Архипцев И. Н. Форензика как компонент противодействия высокотехнологичной преступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 1. С. 63–69.

5. Аналитический отчет центра мониторинга и противодействия кибератакам. URL: https://www.securitycode.ru/upload/iblock/0be/xwhypdr3qr52xr3vtcyk

rgyub8bx3nh7/Аналитический_отчет_центра_мониторинга.pdf (дата обращения: 16.11.2024).

6. Форензика. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Форензика (дата обращения: 16.11.2024).

УДК 347.63

Колитова София Михайловна,
студент, Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского
г. Москва, Российская Федерация
sofiakolitova@gmail.com

Защита прав несовершеннолетних в цифровой среде: проблемы и пути к безопасности

В статье рассматривается проблема защиты прав несовершеннолетних в цифровом пространстве. Автор акцентирует внимание на отсутствие целостного законодательного блока, который мог бы полноценно регулировать рассматриваемую актуальную проблему XXI века. Рассматривается такой пример нарушения цифровых прав подростков, как кибербуллинг. Автор приводит статистические данные по несовершеннолетним, попавшим под влияние разновидности буллинга и факторы, из-за которых число таких подростков не идет на спад. Работа содержит предложения по выработке комплексного подхода по выработке стратегии государства для снижения уровня преступлений против подростков и повышения уровня защиты их прав в цифровом пространстве.

Ключевые слова: *цифровая среда, несовершеннолетние, кибербуллинг, Интернет, деструктивная информация, противодействие, защита прав.*

Kolitova Sofia Mikhailovna,
student, V. V. Zhirinovsky University of World Civilizations
Moscow, Russian Federation

Protection of the rights of minors in the digital environment: problems and ways to safety

The article considers the problem of protecting the rights of minors in the digital space. The author focuses on the lack of a comprehensive legislative block that could fully regulate the current problem of the 21st century under consideration. An example of violation of the digital rights of adolescents such as cyberbullying is considered. The author provides statistical data on minors who have fallen under the influence of a type of bullying and the factors due to which the number of such adolescents does not decline. The work contains proposals for developing a comprehensive approach to developing a state strategy to reduce the level of crimes against adolescents and increase the level of protection of their rights in the digital space.

Keywords: *digital environment, minors, cyberbullying, Internet, destructive information, counteraction, protection of rights.*

© Колитова С. М., 2025

На сегодняшний день, можно констатировать тот факт, что цифровое пространство – это наш второй мир, в котором мы проводим колоссальное количество времени. Новостные онлайн-ленты, веб-сайты, онлайн-форумы, всевозможные программы для трудовой деятельности и многое другое – все это невероятно облегчает нашу жизнь, однако у каждого явления есть свои как положительные стороны, так и отрицательные.

Интернет оказывает значительное влияние на разнообразные аспекты жизни человека. Это касается как его повседневной деятельности, так и психического и физического здоровья. Исследования показывают, что постоянное взаимодействие с цифровыми технологиями и Интернетом влияет на изменения и в социальном взаимодействии. Социальные сети и онлайн-коммуникации изменяют привычные формы общения, что может привести к ощущению одиночества и снижению уровня эмпатии. Особенно интересным представляется влияние информационных технологий на несовершеннолетних, у которых, зачастую отсутствует цифровая культура при работе с интернет-ресурсами, и их права в сети Интернет. Относительно подростков, можно выделить три группы информационных прав:

1) конституционные права (свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом) [3];

2) права, связанные с защитой информации имеющейся у несовершеннолетнего и о несовершеннолетнем;

3) права и интересы, связанные с защитой от воздействия негативной информации [1].

Все эти права могут нарушаться вследствие бездумного нажатия на, казалось бы, красивые безопасные сайты или ссылки приходящие от «Госуслуг».

Для большинства киберпреступников именно несовершеннолетние становятся мишенью для совершения противозаконных действий. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) ведут активную деятельность по пресечению действий злоумышленников в сети Интернет. Например, в этом году, на основании ч. 1.1. ст. 10.6 Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [6], был создан реестр владельцев различных групп, блогов с численностью подписчиков более 10 000 человек. Замысел данного новшества в том, что пользующиеся наибольшей популярностью блогеры обязаны удалять у себя на страницах противоправный контент, включая пропаганду наркотиков, склонение к суициду, призывы к действиям, несущим общественную опасность, детскую порнографию и другое. Однако даже эта мера не сможет обеспечить должного эффекта в защите прав пользователей, особенно тех, кто не достиг совершеннолетия. Также действует Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который своей целью имеет защиту детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию [7]. Есть и другие нормативные правовые акты, регулирующие данный вопрос, которые в большинстве своем носят подзаконный характер, поэтому правовое регулиро-

вание информационной безопасности представляет собой реструктурированный и разобщенный массив норм, которые, на данный момент, в комплексе не применяются.

Несовершеннолетние ежедневно подвергаются влиянию деструктивной информации в сети Интернет. Одним из самых распространенных методов влияния на неокрепшие умы и психику детей является – кибербуллинг [5]. Согласно данным, ВЦИОМ 25 % детей хотя бы раз в жизни сталкивались с травлей в Интернете [2], однако 25 % это только та часть, которая поделилась с родителями таким негативным опытом, поэтому этот процент нельзя считать даже близко приближенным к реальной ситуации. К сожалению, интернет-травля является средством, побуждающим ребенка пойти на самоубийство. На это влияет и тот фактор, что зачастую ребенок по каким-то причинам боится кому-либо рассказать о начавшимся против него кибербуллинге. Как правило, это связано с недостаточно доверительными отношениями между родителями и ребенком, бывают и случаи, когда ребенок решился открыться родителям, однако в ответ не получил должного внимания к своей проблеме из-за уверенности взрослых, что онлайн-угроза не имеет под собой реальных опасений за его жизнь. Это мнение ошибочно, и имеет массу примеров, стоит только вспомнить «группы смерти», которые вызвали широкий общественный резонанс в 2016 году, где «кураторы» прямо оказывали давление на подростков угрозами различного рода, и детская психика не выдерживала, из-за этого в 2016 году самоубийство совершили 712 несовершеннолетних [8].

Безусловно, существуют и другие формы негативного воздействия на несовершеннолетних в Интернете, и здесь возникает вопрос «Как защитить ребенка и его права в цифровом пространстве?». Например, С. М. Миронова выступает за синтез триады элементов, которые помогут выработать системный подход к рассматриваемой проблеме, – юридического, технологического и социального, где помимо правовых норм должны «включиться» семья, как наиболее важный социальный регулятор, а также должны быть разработаны технологии для, преимущественно, превентивного действия по предупреждению цифровых преступлений против подростков [4]. И действительно, на данный момент, в сфере защиты прав подростков в Интернете нет взаимосвязи трех важных компонентов: юридического, социального и технологического. Поэтому чтобы качественно повлиять на ситуацию по защите информационных прав подростков в Интернете необходимо применять комплекс следующих мер:

– систематизировать законодательство РФ, касающееся данного аспекта, закрепить легальные определения понятиям, которые касаются правонарушений, совершаемых в Интернете, например, «кибербуллинг», «секстинг», «фишинг»;

– проводить в школах или колледжах, хотя бы раз в полгода анонимные опросы учеников, по поводу не подвергаются ли они интернет-травле и в случае обнаружения такового незамедлительно сообщать родителям, с привлечением психолога, разъясняя возможные последствия отсутствия реакции от них;

– проводить в школах кроки по поводу цифровой культуры и кибербезопасности с уклоном на психологический аспект, это поможет выработать

«иммунитет» подростка к возможным нападкам цифровых преступников и агрессии;

– пожалуй, самое долгореализуемое, но самое эффективное, предложение – это создать технологии, которые автоматически будут блокировать группы, сайты с запрещенным и опасным контентом, данная мера поможет защитить информационные права не только подростков, но и пользователей Интернета в целом.

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно сделать вывод, что в настоящее время защита прав несовершеннолетних в цифровой среде находится на низком уровне, ввиду совокупности юридического, технологического и социального факторов.

Актуальность защиты прав несовершеннолетних в цифровой среде обусловлена стремительным развитием технологий и всеобщей цифровизацией общества. Исследования показывают, что дети и подростки проводят в Интернете значительную часть времени, что подвергает их различным рискам: от кибербуллинга до преследований и незаконного использования их личных данных.

Несмотря на разработку международных стандартов и национального законодательства, направленного на защиту несовершеннолетних пользователей Интернета, реальная обстановка все еще далека от идеала. Юридические механизмы часто отстают от динамично развивающегося цифрового мира, их применение и эффективность вызывают вопросы. Технологические компании, разрабатывающие программное обеспечение и интернет-ресурсы, также часто не учитывают необходимость встроенных средств защиты несовершеннолетних лиц. Социальный фактор связан с недостаточной осведомленностью как самих детей, так и их родителей о потенциальных угрозах в сети и способах защиты от них.

Усиление государственной политики в данной области, включая разработку и внедрение учебных программ по цифровой грамотности, строгий контроль за соблюдением законодательства интернет-компаниями и создание эффективных инструментов реагирования на цифровые угрозы, может существенно повысить уровень защиты прав подростков в Интернете. Важно также обеспечить международное сотрудничество для борьбы с трансграничными преступлениями в сети, которые затрагивают интересы несовершеннолетних.

Внимание к проблеме должно быть комплексным. Четкая правовая база, передовые технологии защиты, информирование общественности и активная позиция государства способны минимизировать риски и создать условия для безопасного использования Интернета детьми и подростками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Букалерова Л. А., Остроушко А. В. Защита прав и интересов детей в информационной сфере требует внимания. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-interesov-detey-v-informatsionnoy-sfere-trebuet-vnimaniya (дата обращения: 17.11.2024).

2. ВЦИОМ. Новости: Детский кибербуллинг и как с ним бороться. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskii-kiberbulling-i-kak-s-nim-borotsja (дата обращения: 17.11.2024).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020. (дата обращения: 17.11.2024).

4. Миронова С. М., Симонова С. С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-i-svobod-nesovershennoletnih-v-tsifrovom-prostranstve (дата обращения: 17.11.2024).

5. Савина Е. С., Волкова И. Г. Социализация детей в эпоху цифровых медиа: вызовы и возможности // Психолого-педагогические исследования – Тульскому региону : сб. материалов IV Регион. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Тула, 16 мая 2024 года). Чебоксары : Среда, 2024. 452 с.

6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024). URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 17.11.2024).

7. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020 (дата обращения: 17.11.2024).

8. Яровая назвала число совершивших суицид в 2016 году детей – РБК. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/58a18e939a794724ef11f3f1 (дата обращения: 17.11.2024).

УДК 343.13

Кравченко Виктория Александровна,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
v.kravchenko.2003@mail.ru

Сиверская Людмила Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
lsiverskaya@yandex.ru

К вопросу использования «искусственного интеллекта» следователем-криминалистом в ходе расследования преступлений

В статье рассматриваются возможности использования современных инновационных достижений науки и техники в сфере искусственного интеллекта для раскрытия и расследования преступлений, основные направления в области цифровой фиксации до-

© Кравченко В. А., Сиверская Л. А., 2025

казательственной информации, тактико-технических приемов производства следственных действий.

Ключевые слова: *следователь-криминалист, криминалистика, искусственный интеллект, научно-технический прогресс, технические средства.*

Kravchenko Victoria Aleksandrovna,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Siverskaya Lyudmila Anatolievna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the issue of the use of "artificial intelligence" by a forensic investigator during the investigation of crimes

The article discusses the possibilities of using modern innovative achievements of science and technology in the field of artificial intelligence for the detection and investigation of crimes, the main directions in the field of digital recording of evidentiary information, tactical and technical methods of investigative actions.

Keywords: *forensic investigator, criminology, artificial intelligence, scientific and technological progress, technical means.*

В современное время в век активного внедрения в различные профессиональные сферы деятельности новейших высокотехнологичных достижений науки, использование компьютерных, информационно-коммуникационных и нейросетей, интеллектуальных систем, искусственного интеллекта и других достижений научно-технического прогресса, представить себе деятельность по расследованию преступлений без их использования невозможно.

С этими процессами связана актуальность и необходимость исследования вопросов информатизации и использования возможностей искусственного интеллекта в криминалистике и уголовно-процессуальной деятельности следователя, дознавателя, следователя-криминалиста.

Актуализирует исследовательский интерес и те обстоятельства, что борьба с преступностью рассматривается государством как наиболее важное и приоритетное направление в сфере обеспечения безопасности общества и государства, а внедрение и использование технологии искусственного интеллекта открывает новые перспективные возможности в раскрытии и расследовании преступлений, существенно повышает оперативность реагирования правоохранительных органов на противоправное поведение, эффективность деятельности органов предварительного расследования по формированию доказательственной базы, изобличающей преступника, ускорение процесса расследования, улучшение качества следственной работы, а также возможность предупреждения совершения нарушений уголовного закона.

По мнению Д. А. Кравцова, «обеспечение приемлемого уровня безопасности является приоритетным направлением в функционировании государства

в целом, в связи с чем, способность искусственного интеллекта собирать, отслеживать и анализировать такой огромный поток всевозможных данных для этой деятельности, является весьма эффективной» [15].

Правовое регулирование использования систем искусственного интеллекта в настоящее время находится на этапе подготовки и обсуждений. К числу правовых основ для разработок и реализации технологии искусственного интеллекта в Российской Федерации можно отнести федеральные законы, в которых содержатся нормы об информационных интеллектуальных системах [1], указы Президента Российской Федерации, многочисленные акты Министерств и ведомств.

Одними из основополагающих нормативных актов в Российской Федерации, регулирующих правовую основу искусственного интеллекта являются Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в ст. 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [2] и Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» [3].

Согласно ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 года № 123-ФЗ «Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации, программное обеспечение, в котором используются методы машинного обучения, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

Так, С. А. Ефимова определяет искусственный интеллект как «способность технического устройства, управляемого компьютерной системой, выполнять задачи, подлежащие решению рациональным человеческим интеллектом. Данные системы или устройства должны иметь свойства характерные человеческому разуму – способность мыслить, рассуждать, принимать решение, делать выбор и получать опыт на основе проделанной работы» [10].

В. В. Бычков считает, что искусственный интеллект – это «компьютерно-программное обеспечение, используемое для раскрытия и расследования преступлений, способное не только решать задачи следственной деятельности, но и самосовершенствоваться с целью повышения эффективности деятельности правоохранительных органов» [7].

О. Н. Палиева и И. А. Семенцова полагают, что «искусственный интеллект – это определенная компьютерная программа, размещенная в вычисли-

тельной системе и адаптированная под обстоятельства окружающей среды, которая способна имитировать интеллектуальную деятельность человека» [18].

Несмотря на многовариативность интерпретации, все понятия объединяют некоторые признаки: компьютерное программное обеспечение, имитация интеллектуальной деятельности человека, адаптация для решения задач деятельности, способность самосовершенствоваться.

В последние годы в криминалистике в среде научного сообщества активно дискутируется вопрос их использования для решения задач раскрытия и расследования преступлений.

Ученые-процессуалисты и криминалисты утверждают, что «возможности применения технологических систем искусственного интеллекта в деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений, достаточно широки и разноплановы» [9] и «могут и должны быть интегрированы в работу органов расследования в качестве инновационных инструментов ее организации и осуществления поиска доказательственных и иных данных» [6].

Иными словами, современные инновационные технологические средства на основе искусственного интеллекта для уголовно-процессуального и криминалистического обеспечения процесса расследования преступлений – это актуально, перспективно и неизбежно в условиях стремительного технологического прогресса, жизненно необходимо не только вчера, сегодня, но и в долгосрочной перспективе.

В настоящее время следователь-криминалист активно использует искусственный интеллект в целях:

– обработки огромного массива информационных ресурсов для выявления сведений, имеющих значение для уголовного дела (Big Data) и представлять их в формате, наиболее приемлемом и понятном для заинтересованных лиц;

– распознавания индивидуальных признаков объектов, а именно образов, лиц, номерных знаков, автомобилей и др. Так, в России была разработана система распознавания лиц NtechLab, которая применяется на железнодорожных станциях в целях управления пассажиропотоком, розыска преступников и пропавших людей. Система в течение трех секунд распознает лица на видео, сравнивает результаты с базами данных, куда загружены портреты разыскиваемых, и при совпадении отправляет оповещение правоохранителям об обнаружении субъекта;

– проведения анализа финансовых транзакций, аудиозаписей и видеозаписей. Так, при расследовании уголовного дела о массовых беспорядках в аэропорту Махачкалы было изъято более 3 тысяч файлов общим объемом в несколько терабайт. Детальный осмотр этих данных с использованием специальных программных продуктов проводился группой сотрудников несколько месяцев. В результате удалось идентифицировать свыше 400 человек. По другому делу о событиях в Республике Башкортостан аналогичным путем идентифицированы 76 лиц, участвовавших в массовых беспорядках и нападениях на сотрудников правоохранительных органов [17];

– автоматизации процесса сбора и анализа улик и данных, использования алгоритмов машинного обучения для выявления закономерностей и взаимосвязей между различными уликами и событиями;

– автозаполнение процессуальных документов, что позволяет автозаполнять определенные параметры, такие как времени, места, имени следователя, исправлять ошибки и неточности, допущенные лицом, составлявшим документ, переводить устную речь в письменную, а это сокращает время и силы следователя, затраченные на составление документа.

Особую значимость имеет применение искусственного интеллекта в специализированных экспертно-криминалистических системах, которые широко применяются в настоящее время и способны «распознавать криминальную ситуацию, находить возможные варианты ее расследования, давать практические рекомендации [8]. Известны такие экспертные системы, как «Наркоэкс», «Балэкс», «Кортик», «Маньяк», «Спрут», «Полюс» другие [4].

В настоящее время все большую популярность приобретает применение современных технологий цифровой фиксации доказательств и иной информации, связанной с производством следственных действий. Например, специальное программное обеспечение «МСР-ТВ» включает в себя ноутбук и цифровой фотоаппарат, что позволяет получать криминалистические фотографии с текстовым, графическим или звуковым комментарием, которые являются наглядным и многоканальным документом, представление результатов которого обеспечивает возможность по графическому моделированию последовательности действий лица при совершении преступления. По мнению Е. П. Ищенко, «указанный комплекс дает возможность более эффективной работы с использованием информационно-справочной компьютерной системы с выходом в Интернет» [13].

В качестве еще одного примера можно привести фотокамеру с GPS-модулем, которая предназначена для геокодирования результатов съемки на месте происшествия. Такой метод работы позволяет получить компьютерный план-схему с линейными размерами зафиксированных объектов, указанием их положения и взаимного расположения, сведениями о времени и месте производства следственного действия. Так, при проведении следственных мероприятий по поиску останков Великого князя Михаила Александровича Романова (младшего брата Николая II, убитого в июне 1918 года) и его секретаря в Пермском крае применяется георадар, отрабатываются различные версии о местах их возможного нахождения [17].

Огромные возможности имеет и современный комплект, предназначенный для проведения осмотра и фиксации обстановки места происшествия, сбора необходимых материалов и информации для дальнейшего исследования.

Использование его позволяет производить осмотр места происшествия в кратчайшие сроки с получением изображений и видеоряда обстановки места происшествия с различных ракурсов и полной детализацией объектов, при помощи специализированного программного обеспечения данный комплект позволяет строить точную 3D-модель любых объектов, с последующим примене-

нием для метрологически корректных измерений, проверок, составление проекций и моделирования различных ситуаций [14].

Также стоит уделить внимание беспилотным летательным аппаратам, применение которых в уголовном судопроизводстве, по мнению Ж. Ж. Жантуреева, «может облегчить работу органа уголовного преследования в расследовании уголовных правонарушений, также будет способствовать раскрытию и предотвращению правонарушений» [11].

Применение беспилотных летательных аппаратов возможно при обследовании местности для поиска пропавших людей, обнаружения обломков техники, проведения осмотра места происшествия [12], фиксации масштабных мест происшествий, таких как места крушения воздушных судов, обширных мест техногенных происшествий, т. е. тех мест, которые сложно полностью запечатлеть несколькими кадрами с земли, для формирования полного представления об обстановке происшествия; производства ориентирующей съемки, которая осуществляется с целью запечатления общего вида места происшествия с охватом окружающей обстановки, относительно определенных ориентиров; фиксации различных экологических преступлений либо их последствий, в результате незаконной рубки, уничтожении или повреждении лесных насаждений, загрязнения вод, фактов незаконной охоты и т. д.; фиксации деяний или событий, не оконченных к моменту прибытия правоохранительных органов [16].

Так, для рекогносцировки местности в Свердловской области, где были обнаружены останки царской семьи, следователями-криминалистами Следственного комитета Российской Федерации были использованы данные аэрофотосъемки, получены видео- и фотоматериалы с использованием квадрокоптера. Эти данные были сопоставлены с картами начала XX века и схемами, составленными в 1919 году следователем Николаем Соколовым, который расследовал обстоятельства гибели царской семьи. В итоге было определено точное место расположения Старой Коптяковской дороги [17].

Одной из последних всемирно известных разработок в сфере искусственного интеллекта является чат-бот ChatGPT – обучаемая нейросетевая языковая модель, способная реализовывать модели языкового предсказания на основе технологии глубокого машинного обучения.

ChatGPT может найти широкое применение в проведении юридических исследований, составлении документов, поиске ценной информации в огромных массивах юридических текстов, документов, решений и др., тем самым существенно сокращая временные человеческие затраты.

В процессе расследования преступлений возможности, заложены в чат-боте ChatGPT могли бы быть востребованы по различным направлениям, к числу которых можно отнести использование данного или подобного сервиса по следующим вопросам: доказывания, избрания меры процессуального принуждения, составления процессуальных документов, предварительного расследования уголовных дел, выдвижения следственных версий, назначения экспертиз и другие [5].

Столь стремительное развитие современных достижений научно-технического прогресса в части использования и внедрения технологии искусственного интеллекта в процессе расследования преступлений и его криминалистического обеспечения уже сейчас определяют векторы развития будущего. И сегодня мы стоим на пороге, когда завершится процесс апробации и в практику войдут системы идентификации по биометрии, использование технологии дополненной реальности, трехмерное моделирование и виртуальная реальность, оценка психологического состояния человека, дигитализация уголовного процесса и многое другое.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин заявил, что использование современных инновационных возможностей в раскрытии преступлений прошлых лет позволило в текущем 2024 году раскрыть 4 169 преступлений прошлых лет, что на 5 % больше аналогичного периода прошлого года [17].

Говоря об огромном потенциале использования искусственного интеллекта при расследовании преступлений и современных возможностях его использования, следует сказать и о проблемах трансформации уголовно-процессуальной деятельности в условиях тотальной цифровизации.

Анализ современных научных источников в исследуемой сфере, позволяет обозначить следующие проблемы переходного к цифровизации периода, которые ученые-процессуалисты и криминалисты считают глобальными и многовекторными, а именно формирование законодательной базы, организационные, финансовые, подготовки кадрового потенциала, этические и нравственные, соблюдение базовых прав, свобод человека, защита персональных данных и конфиденциальность, подотчетность и прозрачность, создание механизмов апелляций и мониторинга, интеграции цифры в правоприменительную практику.

Мы можем обозначить пока только отдельные аспекты проблемных сфер, поскольку поиск их решения процесс длительный, комплексный, взаимозависимый, требующих взаимодействия научных, технических, правотворческих, финансовых, организационных, политических, экономических и других потенциалов.

Однако еще вчера, а уж тем более сейчас и безотлагательно для эффективного использования технологии искусственного интеллекта при расследовании преступлений можно и нужно предпринять шаги по разработке и апробации комплекса мероприятий системы интеллектуальной поддержки кадрового потенциала следствия, который включает в себя:

– информирование сотрудников органов предварительного следствия, дознания, следователей – криминалистов, оперативных сотрудников, экспертов криминалистов о тех возможностях, которые открываются с «цифрой»;

– проведение научных практикоориентированных обучающих семинаров, курсов повышения квалификации, обучения и переобучения;

– распространение передового опыта использования инновационных технологий;

– корректировка программ профессиональной подготовки ведомственных вузов;

– введение в штаты органов предварительного расследования новых должностей специалистов, владеющих «цифровыми» компетенциями;

– разработку, апробацию и внедрение новых методик расследования преступлений с использованием достижений и возможностей искусственного интеллекта.

Использование искусственного интеллекта в расследовании преступлений и деятельности следователя-криминалиста имеет огромный потенциал для повышения эффективности уголовного судопроизводства и быстроты расследования преступлений. Однако реализация тотальной цифровизации деятельности требует сбалансированного подхода, учитывающего вызовы, которые связаны с внедрением новой качественно высокой системы интеллектуальной поддержки дигитализации уголовно-процессуальной деятельности и ее криминалистического обеспечения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О персональных данных : Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2024).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон РФ от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.11.2024).

3. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации, утвердивший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» : Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 // Официальный интернет-портал правовой информации. Информационно-правовая система Законодательство России». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 26.11.2024).

4. Афанасьев А. Ю. Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. 2018. № 3(38). С. 28–34.

5. Батоев В. Б. Об использовании технологии искусственного интеллекта ChatGPT в правоохранительной деятельности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 2. С. 80–88.

6. Бессонов А. А. Современные информационные технологии на службе следствия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. С. 94–100.

7. Бычков В. В. Искусственный интеллект в сфере раскрытия и расследования преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. URL: https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-1-3-6 (дата обращения: 26.11.2024).

8. Вепрев С. Б., Нестерович С. А. Экспертные системы в юридической деятельности // Аллея Науки. 2017. № 13. С. 571–574.

9. Головин А. Ю. Технологии искусственного интеллекта в криминалистике: задачи, которые необходимо решить // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2024. № 2. С. 25–33.

10. Ефимова С. А. Развитие искусственного интеллекта // Цифровая наука. 2020. № 6. С. 13–34.

11. Жантуреев Ж. Ж. К проблеме применения беспилотных подводных аппаратов в практике раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2023. № 1. С. 152–158.

12. Иванов Д. С. Применение правоохранительными органами беспилотных летальных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений // Исследования молодых ученых : материалы XIV Междунар. науч. конф. М., 2020. С. 37–39.

13. Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 3(55). С. 16–26.

14. Карданов Р. Р. Современное состояние технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 24–26.

15. Кравцов Д. А. Искусственный разум: предупреждение и прогнозирование преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 108–110.

16. Кузнецов С. Е. Виды, приемы и методы криминалистической аэросъемки // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижение и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. М. : Моск. акад. Следственного комитета Российской Федерации, 2019. С. 327–332.

17. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

18. Палиева О. Н., Семенцова И. А. Использование искусственного интеллекта и информационных технологий в ходе расследования уголовных дел // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. 2021. № 2. С. 35–40.

УДК 330:004

Мельников Иван Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
melnik44@gmail.com

Журавлев Кирилл Андреевич,
аспирант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
mr.Zhuravlevkirill@mail.ru

Актуальные тенденции внедрения и развития цифровых инструментов в структуру государственного управления Российской Федерации

В научной статье рассматриваются актуальные тенденции внедрения и развития цифровых инструментов в структуру государственного управления Российской Федерации. Авторы анализируют современные технологии, такие как большие данные, искусственный интеллект, и основанные на нем цифровые инструменты, а также их потенциал для повышения эффективности и прозрачности государственного управления. Статья также затрагивает вопросы кибербезопасности и защиты данных, что является критически важным аспектом в условиях цифровизации государственного сектора.

Ключевые слова: *цифровое государственное управление, гражданское общество, цифровизация, информационные технологии, цифровые институты, цифровые технологии, цифровые платформы, цифровые инструменты, искусственный интеллект.*

Melnikov Ivan Nikolaevich,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Zhuravlev Kirill Andreevich,
graduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Current trends in the introduction and development of digital tools in the structure of public administration of the Russian Federation

This scientific article examines current trends in the introduction and development of digital tools in the structure of public administration in the Russian Federation. The authors analyze modern technologies such as big data, artificial intelligence, and digital tools based on it, as well as their potential to increase the efficiency and transparency of public administration. The article also addresses issues of cybersecurity and data protection, which is a critically important aspect in the context of digitalization of the public sector.

Keywords: *digital public administration, civil society, digitalization, information technology, digital institutions, digital technologies, digital platforms, digital tools, artificial intelligence.*

© Мельников И. Н., Журавлев К. А., 2025

Сегодня немаловажным аспектом цифровизации государственного управления выступают идеи по вовлечению искусственного интеллекта (далее – ИИ) в государственный и гражданский обороты. Доподлинно не определено, является ли ИИ субъектом права или нет. Способен ли он нести бремя самостоятельного владения имеющимися у него правами и обязанностями?

Законодателем предпринята попытка по определению сущности ИИ как правового элемента. Под искусственным интеллектом сегодня понимается – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений [1].

Анализируя данное понятие, мы задаемся рядом вопросов. Каким образом можно будет искусственному интеллекту привить когнитивные функции в том объеме, чтобы правовое решение жизненной ситуации гражданина, скажем, обратившегося в какой-либо государственный орган, было всесторонним, полным и законным? А способен ли будет данный ИИ искать комплексное решение, если вопрос гражданина, касается более обширного законодательного разрешения, учета имеющейся правоприменительной практики, особенностей правового регулирования в различных субъектах Российской Федерации, нежели его просьба в заявлении? А как быть с вопросом ошибочного решения, справедливо отметим, что повторное обращение в этот же государственный орган снова будет «поручено» этому же ИИ, а значит, и решение, возможно, будет вновь ошибочным. Разумеется, раз мы задаемся данными вопросами, следовательно, их уже можно решить, скажем, предусмотреть программные алгоритмы, которые будут имитировать поступательное решение вопроса, по аналогии с действиями человека-специалиста. Однако на данный момент решения вопросов подобным не предусмотрено.

Следовательно, возникает ряд вопросов, касающихся ответственности за совершенные ошибки в ходе рассмотрения заявлений и жалоб, принятия процессуальных решений и прочего. Ответственность за это будет нести, программист, государственный или муниципальный орган, функции которого ИИ будет исполнять, или же сам ИИ?

Предпринятая законодателем легитимизация процессов разработки и внедрения в оборот ИИ, имеет место быть, на наш взгляд, при наличии достойного уровня работы исключительно на относительно самостоятельном уровне информационных алгоритмов, что в целом и является самим искусственным интеллектом. На данном же начальном этапе, когда алгоритмизация простейших правовых процессов не решена, говорить о некой самостоятельности в получении результатов работы ИИ, сравнимых с когнитивной деятельностью человека,

преждевременно, а рассматривая данный вопрос в перспективе развития ИИ с учетом его технологических особенностей, на наш взгляд, крайне нежелательна. Подчеркнем, что, отпуская на самостоятельное пребывание ИИ в сети также, как мы полагаем, будет большой ошибкой, поскольку высока вероятность воздействия на его алгоритмы с третьей стороны, следовательно, возникает угроза создания как такового «негативного ИИ», как средства или оружия против его так называемой страны-обладателя. Но, как мы знаем, границы в сети Интернет имеют весьма условное значение, и создание сетевых рамок или границ и вовсе невозможно. Так и способы ограничения пребывания в пространстве Сети, по аналогии с пребыванием субъекта в физическом Мире, естественно, не имеют смысла. В данном случае нужен подход от обратного, т. е. от самой сути ИИ и его специфики места нахождения.

Сегодня, когда развитие цифровых сервисов происходит стремительными темпами, мы уже можем говорить о созданном серьезном фундаменте цифрового государственного управления. Согласно данным Минцифры в начале 2024 года порядка 90 % государственных услуг оказываются посредством электронного формата с использования государственного портала «Госуслуги», а количество авторизованных пользователей достигло более 90 млн. пользователей [4, с. 6952].

По нашему мнению, можно назвать передовиком цифрового сервисного обслуживания электронный ресурс Федеральной налоговой службы Российской Федерации, в арсенале которой служит цифровой сервис по взаимодействию с данным налоговым органом. По данным официального сайта Федеральной налоговой службы услуги в онлайн формате предоставляются по следующим направлениям: «Личные кабинеты» – ФЛ, Самозанятых, ЮЛ, ИП, Иностранной организации; «Регистрация бизнеса» – государственная онлайн регистрация, Выбор типового устава, Создать свой бизнес; «Сведения об ИНН» – Подача заявления, Сведения об ИНН для ФЛ и ЮЛ; «Уплата налогов и пошлин» – Уплата налогов и пошлин ФЛ, ЮЛ, ИП; «Риски бизнеса»; Налоговые калькуляторы; «Сведения из реестров»; «Налоговый учет»; «Задолженность/банкротство»; «Электронный документооборот»; «Меры поддержки»; «Справочная информация» и другие [5].

Стоит отметить, что в структуре государственного управления, скажем, для руководителей государственных органов также существуют цифровые инструменты для организации работы и деятельности учреждений.

Так, Федеральным казначейством Российской Федерации осуществляется выдача квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи руководителей и иных лиц учреждения [6].

Федеральным агентством по управлению государственным имуществом ведется предоставление услуг по направлениям: «Продажа имущества»; «Информация по заявителям религиозных организаций»; «Федеральные земельные участки»; «Аренда федерального имущества», «Государственные закупки»; «Межведомственное взаимодействие»; «Федеральные целевые и государственные программы»; «Международное сотрудничество»; «Обзор судебных дел»; «Противодействие коррупции»; «Корпоративное управление и другие» [7].

Официальный реестр для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях содержит функции по предоставлению сведе-

ний: «Информации об учреждениях»; «Реестр организаций»; «Реестр государственных заданий»; «Перечни (классификаторы) услуг и работ»; «Информация о потенциальных участниках отбора и исполнителя социальных услуг»; «Аналитические отчеты»; «Статистические отчеты»; «Рейтинг информационной открытости»; «Лидеры и аутсайдеры по размещению информации» [8].

Так вышеназванные ресурсы являются лишь частью большого цифрового инструментала, созданного на данный момент для непосредственного осуществления государственного управления на местах.

Данные виды предоставляемых государственных цифровых инструментов в полной мере соответствуют Стратегии цифровой трансформации государственного управления, разработанной и актуализированной в 2024 году Правительством Российской Федерации, согласно которой к 2030 году органы власти всех уровней должны прейти на электронный документооборот [2].

Однако, отметим тот факт, что хоть наличие данных сервисов и соответствует цели по развитию систем цифрового государственного управления, но, по нашему мнению, на сегодня это все сводится к тому, что эти сервисы просто заменяют физическое посещение данных органов посредством использования цифрового «канала» взаимодействия с ним. Здесь кроется проблема простого перевода предоставления услуг в цифровое пространство, а перспективы развития систем ИИ требуют иного подхода, более комплексного и. глобального.

В этом смысле мы согласимся с мнением М. З. Алиевой и С. В. Бастрыкина, которые под процессом цифровизации понимают: «качественное повышение эффективности и открытости органа управления на базе глубокой цифровизации операций, целенаправленного изменения процессов в сторону цифровой экономики, информационного общества и развития человеческого капитала» [3, с. 99–100].

Далее следует обратить внимание на такую проблему как обеспечение безопасности в Сети.

Во взаимосвязи с определением положения и специфики пребывания ИИ в правовом пространстве России при осуществлении государственного управления, стоит также обратить внимание и на создание безопасного цифрового и информационного пространств для реализации интересов развития цифровизации государственного управления. Поскольку данный институт существенно на сегодня вовлечен в информационную сферу, где возникает большое количество правоотношений, что подтверждается статистическими данными о количестве пользователей социальных сетей, аккаунтов платформы «Госуслуги» и в целом уровне информатизации регионов Российской Федерации и приведенными нами примерами по инструментам управления и организации работы государственных учреждений в России, таким образом, и к вопросу безопасности данного сектора должно быть уделено особое внимание.

Так, отметим, что сфера информационного пространства не имеет физического и материального выражения, а является абстрактным набором цифровых данных и ресурсов в сети Интернет, контроль и взаимодействие с которыми осуществляется при помощи некоторых видов электронно-вычислительных машин (далее – ЭВМ).

В первую очередь система ИИ должна рассматриваться как один из государственных элементов предоставления благ гражданскому обществу в цифро-

вой среде, таким образом, необходимо предоставить данной сети возможность пребывания в информационном пространстве страны – как элемент и средство государственного управления.

То есть не сводить только к банальному переводу государственных услуг в смартфон, а рассмотреть вопрос на перспективу нескольких десятков лет вперед, когда вопрос для гражданина сможет решаться его запросом ИИ, а в конечном итоге ИИ предоставит ему конкретное решение проблемы, обеспечив гарантированный результат, его легитимность и безопасность персональных и иных данных пользователя.

По аналогии необходимо построить систему ИИ и в секторе государственного управления – когда руководитель наделяет систему задачами, а система их выполняет, взаимодействуя самостоятельно с необходимыми информационными сервисами и ресурсами государственных органов. Например, при создании учреждения в текущих условиях у руководителя стоит ряд важнейших задач, которые решаются сегодня не только с использованием множества самостоятельных цифровых систем государственных органов, как это мы описывали ранее, но по-прежнему и с фактичекским посещением некоторых органов. В условиях развития цифрового государственного управления на ближайшие пять лет до 2030 года, последнее вообще никак не удовлетворяет запросам о развитии и совершенствовании цифровизации.

Говоря о безопасности, считаем возможным охарактеризовать работу ИИ в процессе формирования безопасной цифровой среды/системы. Например, рассмотреть возможности создания системы кибер-патрулей на базе технологии и алгоритмов работы ИИ, так, это будет либо самостоятельная система, на примере цифрового аналога текущего Министерства внутренних дел либо структурная часть системы ИИ-государственного управления с конкретными полномочиями по обеспечению безопасности как для пользователей в Сети, так и самой системы от внешнего воздействия.

Таким образом, в завершении отметим, что информационные процессы в России уже набрали стремительные обороты. На данные момент уже происходит не только внедрение цифровых инструментов в государственное управление, но уже осуществляется неоднократно развитие и усовершенствование систем, на базе опыта использования и работы таких инструментов ранее.

Во исполнение распоряжения Правительства Российской Федерации о всеобъемлющей цифровизации государственного управления к 2030 году считаем необходимым подойти не только с максимальным обеспечением по функциональной мощности цифровых систем государственного управления и с соответствующим уровнем безопасности и возможностями государственного контроля данных сервисов, но и с заложенными перспективами опережения развития систем ИИ на будущие 15–30 лет, что на сегодня является неотъемлемым вызовом безопасности и суверенитету страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений

в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» : Федеральный закон от 24.04.2020 года № 123-ФЗ : принят Государственной Думой 14.04.2020 года : одобр. Советом Федерации 17.04.2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: http://government.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

3. Алиева М. З., Бастрыкин С. В. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 1. С. 95–101.

4. Рязанцева М. В. Цифровая трансформация государственного управления // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 11. С. 6951–6962.

5. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации. URL: https://www.nalog.gov.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

6. Официальный сайт Федерального казначейства Российской Федерации. URL: https://roskazna.gov.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

7. Официальный сайт Федерального агентства по управлению государственным имуществом Российской Федерации. URL: https://rosim.gov.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

8. Официальный сайт для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях. URL: https://bus.gov.ru/ (дата обращения: 23.11.2024).

УДК 347

Мухин Артем Александрович,
студент, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
art0m1krth@gmail.com

Григорьева Марина Александровна,
старший преподаватель, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
m.grigoreva@ksu.edu.ru

О необходимости правового регулирования технологии блокчейн

В статье рассматривается необходимость правового регулирования технологии блокчейн в современных условиях. Проанализированы особенности технологии блокчейн, ее возможности и перспективы применения в различных сферах. Особое внимание уделено правовым аспектам внедрения блокчейн-технологий, в частности, вопросам юридической значимости смарт-контрактов, защиты данных и правового статуса децентрализованных систем. Обозначены ключевые проблемы, связанные с отсутствием нормативной базы,

© Мухин А. А., Григорьева М. А., 2025

а также пути их решения. Уточняются направления дальнейшего развития законодательства для обеспечения безопасности и прозрачности использования технологии блокчейн.

Ключевые слова: *информационные технологии, блокчейн, распределенные реестры, системы, смарт-контракты.*

Mukhin Artyom Alexandrovich,
student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Grigorieva Marina Alexandrovna,
senior lecturer, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

On the need for legal regulation of blockchain technology

The article discusses the need for legal regulation of blockchain technology in modern conditions. The features of blockchain technology, its capabilities and prospects of application in various fields are analyzed. Special attention is paid to the legal aspects of the introduction of blockchain technologies, in particular, the issues of the legal significance of smart contracts, data protection and the legal status of decentralized systems. The key problems associated with the lack of a regulatory framework are identified, as well as ways to solve them. The directions of further development of legislation to ensure the security and transparency of the use of blockchain technology are being clarified.

Keywords: *information technology, blockchain, distributed registries, systems, smart contracts.*

Развитие информационных технологий не только меняет социальные отношения, но и способствует появлению новых цифровых инструментов. Одной из таких передовых технологий, активно внедряемых в систему государственного управления, является технология распределенного реестра, широко известная как блокчейн.

Эта технология уже привела к значительным преобразованиям в таких сферах, как финансовый учет, криптоиндустрия, логистика и энергетика, и продолжает находить применение в различных областях общественной жизни. Блокчейн позволяет оптимизировать процессы, сделать их более безопасными и упорядоченными. Например, Центральный банк Российской Федерации использует эту технологию для проведения финансовых операций, а Министерство здравоохранения РФ применяет ее для хранения медицинских данных.

Технология основана на идее децентрализованной и защищенной системы хранения данных, что гарантирует высокий уровень безопасности и доверия к информации, записанной в блокчейне. Появление такой многофункциональной технологии не прошло не замеченным в научной среде, особенно в области юриспруденции. В этой статье мы намерены не только проанализировать саму технологию блокчейн, но и рассмотреть актуальные проблемы ее правового регулирования в современном контексте Российской Федерации.

Первая система на базе блокчейна, разработанная в 2008 году, представляла собой децентрализованную одноранговую (P2P) систему электронных денежных средств, называемую «биткойн». В связи с этим первое время блокчейн рассматривался чаще всего как инструмент для работы с цифровыми финансовыми активами. Распространение криптовалют способствовало росту интереса к блокчейну и исследованию возможностей данной технологии для распространения на иные сферы деятельности: энергетику, здравоохранение, государственное управление и т. д.

В области аутентификации блокчейн позволяет создавать безопасные и прозрачные системы идентификации, которые исключают возможность подделки документов и данных. Традиционные методы идентификации, основанные на централизованных базах данных, уязвимы к хакерским атакам и внутренним злоупотреблениям. В отличие от них, блокчейн обеспечивает децентрализованный подход, при котором каждый пользователь сети имеет доступ к неизменяемой и проверяемой информации, что значительно повышает уровень безопасности и доверия к процессам аутентификации.

Системы идентификации на основе блокчейна могут быть использованы в различных сферах, например, в области финансовых услуг, здравоохранения, а также в торговле, осуществляющейся онлайн. Например, в финансовом секторе блокчейн может обеспечить безопасную и быструю верификацию личности клиентов, что уменьшает риск мошенничества и упрощает процесс предоставления финансовых услуг. В здравоохранении блокчейн может использоваться для безопасного хранения медицинских данных пациентов, обеспечивая их доступность только для уполномоченных лиц и предотвращая несанкционированный доступ.

Развернутое определение распределенного реестра и блокчейна дано профильным техническим комитетом международной организации по стандартизации (ИСО): блокчейн – это разновидность технологии распределенных реестров, в которой подтвержденные и проверенные группы транзакций хранятся в блоках, связанных между собой в устойчивую к несанкционированному вмешательству и допускающую только дополнение цепочку, начинающуюся с первичного блока, где каждый блок содержит хэш предыдущего блока цепочки [1].

Понятие «распределенный реестр» содержится в п. 7 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ (ред. от 25.10.2024) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, под распределенным реестром понимается совокупность баз данных, в которых тождественность содержащейся информации обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма) [2].

Однако данное определение создает проблему, заключающуюся в том, что под это определение может подпадать любая база данных с собственным алгоритмом и функцией создания резервных копий. Более того, упомянутый закон

регулирует отношения, исключительно связанные с выпуском, учетом и обращением цифровых финансовых активов, спецификой работы операторов информационных систем, где осуществляется выпуск таких активов, и операторов обмена цифровых финансовых активов, а также вопросы, касающиеся обращения цифровой валюты на территории Российской Федерации.

Необходимо учитывать, что сфера применения технологии блокчейн не ограничивается исключительно цифровыми финансами. Поэтому неверно отождествлять технологии блокчейн, распределенный реестр и цифровые финансовые активы и, соответственно, говорить о правовом регулировании блокчейна, рассматривая при этом только правовую регламентацию цифровых финансовых активов [3].

Технологии блокчейн с 2020 года активно использует, в частности, Федеральная налоговая служба, что демонстрирует реальный пример цифровой трансформации в государственном органе. На основе блокчейн ведомство разработало систему для максимально оперативной обработки документов по заявкам предпринимателей и компаний для льготных беспроцентных кредитов и систему машиночитаемых доверенностей, которая в скором времени может заменить систему электронного документооборота. Также в 2022 году при участии ФНС начал работу новый блокчейн-проект для взаиморасчетов между заказчиком и подрядчиками по строительно-монтажным работам.

В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ) технология распределенных реестров не упоминается напрямую. Однако закон регулирует общие принципы работы с информацией и информационными технологиями, что может быть применимо к технологиям, основанным на распределенных реестрах, таким как блокчейн [4].

В зарубежной практике все чаще встречаются прецеденты правового регулирования технологии блокчейн. Например, в 2019 году правительством Швейцарии был одобрен законопроект по адаптации правовых норм к регулированию отрасли виртуальных валют и блокчейна, а во Франции приняты два закона, устанавливающие специальный правовой режим применения технологии блокчейн, а также произошло правовое закрепление термина «блокчейн» [5].

В настоящее время отсутствие четкого определения понятия блокчейн на законодательном уровне создает определенные сложности в правоприменительной практике, что может привести к разночтениям и несоответствиям в интерпретации данного термина в судебных разбирательствах. Развитие соответствующей нормативной базы становится неотложной задачей для обеспечения стабильности и эффективности применения блокчейн-технологии в Российской Федерации.

С учетом изложенного и проведенного правового анализа представляется необходимым совершенствовать законодательство в области как гражданского, так и финансового права, закрепив понятия и правовые режимы технологии

блокчейн, что создаст возможность эффективного правового регулирования, формирования единообразной судебной практики и правоприменения.

Представляется, что в первую очередь правовая регламентация должна быть осуществлена в Гражданском кодексе Российской Федерации и включать в себя определение технологии смарт-контрактов, базирующихся на технологии блокчейн, закреплять допустимость таких форм сделок, а также содержать отсылочные нормы к иным источникам права, а именно – Закону о цифровых финансовых активах, в который целесообразно внести отдельную норму о технологии блокчейн.

Также видится целесообразным создание отдельного Федерального закона «О технологии блокчейн», в котором будет закрепляться правовое регулирование основных понятий и институтов данной технологии.

Таким образом, правовое регулирование блокчейн-технологий становится насущной необходимостью в условиях их стремительного развития и глобального распространения.

Эффективное регулирование должно учитывать баланс между стимулированием технологического прогресса и защитой прав и интересов граждан, бизнеса и государства. Создание унифицированных подходов на национальном и международном уровнях, а также активное участие заинтересованных сторон (разработчиков, юристов, регуляторов) в разработке законодательства, является ключевым шагом для обеспечения стабильного и безопасного развития блокчейн-технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 29.11.2024).

3. ТС307 «Технологии блокчейна и распределенных реестров», стандарт ISO 22739:2020. URL: https://www.iso.org/standard/73771.html (дата обращения: 29.11.2024).

4. Багоян Е. Г. Информационная безопасность и применение технологии блокчейн: зарубежный опыт и необходимость правового регулирования в Российской Федерации // Юрист. 2019. № 3. С. 42–49.

5. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019. 376 с.

УДК 343.2

Попов Артем Алексеевич,
аспирант, Костромской государственный университет,
г. Кострома, Российская Федерация
fbvr8asmhal5@mail.ru

Распределение юридической ответственности между искусственным интеллектом и человеком в России

Распределение юридической ответственности между искусственным интеллектом (ИИ) и человеком в современном российском праве становится все более актуальным вопросом на фоне стремительного развития технологий. Данная статья исследует теоретические и практические аспекты юридической ответственности ИИ, определяет ключевые проблемы законодательства и предлагает возможные подходы к регулированию. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с правовым статусом ИИ, границами ответственности разработчиков, пользователей и владельцев систем ИИ, а также необходимостью адаптации российских правовых норм к новым вызовам цифровой эпохи.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, юридическая ответственность, правовой статус, Россия, технологии, законодательство, регулирование.*

Popov Artyom Alekseevich,
graduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Distribution of legal responsibility between artificial intelligence and human in Russia

The distribution of legal responsibility between artificial intelligence (AI) and humans in modern Russian law is becoming an increasingly relevant issue against the background of rapid technological development. This article explores theoretical and practical aspects of AI legal liability, identifies key legislative problems and suggests possible approaches to regulation. Special attention is paid to the issues related to the legal status of AI, the boundaries of liability of developers, users and owners of AI systems, as well as the need to adapt Russian legal norms to the new challenges of the digital era.

Keywords: *artificial intelligence, legal responsibility, legal status, Russia, technology, legislation, regulation.*

С развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ) возникает множество правовых вопросов, связанных с определением субъекта ответственности за действия, совершаемые автономными системами. В России, как и в других странах, отсутствует четкое законодательное регулирование в этой области, что создает правовые пробелы и увеличивает риски для всех участников правоотношений. Цель данной статьи – проанализировать возможные подходы к распределению юридической ответственности между ИИ и человеком в рамках российского правового поля.

© Попов А. А., 2025

Искусственный интеллект, как объект правового регулирования, представляет собой сложный феномен. С одной стороны, ИИ является продуктом человеческой деятельности, что позволяет рассматривать его как объект права. С другой стороны, автономность ИИ и его способность принимать решения без прямого вмешательства человека, а также его самообучаемость ставят под сомнение традиционные подходы к определению субъекта ответственности. В российском законодательстве отсутствует четкое определение ИИ, что затрудняет применение существующих правовых норм. На сегодняшний день российское законодательство не содержит специальных норм, регулирующих вопросы искусственного интеллекта (ИИ) и распределения ответственности за его действия. Основные правовые рамки задаются общими нормами, которые не учитывают его специфику.

С одной стороны, искусственный интеллект является продуктом человеческой деятельности, созданным в результате интеллектуального труда и технических разработок. В этом контексте ИИ может рассматриваться как объект права, аналогично другим результатам интеллектуальной деятельности, таким как программное обеспечение, базы данных или изобретения. В рамках российского законодательства ИИ может быть отнесен к категории интеллектуальной собственности, что предполагает защиту прав разработчиков и владельцев ИИ-систем.

Однако такой подход не учитывает специфику ИИ, который, в отличие от традиционных объектов интеллектуальной собственности, обладает способностью к автономному функционированию и принятию решений. Это ставит под сомнение применимость классических правовых конструкций и требует разработки новых подходов. Его правовая природа до сих пор остается предметом дискуссий среди ученых, юристов и законодателей, поскольку ИИ сочетает в себе черты как объекта, так и потенциального субъекта права.

Одним из первых шагов в направлении регулирования ИИ стало принятие Федерального закона № 258-ФЗ «О экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» от 31 июля 2020 года [1]. Этот закон позволил создать «правовые песочницы» для тестирования новых технологий, включая ИИ, в условиях, где традиционные нормы могут быть временно приостановлены. Однако данный закон и не решает системных проблем. Еще одним законом в сфере ИИ стал Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [2], а также Кодекс этики в сфере ИИ [3].

Автономность ИИ является ключевым фактором, усложняющим его правовую квалификацию. Современные ИИ-системы способны анализировать большие объемы данных, обучаться на основе полученной информации и принимать решения без прямого вмешательства человека. Это приводит к ситуации, когда действия ИИ могут быть непредсказуемыми и не всегда контролируемыми разработчиками или операторами.

В правовом контексте автономность ИИ ставит вопрос о том, можно ли рассматривать ИИ как субъект права. В традиционной юриспруденции субъектом права является лицо (физическое или юридическое), обладающее правосубъектностью, т. е. способностью иметь права и обязанности. ИИ, будучи искусственной системой, не обладает сознанием, волей или эмоциями, что делает его признание субъектом права спорным.

Тем не менее, в некоторых странах обсуждается возможность введения специального правового статуса для автономных систем, например, концепции «электронной личности». В декабре 2023 года Европейский парламент и Совет ЕС согласовали положения Закона об искусственном интеллекте (AI Act), который направлен на регулирование использования ИИ и рассмотрение связанных с ним правовых аспектов, который был принят Парламентом в марте 2024 года и утвержден Советом в мае 2024 года [4]. Такой подход предполагает, что ИИ может быть наделен ограниченной правосубъектностью, что позволит возлагать на него часть ответственности за совершаемые действия.

Одной из основных проблем в регулировании ИИ является отсутствие четкого юридического определения. В российском законодательстве термин «искусственный интеллект» не закреплен, что создает правовые пробелы и затрудняет применение существующих норм.

Для решения этой проблемы необходимо разработать легальное определение ИИ, которое бы учитывало его ключевые характеристики, такие как:

– способность к обучению и адаптации;

– автономность в принятии решений;

– возможность взаимодействия с окружающей средой и людьми.

Такое определение должно быть достаточно гибким, чтобы охватывать различные типы ИИ-систем, от простых алгоритмов до сложных автономных роботов.

Автономность ИИ создает ряд правовых последствий, которые требуют пересмотра традиционных подходов к ответственности. В частности, возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность за действия ИИ: разработчик, оператор, владелец или сама система.

В настоящее время в российском законодательстве ответственность, как правило, возлагается на человека (физическое или юридическое лицо), который контролирует ИИ-систему. Однако такой подход не учитывает случаи, когда ИИ действует полностью автономно, без прямого вмешательства человека.

Для решения этой проблемы возможно введение смешанной модели ответственности, при которой ответственность распределяется между разработчиком, оператором и, в некоторых случаях, самим ИИ. Например, разработчик может нести ответственность за ошибки в алгоритмах, оператор – за неправильное использование системы, а ИИ – за действия, совершенные в рамках своей автономности.

Основные пробелы в российском законодательстве связаны:

– с отсутствием определения ИИ. В законодательстве нет четкого юридического определения искусственного интеллекта, что затрудняет применение правовых норм;

– неопределенностью субъекта ответственности. Действующее законодательство не предусматривает механизмов распределения ответственности между разработчиками, операторами и автономными системами;

– отсутствием специальных норм для автономных систем. Традиционные правовые институты не учитывают возможность принятия решений ИИ без прямого участия человека.

Для формирования устойчивой и адаптивной правовой базы, способной эффективно регулировать отношения в сфере искусственного интеллекта (ИИ), необходимо реализовать комплекс мер, направленных на устранение существующих пробелов и адаптацию традиционных правовых институтов к новым технологическим реалиям. Ниже представлены ключевые направления, которые требуют научного осмысления и практической реализации.

Принятие специализированного федерального закона, регулирующего вопросы разработки, внедрения и использования ИИ, является необходимым шагом для систематизации правового регулирования в данной области. В рамках такого закона должны быть:

– определены ключевые понятия: введение легальных дефиниций, таких как «искусственный интеллект», «автономная система», «цифровой субъект», позволит унифицировать терминологию и создать четкие правовые рамки для регулирования ИИ;

– установлены критерии степени автономности ИИ: разработка классификации ИИ-систем в зависимости от уровня их автономности (например, полностью автономные, частично автономные, управляемые) позволит дифференцировать правовые режимы и механизмы ответственности;

– предусмотрены механизмы распределения ответственности: закон должен установить четкие правила распределения ответственности между разработчиками, операторами и пользователями ИИ, учитывая степень участия каждого из них в создании и эксплуатации системы.

Принцип «предусмотрительности» (precautionary principle) предполагает, что разработчики и операторы ИИ обязаны учитывать потенциальные риски, связанные с использованием автономных систем, и принимать меры для их минимизации. Реализация данного принципа может включать:

обязательное тестирование ИИ перед внедрением:

– проведение комплексных испытаний на безопасность, надежность и соответствие этическим стандартам;

установление стандартов безопасности и этики:

– разработка нормативных требований к проектированию, обучению и эксплуатации ИИ, направленных на предотвращение дискриминации, нарушения прав человека и других негативных последствий.

создание механизмов мониторинга и контроля:

– внедрение систем постоянного наблюдения за действиями ИИ, включая возможность вмешательства человека в критических ситуациях.

Для учета специфики ИИ необходимо внести изменения в действующие нормы гражданского и уголовного права. В частности:

1) введение понятия «электронной личности» для автономных систем с высокой степенью самостоятельности может быть предусмотрен специальный правовой статус, позволяющий частично признать их субъектность в ограниченных правоотношениях;

2) установление специальных норм ответственности в случаях, когда действия ИИ приводят к причинению вреда, необходимо определить, при каких условиях ответственность может быть возложена на разработчиков, операторов, саму систему или пользователя.

Российская Федерация может использовать опыт зарубежных стран, где уже разрабатываются нормативные акты в области ИИ. Например, Совет Евросоюза окончательно утвердил первый в мире закон об искусственном интеллекте [5]. В 2023 году президент Соединенных Штатов Америки Джо Байден подписал указ о безопасном, защищенном и заслуживающем доверия ИИ, устанавливающий новые стандарты безопасности и обязывающий разработчиков делиться результатами тестирования с правительством [6]. Анализ и адаптация лучших практик позволит России гармонизировать свое законодательство с международными нормами и повысить конкурентоспособность на глобальном уровне.

Для успешной реализации указанных мер необходимо активное взаимодействие государства, бизнеса и научного сообщества.

Государство должно создать благоприятные условия для развития технологий ИИ, включая финансирование научных исследований, разработку стратегических программ и обеспечение прозрачности процесса нормотворчества. Кроме того, важно содействовать международному сотрудничеству в области регулирования ИИ, участвуя в разработке глобальных стандартов и соглашений [7].

Бизнес-сообщество должно активно участвовать в формировании стандартов и лучших практик, предоставлять данные для анализа рисков и вырабатывать предложения по совершенствованию законодательства. Взаимодействие между государством и бизнесом позволит создать сбалансированную правовую среду, которая будет стимулировать инновации и минимизировать риски [7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 04.06.2024).

2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 02.07.2021 № 331-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389015/ (дата обращения: 04.06.2024).

3. Кодекс этики в сфере ИИ. URL: https://ethics.a-ai.ru/ (дата обращения: 16.07.2024).

4. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) and amending certain Union legislative acts. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5662-2024-INIT/en/pdf (дата обращения: 20.07.2024).

5. Regulation of the European Parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (ArtificialIntelligenceAct) URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/PE-24-2024-INIT/en/pdf (дата обращения: 29.06.2024).

6. Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. URL: Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence | The White House (дата обращения: 15.05.2024).

7. Правовое регулирование ИИ в России, регуляторика. URL: https://ai.gov.ru/ai/regulatory/ (дата обращения: 20.11.2024).

УДК 346

Руднов Иван Евгеньевич,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
i.rudnov@bk.ru

Ганжа Наталья Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
n_ganzha@kosgos.ru

Хлестакова Любовь Анатольевна,
кандидат педагогических наук, доцент
Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
l_kukushkina@kosgos.ru

Некоторые вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в условиях трансформации общества в России

В статье раскрывается важность искусственного интеллекта, как одного из многих столпов общественного развития в условиях трансформации общества не только в России, но и в мире. Отмечается важность его правового регулирования и адекватного функциони-

© Руднов И. Е., Ганжа Н. В., Хлестакова Л. А., 2025

рования, в том числе в области защиты прав и свобод человека и гражданина, защиты информации, ее передачи и безопасности. Искусственный интеллект должен подчиняться человеку и регулироваться с точки зрения права, в связи с этим в России нужен Цифровой кодекс для нормального сосуществования человека и технологии искусственного интеллекта.

Ключевые слова: *искусственный интеллект, правовое регулирование, правовые отношения, цифровое право, цифровые технологии, развитие искусственного интеллекта.*

Rudnov Ivan Evgenievich,
undergraduate student, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Ganzha Natalia Vladimirovna,
candidate of law, associate professor, Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Khlestakova Lyubov Anatolyevna,
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Kostroma State University,
Kostroma, Russian Federation

Some issues of legal regulation of artificial intelligence in the context of the transformation of society in Russia

The text of the work reveals the importance of artificial intelligence as one of the many pillars of social development in the context of the transformation of society not only in Russia, but also in the world. The importance of its legal regulation and adequate functioning, including in the field of protection of human and civil rights and freedoms, protection of information, its transmission and security, is noted. Artificial intelligence must obey humans and be regulated from the point of view of law, and therefore Russia needs a Digital codec for the normal coexistence of humans and artificial intelligence technology.

Keywords: *artificial intelligence, legal regulation, legal relations, digital law, digital technologies, artificial intelligence development.*

В современных условиях, когда искусственный интеллект (далее – ИИ) стал одним из основных столпов общественного развития, государству нужно задуматься об его регулировании в правовой сфере. В условиях, когда происходит трансформация общества и общественных отношений как в мире, так в Российской Федерации, перед нами остро стоит вопрос – как внедрить и использовать ИИ, чтобы он функционировал правильно и адекватно, чтобы он был «человечным» и сохранял себя в рамках правового поля.

Согласимся с точкой зрения К. В. Шундикова, который в своей статье указывает на необходимость правового регулирования ИИ в сфере влияния на права и свободы человека и гражданина [5, с. 316] в следующих аспектах:

– должны быть четко определены сферы, где может применяться ИИ;

– ИИ сам по себе как цифровая технология не может нести правовой ответственности за нарушения или ущемление прав и свобод, поэтому нужна четкая позиция правового общества в области санкций, которые должны быть при-

менены как к создателю систем ИИ, так и к тому, кто пользуется, в случае если имеют место быть злоупотребления или нарушения;

– ИИ как механизм выражения свободы слова не должен при этом стать ограничителем той или иной информации;

– ИИ должен обеспечить равноправие сторон при его использовании, на данный момент ИИ успешно с этим справляется, но не стоит забывать, что за каждым пользователем стоит человек, следовательно, механизм равноправия априори несовершенный;

– сложный вопрос касается защиты данных и конфиденциальности, если без Интернета защитить возможно и можно, то что будет когда ИИ, подключенный к Интернету и цифровому пространству, будет введен в сферу правоприменения, когда такая защита просто перестанет существовать.

Еще одни аспект, в том числе с точки зрения права, на который обществу и государству нужно четко ответить – что есть ИИ?

Исторически сложилось, что все этом мире, созданное искусственно, функционирует, потому что есть человек. Но сейчас, когда изменения общества идут на всех уровнях и во все стороны, государство и общество четко должно ответить – ИИ самостоятельная единица правовых отношений или он принадлежит человеку и не нужно ничего создавать и регулировать [2, с. 246].

С одной стороны ИИ помогает и упрощает жизнь человеку, и мы просто не замечаем, как это все функционирует и работает. Но с другой стороны ИИ настолько опередил время, насколько опередил развитие права, и на данном этапе пока невозможно определить, как его регулировать. То есть ИИ до сих пор регулируется нормами «старого миропорядка», а новые нормы создать априори невозможно, так как мы еще не поняли, что такое ИИ.

Таким образом уже сама юридическая наука, как и само государство вынуждены будут испытать на себе формирование нового права, где ИИ будет выделен в отдельную отрасль, охватывающую все сферы жизни общества.

Что же касается вопроса о применении ИИ в праве, то в этом случае можно четко выделить два вопроса на которые нужно дать четкий ответ.

Первый вопрос касается правотворчества и нормотворчества: ИИ как эффективный механизм действительно ли сам способен создать нормы права на основе заложенного алгоритма и выдать нужный результат [4, с. 16].

Второй вопрос касается использования в области действия права и правовых норм: ИИ ограничен алгоритмом и механизмом применения, так как невозможно учесть все многообразие общественных и личных отношений, которые существуют в нашем мире.

Мнения в исследовательской и экспертной среде в целом схожи и сводятся к тому, что ИИ нужно начать регулировать, пока есть возможность создать понятную и эффективную модель правовой реальности [1, с. 81; 5, с. 321].

В связи с вышеизложенным предлагается внести изменения в Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [3], а именно: дополнить п. 24 предложением следующего содержания «и) правительству Рос-

сийской Федерации совместно с заинтересованными лицами и организациями начать разработку в Российской Федерации Цифрового кодекса для формирования основ регулирования искусственного интеллекта».

В случае принятия предложенных дополнений будет решена комплексная задача по регулированию общественных отношений в этой сфере, будет сформирована единая система и отрасль права, которая станет базой и опорой правового развития ИИ. В Указе Президента уже содержится пункт о создании нормативно-правового регулировании ИИ, но этого недостаточно, так как в условиях современности, нужен фундаментальный объединяющий и выверенный правовой акт – Цифровой кодекс.

В заключении можно отметить следующие – условия и реальность диктуют нам, что мы должны меняться быстрыми темпами и цифровые технологии должны обеспечить нам эти изменения. Но мы должны усвоить одну истину – ИИ никогда не заменит человека, поэтому ИИ должен быть лишь помощником и не выходить за рамки интернет-пространства и правового поля. В связи с этим можно прийти к следующей аксиоме – ИИ должен стать отдельным институтом в праве, следовательно, его введение в различные сферы должно базироваться на Цифровом кодексе. Идеальным вариантом видятся дальнейшее следование уже существующей тенденции развития в сфере информационных технологий, повышение цифровой грамотности населения и формирование условий для положительного влияния цифровизации на правоприменительную деятельность нашего государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.

2. Соколова А. А. Вызовы искусственного интеллекта в юриспруденции: междисциплинарная модель познания // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 245–249.

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.12.2024).

4. Шеховцов В. А., Парин Д. В. Право и юриспруденция в реалиях цифровой эпохи. URL: http://www.cyberleninka.ru/article/n/pravoi-yurisprudentsiya-v-realiyah-tsifrovoy-epohi (дата обращения: 28. 01. 2025).

5. Шундиков К. В. Искусственный интеллект в российском правосудии: состояние и перспективы // Образование и право. 2023. № 8. С. 315–321.

УДК 34.09

Цветков Глеб Юрьевич,
магистрант, Костромской государственный университет
г. Кострома, Российская Федерация
glebtsvetkov01@mail.ru

Правовая природа цифровых платформ

Статья посвящена анализу правовой природы цифровых платформ. Автор отмечает, что легальная дефиниция цифровых платформ отсутствует, в связи с чем исследуется отечественная и зарубежная научная доктрина в указанной области. В результате на основании характерных признаков было сформулировано авторское определение. Также отмечается, что законодательство по рассматриваемой теме фрагментарное и неполное. Автором исследована сущность цифровых платформ и обозначены перспективы развития данной категории.

Ключевые слова: цифровизация, платформы, цифровые платформы, социальное взаимодействие, посредничество, цифровые технологии.

Tsvetkov Gleb Yurievich,
undergraduate student, Kostroma State University
Kostroma, Russian Federation

The legal nature of digital platforms

This article is devoted to the analysis of the legal nature of digital platforms. The author notes that there is no legal definition of digital platforms, and therefore the patronymic and foreign scientific doctrine in this area is being investigated. As a result, the author's definition was formulated on the basis of characteristic features. It is also noted that the legislation on the topic under consideration is fragmentary and incomplete. The author examines the essence of digital platforms and outlines the prospects for the development of this category.

Keywords: *digitalization, platforms, digital platforms, social interaction, mediation, digital technologies.*

В современном экономическом и социальном взаимодействии важным элементом стали цифровые платформы. В условиях быстрого технологического прогресса, проникновения цифровизации во все сферы жизнедеятельности общества, возникает необходимость в четком понимании правовых рамок, внутри которых функционируют цифровые платформы. Несмотря на то, что различные цифровые платформы стали неотъемлемой частью жизни общества, их правовая природа часто остается неопределенной, что создает трудности в правоприменении.

Легальная дефиниция «цифровая платформа» отсутствует. Цифровые платформы используются в различных сферах деятельности, в связи с чем в доктрине имеется большое число определений данного понятия.

© Цветков Г. Ю., 2025

Одни авторы [6] рассматривают цифровые платформы как информационно-экономическую структуру (систему), отмечая, что она представляет собой набор определенных элементов: предприятие, система взаимоотношений, бизнес-модель, информационная система, парадигма онлайн-сервисов.

Другие исследователи [7] указывают, что цифровая платформа является «разновидностью многосторонних платформ и представляет собой гибридные структуры, ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия».

Ряд авторов [5] под цифровой платформой понимают «совокупность цифровых технологий, продуктов или услуг, обеспечивающих технологическую основу, на которой внешние пользователи (компании) могут создавать собственные дополнительные продукты, технологии или услуги».

Многие ученые, изучая узкие направления, используют рассматриваемый термин узконаправленно, к примеру, в предпринимательских правоотношениях [2], как платформу для нормотворчества [4] и др.

Изучая иностранную научную литературу, можно отметить, что зарубежные авторы также не имеют однозначной позиции относительно термина цифровая платформа и трактуют его с разных позиций.

Некоторые иностранные авторы основывают данный термин на техническом обобщении [8], другие подходят к пониманию цифровых платформ через социальную среду [9], следующие базируется на позиции, что цифровые платформы являются основой для разработки третьими сторонами дополнительных продуктов или услуг [10].

Анализируя различные авторские подходы, мы пришли к выводу, что цифровая платформа является многозначным термином и может рассматриваться как а) программное обеспечение, б) технически сложное устройство, состоящее из оборудования и обслуживающего его программного обеспечения, в) некоторый продукт, который позволяет обмениваться информацией между людьми удаленно, г) абсолютно любая платформа, созданная с помощью современных информационных технологий.

На наш взгляд, цифровые платформы представляют собой сложные информационные системы, размещенные в конкретной точке информационного пространства, обеспечивающие выполнение функций взаимосвязи между участниками рынков, открытые для использования клиентами и партнерами, разработчиками приложений, поставщиками услуг и агентами.

На международном уровне регулирование цифровых платформ представляет собой сложную задачу из-за различий в правовых системах стран, а также из-за глобального характера цифровых платформ. В некоторых странах, таких как Китай, существуют строгие механизмы контроля за цифровыми платформами, в то время как в Европейском Союзе и США в последние годы активно обсуждаются вопросы защиты данных и цифровых прав.

Отечественное правовое регулирование в данной сфере основано на конституционных положениях, согласно которым, на первом месте в качестве объекта правовой охраны стоит личность (ст. 2 Конституции РФ) [1]. Законодателем предпринимаются попытки урегулировать цифровую сферу, в частности,

цифровые платформы, однако федеральное законодательство в рассматриваемой части отличается фрагментарностью и неполнотой. По нашему мнению, регулирование цифровых платформ должно учитывать следующие аспекты:

1) необходимость защиты прав потребителей и предотвращение злоупотреблений со стороны операторов платформ (например, монополизация, сбор и использование данных пользователей);

2) цифровые платформы, обладая значительной рыночной властью, могут создавать барьеры для входа на рынок, что требует более строгого контроля со стороны антимонопольных органов;

3) с учетом обработки огромных объемов персональных данных вопрос защиты конфиденциальности и безопасности данных пользователей остается ключевым в регулировании цифровых платформ.

Правовая природа цифровых платформ может рассматриваться через несколько следующих призматических аспектов.

Во-первых, их юридический статус. Цифровые платформы зачастую функционируют в качестве посредников, предоставляя услуги (например, Avito, Ozon, Wildberries), при этом, не берут на себя полную ответственность за информацию, размещаемую пользователями на платформе. Вопрос об ответственности в данной области остается дискуссионным до настоящего времени, в некоторых странах существуют законы, которые освобождают владельцев цифровых платформ от ответственности, если они не являются активными модераторами. В рамках традиционного регулирования, посредники (например, владельцы торговых площадок) не несут ответственности за действия сторон, если не осуществляют активное участие в деятельности пользователей. Однако в случае цифровых платформ, где алгоритмы и искусственный интеллект играют ключевую роль, а также учитывая огромные масштабы деятельности платформ, вопрос ответственности становится более сложным.

Во-вторых, заключение соглашений на цифровых платформах, ведь их использование подразумевает принятие пользователем условий обслуживания, и, как следствие, создает правовые обязательства сторон. Отмечается, что нередко возникают вопросы о справедливости пользовательских соглашений, ведь они имеют однозначный характер по формуле «либо принимай соглашение, либо уходи» [3].

Несмотря на различие в функциональных назначениях, все цифровые платформы, в сущности, объединяет наличие роли посредника, который координирует взаимодействие сторон, предоставляет инфраструктуру и инструменты для эффективного обмена.

Таким образом, цифровые платформы представляют собой сложный и многогранный феномен, который требует внимательного изучения и всестороннего правового регулирования. Определение их правовой природы остается задачей, которая подвергается обширной дискуссии по всему миру. Представляется, что важно выработать гибкие, но четкие правовые механизмы, которые будут способствовать не только эффективному функционированию платформ, но и обеспечению защиты прав пользователей и поддержанию конкурентной среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенарод. голосованием 12.12.1993 : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 17.11.2024).

2. Белякова А. К., Бессонов И. С. Цифровая платформа МСП. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-platforma-msp (дата обращения: 17.11.2024).

3. Гасанов А. Я. Оглы Правовая природа пользовательских соглашений оказания услуг с использованием цифровых технологий. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-polzovatelskih-soglasheniy-okazaniya-uslug-s-ispolzovaniem-tsifrovyh-tehnologiy (дата обращения: 18.11.2024).

4. Дидидзе Л. Ш. Понятие цифровых платформ и перспективы его правовой трансформации. URL: https://moluch.ru/archive/471/104113/ (дата обращения: 17.11.2024).

5. Елизаров А. М., Липачев Е. К. Цифровые платформы и цифровые научные библиотеки. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-i-tsifrovye-nauchnye-biblioteki (дата обращения: 18.11.2024).

6. Ниязова Ю. М., Гарин А. В., Злыднев М. И. Цифровая платформа как информационно-экономическая структура. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-platforma-kak-informatsionno-ekonomicheskaya-struktura (дата обращения: 18.11.2024).

7. Рожков Е. В. Управление цифровыми платформами. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-tsifrovymi-platformami (дата обращения: 18.11.2024).

8. Digital platform ecosystems / Hein A., Schreieck M., Riasanow T., Soto Setzke D., Wiesche M., Böhm M., Krcmar H. URL: https://www.mendeley.com (дата обращения: 19.11.2024).

9. Foong Consumer adoption of on-demand digital platforms: Anintegrated model / Tze-Yin Lim, Bibiana Chiu-Yiong Lim, Choi-Meng Leong, Ing Grace Phang, Weng Heng. URL: https://www.mendeley.com (дата обращения: 18.11.2024).

10. Faculty experience and digitalplat forms in education / Vanessa Martins dos Santos, Adrian Kemmer Cernev, Guilherme Marzol Montandon Saraiva, Adriano Gonçalves Bida. URL: https://www.mendeley.com (дата обращения: 18.11.2024).

Научное издание

**«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА:
ОТ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ»**

Сборник трудов
XXI Всероссийских декабрьских юридических чтений
в Костроме

Всероссийская научно-практическая конференция
(к 160-летию судебной реформы
и 80-летию Костромской области)

(г. Кострома, 12–13 декабря 2024 года)

С о с т а в и т е л и :
Н. В. Ганжа, О. В. Плюснина,
И. Н. Мельников, Д. Н. Лукоянов,
А. С. Евстегнеев, А. Г. Сироткин,
Л. А. Хлестакова

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р :
Г. Г. Бриль

16+

Текстовое электронное издание на компакт-диске

Верстка О. В. Тройченко
Дизайн обложки И. М. Ивановой

Выполнено с использованием программы Microsoft Office Word 2007

Системные требования:
ПК не ниже класса Pentium IV; 512 Mb RAM; свободное место на HDD 1,5 ГБ;
Windows XP с пакетом обновления 3 (SP3) и выше; Adobe Acrobat Reader;
интегрированная видеокарта с памятью не менее 32 МБ;
CD или DVD привод оптических дисков;
экран с разрешением не менее 1024×768 пикс.; клавиатура; мышь

Подписано к использованию *01.04.2025.* 4,3 МБ. [П. л. 25,0].
Заказ *35.* Электронное издание. Тираж 300

Издательско-полиграфический отдел
Костромского государственного университета
156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17/11.
Тел. 63-49-00, доп. 3110, e-mail: ipo@kosgos.ru

Титул | Сведения об издании | Выпускные данные | Содержание